СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ,

КНИЖКА ПЕРВАЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ ИЗЪ ТРУДОВЪ:

А. Ѳ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Даля, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ѳ. Энгельке,

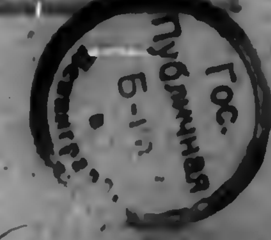
КНЯЗЕМЪ В. Ѳ. ОДОЕВСКИМЪ И А. П. ЗАБЛОЦКИМЪ.

(*Изданіе третье.*)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1841.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 18-го Іюня 1844 года.

Цензоръ С. Куторга.

Въ типографіи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись; но учись доброму, тогда и дурное на умъ не пойдетъ. Была бы охота, учиться не трудно; а не въ примѣръ легче тому, кто знаетъ грамоту. Грамота на то и выдумана, чтобъ легче было учиться. Кто грамотенъ—читай эту книжку самъ, читай и другимъ; пусть слушаютъ да научаются. Лучше слушать доброе, чѣмъ болтать пустое, да думать грѣшное. А въ этой книжкѣ напечатано все такое, что не мѣшаетъ знать каждому. Прочтешь разъ, прочти въ другой и въ третій. А выразумѣешь все, тогда напечатаемъ другую такую книжку.

О ТОМЪ ЧТО ВЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ЕСТЬ, КѢМЪ РАЗСКАЗАНО, И НА КОТОРОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА ИЛИ СТРАНИЦЪ НАПЕЧАТАНО.

ОТЕЦЪ ВАСИЛІЙ.

Куда, подумаешь, великое, благотворное и спасительное дѣло — сельскій священникъ для своего прихода! Облеченный властію учительства, священно-дѣйствія и управленія, или пасенія словесными овцами, отъ самаго Іисуса Христа (Матѳ. 28, 19, 20 и Еѳесс. 4, 11, 12) и поставленный на это великое служеніе самимъ Духомъ Св. (Дѣян. 20, 28), Пастырь церкви просвѣщаетъ умы своихъ пасомыхъ небеснымъ свѣтомъ Православной Вѣры, освящаетъ всю жизнь ихъ, отъ рожденія до могилы, таинствами Вѣры и руководитъ ихъ къ жизни добродѣтельной, чистой, непорочной и къ добросовѣстному исполненію высокихъ Христіанскихъ обязанностей. Онъ споработникъ у Бога, приходъ его есть нива Божія (1. Коринѳ. 4, 1); отъ Бога получаетъ онъ все довольство или способность быть служителемъ Новаго Завѣта (2. Коринѳ. 3, 6); онъ Ангелъ Господа Вседержителя (Малахіи 2, 7),

соль и свѣтъ для своего прихода (Мато. 5). Когда онъ учитъ, священнодѣйствуетъ и управляетъ своимъ словеснымъ стадомъ; то все это дѣйствуетъ чрезъ него самъ Іисусъ Христосъ и Духъ Святый (Мато. 10, 40. Луки 10, 16). Подлинно, благодать небесная надъ всѣмъ тѣмъ приходомъ, который Господь Богъ благословляетъ пастыремъ, коего гласу слушаютъ словесныя его овцы.

Въ молодости моей знавалъ я одного сельскаго священника, отца Василія; — онъ былъ человѣкъ любившій заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ, велъ жизнь самую христіанскую и былъ истинный пастырь своего духовнаго стада. Да вотъ лучше я вамъ поразскажу кой-что о немъ; вы эдакъ скорѣе съ нимъ познакомитесь.

Село Покровское, въ которомъ отецъ Василій былъ священникомъ, стоитъ на большой дорогѣ. Однажды лѣтомъ выгорѣло оно отъ грозы почти все до тла; тѣ изъ крестьянъ, которые были побѣднѣе, не вдругъ поправились, и въ первый годъ одни выходили на пепелища своихъ домовъ, другіе на большую дорогу, просить имянемъ Христовымъ у проѣзжающихъ милостину. Всѣхъ усерднѣе занималась этимъ одна вдова, по имяни Өедосья. У нея было четверо сыновей; старшій

парень лѣтъ двадцати, былъ на ту пору въ отлучкѣ. Вотъ межъ тѣмъ сдѣлано было пособіе погорѣвшимъ; избы выстроились, мужички обзавелись опять всѣмъ нужнымъ, поправились, и разумѣется перестали христорадничать. Одна Ѳедосья, хоть и у нея ужъ была новая изба и по милости добрыхъ людей все необходимое, продолжала по прежнему выходить каждый день на большую дорогу, кланялась всѣмъ проѣзжающимъ и кричала: «батюшка, кормилецъ! подай Христа-«ради на погорѣлое!» Вотъ прошелъ годъ, старшій сынъ ея женился; прошелъ другой, меньшіе подросли; ребяты вышли все такіе знатные, работящіе, всѣ жили вмѣстѣ, мать свою почитали; чего-бы кажется?... Такъ нѣтъ: Ѳедосьѣ все дома не сидится! Полюбилось ей быть побирашкою; видно отъ того, что денежка-то легко достается. Ступай-ка работай, жни, поли, молоти, — спина заболитъ: а тутъ что? протягивай только руку! — «Матушка!» говаривалъ ей часто старшій сынъ «полно тебѣ милостинку просить? что ты насъ «порочишь? побойся Бога! что тебѣ ѣсть чтоль «нечего? одѣться чтоль не во что? вѣдь всѣ «добрые люди тебя осуждаютъ, а надъ нами «смѣются!» Вотъ Ѳедосьѣ какъ будто-бы и стыдно станетъ, — посидитъ эдакъ денька два, три дома, а тамъ глядишь, спуститъ сыновей

со двора, а сама шмыгъ на огородъ, да задами и проберется на большую дорогу.

Однажды пришелъ къ Ѳедосьѣ отецъ Василій дать молитву внучкѣ, которая родилась ей отъ старшаго сына. Послѣ молитвы присѣлъ онъ, какъ водится, за столъ, съѣлъ кусочикъ пирога, и сказалъ Ѳедосьѣ, которая суетилась около стола: «полно, Ѳедосья, хлопотать, садись-ка подлѣ меня, да побесѣдуемъ.»

Ѳедосья поклонилась въ поясъ и сѣла на скамью.

—«Ну что, дочь моя духовная»—продолжалъ отецъ Василій—«какъ Господь тебя милуетъ?»

—«Слава Богу, батюшка, слава Богу!»

—«Кажется, въ дому вашемъ все въ изобиліи, хлѣбецъ родился у васъ, я слышалъ, самъ-девятъ; говорятъ, на прошлой недѣлѣ вы третью коровку купили.»

—«Купили, батюшка.»

—«А объ животахъ и говорить нечего.»

—«Да, отецъ Василій—сказалъ старшій сынъ—«лошади у насъ знатныя; если Богъ поможетъ и матушка благословитъ, такъ въ нынѣшнемъ году другую тройку заведу!»

—«Заводи, Ванюша, заводи! тебѣ Господь во всемъ поможетъ, ты самъ Его не забываешь, въ церковъ Божью ходишь; человѣкъ ты работящій, не гуляка, съ женою живешь

ладно, мать свою почитаешь, не правда ли Өедосья? Вѣдь ты старшая въ дому?»

—«Я, батюшка, я!»

—«Вѣдь всѣ твои сыновья и сноха твоя изъ повиновенія у тебя не выходятъ?»

—«Нѣтъ, батюшка! — сохрани Господи.»

—«Вотъ то-то Өедосья! — какъ-же тебѣ не совѣстно: Богъ тебя наградилъ всѣмъ; а ты ходишь на большую дорогу милостинку просить!»

—«Такъ чтожъ, батюшка? — пусть меня за это позорятъ окаянную грѣшницу; а я все-таки знаю, что Господь Богъ нищую братью любитъ.»

—«Да развѣ ты нищая? — ты баба здоровая, благодаря Бога, сыта, одѣта, ни въ чемъ не нуждаешься; — эхъ Өедосья, Өедосья! жаль мнѣ тебя!»

—«А что кормилецъ!»

—«Да такъ! — здѣсь-то тебѣ хорошо; а каково-то будетъ на томъ свѣтѣ.»

—«Ахъ батюшка! да чѣмъ же я грѣшная хуже другихъ?»

—«А вотъ чѣмъ, Өедосья: мы всѣ грѣшники, да у каждаго свои только родные грѣхи, а на тебѣ и своихъ грѣховъ довольно, да и чужихъ не перечтешь.»

—«Что ты, отецъ Василій! да за что жъ мнѣ отвѣчать за чужіе грѣхи?»

— «Какъ за что? — да развѣ тебѣ даромъ подаютъ милостину? — я ужъ не разъ тебѣ говорилъ: — «эй Ѳедосья, уймись просить подаянія Христовымъ имянемъ — не унимаешься — такъ вотъ же тебѣ мой приказъ: за каждаго кто подастъ тебѣ, чтобы ни подалъ, денежку-ли, пятакъ-ли, все равно, клади по сту земныхъ поклоновъ.»

— «Помилуй батюшка! да эдакъ мнѣ придется съ утра до вечера все класть земные поклоны.»

— «Чтожъ дѣлать, голубка; нанялась, такъ работай! — послушай-ка, что я тебѣ разскажу.»

— «Въ одномъ монастырѣ, въ которомъ всѣ чернецы были люди благочестивые, спасался въ затворѣ святый старецъ, постомъ и молитвою, служа денно и ночно Господу Богу. Вотъ случилось одному доброму человѣку пріѣхать въ этотъ монастырь на богомолье. Видя христіанское и богоугодное житіе всѣхъ иноковъ, онъ надѣлилъ ихъ щедрой милостиною, далъ каждому чернецу по серебряной монетѣ, а затворнику подалъ въ окно золотую. Святый старецъ принялъ милостину, и простоявъ по обыкновенію почти всю ночь на молитвѣ, къ утру заснулъ. Вотъ видитъ онъ во снѣ, будто передъ нимъ широкое поле, а на немъ вся монастырская братія, и всѣ въ большомъ трудѣ, работаютъ даже до крова-

ваго пота, вырывая съ корнемъ терновникъ, шиповникъ, крапиву, и всякое другое колючее быліе, которымъ сплошъ поросло все это поле. Около чернецовъ ходятъ какіе-то строгіе приставники и понуждаютъ ихъ трудиться безостановочно, говоря, что не будетъ имъ отдыху, пока они все поле не очистятъ. Вотъ одинъ изъ этихъ грозныхъ мужей подходитъ къ святому старцу и говоритъ ему суровымъ голосомъ: «а ты что стоишь, сложа руки? вѣдь и ты также нанялся работать, да еще взялъ вдесятеро дороже другихъ; или ты не знаешь, что эти тернія и колючая трава, грѣхи того человѣка, который подалъ тебѣ вчера золотую монету? принявъ его милостину, ты взялъ его грѣхи на себя, ступай же старецъ, работай! а коли тебѣ покажется тяжело, такъ вспомни, что ты самъ охотно пошелъ въ наемники, и теперь хочешь или не хочешь, а трудись!» — Святый старецъ обмеръ отъ ужаса, и когда онъ проснулся, то схватилъ золотую монету, выкинулъ ее за окно и сказалъ: — «Пропадай ты, окаянное золото! куда мнѣ грѣшнику брать на себя чужіе грѣхи, я и отъ своихъ-то не знаю куда дѣваться!»

— «Ну!» — продолжалъ отецъ Василій — «видишь-ли Ѳедосья: праведный старецъ, затворникъ, и тотъ не посмѣлъ взять на себя чужое бремя, а ты что такое?»

— «Такъ, батюшка, такъ!» — вскричала Ѳедосья, залившись слезами, — правда твоя! ахъ я глупая, глупая, сгубила свою душеньку!»

— «Нѣтъ, Ѳедосья, коли ты въ этомъ грѣхѣ искренно раскаешься; такъ не сгубила. Ну что, будешь ли впредь просить милостину?»

— «Сохрани меня Господи!»

— «То-то же голубка! подумай-ко хорошенько: ты вѣдь живьмя жила на большой дорогѣ, а дома-то кто хозяйничалъ? кто работалъ? все твоя бѣдная, безъотвѣтная сноха. Она съ утра до вечера рукъ не положитъ; а ты только свою ручку протягиваешь! а небось какъ придетъ время обѣдать, такъ залезешь въ переднiй уголъ! нѣтъ Ѳедосья! трудись, работай: Богъ трудъ любитъ; да не забывай, что говоритъ Святый Апостолъ Павелъ: «кто не хочетъ работать, такъ тотъ и не ѣшь!»

— «Слушаю, батюшка! буду помнить!»

— «А забудешь, такъ я опять напомню» — продолжалъ священникъ вставая, — «теперь прощай покамѣстъ; Богъ да благословитъ тебя и да укрѣпитъ въ благомъ твоемъ намѣренiи!»

Съ этого дня Ѳедосья никогда уже не выходила на большую дорогу просить милостину, и всѣ деньги, которыя скопила въ два года, раздала настоящимъ нищимъ, то есть, дряхлымъ, недужнымъ, безкровнымъ сиротамъ,

и не имѣющимъ дневнаго пропитанія, — приговаривая всякой разъ: — «помолитесь за грѣхи тѣхъ, которые подавали мнѣ милостину!»

Есть на Руси поговорка, что скорѣе два медвѣдя уживутся въ одной берлогѣ, чѣмъ двѣ невѣстки въ одномъ дому; къ несчастью, эта пословица рѣдко не сбывается на самомъ дѣлѣ. Въ томъ же селѣ Покровскомъ жилъ крестьянинъ лѣтъ шестидесяти пяти, по имяни Федотъ Андреевъ, человѣкъ набожный, и очень добрый. — Съ годъ тому назадъ умерла у него жена, и хотя онъ не вовсе осиротѣлъ, потому что у него было двое женатыхъ сыновей, которые жили съ нимъ вмѣстѣ; но всѣ замѣчали однакожъ, что старикъ больно горевалъ о своей покойницѣ, и даже подъ конецъ года казался грустнѣе, чѣмъ на первыхъ порахъ. Однажды Федотъ Андреевъ остался послѣ обѣдни въ церквѣ, чтобъ справить годовщину по своей покойной женѣ. Когда отпѣли панихиду, отецъ Василій сказалъ ему: — Послушай-ка, дѣдушка Федотъ, что ты это все грустишь? Вѣдь слишкомъ продолжительное гореваніе есть ропотъ противъ Господа. Кто говоритъ, не легко похоронить жену; да вѣдь мы, благодаря Бога, Христіане, и должны знать, что не на всегда разстаемся съ тѣми, кого любимъ. Ты старикъ

богобоязливой, покойница твоя была также человѣкъ благочестивый, и умерла настоящею христіанкою, такъ вы растались только на время.»

—«Такъ, батюшка» отвѣчалъ Федотъ, «Да не о томъ я горюю; пока была жива моя покойница, въ домѣ у меня все было ладно; тишь да гладь, да Божья благодать; — а теперь какъ вмѣсто одной хозяйки стало двѣ, такъ вовсе хоть изъ дому вонъ бѣги.»

—«Какъ такъ? — Да вѣдь кажется обѣ снохи твои женщины добрыя, и объ нихъ ничего худаго не слышно.»

—«Правда, батюшка, правда!»

—«Обѣ онѣ усердны къ церквѣ Божіей, а особливо Федора, никогда заутрени не проспитъ.»

—«За то Лукерья» — прервалъ старикъ — «такая жалостливая для бѣдныхъ, что и сказать не льзя.»

—«Такъ чтожъ такое? — Развѣ онѣ къ тебѣ не почтительны?»

—«Нѣтъ, отецъ Василій, грѣхъ сказать! — Меня онѣ почитаютъ и мужей своихъ слушаются; да межъ собой-то живутъ не ладно, — ну вотъ не выдетъ денька, чтобъ у меня не было въ дому какого нибудь погрома; грызутся съ утра до вечера; словно цѣпныя собаки.»

— «Вотъ что! — Да, конечно! — Двумъ хозяйкамъ въ одномъ дому трудно поладить. Для этого нужна великая добродѣтель.»

— «Отецъ Василій! Попытайся-ко, поговори ты съ ними!»

— «Изволь, любезный! — Я зайду къ тебѣ сегодня послѣ вечерни; да только съ уговоромъ, Федотъ, чуръ ни чѣмъ не угощать!»

— «Власть твоя, батюшка, а ужъ бражки выкушай!»

— «Нѣтъ старикъ! у меня есть своя брага почище твоей: родниковая водица. Эту брагу Самъ Господь Богъ создалъ на потребу человѣка. — Ну прощай покамѣсть.»

Вотъ какъ солнышко стало садиться, отецъ Василій подошелъ къ избѣ Федота. Старикъ сидѣлъ на завалинѣ, сыновья его убирали на дворѣ лошадей, а двѣ невѣстки стояли у воротъ, и перебранивались межъ собою. «Видишь барыня какая!» говорила Лукерья, не хочешь ни за что взяться. Что я тебѣ работница чтоль досталась?»

— «Да ты-то сама что дѣлаешь? — перервала ея Федора.

— «Какъ что? — Ахъ ты обидчица эдакая!.... А квашню-то кто замѣсилъ? — Хлѣбы-бы кто сажалъ?»

— «Такъ чтожъ? — За то я весь день за краснами сидѣла.

— «За красками!.... Да! — Неча сказать — много надѣлала! — Все по сторонамъ зѣвала, — бѣлоручка эдакая!»

— Сама ты бѣлоручка! — Да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ, Лукерья, словно свекровь на меня покрикиваешь!»

— «Что вы это молодицы?» сказалъ священникъ, «ни какъ ссоритесь?»

— «Да какъ же батюшка» — отвѣчала Федора — «обидчица эдакая, не даетъ мнѣ проходу, все ругается.»

— «Вретъ она, батюшка!» вскричала Лукерья — «Не слушай ее! — Злющая!.. Дура эдакая!....»

— «Что ты, что ты Лукерья! — Христосъ съ тобой! — Охъ вы бабы, бабы! Чѣмъ бы вамъ жить душа въ душу, какъ роднымъ сестрамъ...!

— «Нѣтъ воля твоя, батюшка» — закричала Лукерья, «не спущу я никогда этой озарницѣ!»

— «Вотъ она какова!« — прервала Федора — «сама озаруетъ, а все на меня!»

— «Полно-те, полно-те! — Что вы это глупыя! — сказалъ священникъ, да знаете ли вы какой это грѣхъ, когда двѣ невѣстки живутъ межъ собой въ раздорѣ? — И какъ радуется Господь и веселятся всѣ силы небесныя, когда въ семьѣ всѣ любятъ другъ друга, и живутъ въ мірѣ и согласіи. Да вотъ присядем-те-ка на завалинку, такъ я вамъ разскажу,

что читалъ вчера въ житіяхъ Святыхъ. Ну вотъ такъ!.. Федорушка! Ты чай знаешь въ нашей церквѣ икону Святаго Макарія Египетскаго.

— «Какъ же батюшка,» — отвѣчала Федора — «я прошлое воскресенье свѣчу ему поставила!»

— «А знаешь ли ты, кто былъ этотъ преподобный Макарій?

— «Великій Угодникъ Божій, батюшка.»

— «Такъ, Федора, такъ! — Точно великій. Теперь слушайте меня: однажды какъ онъ стоялъ на молитвѣ, былъ ему гласъ свыше: «Макарій! не дошелъ ты еще до такой праведности, до какой дошли двѣ жены, которыя живутъ вмѣстѣ, въ ближайшемъ отъ тебя городѣ.» Вотъ преподобный Макарій отправился на другой день въ городъ, и отыскалъ, гдѣ онѣ живутъ.....

— «Чтожъ онѣ, батюшка» — спросила Федора — «монахини чтоль были?»

— «Нѣтъ!» — отвѣчалъ священникъ. — «Такія же какъ вы мірскія жены. — Вотъ преподобный сталъ ихъ распрашивать, чѣмъ онѣ могли угодить такъ Господу Богу? — «Помилуй, батюшка Макарій» — отвѣчали онѣ — «какой ты пришелъ искать въ насъ святости, мы женщины простыя, живемъ съ мужьями также какъ и всѣ другія жены; — хотѣлось бы намъ

идти въ монастырь, да мужья не пускаютъ: такъ мы дали обѣщаніе, — неговорить никогда никакого дурнаго слова, — вотъ и все.»

— Ну какъ ты думаешь, Лукерья: за что жъ Господь такъ возлюбилъ этихъ двухъ женщинъ?»

— «Не вѣдаю, батюшка!»

— «А вотъ за что: эти двѣ женщины также какъ вы, были за двумя родными братьями, и живя пятьнадцать лѣтъ сряду въ одномъ дому, не только никогда не ссорились; но даже ни одного досаднаго слова другъ отъ друга не слышали, а всегда жили душа въ душу, какъ родныя сестры. Ну видите ли, голубушки, какъ велика передъ Господомъ любовь двухъ невѣстокъ, и какой тяжкой и смертный грѣхъ, если онѣ живутъ въ раздорѣ и безпрерывно гнѣвятъ Бога своей злобою. Подумайте сами: коли вы не дѣлаете того, что такъ любезно для Бога; такъ можетъ ли быть надъ вами Его благословеніе? — А вѣдь безъ Божьяго благословенья, нѣтъ для человѣка и спасенья: такъ ли голубушки?»

— «Такъ, батюшка, такъ! — сказали обѣ невѣстки, робко поглядывая другъ на друга.»

— «Ты Федора» — продолжалъ священникъ — «хоть каждое воскресенье ставь по десяти свѣчей передъ иконами, — а ты Лукерья, — хоть всякому нищему подавай мило-

стину; — а все это вамъ въ большой прокъ не пойдетъ; потому что сказано: — «Если принесешь даръ твой къ олтарю, и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто на тебя; оставь тамъ даръ твой предъ олтаремъ, и поди прежде примирись съ братомъ твоимъ; и тогда приди и принеси даръ твой.» (Матѳ. 5, 23. 24.)

— «Ну чтожъ вы на меня смотрите, невѣстушки!» — прибавилъ священникъ — «иль не знаете, что, вамъ должно сдѣлать, чтобъ примириться съ Господомъ, котораго вы такъ давно уже гнѣваете вашей строптивостію и злобою?»

— «Лукерья и Федора, не говоря ни слова, повалились другъ другу въ ноги, потомъ обнялись и заплакали.

— «Вотъ такъ-то лучше!» — сказалъ отецъ Василій — «живите какъ Богъ велѣлъ, а не такъ, какъ лукавому хочется; вѣдь онъ-то васъ все и смущалъ. Теперь смотрите же: ты Федора помоложе Лукерьи, уважай ее какъ старшую по годамъ, а ты Лукерья не забывай, что ты ей не мать, не свекровь, а только старшая сестра. Ну дочки мои духовныя, будете ли помнить, что я вамъ говорилъ?»

— «Будемъ, батюшка, будемъ!»

— «А я, отецъ Василій!» — сказалъ Фе-

дотъ — «если мои снохи будутъ жить ладно межъ собой, отслужу молебенъ Преподобному Макарію, и когда поисправлюсь деньжонками, такъ закажу серебряную ризу на его святую икону.»

Года два спустя послѣ этого разговора, въ храмовой праздникъ села Покровскаго, сосѣдніе крестьяне дивовались, смотря на икону Преподобнаго Макарія, которая въ серебряной позолоченной ризѣ, какъ жаръ, горѣла посреди образовъ церковнаго иконостаса.

ЧТО КРЕСТЬЯНИНЪ НАУМЪ ТВЕРДИЛЪ СВОИМЪ ДѢТЯМЪ, НАСТАВЛЯЯ ИХЪ НА ДОБРО.

Первый долгъ: не дѣлай зла другому; второй долгъ: дѣлай добро другому.

—

Дѣлай добро не изъ корысти, да и не изъ чванства. Сдѣлалъ добро — благодари за то Бога, что Онъ помогъ тебѣ сдѣлать добро; ибо Богъ вложилъ тебѣ въ душу добрыя мысли; безъ Божьей помощи, ты бы самъ добра не выдумалъ.

—

Много на свѣтѣ горя и много печалей всякому человѣку за грѣхи наши и праотцевъ нашихъ; но Богъ намъ далъ и лекарство отъ всякаго горя; а то лекарство — молитва сердечная.

Молитвою душа къ Богу тянется; а отъ Бога всякому горю отрада.

Молись не однимъ языкомъ, а и самымъ сердцемъ. — Кто молитву читаетъ да крестное знаменіе кладетъ, а самъ думаетъ о другомъ, да еще и о худомъ, у того плохая мо-

литва; но однакожъ не переставай молиться, хотя бы на молитвѣ и приходила тебѣ въ голову всякая блажь, — то отъ демонскаго искушенія; тогда напротивъ горячѣе молися и проси Господа Бога Іисуса Христа, чтобы избавилъ тебя отъ лукаваго.

Молись всякой день. Начиная молиться не забывай покаяться Богу во всѣхъ грѣхахъ твоихъ вольныхъ и невольныхъ, обѣщай исправиться; а обѣщавъ, держись, да проси Бога, чтобы помогъ тебѣ исправиться.

Если далъ обѣщаніе человѣку, то грѣшно если не сдержишь, а тѣмъ болѣе, когда даешь обѣщаніе Богу.

Молись не объ одномъ себѣ; Святый Апостолъ Павелъ заповѣдалъ намъ молиться за

всѣхъ человѣковъ, за Царей и всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и честности.

—

Хорошо тотъ дѣлаетъ, кто наблюдаетъ посты, какъ ихъ Православная Церковь установила. Но не забывай, что должно поститься не однимъ тѣломъ, но и духомъ. Кто по середамъ и пятницамъ ѣстъ постное, а въ то же время ближняго обижаетъ, говоритъ неправду, лжесвидѣтельствуетъ, другаго на грѣхъ наводитъ, тому и постъ не въ постъ, а въ осужденіе. — Ты постъ держи своимъ чередомъ, да и всякой другой христіанской долгъ исполняй, тогда и постъ тебѣ будетъ душѣ въ отраду и въ оправданіе предъ Господомъ.

—

Кто несчастливъ? тотъ кто безъ Бога въ сердцѣ живетъ, дѣло начнетъ, а Бога не вспомнитъ и не помолится, чтобы Богъ его умудрилъ; отъ того и никакое дѣло у него не клеится; отъ того онъ въ горѣ безъ утѣшенія, въ бѣдѣ безъ надежды.

—

Святое Писаніе говоритъ: бойся Бога, и люби Бога.

Бойся Бога потому, что Богъ все видитъ, все знаетъ, не только что мы дѣлаемъ явно

и тайно, но даже что думаешь. И отъ людей злое дѣло укрыть трудно, а отъ Бога никакъ не укроешь. Бойся Бога и потому, что Онъ строгъ и справедливъ и караетъ всякое злодѣяніе. И отъ людской казни трудно избѣжать, а отъ Божіей никуда не убѣжишь.

Люби Бога потому, что Онъ милосердъ и любитъ каждаго изъ насъ больше родной матери; Онъ насъ создалъ по образу и по подобію Своему, далъ намъ душу безсмертную, далъ намъ и разумъ, чтобы мы отличали доброе отъ злаго, и въ неизрѣченномъ милосердіи послалъ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа для спасенія рода человѣческаго. Тварь живетъ и умретъ — тѣмъ и кончилось; а какъ человѣкъ умретъ, то предстанетъ на судъ Божій, и если жилъ съ любовью къ Богу и ближнему, то наслѣдуетъ жизнь вѣчную и входитъ въ царствіе небесное.

—

Если Богъ благословилъ тебя дѣтьми, то знай, что ты за ихъ душу Богу отвѣтъ дашь; а потому воспитай ихъ въ благочестіи, вѣрѣ и страхѣ Господнемъ; старайся научить ихъ чему самъ гораздъ; а чтобы другихъ учить, надобно самому научиться; а учиться никогда не поздно и не стыдно, хоть бы и въ старости. Стыднѣе до старости дожить, да ничему не научиться.

—

Перенимай доброе всюду, и на своей, и на чужой сторонѣ; замѣтилъ у сосѣда что хорошее по хозяйству, старайся самъ тоже сдѣлать. Господь на то далъ разумъ, чтобы мы могли думать и придумывать какая вещь другой лучше, и какъ ее спорѣе сдѣлать. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: «Все испытуйте и хорошаго держитесь.»

—

Тотъ кто за все берется разомъ, рѣдко успѣваетъ и въ одномъ чѣмъ либо.

—

Не отказывай нищему въ подаяніи, помогай и своему брату въ бѣдѣ. Господь сказалъ намъ: «блаженны милостивые, ибо они помилованы бутуть.»

—

Лѣнивый человѣкъ идетъ слишкомъ тихо; вотъ почему его всегда бѣдность и нищета нагоняютъ.

—

Когда ты лѣнишься и ничего не дѣлаешь, ты теряешь то чего уже никогда не найдешь; ты теряешь время, которое никогда не возвращается.

—

Трудящемуся Богъ никогда не отказываетъ.

—

Не откладывай того до завтра, что можно сдѣлать сегодня.

—

Господь во святомъ Евангеліи своемъ сказалъ: «кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствіи небесномъ.» И потому твори добро и научай добру другихъ.

—

Кто любитъ трудъ и работу, тотъ любитъ и добро. За работою зло не пойдетъ на умъ.

Трудись и будешь хоть не богатъ, но сытъ и одѣтъ. Будешь лѣниться, изъ богатаго сдѣлаешься нищимъ. — У лѣнивой пряхи нѣтъ и про себя рубахи.

—

Есть такіе глупые люди, что одинъ хлѣбъ ѣдятъ, а другимъ брѣзгаютъ; ѣдятъ рѣпу, морковь, яблоки, а картофель называютъ проклятою травою. Не знаютъ тѣ глупые люди какой грѣхъ на душу принимаютъ, ибо всякая тварь и всякой злакъ сотворены на службу человѣку; всякой злакъ самъ Господь благословилъ, а они проклинаютъ! Одно зло проклято Господомъ; а зло можно сдѣлать изъ всего. Хлѣба конечно никто не считаетъ за проклятое или нечистое зеліе; а когда ты сдѣлаешь изъ хлѣба вино, да напьешься пьянымъ, то ты употребилъ даръ Божій во зло, и стало быть согрѣшилъ предъ Господомъ.

А оттого что ты будешь ѣсть картофель зла никому нѣтъ, а есть еще добро, потому что картофель бережетъ хлѣбъ.

Не обращайся жестоко ни съ лошадью, ни съ другою домашнею скотиною. Когда ты ихъ плохо кормишь, худо за ними смотришь, больно бьешь, то дѣлаешь дурно, потому что они также твари Господни и главные твои помощники въ хозяйствѣ. Блаженъ кто и скоты милуетъ.

НЕЗВАНЫЙ СОВѢТЧИКЪ.

Знаете ли, братцы, что ходитъ между людьми таковъ совѣтчикъ: звать не зови, просить не проси, а ужъ онъ непремѣнно придетъ подъ ухо съ своимъ совѣтомъ, не съ вѣрою, а съ мѣрою. Иди прямо — здѣсь не путь, говоритъ; дѣлай дѣло — перестань, говоритъ; говори правду — нѣтъ, солги, говоритъ.

Казалось бы пустая голова такой совѣтчикъ, какъ пустая хоромина; да нѣтъ: и изъ пустой хоромины — либо сычь, либо сова, либо самъ сатана.

Примѣромъ сказать, у одного мастера столярнаго производства былъ подмастерье; добрый, дѣльный малой, правая его рука, да не набожливъ былъ. Славный у меня подмастерье думалъ хозяинъ, чрезъ годъ дочка невѣста, отдамъ за него замужъ; все свое заведеніе отдамъ въ приданое; я же поустарѣлъ, подъ моимъ присмотромъ у молодаго хозяина работа пойдетъ успѣшнѣе: къ моему знанью прибавится его знанье, къ моему знакомству его

знакомство, къ моему счастью его счастье, — заведенье улучшится; увеличится, — больше честнаго труда, больше будетъ вѣры, больше и сбыту. Зять мой не будетъ терпѣть той нужды, какую я изведалъ, покуда спознался съ своимъ дѣломъ, да съ добрыми людьми: онъ начнетъ на всемъ готовомъ. Такъ думалъ мастеръ, и подготовлялъ подмастерья въ наслѣдники и ремесла своего и всего нажитаго трудомъ, безъ клюки и лжи. Добрая доля готовилась подмастерью, если бъ жилъ онъ подъ Богомъ, зналъ да слушалъ только своего хозяина и не отвелъ уха на сторону. Все шло хорошо и жилось хорошо, да вдругъ откуда ни возмись таковъ совѣтникъ: э-эхъ, братъ Иванъ, зажился ты въ подмастерьяхъ! съ твоей умной головой, да съ золотыми руками самому бы давно мастеромъ быть? охота тебѣ радѣть про чужихъ людей! знаемъ мы твоего хозяина: твоимъ умѣньемъ наживаетъ онъ себѣ имѣнье!...

Слушалъ — слушалъ подмастерье, и набрался спѣси: въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, чѣмъ я не мастеръ! не хочу жить въ подмастерьяхъ!

Бывало такой послушной, смирной, хозяйское слово свято; а тутъ вдругъ слово за слово, да и потребовалъ расчета.

— Помилуй, говоритъ хозяинъ, съ чего ты это взялъ отходить отъ меня? у меня ли тебѣ

было не житье какъ родному сыну? Побудь хоть годокъ, Богъ дастъ расчитаемся по любви и совѣту, чтобъ чортъ ни твои подвиги подъ ногу, ни мои заботы по боку.

Ни что не беретъ; стоитъ подмастерье на худомъ да на своемъ.

— Ну, говоритъ хозяинъ, Богъ съ тобой! вольному воля, ходячему путь.

Отошелъ подмастерье отъ хозяина, заводитъ свое заведенье: на то деньги, и на другое не щепки; а денегъ не съ гору. Чтожъ, думаетъ, поѣду сперва на палочкѣ, а потомъ и конька заведу. И накупилъ онъ кой-какихъ инструментовъ, нанялъ кой-какихъ работниковъ. Ко всему этому надобно бы кой-какую и работу; а заказовъ нѣтъ, насъ еще ни кто не знаетъ. Вотъ, чтобъ узнали, на послѣдніе деньги вывѣсилъ вывѣску съ золотою надписью. И вывѣска не помогаетъ. Какъ тутъ быть? не на площадь же работать. Чѣмъ бы призвать Бога на помощь, а нашъ новый мастеръ, сталъ думу думать, да придумывать, какъ-бы ухитриться, найти закащиковъ? и совѣтчикъ на ухо: «ноги не высоки, поднимайся на ходули; ступай по хозяйскимъ знакомымъ, отбей у него работу; посбавь цѣны, все за тобой будетъ.»

— Въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ; и провѣдалъ, что одинъ богатый купецъ сбирается

заказывать бывшему его хозяину мебель на весь новый домъ. Пришелъ къ нему. Здравствуйте, сударь, такой-то по имени и отчеству; вы изволите заказывать бывшему моему хозяину мебель; я бы съ васъ гораздо по дешевлѣ взялъ: у меня теперь открыто свое заведенье; и прежде мебель я же на васъ дѣлалъ: хозяинъ знаетъ только деньги брать; да еще и беретъ то въ три-дорога. Вотъ, за это креслицо на колесцахъ взялъ онъ съ васъ сто рублей; а я бы и за пятьдесятъ сдѣлалъ.

Соблазнился купецъ дешевизной, заказалъ нашему новому мастеру большой заказъ, и требуетъ, чтобъ все было черезъ мѣсяцъ готово. Великъ заказъ, и въ три мѣсяца не кончить въ темномъ углу, на двухъ станкахъ, въ четыре руки; да лакомъ кусокъ. Ну, какъ нибудь повернемся, думаетъ, и взялся. Выпросилъ, вымолилъ задатокъ на покупку дерева. А кромѣ дерева надобно прикупить того и другаго, принанять работниковъ; да хоть овинъ гори, а молотильщиковъ корми: и работниковъ кормить надобно, и самому не голодать-стать. На всю бы подготовку достало, да не хватило на красное ленточное дерево. Какъ быть? а совѣтчикъ: да ты возьми, говоритъ, у краснодеревщика на имя бывшаго хозяина; чай онъ не знаетъ, что ты отошелъ отъ него, повѣритъ; до счетовъ успѣешь рас-

платиться, не узнаютъ. Въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ и пришелъ. Здравствуйте, такой-то по имени и отчеству, пожалуйте отпустите *намъ* штуку ленточнаго краснаго дерева. — Что такую малость берете? — Да такъ, понадобилось, недостало подъ масть. — А записка есть? — Нѣтъ, безъ записки послали. — Ну, бери, честь чести и на слово вѣритъ.

Разъ обманешь, а въ другой говорятъ: вѣры не имамъ. Да нашъ новый мастеръ объ этомъ не подумалъ. Началась работа. Дерево немножко сыренько — высохнетъ на печькѣ, сойдетъ съ рукъ! да вѣрно и дерево любитъ холю и исподволь, на печкѣ ему не сохнется: тутъ его подготовятъ, обклеятъ краснымъ деревомъ, лакомъ покроютъ; а его-то тамъ, то сямъ раздеретъ. Чѣмъ бы дѣлу идти отъ начала къ концу; а тутъ, то вставь, то подклеи, то снова начни.

А купецъ требуетъ мебели: готова ли, да готова ли мебель? то на будущей недѣлѣ будетъ готова, то на этой недѣлѣ поспѣетъ, то въ тотъ день, то въ другой. *Завтра* тянулось съ мѣсяцъ. Наконецъ кончилъ, привезъ, самъ разхваливаетъ.

На гнилой товаръ вѣрно былъ слѣпой купецъ. Сдалъ мебель, взялъ деньги. Только что со двора — началась стрѣльба по всѣмъ угламъ; покою нѣтъ хоть бѣги изъ дому.

Посылаетъ купецъ за нашимъ мастеромъ, чтобъ хоть назадъ взялъ свою мебель. Нейдетъ, некогда; и въ самомъ дѣлѣ ему некогда: бывшій его хозяинъ узналъ, что онъ на его имя забираетъ дерево въ долгъ, попросилъ было его подъ каланчу; да склонясь на молитвы, простилъ по добротѣ души.

Видитъ нашъ новый мастеръ, что на кукушечьихъ яйцахъ цыплятъ не высидишь, взмолился хозяину взять его опять въ подмастерья. — Нѣтъ, другъ, теперь на тебя плоха мнѣ надежда: чего отвѣдалъ, того захочется и съѣсть, — отвѣчалъ хозяинъ.

Пришлось нашему мастеру изъ мастеровъ идти въ работники; да если бъ снесъ свое горе въ храмъ Божій — справилъ бы себя на добрый путь; а онъ, съ горя, не за молитву взялся, а за думу, по пословицѣ «навяжется шаль и покинуть жаль»; а совѣтчикъ на ухо: «о чемъ горевать, говоритъ, ступай лучше горе запей, говоритъ». Онъ и запилъ. И потопилъ онъ во лжи и въ винѣ свою добрую долю.

ПРИТЧА О ДЯТЛѢ.

Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово свое и зарокъ, и сдѣлавъ разъ худо, впредь отъ худа бѣгать; а коли клятва и божба твоя крѣпка только до вечера, а завтра опять принимаешься за тоже, такъ и въ добромъ словѣ твоемъ добра нѣтъ.

Дятелъ красноголовый лазилъ день денской по пнямъ и дупламъ и все стучалъ роговымъ носомъ своимъ въ дерево, такъ что раздавалось по всему лѣсу. Къ вечеру, глядишь, голова у бѣдняка разболится, затылокъ ломитъ и лобъ словно обручемъ желѣзнымъ обложило. Нѣтъ, говоритъ, полно, не стану больше долбить по пустому; завтра посижу себѣ смирно, отдохну, да и впредь не буду; что въ этомъ толку? и заклялся и зарекся, а на утро, ни свѣтъ, ни заря, какъ только пташки въ лѣсу проснулись и защебетали — дятелъ нашъ уже долбитъ и барабанитъ по сухоподстойнымъ пнямъ, а къ вечеру опять головушку разломило, и опять закаивается, съ вечера до утра, а утромъ опять принимается за тоже.

И крута гора, да забывчива;
И лиха бѣда, да сбывчива;
Кто лжетъ, тотъ и божится и заклинается,
Кто больше пьетъ, тотъ и зарекается.

ПРИТЧА О ДУБОВОЙ БОЧКѢ.

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы — и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возятъ, на бочку кто не посмотритъ, говоритъ что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ

воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клепки промежъ собою повздорили да вмѣстѣ жить раздумали — не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки, подъ ногами наваляввшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ее и на свѣтѣ не бывало.

—

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки — все его сѣмя, и малъ и великъ; обручи — честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ, и живитъ, и питаетъ односемьянъ; покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врозь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врозь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.

О ТОМЪ КАКОЙ ХЛѢБЪ КАКУЮ ЗЕМЛЮ ЛЮБИТЪ.

Хлѣбныя зерна не на всякой землѣ могутъ родиться безъ разбора, если хочешь добраго урожая, выбирай землю, какая какому хлѣбу гожа. Пшеница любитъ земли твердыя, и немного мокроватыя, а лучше всего нови, что изъ подъ луговъ и лѣсовъ расчищены; впрочемъ лучше для ней суглинокъ, хорошо унавоженный. Рожь любитъ землю сухую, и рыхловатую; но родится и на всякихъ земляхъ, а на добрыхъ лучше. Для полбы пригожа почти такая же земля, что и для пшеницы. Гречиха родится на всякихъ земляхъ, даже и на песчаныхъ. Просо любитъ землю жирную, между лѣсовъ и притомъ мокроватую; иногда хорошо родится на супескахъ; но никуда негодны для него земли каменистыя. Боръ, отродіе проса, родится хорошо на тѣхъ же земляхъ, что и просо; но лучше по косорогамъ и на чищобяхъ изъ подъ лѣсовъ. Ячмень урожается на

всякихъ земляхъ, даже по супескамъ, когда только земля не очень тоща, но лучше на удобренныхъ. Этотъ хлѣбъ скороспѣлой, и служитъ въ подспорье. Когда зимою рожь выпрѣетъ и пропадетъ, можно весною по тѣмъ же мѣстамъ засѣять ячменемъ, и тѣмъ избавиться отъ голода. Овесъ можно сѣять и на средственныхъ земляхъ, онъ родится хорошо по старому навозу; овесъ въ мочливые годы родится хорошо даже на пашняхъ тощихъ и сухихъ. Горохъ любитъ суглинокъ. Ленъ, ячмень, горохъ и конопля очень землю истощаютъ; снявши ихъ, должно землѣ давать отдыхъ, или поунавозить вновь.

Хочешь добраго урожая — выбирай для посѣва сѣмена самыя лучшія и самыя чистыя, посѣешь дурныя сѣмена словно песку посѣялъ: и трудъ пропалъ, да и время также. Отъ сорнаго сѣменнаго хлѣба выходитъ много полотья, и всегда нечистое зерно; отъ неполныхъ и нездоровыхъ зеренъ — плохой урожай, такія зерна большею частію въ землѣ прѣютъ безъ толку; многія изъ нихъ не всходятъ, или выростаетъ отъ нихъ рѣдкой хлѣбъ. На посѣвъ при вѣяньѣ отнимай зерна отъ чолушка, то есть, тѣ которыя тяжелы и далѣе отъ вороха падаютъ. Иной думаетъ деньгу сохранить: лучшія сѣмена продать, а худшія, думаетъ, на посѣвъ уйдутъ; а выходитъ иначе:

отъ добраго сѣмени десять зеренъ, а отъ плохаго и сѣмянъ не воротишь; вотъ и вся прибыль. Лучше голодай, да добрымъ сѣменемъ засѣвай.

Какъ надобно пахать землю, чтобъ хорошо хлѣбъ родился.

Подъ всякой озимой хлѣбъ, пшеницу и рожь, землю паши три раза: въ первой разъ умный хозяинъ пашетъ землю снявши яровое. Тѣмъ часомъ паши не глубоко, пальца на три или четыре въ глубину, чтобы только разодрать облугость. Служитъ это паханіе къ тому, чтобъ земля умягчилась, и чтобъ истребить корни и сѣмена сорныхъ травъ; сошникъ ихъ выворотитъ, и они вымерзнутъ. Къ тому же кто жнивье запахалъ, тотъ словно на пашню навоза навозилъ. А отъ чего запаханное жнивье за навозъ отвѣчаетъ — не трудно понять, только подумай немного. Что будетъ съ соломой какъ ее запашешь? Вѣдь солома отъ осеннихъ дождей, словно въ коровьемъ хлѣву, сгніетъ да землю удобритъ и умягчитъ, такъ, что весною будетъ двоить ее очень податно; что не бездѣлица, потому что, самъ знаешь, лошади весною бываютъ слабосильны.

Когда пашешь на каменистой пашнѣ, то заставь ребятишекъ сносить камни на межи. А ежели земля при этомъ первомъ пахaніи

взметывается большими пластами, проскороди боронoю. Когда раздробишь землю, то она зимою отъ снѣговъ умягчится, словно пухъ. Въ другой разъ надобно пахать весною, когда земля очахнетъ; и пускай сошникъ немного поглубже, нежели осенью, когда пахалъ взметъ. Ежели къ лѣту по вспаханному сильно прошибетъ трава, то паши еще или передвои. Предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ приходится троить землю подъ сѣвъ, вози навозъ да и запахивай. Иной не разумной думаетъ, дай прежде навозъ навожу; пусть его полежитъ на землѣ, а ужъ потомъ какъ весь навозъ вывезу, то все разомъ запашу; не перекладывать же мнѣ стать то въ телѣгу, то въ соху. А чтожъ выходитъ на повѣрку? Навозъ лежитъ, да и сохнетъ; вѣтеръ повѣялъ да и разнесъ его какъ солому; выѣхалъ съ сохою—нечего запахивать; а если что и осталось, такъ словно древесина; хлѣбу не въ пищу и землѣ не въ угоду.

Послѣднее паханіе по настоящему надобно начинать недѣли за три предъ сѣвомъ ржи или озимой пшеницы; тогда навозъ разбѣй и запаши. Досужіе пахари подъ сѣвъ пашутъ поперегъ десятины, чтобъ землю лучше умягчить. Три или четыре раза пахать хорошо на земляхъ твердыхъ, суглинистыхъ и мокрыхъ; а пещаныя земли не должно пахать больше

двухъ разъ: разъ подъ зиму и разъ къ сѣву; а не то, частое паханіе совсѣмъ такую землю высушитъ, и лишитъ плодородія.

Снявъ хлѣбъ озимой, когда кончатся полевыя работы, вспаши землю осенью. Подъ яровой хлѣбъ многіе крестьяне пашутъ только однажды весною; но это не дѣльно и не разумно: однимъ паханіемъ пашню не умягчишь и отъ сорныхъ травъ не очистишь; а потому какъ снялъ хлѣбъ озимой, то и паши ниву съ осени; а потомъ весною, перепаши въ другой разъ передъ посѣвомъ яроваго. Подъ озимой ли, подъ яровой ли хлѣбъ пахавши, наблюдай еще слѣдующее: не паши земли, когда она очень суха; на твердой землѣ, въ сухое время, сошникъ подпрыгиваетъ и тогда паханіе не въ паханіе; пахавши въ засуху супесокъ, высушишь такъ что будетъ словно зола. Опять же, не паши въ погоду мокрую, или въ дождь; а особливо когда вода землю растворитъ: сошникъ размѣситъ ее какъ растворъ, а послѣ затвердѣетъ она такъ, что во все лѣто не отмякнетъ, и сѣмена лягутъ въ ней, какъ бы межъ камней. Въ сырую погоду хорошо пахать супески, а отнюдь не суглинокъ. Лучшая пора къ паханію, когда земля поотмякнетъ, послѣ дождя или тумана, и когда земля не много поочахнетъ. Коротко молвить: въ засуху паши землю мокрединную,

а въ сырую погоду песчаную; весною берись за соху, какъ трава станетъ пробиваться.

Вѣдай, что пахаnіе съ пахаnіемъ разнота. Подъ озимь уработывай мягче и глубже, чѣмъ подъ яровое. Земли новыя, также жирныя, твердыя и мокрыя паши больше; чѣмъ больше ихъ ворочать тѣмъ лучше; однакожъ, лучше пахать не много разовъ, да хорошо, нежели много, да худо.

Коли подземъ или живецъ глубоко—то и паши глубже; а коли близко, паши мельче, а не то выворотишь самый подземъ или негодную землю.

Тамъ, гдѣ частые бываютъ дожди, и случаются осень и весны мокрыя, тамъ надобно дѣлать на поляхъ борозды. А польза отъ бороздъ та, что по глубокимъ бороздамъ вода растекается; и отъ того корни не выпрѣваютъ. Въ голыя и вѣтреныя зимы на поляхъ безъ бороздъ снѣгъ съ озимей сдуваетъ, а въ оттепели на ровной пашнѣ снѣгъ сгоняетъ скорѣе. А когда у тебя на пашнѣ глубокія борозды, то въ нихъ, съ первозимья снѣгу набиваетъ; онъ остается на всю зиму, и корни не вызябнутъ. Опять же отъ бороздъ на мелкихъ поляхъ и та польза, что земля выкидывается изъ бороздъ на пахатныя полосы и онѣ дѣлаются глубже, живецъ закрывается больше.

Самыя борозды дѣлай съ разсужденіемъ. Когда лошадь слабосильна, не тяни браздъ во всю длину полосы, а раздѣлай длину ея по поламъ; сперва вспаши одну половину, послѣ другую. *Задѣлывая пашню,* на косогорѣ дѣлай борозды поперегъ скату, а не съ горы подъ гору; лошадь не такъ устанетъ, и вода не подѣлаетъ рвовъ. Ежели пашня суха и надобно, чтобъ держалась въ ней влага, запахивай простыми глубокими бороздами; но когда мокра, запахивай грядками какъ на овощникѣ, и между грядокъ проходи сохою по два раза, чтобъ борозды сдѣлались глубже. При задѣлкѣ пашни, старайся борозды проводить съ полуночи на полдень, и не держись стараго обычая, дѣлать борозды вдоль загона: нѣтъ нужды хоть бы пришлись онѣ поперегъ или вкось десятины. А польза отъ того та, что когда борозда на полдень, то солнцемъ ее съ обѣихъ сторонъ согрѣваетъ; а ежели борозды сдѣлаешь съ востока на западъ, солнце будетъ согрѣвать одну только сторону, другая же будетъ всегда холодна, а отъ того корни прѣютъ, или зерна выспѣваютъ не въ одно время.

ГРАМОТКА, ПИСАННАЯ СО СЛОВЪ КРЕСТЬЯНИНА СИДОРА СЫНОМЪ ЕГО ТИМОШЕЮ.

Василій Ивановичъ!

Не силенъ я еще въ грамотѣ, всего три года какъ началъ я къ вамъ въ школу ходить; да и то первый годъ отецъ принуждалъ, да вы, Василій Ивановичъ, подгоняли розгою по субботамъ, а иногда и въ другіе дни; такъ тотъ годъ я и въ счетъ не ставлю. А вотъ два-то года я самъ старался; да много ли успѣешь въ два года выучиться? а батюшка мой заставляетъ уже писать безъ книги, по словамъ; и хочетъ чтобы я свое писанье показалъ вамъ, а вы чтобы заставили школьниковъ его читать. Онъ говоритъ: — я думалъ думу, — хочу мальцамъ указать правду пальцомъ, чтобы они и книжное вѣдали, да и то, что нашъ братъ не грамотный своими глазами видѣлъ и своимъ старымъ умомъ разсудилъ; чтобы они вѣдали не только то, что за тридевять земель творится, а и то, что около нихъ дѣлается, да не всѣми смѣкается. — Я и плачу да пишу, боюсь что вы, Василій Ивановичъ,

меня за ошибки бранить станете. А какъ не ошибиться, когда отецъ такъ говоритъ что и писать нельзя? рѣчи такія не складныя, какихъ я въ книгахъ никогда не видывалъ; онъ твердитъ: — пиши по своему какъ знаешь, а я буду говорить какъ умѣю; я не рѣчамъ хочу ребятъ учить, а дѣламъ; такъ пиши да и только. Вотъ отецъ говоритъ, а я пишу:

Паръ кости ломитъ.

Что дитятко, ты и ротъ разинулъ? думаешь, что я хочу пустяки молоть? нѣтъ пиши-ка дальше, такъ увидишь, что я не для зубоскальства пословицу выворотилъ на изнанку. На словахъ я многимъ говаривалъ, да наша братья, вѣдь не въ первый разъ сказано, упрямы; слушаютъ да смѣются; а будетъ на бумагѣ, то хоть дѣти заучатъ; имъ Богъ судилъ, можетъ быть, умнѣе насъ быть. Нутко Тимоша, — благослови Господи! — Слушай: я говорю дѣло, а ты пиши смѣло. Остался я отъ отца моего, сиротою, сдва повозникомъ; жилъ съ маткой вдовой не долго; она вышла за мужъ за такого мужика, что хуже въ селѣ не было; не стало у насъ ни кола, ни двора, ни мила живота. — Вотчима моего сдали въ солдаты, а мать съ огородишкомъ осталась горе мыкать; коровенка была и ту продала, что накосить для нея сѣна бы-

ло нѣкому. Лѣтомъ мать кому пожнетъ, кому погребетъ, зимой попрядетъ, а больше побиралась со мною по добрымъ людямъ. Какъ подросъ я, да наложили на меня тягу, такъ я не зналъ что мнѣ и дѣлать; не то что бороны сплести, да и смычины выколоть не умѣлъ, а къ сохѣ не зналъ съ которой стороны и подойти. Мнѣ дали корову, дали лошадь и говорятъ: паши полосу, да повинности плати. Охти! трудно было до того, а тутъ еще сдѣлалось труднѣе. Нашелъ добраго старика Нефеда, который съ отцемъ моимъ хлѣбъ-соль водилъ; онъ меня приберегъ да уму разуму научилъ. Сталъ я помаленьку втягиваться,— женился, да завелъ домокъ, хоть не богатый, а въ селѣ не послѣднiй. Не узнавши горькаго, не узнаешь и сладкаго; сталъ я пахать да припахивать. А мнѣ, бывало, дядя Нефедъ говаривалъ: не широкая полоса кормитъ, а длинная; — дай Богъ ему царство небесное!

Теперь надобно сказать, что верстахъ въ 20 отъ насъ къ большой дорогѣ, живалъ старинный помѣщикъ, Андрей Андреевичъ.—Чай и теперь живъ; да лѣтъ 10 тому назадъ, купилъ въ другомъ мѣстѣ имѣнье, а это отошло въ казну. То-то былъ человѣкъ заботливый и разумный, мой кумъ и побратимъ. Я къ нему бывало прiѣду, онъ и лучинки и лычекъ цѣлый возъ накладетъ Сидору, да поведетъ въ

поле, толкуетъ про то, про другое, а я слушаю. Признаться, долго не понималъ его затѣй и много разъ спорилъ съ нимъ. Эй, баринъ побратимъ, зачѣмъ не дѣлаешь по старому? говорилъ я ему, старики наши просто живали да сыты бывали; къ чему такія затѣи? разорятъ они тебя. Сѣй хлѣбъ да коси простую траву, денегъ больше будетъ.

Вотъ — только, въ одно утро, какъ теперь помню, привелъ онъ меня въ свои покои, самъ сѣлъ на стулъ и говоритъ:

Послушай Сидоръ, — ты мужикъ смышленный и трудникъ, хочешь жить своимъ умомъ! зачѣмъ все толкуешь о томъ что дѣды да отцы дѣлали? а знаешь ли, почему они такъ дѣлали?

— Сидоръ. Нѣтъ, не знаю, батюшка.

— Баринъ. Отъ того, что говорили также какъ и ты: зачѣмъ намъ перенимать новое, когда наши дѣды да отцы по старому жили да сыты бывали, отцы потому жъ. Такъ и вы живете, что сегодня то и завтра, а сами не знаете можно ли жить лучше и не узнаете, пока не станете стараться; не все умомъ отцовъ своихъ жить, а и своего прилагать надобно по немногу. Ты Сидоръ, много ли разъ въ недѣлю говядину ѣшь?

— Сидоръ. Куда баринъ, каждую недѣлю!

дай Богъ, чтобъ было чѣмъ разговѣться да къ Покрову убить, и то довольно полакомиться.

—Баринъ. А дѣды твои да отцы, чаще ли тебя ѣли?

—Сидоръ. Вѣстимо не всякую недѣлю.

—Баринъ. А давай-ка тебѣ во всякій скоромный день убоинки, небось не побрезгаешь и не посмотришь на дѣдовъ да отцовъ? Такъ вотъ, Сидоръ, проглотить-то хочется, да пожевать лѣнь. Выслушай меня еще разъ о томъ, что я тебѣ много толковалъ: хозяйство наше не впередъ идетъ, а назадъ лѣзетъ; годъ отъ году покосы выкашиваются и скотъ становится мельче и дороже; а отъ того и содержать скота не въ силахъ столько сколько въ старину держали. Поля тощатся отъ недостатка навоза, забиваются сорными травами, а повинности становятся больше, всякіе товары дороже, не такъ ли? и ты послѣ того хочешь дѣлать тоже, что твои дѣды да отцы дѣлали? учи своихъ дѣтей также думать какъ ты думаешъ, то внукамъ придется и хлѣбъ только въ розговѣньѣ ѣсть.

—Сидоръ. Оно по твоему, баринъ, складно приходится, да не нашему глупому разуму за выдумки браться, а то гляди—ни новаго ни стараго не будетъ.

—Баринъ. Я въ томъ съ тобою, Сидоръ, и не спорю; не надобно кидаться на все новое хотя

бы и охоту имѣлъ, а тебѣ можно знать: что хорошо, что худо? неровно кто за тебя дѣло дѣлать станетъ, тогда ты хоть знать будешь, радоваться тебѣ или крушиться. Вотъ на примѣръ у тебя есть Начальство, ему вздумается завести что нибудь новое въ хозяйствѣ твоемъ, для твоей же пользы; тогда ты, понимать будешь, что это доброе дѣло и самъ поможешь его дѣлать.

—Сидоръ. Конечно баринъ, и медвѣдей когда учатъ, то они понимаютъ, а насъ почему не выучить.

—Баринъ. Выслушай же меня хорошенько; я разскажу тебѣ то, что всему голова въ моемъ хозяйствѣ. Видѣлъ ли ты у меня въ полѣ дятлевину?

—Сидоръ. Видѣлъ, баринъ.

—Баринъ. Видѣлъ ли у меня пустое не засѣянное поле, какъ у тебя паровое?

—Сидоръ. Нѣтъ, не видалъ.

—Баринъ. А для чего у меня такъ сдѣлано?

—Сидоръ. Ты толковалъ, баринъ, да не помню.

—Баринъ. Ну такъ скажи, для чего у тебя паровое поле?

—Сидоръ. Для того, чтобы землѣ поотдохнуть; чтобы скоту на немъ, отъ вешняго Николы до перваго Спаса, попастись; чтобы

унавозить землю и три раза вспахать подъ рожь или пшеницу.

—Баринъ. А для чего ты три раза пашешь подъ озимь?

—Сидоръ. Въ 1-й разъ для того, чтобы снять землю съ бороздъ, а то упадетъ и затравѣетъ такъ, что и сохи не вобьешь; 2-й разъ, чтобы закрыть навозъ; а 3-й разъ, чтобы опять траву сбить и подрыхлить.

—Баринъ. А что же я дѣлаю въ томъ полѣ, гдѣ сѣю озимое? Ты видѣлъ, что на немъ растетъ дятлевина?

—Сидоръ. Видѣлъ баринъ, что ты косишь себѣ дятлевину да сѣно копнишь, когда люди пашутъ, да и въ усъ не дуешь.

—Баринъ. Какъ же у меня успѣваетъ и трава выности къ Петрову дню, а иногда и еще подрости да убраться, и рожь во время засѣяться?

—Сидоръ. Отъ того что ты, только разъ вспашешь да и сѣешь рожь, такъ тебѣ не диковина успѣть.

—Баринъ. А худо ли отъ того родится?

—Сидоръ. Какое худо, —у кого и хлѣбъ какъ не у тебя.

—Баринъ. Стало быть, дятлевина не портитъ землю и рожь ее не боится?

—Сидоръ. Кажись такъ, —да у тебя не простою сохою поднимается дернъ изъ подъ

дятлевины, а такой, у которой лемехъ лежачій и острый да еще съ рѣзцомъ, такъ ремень-то у тебя и снизу и сбоку подрѣзается и ложится гладехонько; ужъ ни травинки не проскочетъ, а нашей сохой всколупай-ко, такъ твоя дятлевина и не послышитъ, и земля зазеленитъ пуще нетроганной.

—Баринъ. Конечно правда, что сохой нельзя одинъ разъ вспахать, да и тяжело воротить безъ рѣзца, потому что корни дятлевины крѣпки и уходятъ глубоко въ землю; но мои сохи или какъ зовутъ ихъ оралы или косули, не многимъ дороже сохъ, и сдѣлаетъ ихъ всякой мужикъ, какъ и простую соху.

—Сидоръ. А камни-то? вѣдь не у всѣхъ они какъ у тебя убраны?

—Баринъ. Я тебѣ и не говорю, чтобы ты какъ разъ и сдѣлалъ то, что я дѣлаю, а хочу заставить тебя понять: какъ надобно дѣлать чтобъ было хорошо. Убери прежде голову, а каменья уберешь.

—Сидоръ. Ну ладно, баринъ, говори дальше.

—Баринъ. Теперь скажи мнѣ: куда я дѣваю то время, въ которое ты снимаешь съ бороздъ потомъ боронуешь?

—Сидоръ. Не вѣдаю.

—Баринъ. А я въ то время навожу въ 4-мъ полѣ, да сѣю по навозу картофель, и

кормовой горошекъ; горошекъ кошу около Петрова дня, а картофель убираю, когда хлѣбъ съ полей уберется и заготовляю его столько, что и мнѣ и скоту моему въ волю, да еще сосѣдямъ роздаю.

—Сидоръ. Ну вотъ, баринъ, какъ тебя не перебить? гдѣ же мнѣ взять 4-е поле, чтобы сѣять картофель? я и огорода настоящаго отъ деревни добиться не могу, а картофель, или по нашему гульбу, смерть люблю.

—Баринъ. Тебѣ вѣстимо съ деревней одному не справиться; а если бы вся деревня захотѣла, или ее бы заставили сдѣлать себѣ 4-е поле, то возьмусь, что оно нашлось бы. Мало ли у васъ пустырей да пожень между нивъ? а и за полями мало ли покосовъ, которые вы скоблите каждый годъ, да только время за ними тратите по пустому? вотъ-бы все взрѣзали, да нивы-то сплотили во всѣхъ поляхъ, потомъ и раздѣлили бы все на 4 части, а не на три.

—Сидоръ. А скоту-то, говорю я, что было бы?

—Баринъ. Скоту за полями отдѣлили бы ухожья постоянныя и больше теперешнихъ; тогда для косы понадобилось бы меньше простой травы, а было бы больше полеваго корма.

—Сидоръ. Какъ баринъ?—такъ это все коровѣ и дятлевина и картофель? наши ко-

ровы не барскія; имъ и соломка когда не съ крышъ, такъ слава Богу.

—Баринъ. Нѣтъ, Сидоръ, —не коровамъ, а все тебѣ и въ животъ и въ карманъ; только ты вмѣсто того, чтобы смолоть дятлевину да ѣсть, —положишь прежде въ ясли подъ губу коровѣ, потомъ навозу нагноишь да вывезешь на полосу вдвое побольше да пожирнѣе; потомъ выростетъ у тебя хлѣбъ вдвое погуще да побуйнѣе; потомъ намолотишь вдвое поболѣе, а потомъ и съѣшь и продашь вдвое поболѣе; понялъ ли?

—Сидоръ. Ну, ладно; только скажи, баринъ, теперь куда же стадо погнать, когда всѣ 4 поля кругомъ будутъ засѣяны? охъ, кабы да сбить мнѣ тебя, куда бы Сидоръ посмѣялся надъ твоими затѣями. У тебя-то весь покосъ и выгонъ въ одну сторону.

—Баринъ. Нѣтъ кумъ; не на той землѣ дерево выросло; мои корни глубже дятлевины въ землю вошли, подъ нихъ стяга не подсунишь, а лучше рви побѣги да къ себѣ прививай.

—Сидоръ. Давай Богъ тебѣ говорить, а намъ слушать да перенимать, мы люди темные.

—Баринъ. Я тебѣ сказалъ, что угожье отвести надобно постоянное въ одну сторону за полемъ; тогда и прогонъ будетъ одинъ,

и выгораживай его какъ хочешь; а если бы и въ разныя стороны приходилось гонять, то столько и сдѣлай дорогъ, сколько надобно, и огороди ихъ, если пастуховъ не умѣете учить. У меня пастухи выучены, да и скотъ привыкъ гоняться безъ огороды и ничего не травитъ.

—Сидоръ. Теперь скажи мнѣ, баринъ, когда же ты дятлевину сѣешь и когда навозъ успѣваешь подъ рожь вывозить?

—Баринъ. Дятлевину я сѣю весною по овсу; какъ только овесъ запашется и дня чрезъ три пуститъ ростокъ, такъ и начинаю боронить его и выборонивши мягко, сѣю по немъ дятлевину, а по сѣменамъ дятлевины, проѣзжаю только одинъ разъ частой бороною съ тонкими и мягкими зубьями, а иногда прокачу только каткомъ и оставляю не боронивши. Ты видишь, что работа съ дятлевиною самая пустая.

Навозъ подъ рожь я не вожу, какъ тебѣ уже сказано, а сѣю рожь по пласту вслѣдъ за дятлевиной; и она послѣ же лучше родится, чѣмъ по навозу, если только дятлевина была густа на корню и не травяна. Навожу я съ осени то поле, гдѣ на другой годъ слѣдуетъ сѣять картофель, и запахиваю тогда же; мѣста, на которыя съ осени навозу не хватитъ, докладываю весною, а иногда вывожу

по снѣгу, да складываю на полѣ въ кучки. Оттого работа идетъ исподволь, въ свободное время, и не увидишь какъ сдѣлается. Въ трехпольномъ же хозяйствѣ она есть самая тяжкая и для людей и для лошадей. Когда у васъ начнутся толоки, тогда моя дятлевина начинаетъ цвѣсти, и пока вы возитесь съ навозами, да за засухой бьетесь, какъ каторжные, чтобы заколупать его, я въ это время, кошу дятлевину да кошу; вы станете косовьи заготовлять да косы отбивать, а у меня уже стогами покрыто цѣлое поле, да такого сѣна, какого вы и во снѣ не видывали.

— Сидоръ. Нечего сказать, съ этого дня, какъ наговорилъ мнѣ баринъ про его дятлевину, у меня было и умъ за разумъ зашелъ; а потомъ я сталъ думать все больше да больше, смотрѣть да глядѣть, да чуть было и поле свое не бросилъ. Такъ мнѣ полюбилось его хозяйство и его дятлевина, что на свою работу и не глядѣлъ бы. Вѣдь то диковина, что и уборка-то этой травы меньше опасна, чѣмъ простой; раза три, четыре попадетъ подъ дождь, а все жирна и душиста; а если запогодитъ на долго, то сгребутъ ее въ большіе стоги; дадутъ согрѣться хорошенько, да и распустятъ; чрезъ нѣсколько часовъ она и

высохнетъ и сдѣлается черна, но такая душистая, что скотъ такъ и рвется къ ней.

Порядокъ посѣва у этого барина былъ вотъ какой: въ полѣ, унавоженномъ съ осени или зимою и весною, посѣетъ онъ, недѣли чрезъ двѣ послѣ вешняго Николы, картофель, сколько ему надобно; да кормоваго горошка на траву; а осенью, убравши картофель, да скосивши горошекъ, все это поле подниметъ. На другой годъ сѣетъ овесъ и по овсу дятлевину; на 3-й годъ коситъ дятлевину и пашетъ своимъ ораломъ въ то время, какъ мы подмѣшиваемъ паренину; а около втораго Спаса сѣетъ озимое подъ борону и укатываетъ каткомъ. На 4-й годъ снимаетъ озимое.

Стало быть у него въ одномъ полѣ растетъ картофель и кормовой горошекъ; въ другомъ овесъ и всякое яровое, а дятлевина въ овсѣ только что по 3 листика пуститъ; въ третьемъ полѣ дятлевина косится и къ осени сѣется рожь, а въ четвертомъ растутъ рожь и пшеница.

Баринъ говорилъ, что рожь, овесъ и всякое соломенное растеніе, тощатъ землю больше, если растутъ сряду одно за другимъ; — вотъ потому-то дятлевина, картофель и кормовой горошекъ пользу дѣлаютъ хозяину не однимъ своимъ кормомъ, но и тѣмъ, что раздѣляютъ посѣвы соломенныхъ растеній и да-

ютъ землѣ, послѣ каждаго посѣва хлѣба, годикъ отдохнуть подъ картофелемъ или дятлевиною. А что подъ дятлевиною земля отдыхаетъ, это нашъ братъ всякій знаетъ; потому что дятлевина такая же трава, какъ и всякая луговая; развѣ пустишь ее на сѣмена, тогда она возметъ у земли сколько нибудь силы. Мы также знаемъ, что картофель землю рыхлитъ и исправляетъ, да къ тому же выводитъ сорныя травы, если пропахивать раза три въ лѣто. Вотъ это поле, гдѣ сѣялся картофель, называлъ Андрей Андреевичъ овощнымъ и паровымъ, потому что оно въ одно время даетъ картофель и пропахивается; а на нашъ паръ, бывало, и смотрѣть не можетъ. Подзоветъ да и говоритъ, указывая на сосѣднія поля: посмотри-ка, Сидоръ, какъ земля-то засохла, навозъ недѣли двѣ возятъ, а заорать не могутъ; и бѣдные мужички чѣмъ бы давно коситъ, только ломаютъ сохи, ломаютъ кости и себѣ и лошадямъ; послѣ того скажи: что, паръ твой костей не ломитъ?

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ТРЕМЯ КРЕСТЬЯНАМИ, ВЪ СЕЛѢ МИХАЙЛОВСКОМЪ.

Я дожидался въ селѣ Михайловскомъ подводныхъ лошадей. Солнце садилось. На улицѣ, у воротъ широкаго двора, сидѣлъ старикъ, и, кажись, тяжкая дума была у него въ головѣ.

«Кабы Богъ послалъ дождичька! ужъ мѣсяцъ народился, пора бы ему омыться», молвилъ старикъ про себя; «озими взошли хорошо, но что-то будетъ съ яровыми. Ужъ три года кряду хлѣбамъ недородъ; не накажи Богъ въ четвертый: народъ оголодѣетъ. О, охъ! за грѣхи Господь караетъ насъ: пьянство, строптивость, всякій развратъ...»

Изъ за угла ближайшаго переулка показался крестьянинъ. Красное лице, синій носъ, грязная въ лохмотьяхъ сѣрмяга, кое-какъ надвинутая на голову изодранная шапка, все показывало въ немъ запиваку. Онъ пошатываясь шелъ прямо на насъ. Я отступилъ назадъ и въ тѣни прислонился къ анбару.

«Здорово, Тихонъ Парамонычъ, о чемъ такъ призадумался» прохрипѣлъ краснорожій.

Тихонъ. Никакъ ты, чертова кукла, Тришка, опять изъ кабака?

Тришка. Съ нами крестная сила, Тихонъ Парамонычъ; съ чего ты завсегда называешь меня чертовой куклой? развѣ я не крещеный?

Тихонъ. Крещенъ-то ты крещенъ, я самъ на твоихъ крестинахъ кашу ѣлъ; но все таки ты истая чертова кукла.

Тришка. Помилуй Бога ради, почему?

Тихонъ. Просто на просто потому, что чертъ тобою забавляется и наконецъ вовсе поберетъ. Ты ужъ теперь чаще ходишь въ кабакъ, нежели въ Божій храмъ, и готовъ кривить душой изъ алтына.

Тришка. Эхъ, Тихонъ Парамонычъ, ты все журишь меня. Кто нынче по правдѣ идетъ? и одинъ, что ли, я хожу въ кабакъ? Поди-ка, посмотри, биткомъ набитъ: почитай всѣ наши старики тамъ; а судовъ и пересудовъ-то у нихъ! Крикъ и гамъ на паперти слышенъ.

Тихонъ. О чемъ же они судачутъ? вѣрно пьяницы придрались къ какому нибудь случаю, чтобъ попить на мірской счетъ. Не даромъ ихъ называютъ въ деревняхъ міроѣдами.

Тришка. Слышь, объявлено предписаніе, чтобъ сажать картошку.

Тихонъ. То есть картофель, или земляныя яблоки; да что жъ тутъ важнаго?

Тришка. Говорятъ де, небывальщина.

Тихонъ. Ну такъ что жъ? Велятъ и дѣлай. Мужику ли разсуждать, когда Начальство приказываетъ. И то сказать, вамъ дуракамъ все то кажется небывальщиной, чего не было на вашихъ памятяхъ. Не почитали ли вы Указа, чтобъ не стрѣлять дичи съ 1 Марта по Петровъ день, новымъ, тогда какъ имъ подтверждается лишь давній законъ.

Тришка. Гмъ, гмъ..... Стало быть о картошкѣ ужъ былъ Указъ?

Тихонъ. То-то, глупый вы народъ! Сами не знаете о чемъ толкуете. Предписаніе о посѣвѣ картофеля и наставленіе какъ за нимъ ходить, были изданы еще въ царствованіе блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны.

Старикъ, упоминая о Великой Государынѣ, снялъ шляпу и перекрестясь прошепталъ: «помяни Ее Господи во царствіи Твоемъ.»

Тутъ подошелъ еще одинъ крестьянинъ, широкоплечій, съ рыжею бородою.

Тихонъ. Здравствуй Филатъ; кажись и ты изъ кабака?

Филатъ. Да, былъ на сходкѣ стариковъ: посмѣкали кой о чемъ.

Тихонъ. И пропили послѣдній разсудокъ.

Филатъ. Пропили разсудокъ? да за него цѣловальникъ вина не дастъ!

Тихонъ. Эхъ, ты, дуралей!

Тришка. Ха, ха, ха!

Тихонъ. На чей же счетъ вы пили? Ужъ не на мірской ли?

Филатъ. Поди-ка! Нынче не прежнее время, не приходится старикамъ пить на мірской счетъ. Такого-де расхода, толкуетъ писарь, не уломаешь въ отчетъ. Тамъ все, слышь, объясни и выкажи до послѣдней денежки.

Тихонъ. Такъ и надобно. Конецъ міроѣдамъ. Всѣ мірскіе доходы должны быть на счету; всѣ поборы опредѣлены или общимъ закономъ или частными предписаніями Начальства; словомъ, общественный приходъ и расходъ долженъ быть чистъ, какъ стекло.

Тришка (почесывая затылокъ). Вѣстимо, Парамонычъ!

Филатъ (призадумавшись). Никакъ, намедни, тожъ толковалъ Окружный?

Тихонъ. Да, да, ни копѣйки не должно быть ни изъ мірскихъ доходовъ израсходовано, ни съ крестьянъ взято безгласно и безотчетно. Никому не дозволено щетиться отъ государственныхъ крестьянъ.

— Старикъ Парамонычъ, снявъ шляпу и возведя взоръ къ небу, съ видимымъ благоговѣ-

ніемъ произнесъ: «Ущедри Господи Своими благами нашего благочестивѣйшаго Царя-надежду; Онъ любитъ насъ и печется о Своихъ подданныхъ, какъ родной отецъ.» —

Что же ты, Филатъ, не разскажешь о чемъ судили и рядили вы въ кабакѣ?

Филатъ. Кажись, Трифонъ Гаврилычъ ужъ сказывалъ тебѣ, про что тамъ калякали.

Тихонъ. Про картофель; да о чемъ тутъ было толковать?

Тришка. Слышь, Дурковская волость не хочетъ садить картошку.

Тихонъ. Чего добраго! Діаволъ во все мѣшается: онъ того лишь и ищетъ, чтобъ смутить людей. Но Дурковскихъ строптивцевъ уймутъ; они будутъ сажать картофель и еще скажутъ Начальству спасибо за то, что научило ихъ уму, разуму. А вы-то? Неужъ-ли также смѣкаете какъ бы не выполнить повелѣннаго?

Филатъ. Да слышь, картошка-то зеліе поганое.

Тихонъ. Поганое? Исполать! вотъ тѣ новость. Это суевѣріе откуда взялось? Развѣ картофель не Богомъ же созданъ? Богомъ, Который «произвелъ траву скотомъ и злакъ на службу человѣкамъ?» Смыслите, вы, невѣжды, что значитъ «поганый?» не картофель поганъ, вы-то поганы, замышляя не слушать Началь-

ство. Знаете-ль, «что нѣсть власти не отъ Бога» и что православный христіанинъ вѣру свою наипаче показываетъ въ преданности Царю и покорности установленнымъ отъ Него властямъ?

Филатъ (почесываясь). Вѣстимо, Парамонычъ, кому лучше знать все это, какъ не тебѣ: ты человѣкъ грамотный, а мы люди темные.

Тихонъ. Темные, а гомозитесь. Развѣ слѣпой Анкудинъ упирается, когда его водятъ? Темному должно тѣмъ охотнѣе слушаться и слѣдовать указаніямъ тѣхъ, которые пекутся о немъ, что у него и въ башкѣ и въ глазахъ темно!

Филатъ. Не что!

Тришка. Однако, бываютъ же грибы поганые.

Тихонъ. Вотъ то-то и есть! Народъ прозвалъ ихъ погаными, потому что они ядовиты, вредны, человѣку въ пищу негодны. Но кто можетъ сказать это о картофелѣ? Картофель пища самая здоровая, вкусная, сытная; картофель не только можно приготовлять для ѣды вареный, но даже, въ смѣшеніи съ мукою ржаною или пшеничною, онъ даетъ сытный и вкусный хлѣбъ. Притомъ картофель родится почти всякій годъ, если его не лѣниво опахиваютъ или окапываютъ; короче, это расте-

ніе одно изъ лучшихъ даровъ, которыми Божія щедрость надѣлила человѣка. А тебѣ, Тришка, все это достаточно извѣстно. Ты жилъ подъ городомъ, гдѣ крестьяне давно ужъ сѣютъ картофель, и самъ, какъ сказывалъ мнѣ, охотно ѣлъ его. Здѣсь же ты прикидываешься и поешь старую пѣсню дураковъ. Не правду ли я сказалъ? ну скажи, изъ чего ты криводушничаешь: изъ алтына или изъ чарки вина?

Тришка. Чтожъ? Съ волками жить, по волчью и выть.

Тихонъ. Да, двуязычничать куда какъ хорошо!

Филатъ. Но воля твоя, Парамонычъ, все таки хлѣба на картофель не смѣняешь!

Тихонъ. Ой ты мнѣ, Филатъ Филатовичъ! Кто велитъ вамъ, дуракамъ, смѣнять хлѣбъ на картофель? Онъ вводится Начальствомъ лишь какъ лучшее подспорье хлѣбу. Въ голодные годы люди ѣдятъ мякину, солому, траву, древесную кору, бѣлую глину и Богъ знаетъ что; не лучше ли въ такую годину ѣсть картофель?

Тришка. Что говорить! Не дай Богъ дожить до другаго такого года, каковъ былъ лѣтъ за восемь, кажись, третій послѣ холеры. Жутко приходилось народу; ѣли и въ нашей волости глину.

Филатъ. Ѣли, да не наѣдались, пухли и мерли съ голоду.

Тихонъ. Вотъ то-то; помните же это и слушайтесь желающаго вамъ добра Начальства. Статочное ли дѣло, чтобъ оно наводило васъ на дурное? Вѣдаете-ль, что въ тѣхъ земляхъ, гдѣ сѣютъ много картофеля, и гдѣ вообще земледѣлецъ не на одномъ хлѣбѣ сидитъ, никогда голода не бываетъ?

Филатъ. Какъ тебѣ не знать, Парамонычъ? отъ тебя-ль что сокрыто? ты, чай, всю подноготную извѣдалъ. Но вотъ что: отъ чегожъ въ Дурковской волости топырятся?

Тихонъ. Какой нибудь ярыжка взбаломутилъ тамъ народъ, чтобъ потомъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Охъ мнѣ эти баломуты! Распустятъ слухъ тишкомъ, а сами и въ сторону, какъ ни въ чемъ не бывали; ни какъ потомъ не доберешься до нихъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ тому, раздавались отъ Начальства домохозяевамъ печатныя таблицы, чтобъ записывать въ нихъ всѣ денежные сборы, какіе дѣлаются съ ихъ душъ. Казалось бы дѣло ясное, святое — ограда отъ всѣхъ беззаконныхъ и излишнихъ поборовъ; но что же приключилось въ одномъ селѣ! Какая-то гадина свиснула двумъ, тремъ простофилямъ на ухо: «не берите де таблицъ; зачѣмъ де вамъ таблицы? это все выдумки, которыхъ встарь

не бывало; жили же и безъ таблицъ! это де мудрятъ одни Начальники!» Слышь, какъ будто безъ Царской воли смѣетъ кто установить что нибудь? Одурачивши простяковъ, гадина нырнула опять въ болото, а старичишки и заартачились. Пошло бормотанье по всей волости «не хотимъ де таблицъ, не беремъ таблицъ!» Пришлось Начальству наказать упорнѣйшихъ, и всѣ приняли таблицы. Вотъ теперь съ картофелемъ тажъ оказія. Коли Дурковскіе топорщатся, имъ же будетъ хуже.

—

Въ то время, какъ это разсказывалъ Тихонъ Парамонычъ, много прохожихъ крестьянъ останавливалось около него. Всѣ слушали старика. Окинувъ толпу глазами, Парамонычъ сказалъ:

«Не вѣрьте, братцы, слухамъ, стороною до васъ доходящимъ; не вѣрьте разсказамъ людей вамъ неизвѣстныхъ и не имѣющихъ прямой обязанности васъ наставлять. Сколько разъ плуты употребляли во зло вашу простоту и наводили на васъ судъ и наказаніе за буйства и сопротивленіе Начальству? съ вашею легковѣрностію, смѣхъ и горе. Не мудрено шайтану какому увѣрить васъ даже въ томъ, что будетъ рекрутскій наборъ на дѣвокъ. Подумаете, погорюете и разсуете вашихъ дочерей замужъ за встрѣчнаго и по-

нерочнаго, чтобъ не забрили имъ лбовъ; а потомъ сами же будете рюмить и надъ собой смѣяться. Вы хохочете, други мои? можно ли и не хохотать надъ такимъ сумасбродствомъ? но дѣло-то былое, хоть и не у насъ въ волости. А помните-ль какъ потащились цѣлыми обозами крестьяне на какую-то Дарью-рѣку? самъ дьяволъ завѣрилъ ихъ, что на Дарьѣ де рѣкѣ отводятся для нихъ земли даромъ, что тамъ-то родится хлѣбъ сторицею, текутъ рѣки медовыя и стоятъ озера молочныя. Шутъ поднялъ дураковъ; поѣхали, сами не зная куда. Чѣмъ же кончились проказы въ степяхъ? поголодали и воротились во свояси, другихъ поворотило Начальство, росписавъ имъ прежде для памяти..... смѣкаете что? Хохочите! — Хохочутъ нынче и они, не надивуются своей глупости, а въ тѣ поры куда-те, удержки не было! И что грѣха таить, вы всѣ почти таковы! Не вѣрьте, говорю вамъ, ни какому слуху, котораго основаніе вамъ неизвѣстно. Вѣрьте только тому, что объявляется отъ Начальства, а въ случаѣ сомнѣній и подозрѣній спрашивайте тоже Начальство: попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Начальство всегда разскажетъ и растолкуетъ, какъ что есть и какъ что дѣлать надобно. А помимо Начальства сунешься кого спрашивать, какъ разъ набѣжишь на сатану какого; сатана сначала

порастрясетъ твою мошну, да и научитъ еще такому, за что и здѣсь бѣды не оберешься, да и на томъ свѣтѣ дашь Богу отвѣтъ. А что Начальство прикажетъ, выполняй живо. Что за поганая повадка, напередъ потолковать и суесловить о томъ, что приказали, да еще въ кабакѣ и во хмѣлю? Знайте, что тотъ, кто погрѣшаетъ противъ власти, погрѣшаетъ и противъ Бога, прогнѣвляетъ Его и вызываетъ на себя, кромѣ наказанія по законамъ, и кару небесную. Блюдите себя отъ пьянства. Пьянство, особенно въ крестьянскомъ быту, начало всѣхъ золъ и бѣдствій, главная помѣха порядочному хозяйству. Сколько денегъ, которыя могли бы идти на хозяйство и на заплату податей, истрачивается, какъ бы нарочно, лишь на то, чтобъ помрачить разсудокъ, погубить здоровье и ввергнуть цѣлыя семейства въ нищету? Страшитесь недоимокъ, никакъ не давайте имъ накопляться. Каждому извѣстно сколько къ какому сроку должно взиматься съ него. Какъ же не приготовить и не отложить до срока столько денегъ, чтобъ быть всегда исправнымъ плательщикомъ. «Воздадите Кесарево Кесареви и Божіе Богови» такъ гласитъ Священное Писаніе. Молите, Православные, Бога о благораствореніи воздуха и благословеніи плодовъ вашихъ нивъ; но можетъ ли Господь услышать ваши молитвы,

когда не исполняете Его закона и не воздаете Царю Царево? Блюдите дѣтей отъ соблазна, воспитывайте ихъ въ страхѣ Божіемъ и покорности властямъ. Я желалъ бы дожить между вами послѣдніе дни моей старости, потому что я родился въ селѣ Михайловскомъ; но если вы не станете стараться о томъ, чтобъ сдѣлаться порядочными, добрыми крестьянами, я брошу родину, перепрошусь въ Зиньково и буду жить тамъ у родственниковъ моей покойной жены.»

—

Какъ сказалъ это старикъ Тихонъ Парамонычъ, то вдругъ всѣ стоявшіе крестьяне закричали въ одинъ голосъ: «помилуй, Тихонъ Парамонычъ, какъ покинешь ты насъ? мы тебя не пустимъ; кѣмъ міръ нашъ держится какъ не тобой? живи съ нами, а мы готовы всегда слушаться твоихъ разумныхъ рѣчей; ты не наведешь насъ на худо.»

РАЗСКАЗЫ О ТОМЪ, КАКЪ КРЕСТЬЯНИНЪ СПИРИДОНЪ НАУЧАЛЪ КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА НЕ ПИТЬ ВИНА, И ЧТО ИЗЪ ТОГО ВЫШЛО.

1. Кто такой былъ крестьянинъ Спиридонъ.

На большой Рязанской дорогѣ въ селѣ Никольскомъ, былъ крестьянинъ, по имени Спиридонъ. Богъ умудрилъ его разумомъ. Разумъ просвѣтилъ онъ наукою. Спиридонъ любилъ трудъ и работу. Много онъ видѣлъ свѣта, много зналъ, много дѣлалъ добра; а съ вида былъ такой же крестьянинъ, какъ и другіе.

Всѣ люди не только въ селѣ, но и въ сосѣдствѣ, почитали и любили Спиридона. Онъ

ужъ былъ не молодъ, и потому звали его всегда не просто Спиридономъ, а дядею Спиридономъ. Особенно любилъ онъ молодыхъ ребятъ; но не отказывалъ въ совѣтѣ и взрослымъ, которые на досугѣ приходили слушать его разумныя рѣчи и учиться добру. Пуще всего не любилъ онъ пьяницъ; самъ не пилъ вина, да и другимъ не совѣтывалъ пить. Съ пьянымъ онъ ни за что не говорилъ; а коли тотъ проспится, да придетъ къ дядѣ Спиридону, то онъ и скажетъ ему всю правду, и станетъ ему выговаривать. Пьянство, говорилъ дядя Спиридонъ, есть великій грѣхъ предъ Богомъ, потому что пьяный человѣкъ помрачаетъ свой умъ, а умъ есть даръ Господа, и умомъ человѣкъ отличенъ отъ всякой твари, поставленъ выше всякаго скота; стало быть когда ты напился, то помрачилъ свой умъ и уподобился скоту безсмысленному.

—

2. Кто такой былъ крестьянинъ Иванъ.

Въ томъ же селѣ былъ крестьянинъ, по имени Иванъ. Парень еще молодой, и не то чтобы горькій пьяница, а любилъ таки зайдти съ пріятелями въ кабакъ, а часто и подгулять. Когда былъ живъ его отецъ, то и въ домѣ и въ полѣ было все въ порядкѣ. Старикъ былъ человѣкъ богобоязливый и ни за

что не давалъ сыну гулять; а больше всего берегъ сына отъ дурныхъ пріятелей. При жизни отца Иванъ ни разу не бывалъ въ кабакѣ. А какъ умеръ отецъ, Ивану стало грустно; пришли его пріятели утѣшать, да и повели въ кабакъ запивать горе. Горя-то онъ не запилъ, а дорогу въ кабакъ узналъ. Въ праздникъ или въ воскресенье, когда самъ бывало не пойдетъ, пріятели зайдутъ.

Со смерти отца прошло два года; кажись времени и немного, а въ хозяйствѣ Ивана многое перемѣнилось. Въ полѣ полоса озими не засѣяна, а во дворѣ голодная скотинка ходитъ безъ сѣна, да ѣстъ солому съ крыши. Глядишь и того нѣтъ, и въ другомъ недостатокъ. Вотъ разъ жена варитъ обѣдъ, а у нея соли нѣтъ, да и денегъ у Ивана также. Какъ быть? безъ соли и хлѣбъ не ѣда, а особенно тому, кто наканунѣ былъ пьянъ. А наканунѣ было воскресенье, и Иванъ таки порядкомъ подгулялъ. Дай, говоритъ онъ, схожу попрошу у дяди Спиридона взаймы.

—

3. Какъ Иванъ пришелъ къ дядѣ Спиридону, и что они говорили.

Иванъ пришелъ къ дядѣ Спиридону, и сталъ просить у него соли. Дядя Спиридонъ обѣщалъ дать соли, да и сталъ журить Ивана

за нехорошую его жизнь, за то, что рѣдко въ церковь сталъ ходить, а больше всего за то, что сталъ пить вино! Посмотри ты хорошенько на себя, говорилъ дядя Спиридонъ; мало того, что губишь свое здоровье, ты губишь вмѣстѣ съ тѣмъ и свою душу.

— Иванъ. Эхъ дядя, ты ужъ больно ругаешь меня, и много понапрасну. Въ кабакъ я хожу, правда; да, вѣдь, я хожу только по воскресеньямъ, и то послѣ обѣда, а утромъ случается и къ обѣднѣ зайду помолиться. Я одинъ не напиваюсь пьянъ; дѣло другое съ пріятелями, тутъ не ровенъ часъ случится и подгуляешь; тутъ дѣло невольное; не хочешь, насильно вольютъ.

—Спиридонъ. Ты говоришь, что ходишь въ кабакъ послѣ обѣда, и что случается, что и къ обѣднѣ зайдешь. Стало, ты не каждое воскресенье бываешь въ церквѣ, а въ кабакѣ какъ разъ, тебя ужъ не дожидаются. Не ладно братъ Иванъ; воскресный и праздничный день не на то намъ данъ, чтобы сидѣть въ кабакѣ.

Господь заповѣдалъ всѣмъ христіанамъ святити день воскресный: «шесть дней дѣлай, и сотвори въ нихъ вся дѣла твоя, а седьмый Господу Богу твоему.» Стало быть воскресный день надобно посвятить молитвѣ; бесѣдѣ съ Богомъ и съ добрыми людьми; слушать слово Божіе въ церквѣ и умныя рѣчи у людей разумныхъ, а не буйныя рѣчи и пѣсни въ кабакѣ.

Ты говоришь, что одинъ не напиваешься пьянъ, а выпьешь лишнее, когда заставятъ пріятели. Эхъ, братъ, плохо свою вину сваливать на другихъ. Ну если бы какой нибудь твой пріятель, примѣромъ сказать, сталъ бы совѣтывать зажечь твой домъ, или зарѣзать твою послѣднюю бурую кобылу, или самаго тебя потащилъ бы, вонъ туда, на мостъ, чтобы бросить въ рѣку; чтобы ты сдѣлалъ, ну скажи?

—Иванъ. Ну вѣстимо, я бы не послушалъ его, не сжегъ бы своего дома, не зарѣзалъ бы кобылу, да и себя не далъ бы утопить.

— Спиридонъ. Вотъ то тоже, а утопить въ винѣ душу свою тебѣ ни почемъ; душу-то свою ты считаешь дешевле твоей избы и хуже бурой твоей кобылы! Да и то неладно; что людей, которые тащутъ тебя въ кабакъ, считаешь своими пріятелями; какіе это пріятели? они злѣйшіе враги твои.

— Иванъ. Правда, дядя Спиридонъ, правда; теперь ужъ ни за что не стану напиваться.

— Спиридонъ. Ой ли, правду ли ты говоришь?

— Иванъ. Правду, сущую правду; хоть побожиться.

— Спиридонъ. Стой, не божись; не люблю я людей, которые божатся ни за что ни про что. Знаешь ли, что призывать имя Божіе понапрасну, великій грѣхъ. И замѣть, что всѣ люди, которые божатся и клянутся за каждымъ словомъ, такіе люди вѣчно лгутъ и обманываютъ. Не клянись же и ты, а лучше дай мнѣ честное слово, что и ногой не завернешь въ кабакъ.

— Иванъ. Да какъ же, дядя, подъ часъ не завернуть въ кабакъ? ну хоть для того, чтобы потолковать съ проѣзжимъ нашимъ братомъ, узнать почемъ въ городѣ даютъ за овесъ или рожь. Вѣдь кабакъ-то у насъ стоитъ какъ нарочно на большой дорогѣ, и туда заѣзжаетъ всякой, ѣдучи съ базара.

— Спиридонъ. Оно кажись и такъ; да то бѣда, что спросить о цѣнѣ на овесъ или рожь можно въ минуту, а въ кабакѣ ты глядь, просидишь часовъ пять, шесть. Ты только въ дверь, а тутъ какъ разъ пріятель поднесетъ тебѣ чарку; выпьешь одну, захочется другую, третью, а тамъ тебя поразберетъ, ты и самъ кричишь цѣловальнику: «подай полштофа.» Вотъ и пошла у васъ бѣсовская потѣха; сидишь ты за столомъ, горланишь срамныя пѣсни, потѣшаешь дьявола. Тутъ глядь, ужъ и земля тебя не держитъ, ты свалился да и храпишь подъ лавкою. А не то, затѣишь драку, а тутъ цѣловальникъ тебя за воротъ да въ шею. И ты съ подбитыми глазами тащишься домой, безъ шапки и кушака; добро еще, когда кое-какъ шатаясь, добредешь въ свою избу; а не то, повалишься подъ заборъ да и спишь до завтра. Тамъ глядишь, добрые люди идутъ на работу, а ты продралъ глаза, въ головѣ шумитъ и бока болятъ. Ты и думаешь: надобно опохмѣлиться. И вотъ ты опять въ гостяхъ у цѣловальника. — Дай, говоришь ты, косушку. — Давай деньги, говоритъ тебѣ цѣловальникъ. А въ мошнѣ-то у тебя пусто, и выпить хочется. Нечего дѣлать, ты обѣщаешься отдать хлѣбомъ, а не то притащить овцу, а у тебя всего-то ихъ три. И вотъ, пока ты толковалъ съ цѣловальникомъ, да опохмѣлялся, солнце

уже высоко; ты воротился домой, глядишь ужъ и за полдень; въ поле ѣхать поздно, день у тебя и пропалъ; а все отъ того, что ты завернулъ въ кабакъ на минуту. Ну скажи, не правду ли я говорю?

— Иванъ. Правду, дядя, правду; и теперь ужъ никогда не пойду въ кабакъ.

— Спиридонъ. Ой ли, никогда?

— Иванъ. Да вотъ развѣ зимою въ дорогѣ забѣжишь выпить отъ холода; вѣдь надобно же согрѣться, коли озябнешь.

— Спиридонъ. А я бы думалъ, лучше похлопотать о томъ, чтобы не зябнуть. Знаешь ли что всего лѣтъ 300 тому назадъ, не было вовсе кабаковъ, да и вина-то у насъ на Руси не знали; а вѣдь холода-то зимою бывали такіе же какъ и нынѣ, и народъ не сидѣлъ же на печи, а также ѣздилъ по дорогамъ, какъ и нынѣ. Грѣлся же онъ не виномъ, а хорошею одеждою, да сытною пищею. А нынѣ, посмотри-ка ты на себя: тулупишка-то у тебя всего одинъ, да и тотъ, глядишь, въ дырахъ; въ рукавицахъ варишки давно поистерты; сапоговъ и суконныхъ штановъ — и въ поминѣ не было.

— Иванъ. Такъ, дядя, такъ; да вѣдь чтобъ все это исправить, нуженъ не рубль и не два; а гдѣ жъ у нашего брата деньги?

— Спиридонъ. А въ кабакъ-то деньги есть?

— Иванъ. Ну какія деньги; пропьешь какую нибудь гривну или двѣ, вотъ и все; на гривну тулупа не купишь.

— Спиридонъ. Конечно, чтобъ тулубъ купить мало одной гривны, нужны рубли; да вѣдь дѣло въ томъ, что рубли дѣлаются изъ гривенъ. Не такъ ли?

— Иванъ. Такъ, именно такъ!

— Спиридонъ. Ну, слушай же: ты обѣщалъ по праздникамъ и по воскресеньямъ не ходить въ кабакъ; дай же мнѣ честное слово, что будешь дѣлать то, что я тебѣ еще скажу: возьми ты тотъ боченокъ, въ которомъ намедни привозилъ вино къ празднику, заколоти его на глухо, прорѣжь во днѣ дыру, длиною въ три пальца, и въ полпальца шириною; поставь этотъ боченокъ гдѣ нибудь въ амбарѣ, хоть въ углу закрома; и какъ только попадется тебѣ грошъ, или пятакъ, или гривна, не тащи ее въ кабакъ, а поскорѣе неси къ боченку, да и брось въ него. Да смотри же не трогай боченка, пока я не приду самъ къ тебѣ. Вотъ тебѣ соль для обѣда, да вотъ еще на разживу и гривна денегъ; возьми ее, когда нибудь отдашь; да смотри же не снеси ее въ кабакъ, а брось въ боченокъ.

—

4. О томъ, что сдѣлалъ Иванъ, воротившись домой.

Иванъ далъ честное слово, что будетъ дѣлать такъ какъ говорилъ Спиридонъ. Заколотилъ боченокъ наглухо, прорѣзалъ въ днѣ дыру, отнесъ его въ амбаръ, поставилъ въ углу закрома за мѣшками, и бросилъ въ боченокъ гривну, которую далъ ему Спиридонъ.

Спустя два дни чрезъ деревню ѣхалъ какой-то баринъ въ коляскѣ; время было осеннее, грязное, коляска и увязла въ грязи; баринъ позвалъ стоявшихъ на улицѣ мужиковъ, всего пять человѣкъ, а съ ними былъ и нашъ Иванъ. Какъ вытащили коляску, баринъ и говоритъ: ну, спасибо ребята, вотъ вамъ на водку, — да и отсыпалъ имъ цѣлыя пригоршни мѣдныхъ денегъ. Мужики поклонились барину, взяли деньги, да и давай ихъ считать, и насчитали всего цѣлый рубль. Ну, теперь пойдемте-же выпьемъ, сказали всѣ въ

одинъ голосъ; да и пустились чуть не бѣгомъ въ кабакъ. Только на полдорогѣ Иванъ вспомнилъ Спиридона и свой боченокъ, и закричалъ вдругъ: стойте братцы, я въ кабакъ не пойду, и вина пить не стану. — « Отъ чего не станешь? » закричали ему товарищи. — Да ужъ такъ не стану, да и вамъ бы лучше не ходить въ кабакъ. Отдайте то, что приходится на мою долю. — Товарищи подняли Ивана на смѣхъ. « Возьми свои деньги, говорили они, домъ что ли хочешь выстроить на двѣ гривны, али задумалъ въ купцы? » Но Иванъ не слушалъ ихъ, взялъ свои 20 копѣекъ, да бѣгомъ домой, въ амбаръ, да и бросилъ ихъ въ боченокъ.

Чрезъ недѣлю Ивану понадобились деньги, отдать сборщику въ подать; и онъ повезъ на базаръ овесъ; взялъ за двѣ четверти четыре цѣлковыхъ да полтину мѣди. Ну, думаетъ себѣ, овесъ я продалъ выгодно, можно и выпить; — и ужъ было поворотилъ къ выставкѣ; да и вспомнилъ опять Спиридона и свой боченокъ. Нѣтъ, сказалъ онъ самъ себѣ, лучше куплю своему мальчику на гривну калачъ, а пить водки не стану. Такъ и сдѣлалъ. И вотъ ужъ онъ сталъ въѣзжать въ свое село, глядь направо у кабака стоитъ съ десятокъ порожнихъ телѣгъ, тоже воротившихся съ базара; въ кабакѣ крикъ и пѣсни, а на поро-

гѣ сидитъ въ красной рубахѣ, съ рыжею бородою цѣловальникъ. «А вотъ и Иванъ, закричалъ онъ; хорошо ли продалъ овесъ?» — Слава Богу, говоритъ Иванъ, за двѣ четверти взялъ 4 цѣлковыхъ да полтину мѣди. — «Что жъ выпить-то и не заѣдешь» говоритъ цѣловальникъ, а я сегодня почалъ новую бочку, винцо славное. Вотъ слышишь, твои сосѣди пьютъ и не нахвалятся.»

— Нѣтъ, спасибо, что-то не хочется, говоритъ Иванъ. — «Вишь ты какой сдѣлался спѣсивый, давно ли?» — Но Иванъ не слушалъ цѣловальника; лукавый въ тебѣ сидитъ, думалъ онъ, про себя; да и давай погонять свою бурую кобылу, поскорѣе домой. Въѣхалъ на дворъ, а къ нему на встрѣчу жена съ сыномъ. — Ну вотъ тебѣ, Ѳедя, говоритъ онъ, гостинецъ, — да и отдалъ ему калачъ, — а это вотъ, жена, 4 цѣлковыхъ: спрячь до завтра, отнесу къ сборщику. А самъ въ амбаръ, да и бросилъ въ боченокъ мѣдныя деньги всѣ 40 копѣекъ. Пришелъ въ избу и на сердцѣ-то у него радостно и легко какъ давно ужъ не бывало, и сталъ онъ молиться предъ образами, что Господь Богъ уразумилъ его и избавилъ отъ лукаваго.

На-завтра рано понесъ онъ деньги сборщику, который расчиталъ сколько слѣдуетъ съ него, взялъ 4 цѣлковыхъ, записалъ въ

книгу и въ платежную табель, да и далъ еще сдачи гривну мѣди. Хорошо-де дѣлаешь, говоритъ сборщикъ Ивану, что самъ принесъ подать, не заставляешь бѣгать десять разъ на недѣлѣ, какъ бѣгалъ я прошлый годъ. Нѣтъ сказалъ Иванъ, ужъ теперь самъ буду приносить подать, — бѣгать за мной не будешь. А самъ бѣгомъ домой въ амбаръ, да и бросилъ гривну въ боченокъ.

—

И съ тѣхъ поръ стало Ивану легко держать слово, данное дядѣ Спиридону. Продастъ ли бывало проѣзжему вязанку сѣна копѣекъ за 15 или за 20, или возметъ на базарѣ сдачи при покупкѣ соли, хоть пятакъ, хоть грошъ, поскорѣе и несетъ его въ амбаръ, да и въ боченокъ. И не стало его вовсе тянуть въ кабакъ, хоть и случится бывало ему мимо идти и слышать тамъ пѣсни и пляски.

—

5. Какъ дядя Спиридонъ зашелъ къ Ивану и что они дѣлали.

Такъ прошло четыре мѣсяца. Въ одно воскресенье предъ обѣдней зашелъ къ Ивану дядя Спиридонъ. Здравствуй, Иванушка, говоритъ онъ.

— Иванъ. Здорово, дядюшка.

— Спиридонъ. Ну, каково поживаешь?

— Иванъ. Слава Богу, все хорошо.

Спиридонъ. Вижу, вижу, что хорошо — вишь и мальчишка-то твой какой румяный, и жёна-то твоя, кажись, глядитъ весело.

— Иванъ. Благодареніе Господу, и тебѣ, дядюшка, за добрый совѣтъ и умныя твои рѣчи.

— Спиридонъ. А ты таки послушался моего совѣта! Чтожъ, небось трудно дѣлать такъ, какъ я тебѣ говорилъ?

— Иванъ. Нечего грѣха таить, дядюшка, было трудно первыя двѣ или три недѣли; — а тамъ что дальше, то легче; и теперъ вотъ ужъ и не думаю ни о кабакѣ, ни о винѣ.

— Спиридонъ. Ну, а боченокъ цѣлъ? много накопилось въ немъ денегъ; пойдемъ-ка посмотримъ!

— Иванъ. Цѣлъ, я его не трогалъ съ тѣхъ поръ, какъ поставилъ въ амбаръ; и кажись должно быть рубля два, а можетъ и три.

Дядя Спиридонъ вмѣстѣ съ Иваномъ пришли въ амбаръ, — сняли съ боченка верхніе обручи, выколотили дно, высыпали деньги, и начали считать. Насчитали не два и не три рубля, а цѣлыхъ 16 р. да еще 35 копѣекъ. — Видишь ли какъ моя гривна разрослась, сказалъ дядя Спиридонъ; а ты говоришь, что на нее тулупа не купишь; вотъ тебѣ и тулупъ будетъ, да еще и женѣ на кокошникъ останется.

Иванъ отъ радости не могъ сказать ни слова, и хотѣлъ онъ броситься въ ноги дядѣ Спиридону. Но дядя Спиридонъ не допустилъ его упасть и сказалъ: падай ницъ на колѣни предъ однимъ Господомъ: Единому Ему подобаетъ всякая честь и поклоненіе; Ему подобаетъ возносить благодареніе за то, что Онъ вложилъ въ насъ разумъ: когда ни самъ ты, ни злые люди не помрачаютъ разума, то ты всегда можешь дѣлать добро и самому себѣ и другимъ.

КТО ДѢЛАЕТЪ ВСЕ НА АВОСЬ, У ТОГО ВСЕ ХОТЬ БРОСЬ.

Кажись всѣ люди одинаковы: у всякаго есть ноги, чтобы ходить, руки, чтобы работать, голова, чтобы думать, да придумывать какъ бы что получше сдѣлать. А какъ посмотришь поближе, такъ и увидишь, что куда какъ велика разница между лѣнивымъ и работящимъ, между пьяницею и трезвымъ, между разумнымъ и глупымъ человѣкомъ. А кто жъ въ томъ виноватъ? ужъ конечно не Господь же Богъ, Который всѣхъ насъ создалъ по образу и по подобію Своему. Стало быть сами мы виноваты, сами не хотимъ дѣлать разумно. Всякое дѣло можно дѣлать хорошо и дурно; захочешь сдѣлать хорошо и сдѣлаешь непремѣнно. Лѣнивый человѣкъ всегда отговаривается неумѣньемъ. Да, вѣдь, всякій изъ насъ какъ родился такъ и ѣсть не умѣлъ; а теперь, вишь, всякій ѣстъ самъ, ложки не пронесетъ мимо рта и въ потемкахъ, и умѣетъ порядкомъ начинить брюхо какъ поставитъ жена щи съ мясомъ на столъ, да горшокъ съ кашей. Другой, глядишь, выучился и больше:

умѣетъ и вино пить; поднесетъ пріятель чарку — неумѣньемъ не отговаривается, да натянется такъ, что изъ кабака ведутъ подъ руки.

Иной разъ видишь, что другіе дѣлаютъ хорошо, знаешь что и самъ бы пораскинулся умомъ, сдѣлалъ бы не хуже; да зачѣмъ-де хлопотать, сдѣлаемъ *какъ нибудь,* хоть черезъ пень да черезъ колоду; *авось* съ рукъ сойдетъ. — Оно и такъ: *авось* девять разъ сойдетъ съ рукъ, а въ десятый надѣлаетъ мукъ, что и до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Вотъ примѣромъ сказать, въ одномъ селѣ жилъ крестьянинъ, по имени Богданъ, по прозванью Тихой; человѣкъ онъ былъ разумный и работящій. Господь благословилъ его доброю женою и даровалъ ему двухъ сыновей: старшаго звали Михайломъ, меньшаго Карпомъ. Богданъ любилъ свою жену, любилъ и дѣтей. Дѣти взросли и стали помогать отцу въ хозяйствѣ. Богданъ кажись обоихъ сыновей держалъ въ порядкѣ, не давалъ имъ баловаться, а все таки меньшому сыну Карпу какъ-то больше потакалъ. Случится бывало сдѣлаютъ дѣти что нибудь не такъ; Михайла отецъ пожуритъ порядкомъ и растолкуетъ что-де сдѣлалъ дурно, и укажетъ какъ бы надобно было сдѣлать лучше; а Карпу и смолчитъ. Богданъ думалъ себѣ: « Михайло старшій у меня сынъ, и долженъ быть примѣромъ меньшому;

а Карпъ еще подростетъ, ума прибудетъ, не станетъ и онъ дѣлать дурно.» И Михайло привыкъ съ измала дѣлать все съ толкомъ. Прикажетъ ли что сдѣлать отецъ и у Михайлы только и дума о томъ, какъ бы не забыть, да потрафить какъ разъ такъ, какъ отецъ наказывалъ. Задумаетъ ли, бывало, самъ что сдѣлать, то десять разъ подумаетъ, что изъ того выйдетъ; и примѣряетъ и расчитаетъ сперва, да потомъ уже разомъ за дѣло — и выдетъ такъ, что и самому ему весело, и отецъ хвалитъ, и люди любуются. А Карпъ какъ увидалъ, что ему сходитъ все съ рукъ, такъ и привыкъ дѣлать *вкривь* и *вкось*, да все на *авось*. Случится бывало перевозить хлѣбъ на гумно: Михайло запряжетъ свою тѣлегу, да осмотритъ крѣпки ли гужи у хомута, да есть ли чеки у колесъ, да всѣ ли онѣ крѣпки. Карпъ тоже запряжетъ бывало другую тѣлегу, кое-какъ; «у брата, думаетъ онъ, такая же тѣлега и лошадь какъ и у меня, авось и я съѣзжу не хуже». И вотъ пріѣдутъ они на ниву и станутъ накладывать копны. Михайло кладетъ снопы, да смотритъ какъ бы уложить ихъ поровнѣе, да увязать покрѣпче. А Карпъ набросаетъ снопы какъ попало, замотаетъ кое-какъ веревкою; *авось*, говоритъ, *довезу какъ нибудь*.

И вотъ ѣдутъ братья съ поля. Михайло ведетъ свою лошадку въ поводу; а ко-

ли больно уставши, бывало и взлѣзетъ на возъ, такъ ужъ возжей изъ рукъ не выпускаетъ, чтобъ не вцѣпиться въ встрѣчный возъ, да объѣхать его не трогая. А случись мало мальски горка, Михайло долой съ воза; да коли круто, подъ гору, — ужъ онъ ни за что не станетъ спускать не затормозивши задняго колеса. «И лошадкѣ, говорилъ онъ, будетъ «легче, да и возъ не опрокинется. Плохо дѣ«лать на авось: пять разъ съѣдешь счастливо, «а въ шестой, и возъ опрокинешь, и лошадь «изломаешь, и самъ, неровенъ часъ, безъ «головы будешь.»

Карпъ не слушалъ брата: только что увяжетъ кое-какъ снопы — и самъ на возъ; разтянется на снопахъ, да и давай пальцы считать. «Лошадь-де дорогу знаетъ, своего двора не «минуетъ, довезетъ *какъ нибудь.*»

Глядишь, не отъѣхали и версты, у Карпа, снопы стали падать съ воза; и надобно стоять да укладывать вновь. Проѣхали дальше, чека изломалась и колесо соскочило: нечего дѣлать, давай развязывать возъ, да складывать снопы, да надѣвши колесо, вновь ихъ накладывать. А не разъ случалось и такъ, что Карпъ лежа на возу считаетъ, считаетъ пальцы, да и заснетъ. А лошадь безъ возжей пошла колесить и вправо и влѣво, да и наѣдетъ на яму; возъ перекинется и Карпъ

нашъ только тогда проснется, какъ грянется осень.

Такъ жили при отцѣ Михайло и Карпъ: у одного умъ всегда на сторожѣ, а у другаго — все на *авось, да какъ нибудь*.

Еще при жизни отца, Михайло женился и выбралъ себѣ жену разумную, работящую, рукодѣльную. Богданъ умеръ и умирая благословилъ дѣтей и заказалъ Карпу слушать Михайла. Михайло сдѣлался хозяиномъ, все у него шло хорошо, и сталъ онъ учить Карпа дѣлать всякое дѣло съ толкомъ и съ разсудкомъ. «Съ дурною головою, говорилъ онъ, «и ногамъ нѣтъ покою: подумаешь хорошенько разъ, не ошибешься десять разъ. Кто «дѣлаетъ все на *авось*, у того все хоть брось. «*Авось* и *какъ нибудь* до добра не доведутъ.» Карпъ хоть и не перечилъ старшему брату, да отвыкать-то ему трудно было отъ привычки дѣлать все какъ нибудь, безъ оглядки. Подъ часъ хотѣлось бы и ему подумать какъ бы что сдѣлать получше, да поберечься чтобъ не дать въ чемъ маху; да куда тебѣ: вѣдь нужно умомъ разкинуться, головой поработать, а у Карпа не голова впереди, а куда ноги несутъ туда и голова; — и начнетъ бывало гладко, а кончитъ — гадко.

Прошло со смерти отца два года; Карпу пришла охота жениться. «Эхъ, братъ, гово-

«ритъ ему Михайла, раненько тебѣ еще же-
«ниться; надобно бы еще многому порядкомъ
«поучиться. Теперь ты живешь при мнѣ, хоть
«что и не ладно, и не такъ, все, подумавши,
«исправимъ. Женишься, надобно будетъ ду-
«мать за двоихъ, а ты и за себя не привыкъ
«думать; какъ же ты проживешь съ женою?
«Жизнь прожить не поле перейтить.»

— Вѣдь живутъ же другіе, говоритъ Карпъ, авось проживемъ *какъ нибудь.* «Нѣтъ, братъ, «говоритъ Михайло, плохо жить спустя ру-«кава: авось или какъ нибудь, до добра не «доведутъ, попомнишь мое слово.»

И Карпъ не послушался брата Михайлы, а взялъ да и женился.

Двумъ семьямъ вмѣстѣ стало жить тѣсно: Карпъ отдѣлился; Михайло надѣлилъ его скотомъ и всѣмъ, что нужно для хозяйства. Разумный человѣкъ сталъ бы жить, поживать, да добро наживать. И Карпъ бы нашъ отъ того не прочь; и у него была охота жить въ теплой избѣ и ѣсть щи съ приправой. Да никакъ онъ не могъ взять себѣ въ толкъ того, что прожить добро можно и безъ ума, а нажить его не тутъ-то было: безъ толку и послѣднее растеряешь.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Карпъ зажилъ самъ по себѣ; и куда плохо стало житье его! У брата родится въ полѣ

самъ 7, да самъ 10, а у Карпа на иной полосѣ самъ другъ, а на другой и сѣменъ не воротить. А все отъ того, что Михайло во время вспашетъ, и не разъ, а два и три, да порядкомъ унавозитъ свою ниву, да наровитъ какъ бы посѣять подъ дождикъ, да пораньше. А Карпъ всковыряетъ свою полосу какъ нибудь, разкидаетъ сѣмена какъ ни попало, да и думаетъ: *не нива родитъ, а лѣто, авось уродится, и буду съ хлѣбомъ.* У Михайлы и изба чиста и тепла, всякаго хлѣба закромы полны, и скотинка не худѣетъ и зимою. За лошадью иль коровой смотритъ и онъ и жена, чтобы и сыты были и во время напоены, да и ночью не бродили бы по улицѣ или по задворкамъ.

У Карпа зимою вѣтромъ половину крыши съ избы снесло; тутъ бы тотчасъ и починить, да нашъ Карпъ думаетъ себѣ «*авось* доживемъ какъ нибудь до весны; да теперь же и соломка нужна для скотины.» Сѣна-то онъ не припасъ. Изъ трехъ лошадей у него осталось всего одна кобыла, да и то кожа да кости, хоть сей-часъ на живодерню. Одну лошадь увели у него цыгане, съ другою вотъ что случилось: разъ пріѣхалъ Карпъ съ поля поздно, лошадей угнали на ночлегъ, вести туда своего коня далеко, во дворѣ нѣтъ ни клока сѣна: «дай, говоритъ Карпъ, пущу на задворки, а чтобы не ушла далеко спутаю;

авось бѣды никакой не случится.» Такъ и сдѣлалъ. На утро вышелъ искать свою лошадь, а она лежитъ за кустомъ, и два волка, по уши въ крови, убираютъ кишки бѣдной скотины.

Но тутъ еще не всѣ бѣды кончились съ Карпомъ. Братъ Михайла пуще всего въ домѣ смотрѣлъ за огнемъ, и говаривалъ «бережливаго и Богъ бережетъ». А Карпъ привыкъ ничего не беречься, толковалъ себѣ глупую поговорку, «что де отъ напасти ни гдѣ не уйдешь, она и подъ землею найдетъ». Да такъ думая, сталъ сушить онъ разъ овинъ свой: разложилъ огонь, а самъ и пошелъ въ избу спать; дрова разгорѣлись, пламя выкинуло изъ печи, да за солому; тутъ ужъ дѣло коротко: поднялся вѣтеръ и въ полчаса у Карпа не осталось ни хлѣба, ни двора, ни избы; да еще сгорѣли три сосѣдніе двора. Карпа взяли въ судъ, поштрафовали, и отпустили. Пришелъ въ село, своя жена живетъ въ людяхъ, и чужіе люди плачутся на Карпа.

Грустно стало Карпу: разжиться нечѣмъ; у брата просить ужъ стыдно. Михайло и то много ему помогалъ. «Хозяйство, думаетъ Карпъ, нейдетъ мнѣ въ руку; дай пойду промышлять, авось буду счастливѣе. Кудажъ идти? торговать — надо деньги, а у меня и копѣйки за

душой нѣтъ; рукомесла ни какого не знаю. Пойду наймусь на станцію, стану возить почту и проѣзжающихъ господъ. *Авось* съ голоду не умру». И пошелъ Карпъ на станцію и нанялся ямщикомъ.

И вотъ, разъ пріѣзжаетъ на станцію офицеръ: везти чередъ Карпу. Карпъ подалъ свою тройку. Офицеръ говоритъ: лошади у тебя добрыя, да тѣлега кажись шибко порастряслась, смотри чтобъ на дорогѣ что не изломалось. «Ничего баринъ, говоритъ Карпъ: намъ не въ первые, тѣлега-то моя изъѣздила не одну тысячу верстъ, а тутъ всего 22 версты; *авось* доѣдемъ *какъ нибудь.*»

И везетъ Карпъ офицера на доброй своей тройкѣ. На полдорогѣ надобно спускаться подъ гору. Карпъ и не думаетъ сдерживать свою тройку: лошади и пустились во всю скачь, да прямо на мостъ, а передъ мостомъ выбоина. А время было осеннее, по дорогѣ груда. Какъ наскакала тѣлега на мостъ, да хватилась съ разбѣгу передними колесами о первую половину, такъ тутъ какъ разъ шкворень пополамъ, а Карпъ нашъ отлетѣлъ сажени двѣ, да такъ хватился оземь, что у него рука пополамъ, а правая нога переломилась въ трехъ мѣстахъ.

Дальше разсказывать нечего. Карпа подняли, отвезли въ городъ лечить и вылечили; да то бѣда, что руку-то у Карпа свело, а ногу отрѣзали выше колѣна. И какъ вышелъ Карпъ изъ больницы, работать-то ужъ хоть бы и хотѣлъ, да нельзя; пошелъ онъ на двухъ костыляхъ побираться по міру, да пробираться къ женѣ. Пришелъ въ свое село и сталъ спрашивать жену; а жена-то давно померла съ горя да съ нужды. Остался Карпъ одинъ. «Дай пойду, думаетъ онъ, къ брату Михайлѣ; много онъ дѣлалъ мнѣ добра, на многое наставлялъ меня, и хоть я его не слушался, да *авось* онъ лихомъ меня не помянетъ.»

И только на этотъ разъ *авось* Карпово сбылось. Братъ Михайла принялъ его со слезами. Карпъ разсказалъ ему все, что съ нимъ было, и какъ лошади его разбили, и какъ руку переломилъ, и какъ ногу отрѣзали. «Те-

перь, сказалъ онъ, вижу, что я самъ во всемъ виноватъ; и всѣ мои бѣды вышли отъ того, что я дѣлалъ все *какъ нибудь* и все *на авось*».

Ну, сказалъ Михайло, стараго не воротишь, живой ноги вмѣсто костыля не приставишь: живи у меня; и то добро — будешь наукой моимъ ребятишкамъ, которые, вишь ты, ужъ шибко подростаютъ. Я имъ то и дѣло толкую, что умъ намъ данъ на то, чтобы думать, да придумывать какъ что лучше сдѣлать; что на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Не даромъ же Господь Іисусъ Христосъ сказалъ намъ: «будьте чисты какъ голуби и хитры какъ змѣи;» а нашъ священ-

никъ, отецъ Ѳедоръ, толкуетъ это такъ: у всякаго христіанина сердце должно быть невинно какъ голубь, а умъ держать надобно всегда на сторожѣ, потому что умъ нашъ на то и данъ Господомъ, чтобы умѣть избѣгать бѣдъ и напастей, да дѣлать все чѣмъ дальше тѣмъ лучше.

ЧТО ТАКОЕ ЧЕРТЕЖЪ ЗЕМЛИ, ИНАЧЕ ПЛАНЪ, КАРТА, И НА ЧТО ВСЕ ЭТО ПРИГОДНО.

Въ концѣ этой книжки приложенъ чертежъ; разверни и посмотри на него попристальнѣе; здѣсь дѣло любопытное и полезное. Ты видишь: въ одномъ мѣстѣ написано Москва, въ другомъ Кіевъ, въ третьемъ Волга. Хочешь-ли знать, что все это значитъ, и для чего это?

Объясню тебѣ примѣромъ: положимъ, что у тебя родные на дальней сторонѣ; ты къ нимъ пріѣхалъ повидаться, вотъ дядя у тебя спрашиваетъ: «а что, Ванюша, какъ поживаешь? я слышалъ, тебѣ, по милости Начальниковъ, новую избу выстроили; разскажи-ка какъ у тебя что, гдѣ что стоитъ? сперва, гдѣ

святыя иконы у тебя стоятъ; а потомъ скажи гдѣ у тебя столъ, гдѣ печка съ полатями, гдѣ поставецъ, гдѣ окошко?» — Вотъ ты и начинаешь разсказывать; только говоркомъ все не понятно, то и дѣло сбиваешься и дядя-то въ толкъ не возметъ. Хочешь-ли чтобъ и тебѣ легче было разсказать и дядѣ-то было бы внятнѣе? Ты возьми уголекъ, да листъ бумаги, а не то хоть доску, да и проведи по ней уголькомъ черту: вотъ-де стѣна, а вотъ другая, вотъ третья и четвертая; вотъ здѣсь-де дверь, а противъ нее въ переднемъ углу иконы стоятъ, и въ томъ же углу столъ, а вокругъ скамьи, вотъ здѣсь печка, а тутъ дверь въ чуланецъ; и, вѣстимо дѣло, стѣны избы большимъ четыреугольникомъ означишь, а печку напримѣръ маленькимъ. — Дядя пошелъ: «хорошо, говоритъ, ты живешь, все у тебя на порядкахъ; благодари Господа Бога и своихъ набольшихъ; только я не вижу, гдѣ у тебя закутъ, гдѣ хлѣвокъ для скотинки, гдѣ дворъ, гдѣ колодецъ и все, что для хозяйства потребно»? Вотъ ты хочешь начертить, гдѣ у тебя хлѣвокъ, анъ видишь, что у тебя доски не хватаетъ, не помѣстить на ней и избы и двора. Что тутъ дѣлать? — Ты сотри, что начертилъ да и черти другое; а другое вотъ что: проведи черту одну, другую, третью, четвертую какъ доски хватаетъ, и скажи: вотъ-

де дворъ, а во дворѣ здѣсь закутъ, здѣсь хлѣвокъ, здѣсь колодецъ, а здѣсь вотъ изба. Только самъ ты разумѣешь, что ужъ тутъ нельзя такой большой избы начертить, какъ ты прежде чертилъ, а можно ее означить лишь маленькимъ четыреугольникомъ; а въ этомъ маленькомъ четыреугольникѣ уже нельзя начертить ни гдѣ дворъ, ни гдѣ печка, ни гдѣ поставецъ.

Дядя понялъ: «хорошо, говоритъ, вижу, что все у тебя какъ слѣдуетъ; только я не вижу какъ у тебя на улицѣ домъ стоитъ, гдѣ у тебя огородъ, гдѣ поле, гдѣ у тебя сосѣди живутъ».

Какъ тутъ быть — какъ сдѣлать, чтобы дядѣ внятнѣе было? — Да опять по прежнему.

Сотри что начертилъ, да и черти снова: маленькимъ четыреугольникомъ означь домъ съ дворомъ; а вотъ здѣсь-де улица идетъ, а противъ моего дома братъ Никитка живетъ, по лѣвую сторону Семка слѣсарь, а по правую Устиновна вдова; а вотъ здѣсь у меня огородъ, а за огородомъ канава, чрезъ канаву мостокъ, а съ мостка дорога въ озимое поле. Начертилъ — дядя понялъ; только посмотри уже тамъ, гдѣ ты свой домъ начертилъ, ужъ тамъ не можешь означить ни хлѣва, ни колодца, потому что мѣста на доскѣ не хватаетъ.

А дядя все спрашиваетъ: — «гдѣ же, говоритъ, у васъ тутъ лѣсъ, гдѣ ваши земли подъ чужія подходятъ»? — Нечего дѣлать, сотри, да и черти снова на той же доскѣ. — Вотъ-де наша деревня, а отъ деревни вотъ тянется большая дорога, да подходитъ къ рѣкѣ, а по правому берегу нашъ лѣсъ и наша мельница, а чрезъ рѣку сосѣдніе заливные луга, а рѣка-то тянется да подходитъ къ городу, и такъ далѣе, что знаешь. Но только замѣть опять: на этомъ чертежѣ, ужъ и дома твоего не видать, да и всю деревню-то долженъ означить точками, а вмѣсто дороги у тебя одна черта, да и вмѣсто рѣки-то тоже.

Теперь ты ужъ понимаешь, что чѣмъ больше земли хочешь обхватить, тѣмъ мельче у тебя черты на доскѣ будутъ выходить. Напримѣръ, хотѣлъ бы ты весь уѣздъ начертить, гдѣ въ немъ городъ, гдѣ село, гдѣ деревня, гдѣ лѣсъ, гдѣ рѣка, гдѣ дорога, — то ужъ на такомъ чертежѣ и всю деревню твою долженъ одной точкой означить.

Что я сказалъ объ уѣздѣ, то разумѣй и о губерніи, что о губерніи то о цѣлой нашей матушкѣ Россіи, которая Божьею волею куда широко раскинулась. Отъ того можно, съ умѣньемъ, да съ мѣрою, всю нашу матушку Россію на планъ нанести; а что о Россіи, то и о другихъ земляхъ разумѣй. Вотъ передъ

тобою на чертежѣ часть земли, которая называется Европой и о которой скажемъ послѣ больше: вотъ ты видишь здѣсь Россія, съ окружными землями; начнемъ хоть съ верху; вотъ смотри на полночь лежитъ Петербургъ, а подъ него подходитъ Балтійское море; къ западу идетъ Пруссія, гдѣ живутъ наши союзники, а возлѣ на полдень Австрія, или Цесарія, гдѣ также наши союзники, все народъ Нѣмецкій, смышленый, торговый, занимается всякими ремеслами и фабриками, и къ намъ пріѣзжаетъ. Дальше къ полудню Черное море; оно одной стороной къ Одессѣ, а другою къ Царьграду подходитъ. Замѣть какія славныя рѣки въ Черное море втекаютъ: и Днѣстръ, и Бугъ, и Днѣпръ; далеко, далеко за Черное море на полдень стоитъ Іерусалимъ, гдѣ гробъ Господенъ; то же море подходитъ и къ Кавказскимъ горамъ, а за тѣми горами на востокъ Каспійское море, въ которое втекаетъ наша Волга матушка; видишь какъ она по Святой Руси тянется, всюду загибаетъ: изъ Астрахани и въ Саратовъ, и въ Симбирскъ, и въ Казань, и въ Нижній Новгородъ, и въ Кострому, и въ Ярославль, и въ Рыбинскъ, и въ Тверь; такъ что ты изъ Твери внизъ до самой Астрахани можешь спуститься, ибо ты знаешь, я чаю, что всякая рѣка въ море бѣжитъ. Въ Каспійское же море на востокѣ

втекаетъ рѣка Уралъ; а тамъ идутъ Уральскія горы, гдѣ есть и серебро, и золото, и мѣдь, и желѣзо. За Уральскими горами на востокъ и на сѣверъ распахнулась Сибирь, о которой мы въ другоредь особо поговоримъ. Отъ Уральскихъ горъ на сѣверъ Бѣлое море, что подходитъ къ Архангельску; а отъ Бѣлаго моря не такъ чтобы далеко Ладога, а тутъ и Петербургъ. Вотъ видишь, передъ тобой большая часть Россіи какъ на ладонѣ, и Москва по середкѣ.

Польза такихъ плановъ или, какъ ихъ называютъ, картъ, не малая; на первый разъ хотя для того, чтобы знать гдѣ какой городъ лежитъ, какая къ нему дорога, идетъ ли рѣкою или черезъ рѣку. А еще польза другая есть, и вотъ какая: ты знаешь, что Государь приказалъ всѣмъ межеваться, для того чтобы всякому своимъ угодьемъ владѣть безъобидно на вѣчныя времена, у сосѣдей земли не отнимать, да и своей безъ толку не отдавать. Вотъ для того, ты видѣлъ, я чаю, ѣздятъ землемѣры и также планы чертятъ, только немного помудрѣе, нежели какъ мы съ тобою чертили. Видишь въ чемъ дѣло; когда въ деревнѣ плана на землю нѣтъ, та деревня то и дѣло что ссорится съ сосѣдами. — Вы говорите: эта земля наша, а сосѣди толкуютъ: нѣтъ не ваша, а наша, а вы неправо запахали. Вы

свое: — «наша земля, вотъ и старики запомнятъ, испоконъ вѣка наша.» Хвать за стариковъ, а старики-то давно умерли. Вотъ чтобы не было такихъ споровъ, да толковъ, Государь и велѣлъ планы дѣлать на всѣ деревни, и всѣ угодья означать. Ты видѣлъ, землемѣры прежде землю смѣряютъ, а потомъ на планъ нанесутъ; только какъ же это они дѣлаютъ? А вотъ какъ: нельзя такого листа бумаги достать, чтобы всю землю, какъ она есть, начертить, да и дѣвать-то такого листа не куда — не особыя же хоромы для него строить; землемѣры и чертятъ также, какъ мы съ тобою, для дяди, твой домъ и деревню чертили. Только вотъ разница: ты чертилъ на обумъ, а они съ мѣрою; а чтобы большую землю деревни съ угодьями или уѣздъ на маломъ листѣ начертить, то у нихъ за десятину земли, на планѣ вершокъ отвѣчаетъ; т. е. коли на землѣ у кого три десятины вокругъ, то на планѣ они ее чертятъ въ три вершка вокругъ; гдѣ полдесятины — тамъ на планѣ полвершка; гдѣ четверть десятины, тамъ четверть вершка и такъ дальше. — Вотъ зашелъ споръ: сколько у такой-то деревни десятинъ лѣса? стоитъ только по плану смѣрить: сколько на планѣ вершковъ, столько на землѣ десятинъ. — Ты самъ разумѣешь, что вмѣсто вершка можетъ на планѣ, смотря по листу, и полвершка и чет-

верть вершка за десятину или сажень отвѣчать; стоитъ на томъ только уговоръ положить; а для этого посмотри внизъ плана; тамъ двойная черточка, другими чертами раздѣлено и подписано столько-то саженей; та черточка называется *маштабъ;* она для того дѣлается, чтобы видѣть какая мѣра на планѣ за десятину отвѣчаетъ. Посмотрѣлъ, смѣрилъ и всему спору конецъ; тотчасъ видно откудова и докудова чья земля идетъ.

Такъ вотъ тебѣ, что такое планъ, или карта, и какая отъ нихъ польза. Оно съ виду кажется трудно, а выразумѣешь, то легко, понятно и на дѣло пригодно. Коли выразумѣешь, то въ другорядь еще потолкуемъ; авось-либо доберемся и до того, какъ бы самому для себя землемѣромъ быть и какая отъ того въ крестьянскомъ быту польза есть. Русскому смышленому человѣку не невидаль какая такое дѣло понять; но это въ другорядь, а теперь скажу тебѣ только одно:

Не забывай молиться Богу за Батюшку Царя, который приказалъ всѣмъ межеваться, и земли на планы наносить, чтобы всякій жилъ безбѣдно, безспорно свое бы зналъ, чужаго не отнималъ и своего не терялъ.

О ТОМЪ, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ МІРОМЪ И ЧТО ТАКОЕ ЗЕМЛЯ, — И О ТОМЪ КАКЪ ВЕЛИКО СЛАВНОЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, И ЧТО ВЪ НЕМЪ ЕСТЬ.

Ты живешь въ селѣ; а въ томъ селѣ и избы и церковь Божія, и при селѣ пашни, и луга, и всякія угодья. Ты знаешь, что не одно твое село на Руси, а есть и другія села; а кромѣ селъ есть еще и города, уѣздные, губернскіе и столицы. А все вмѣстѣ называется Русскимъ Царствомъ. Но надобно знать, что какъ ни велико Русское Государство, а за нимъ есть еще и другія, большія и малыя царства, въ которыхъ также есть и пашни, и угодья, и села, и города. Всѣ царства вмѣстѣ составляютъ то, что называется землею.

А земля, и все что есть на землѣ, и все небо съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, все это вмѣстѣ называется *міромъ*.

Міръ такъ великъ, что нѣтъ ему мѣры и конца; звѣздъ такъ много, что нѣтъ имъ числа. И весь міръ этотъ сотворилъ Всемогущій Богъ; а прежде не было міра, и не было ничего, кромѣ Бога. И если бы Богъ не захотѣлъ сотворить міра, не было бы міра, не было бы и людей. Потому должно за то благодарить Бога и молиться Ему.

Земля, на которой мы живемъ, хотя и кажется плоскою, но въ самомъ дѣлѣ она есть огромнѣйшій шаръ. Были люди, которые объѣзжали землю кругомъ, т. е. поѣхали съ одного мѣста все прямо, не поворачивая ни на право, ни на лѣво, и пріѣхали опять на тоже мѣсто. А всего пути ихъ было 37,590 верстъ. А объѣхать нельзя было бы, если бы земля не была кругла, словно яблоко, или шаръ.

Солнце и мѣсяцъ тоже шары; а кажутся они плоскими кружками потому, что глядимъ на нихъ съ одной стороны. Если бы на землю поглядѣть съ мѣсяца, она показалась бы плоскимъ кружкомъ.

Солнце почти въ полтора милліона разъ больше земли; кажется же оно малымъ потому, что чрезвычайно далеко отъ земли; извѣстно, что всякая вещь чѣмъ дальше отъ насъ, тѣмъ кажется меньше. Отъ земли же до солнца 143 съ половиною милліона верстъ.

Мѣсяцъ въ 49 разъ меньше земли; и отъ него до земли 358,380 верстъ.

Земной шаръ состоитъ изъ твердой земли. Эта земля сначала была покрыта вся водою; но теперь третья часть земной поверхности стала *сушею;* а двѣ трети земли все еще покрыты водою, или великимъ *океаномъ* и морями.

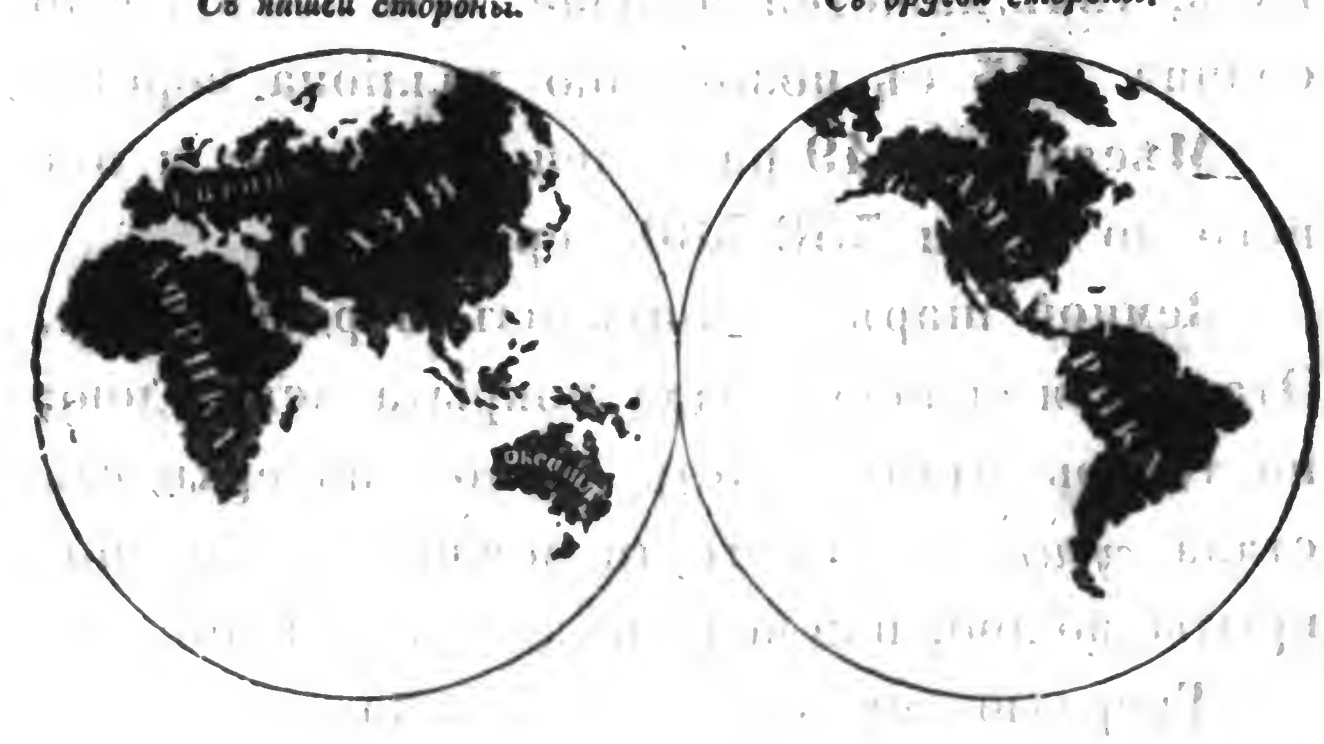
Твердую землю раздѣляютъ на *пять частей*

свѣта; онѣ называются такъ: 1) *Европа,* 2) *Азія,* 3) *Африка,* 4) *Америка,* и 5) *Океанія.*

За 350 лѣтъ знали у насъ только Европу, Азію да Африку. Потому эти три части свѣта называются *Старымъ свѣтомъ.* Америка и Океанія называются *Новымъ свѣтомъ.*

Надобно еще различать страны свѣта, а это не трудно. Въ полдень какъ станешь лицемъ къ солнцу, то передъ тобою будетъ *югъ,* или *полуденная* сторона, сзади тебя будетъ *сѣверъ,* или *полночная* сторона; по лѣвую руку будетъ *востокъ,* а на право *западъ.*

Среди трехъ частей Стараго свѣта стоитъ море Средиземное; на сѣверъ или на полночь отъ него Европа, гдѣ и мы живемъ; на востокъ Азія, на полдень Африка, а на западъ великій Западный океанъ, за которымъ Америка сама по себѣ на другой сторонѣ земнаго шара. Пониже Азіи, на южномъ Океанѣ лежитъ Океанія.

Больше всѣхъ частей свѣта Азія и Америка; Африка почти третьею частію меньше Азіи, а Европа втрое меньше Азіи, и одинакой величины съ Океаніей.

Въ этихъ пяти частяхъ свѣта многое множество различныхъ государствъ и народовъ, говорящихъ разными языками. Но не въ примѣръ больше всѣхъ великое и славное наше Русское Государство.

Русское Государство занимаетъ слишкомъ восьмую часть всей земли: почти половину Европы, больше третьей части Азіи, и часть Америки. У Россіи въ Европѣ: 3,430,000, въ Азіи 125,930,000, въ Америкѣ 1,127,000, а всего 130,487,000 квадратныхъ верстъ.

Границы у Русскаго Царства на сѣверъ, или на полночь, — Сѣверный океанъ, или Ледовитое море, отъ котораго отдѣляется особое Бѣлое море, гдѣ стоитъ Соловецкій монастырь, славный угодниками Божіими.

Восточную границу Россіи составляетъ Восточный океанъ, или Тихое море, за которымъ лежатъ владѣнія Россіи въ Америкѣ, откуда привозятъ дорогія бобровыя шкуры.

На полуденной, или южной, границѣ, лежитъ Китайское государство, откуда идетъ къ намъ чай; на той же границѣ, поближе къ намъ, лежитъ сначала Туркистанъ, гдѣ живутъ Бухарцы и Хивинцы, которые привозятъ къ

намъ халаты. Еще поближе лежатъ Каспійское море и Персія, или Персидское государство, у котораго мы завоевали Армянскую область съ высокою горою Араратомъ, гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ, послѣ всемірнаго потопа.

Рядомъ съ Персіею, на нашей же границѣ, лежитъ Турція и Черное море, большая половина котораго принадлежитъ намъ. Чрезъ Черное море ѣздятъ въ Царь-градъ, а тамъ и въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню. Отъ Чернаго моря отдѣляется внутрь государства море Азовское, на берегу котораго стоитъ городъ Таганрогъ, откуда идетъ много пшеницы за море.

На западной границѣ у насъ лежитъ Австрія, или Цесарія, да Пруссія, гдѣ живетъ народъ все больше Нѣмецкій.

На западъ же лежитъ у насъ Балтійское море и по ту сторону его Шведское государство, котораго короля Карла Двѣнадцатаго нашъ славный Государь Петръ Великій разбилъ подъ Полтавою.

—

Въ Русскомъ нашемъ государствѣ земля больше все плоская, но есть и горы. На сѣверѣ, подальше отъ Петербурга, есть горы, которыя называются Финляндскими, потому что проходятъ по Великому Княжеству Финлянд-

скому. Онѣ все больше изъ твердаго камня гранита, изъ котораго сдѣланъ памятникъ Императору Александру Благословенному въ Петербургѣ, да нижняя часть памятника въ Москвѣ Минину и Пожарскому. Въ Финляндскихъ горахъ есть однако и мраморъ, изъ котораго построенъ въ Петербургѣ Исакіевскій Соборъ. Между Финляндскими горами много большихъ озеръ, въ которыхъ ловится много рыбы.

На сѣверѣ же Россіи, между Петербургомъ и Москвою, лежатъ горы Валдайскія; онѣ хоть и не высоки, однако изъ нихъ вытекаетъ много рѣкъ, и самыхъ большихъ: Волга, Днѣпръ и Западная Двина.

На самомъ полуденномъ концѣ Русскаго государства, на берегу Чернаго моря лежатъ Крымскія горы; онѣ называются также Таврическими горами; по ту и по сю сторону ихъ растетъ много винограда, но лучшій по ту сторону къ морю, потому что тамъ теплѣе.

Отъ Таврическихъ горъ какъ пойдешь на востокъ, да переѣдешь Черное море, такъ и упрешься въ Кавказскія горы. Онѣ очень высоки, и потому въ самые сильные лѣтніе жары снѣгъ не таетъ на ихъ верхушкахъ.

Въ Кавказскихъ горахъ живутъ Черкесы, народъ все больше разбойники, и потому еще

и теперь ихъ воюютъ наши солдаты и Черноморскіе да Линейные казаки.

Кавказскія горы идутъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго, или Хвалынскаго; а отъ Каспійскаго моря прямо на сѣверъ до самаго Сѣвернаго океана идутъ горы Уральскія. Онѣ гораздо пониже Кавказскихъ горъ; но въ нихъ много желѣза, мѣди, серебра и золота; и потому на Уральскихъ горахъ устроено много разныхъ рудокопныхъ заводовъ.

За Уральскими горами лежитъ Азіятская Россія, или Сибирь, которую завоевалъ казакъ Ермакъ Тимофеевъ въ 1581 году послѣ Рождества Христова, стало быть за 262 года до насъ.

Въ Сибири на полуденной сторонѣ есть также высокія горы, покрытыя снѣгомъ: онѣ называются Алтайскими и богаты золотомъ и серебромъ. Изъ Алтайскихъ горъ вытекаетъ много рѣкъ, которыя всѣ текутъ по Сибири отъ полудня на полночь, въ Ледовитое море. Самая большая Сибирская рѣка Лена, она течетъ безъ малаго 4,000 верстъ. Потомъ, поближе сюда, сначала течетъ рѣка Енисей, на которой стоитъ городъ Енисейскъ и Красноярскъ; за тѣмъ рѣка Обь, а еще поближе рѣка Иртышъ, что впадаетъ въ Обь. На Иртышѣ стоятъ города Омскъ и Тобольскъ;

въ этой рѣкѣ утонулъ Ермакъ Тимофеевъ, завоеватель Сибири.

Въ Европейской Россіи рѣкъ и рѣчекъ многое множество: изъ нихъ такихъ, по которымъ плаваютъ суда съ товаромъ, и сплавляютъ лѣсъ да дрова, считается до 200.

Но самая славная и большая рѣка есть Волга. Всего она течетъ безъ мала 3,500 верстъ и впадаетъ въ Каспійское море.

На ней стоятъ губернскіе города: Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ и Астрахань, которая стоитъ почти на концѣ Волги, недалеко отъ Каспійскаго моря, и торгуетъ красною рыбою и Персидскими товарами.

На Волгѣ, кромѣ губернскихъ городовъ, стоятъ многіе уѣздные города, и всѣ торговые. Изъ нихъ самый богатый есть Рыбинскъ, торгующій на многіе милліоны рублей хлѣбомъ.

Въ Волгу втекаетъ много судоходныхъ рѣкъ; но самыя главныя двѣ: справа Ока, слѣва Кама. На рѣкѣ Окѣ стоятъ губернскіе города: Орелъ, Калуга, Рязань и Нижній Новгородъ; въ Нижнемъ течетъ также и Волга, и бываетъ славная ярмарка, на которую привозятъ товары со всѣхъ концовъ Русскаго Царства на 50 милл. рублей серебромъ. Рѣка Кама течетъ отъ Уральскихъ горъ, и

пониже Казани впадаетъ въ Волгу; на Камѣ стоитъ одинъ только губернскій городъ Пермь. По Камѣ идетъ много желѣза и мѣди въ Нижній на ярмарку.

Изъ Уральскихъ же горъ идетъ рѣка Уралъ и впадаетъ въ Каспійское море. На Уралѣ стоитъ городъ Оренбургъ, а на низу живутъ Уральскіе казаки; а дальше за Уралъ рѣку, на востокъ, живутъ Киргизы: народъ кочевой, домовъ у нихъ нѣтъ; они зимою и лѣтомъ живутъ въ юртахъ изъ войлока.

Почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ выходитъ рѣка Ока въ Орловской губерніи, въ Тульской начинается и рѣка Донъ и течетъ на полдень въ Азовское море, которое само течетъ въ Черное море. Близъ Дона стоитъ губернскій городъ Воронежъ, гдѣ покоятся мощи Святителя Митрофанія, а ниже начинается земля Войска Донскаго. Донцы живутъ по обѣимъ сторонамъ Дона; у нихъ главный городъ Новочеркасскъ.

Днѣпръ начинается не подалеку отъ Волги, и течетъ въ Черное море. Самый славный городъ на Днѣпрѣ есть Кіевъ, съ пещерами и мощами святыхъ угодниковъ. Повыше Кіева на Днѣпрѣ стоятъ губернскіе города: Могилевъ и Смоленскъ, который въ 1812 году разорили Французы. Пониже Кіева на Днѣпрѣ же стоитъ губернскій городъ Екате-

рипославъ, построенный въ честь Императрицы Екатерины II. За Екатеринославомъ начинаются на Днѣпрѣ каменные пороги, которые мѣшаютъ баркамъ и плотамъ ходить внизъ; плаваютъ же по нимъ безопасно только весною въ половодье. На концѣ Днѣпра, почти у самаго Чернаго моря, стоитъ городъ Херсонъ, построенный Императрицею Екатериною II; изъ Херсона водою ходятъ прямо въ городъ Одессу, который стоитъ самъ по себѣ на берегу Чернаго моря. Въ Одессѣ нѣтъ ни какой рѣки, а городъ большой торговый; пріѣзжаетъ много всякаго иностраннаго народа, все больше моремъ. Между Херсономъ и Одессою стоитъ городъ Николаевъ, гдѣ строятся военные корабли. Въ Николаевѣ идетъ рѣка Бугъ. Бугъ чѣмъ выше отъ города тѣмъ мельче, и судоваго хода по немъ почти не бываетъ.

Подальше отъ Одессы въ Черное же море впадаетъ рѣка Днѣстръ, которая къ намъ идетъ изъ Цесаріи.

Еще ниже въ Черное море течетъ Дунай, рѣка большая и славная, да у насъ мало его течетъ, только самый конецъ.

Мы все говорили о рѣкахъ, которыя текутъ больше на полдень; а еще есть много, которыя текутъ и на полночь — либо въ Балтійское море, либо въ Бѣлое и Ледовитое.

Въ Балтійское море течетъ рѣка Висла, на которой стоитъ городъ Варшава; поблизости течетъ рѣка Нѣманъ, на которой губернскій городъ Гродно.

Самая большая рѣка, что впадаетъ въ Балтійское море, есть рѣка Западная Двина; она начинается неподалеку отъ Волги, изъ Валдайскихъ горъ и течетъ мимо губернскихъ городовъ Витебска и Риги. Рига городъ большой и торговый; ведетъ торгъ больше съ Нѣмцами, лѣсомъ, хлѣбомъ, пенькою и льномъ.

Въ Балтійское же море впадаетъ рѣка Нева, на которой, какъ извѣстно, стоитъ городъ Петербургъ, столица Русскаго Царства.

Рѣка Нева не длинна, всего 60 верстъ, но широка и глубока, и воды въ ней всегда много, отъ того что она течетъ изъ большаго Ладожскаго озера.

Въ Ладожское озеро впадаетъ много рѣкъ, но самыя большія двѣ: Волховъ, идущій изъ озера Ильменя, и Свирь, которая идетъ изъ озера Онеги. Онѣжское озеро и Ильмень также большія озера, но поменьше Ладожскаго.

Почти у самаго Ильменя озера, на рѣкѣ Волховѣ, стоитъ городъ Новгородъ, гдѣ славный Софійскій соборъ съ мощами Святыхъ угодниковъ.

На Онежскомъ озерѣ стоитъ городъ Петрозаводскъ, гдѣ Императоръ Петръ I своими

руками копалъ желѣзо, и гдѣ теперь льютъ пушки. Изъ Новгорода и Петрозаводска можно проѣхать прямо водою чрезъ Ладожское озеро въ Неву, и потомъ въ Петербургъ.

Ладожское озеро очень бурливо, а отъ того Государь Петръ Великій и велѣлъ вокругъ него, отъ Невы до Волхова, вырыть каналъ, который идетъ на 109 верстъ и называется Ладожскимъ.

Самая главная рѣка, текущая въ Бѣлое море, есть Сѣверная Двина; на ней стоитъ городъ Холмогоры, гдѣ славный Холмогорскій скотъ, и городъ Архангельскъ, куда на корабляхъ пріѣзжаетъ за хлѣбомъ и лѣсомъ разный иностранный народъ, а больше Англичане.

Есть и еще рѣки, текущія въ Бѣлое море: рѣка Онега и Мезень, да въ Ледовитое море впадаетъ рѣка Печора. Всѣ эти рѣки не малыя, да судоваго хода на нихъ мало, за безлюдьемъ и холодомъ, и торговыхъ знатныхъ городовъ на нихъ нѣтъ.

Мы сказали какія есть въ Русскомъ Государствѣ большія рѣки, и какія стоятъ на нихъ города. Но кромѣ того есть много еще славныхъ городовъ, и межъ нихъ не въ примѣръ славнѣе всѣхъ *Москва*, первопрестольная столица Русскихъ Государей. Москва всѣмъ взяла: и храмовъ Божіихъ до 300, и домовъ

каменныхъ и деревянныхъ до 13,000, и жителей больше 350,000, и торговля, и промыслы, и фабричность всякая въ ней размножились.

Одна въ Москвѣ бѣда — воды мало; отъ того все привозить и отвозить надобно на лошадяхъ; а какъ случится распутица или вздорожаютъ кормы, такъ и дѣлается большая остановка во всемъ. Вотъ для того-то Государь и повелѣлъ строить къ Москвѣ отъ всѣхъ городовъ каменныя дороги, да и желѣзную приказалъ построить дорогу отъ Петербурга въ Москву. По желѣзной дорогѣ будутъ возить не лошадьми, а машиною; а машина вѣдь не ѣстъ ни овса, ни сѣна; повезетъ не 30 или 50 пудовъ, а 5,000 или 10,000, да и доѣдитъ не въ 6 или 10 дней, а въ 18 часовъ, а много, много въ сутки.

Въ Петербургѣ домовъ поменьше, чѣмъ въ Москвѣ, всего до 9,000, да домы больше Московскихъ; отъ того и жителей въ Петербургѣ больше, всего 470,000.

Въ цѣломъ Русскомъ Государствѣ считается всего народа 56 милліоновъ душъ. Въ другой разъ разскажемъ, какіе народы, кромѣ православнаго, въ Русскомъ Государствѣ живутъ и какой они вѣры.

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, ОТКУДА ПОШЛО РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО, КАКЪ ОНО БЫЛО, И КАКІЯ ВЕЛИКІЯ ДѢЛА ВЪ НЕМЪ СДѢЛАЛИ ПРАВОСЛАВНЫЕ ГОСУДАРИ.

Когда хочешь знать, какъ, что было въ старину, то надобно знать и когда оно было, въ которомъ году. Теперь отъ Рождества Христова 1844 годъ, стало быть прошло 18 разъ сто лѣтъ, или восьмнадцать столѣтій, а идетъ теперь 19-е. Русское Государство началось въ 9-мъ столѣтіи отъ Рождества Христова; а мѣсто ему было сначала между Балтійскимъ и Чернымъ морями, по обѣ стороны Днѣпра и направо и налѣво, даже до Волги; и на Дунаѣ рѣкѣ, и на Днѣстрѣ, и на Вислѣ, и на Нѣманѣ, и на Волховѣ, и на Окѣ, и на Дону, все то было испоконъ вѣка Русская земля. Много народа жило на Русской землѣ, да безъ всякой власти, стало быть безъ всякаго порядка и закона.

Старики пораздумали, что плохо такъ жить, да и призвали изъ за моря трехъ Князей, родныхъ братьевъ: править Русскою землею. Это было за 982 года до насъ. И какъ сдѣ-

лалось Русское Государство, стали наши Князья собирать войско, да ходить по Днѣпру въ Черное море, подъ самый Царьградъ, воевать Грековъ. Тутъ они увидѣли храмы Божіи и узнали, что есть единая истинная вѣра Православная Христіанская, которую исповѣдали Греки; а Русскіе въ то время держались язычества и поклонялись идоламъ. И вотъ Великій Князь Владиміръ призвалъ Греческихъ священниковъ, крестился самъ въ Православную Вѣру — а за нимъ и весь народъ. Это было въ Кіевѣ въ 988 году послѣ Рождества Христова; стало быть съ того времени по настоящій 1844 годъ прошло 856 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ начали на Руси строить Православныя церкви и ставить монастыри; начали быть святые угодники Божіи и являться нетлѣнныя мощи. Послѣ Владиміра Русское Государство раздѣлилось на двѣнадцать частей, или удѣловъ, между сыновьями Великаго Князя. Сначала младшіе братья, удѣльные князья, слушали старшаго и онъ имъ былъ набольшій Великій Князь, а потомъ каждый удѣльный князь захотѣлъ быть самъ по себѣ, и отъ того пошла безъурядица. Братъ воевалъ брата, и накликалъ бѣду и себѣ и другимъ. Тутъ въ 1224 году откуда ни возьмись изъ за Волги Татары, да и нахлынули на Русь, словно саранча; били, рѣзали и въ полонъ брали

православный народъ; оборонять было некому, потому что было много князей, да не было одного, которому бы всѣ повиновались и всѣ слушали. А у семи нянекъ дитя всегда безъ глаза. Такъ прошло слишкомъ сто лѣтъ. Татары ходили изъ конца въ конецъ по Русской землѣ, словно по своей вотчинѣ.

Въ тоже время на западѣ Литва, хотя давно платившая дань нашимъ Князьямъ, захотѣла быть сама по себѣ — да давай воевать Русь Православную, давай ходить внизъ по Днѣпру, да и взяла Кіевъ. Вотъ Русскіе Князья увидали, что плохо такъ жить, и начали больше уважать старшаго Князя, который уже тогда жилъ въ Москвѣ. А Московскій Великій Князь Димитрій Іоанновичъ сталъ неслушаться Татаръ; да мало того, благословясь у святаго Сергія Радонежскаго, собралъ меньшихъ Князей съ ихъ ратными людьми, пошелъ за Донъ войной на Татаръ, да и разбилъ ихъ главнаго воеводу Мамая, на Куликовомъ полѣ, что въ нынѣшней Тульской губерніи. Отъ того Великій Князь Димитрій Іоанновичъ и называется *Донскимъ*. Побѣда надъ Татарскимъ воеводой Мамаемъ была въ 1380 году, стало быть съ того времени прошло 464 года.

Съ тѣхъ поръ Московскіе Великіе Князья перестали бояться Татаръ, и не стали пускать

ихъ на Русь, да и думали только какъ бы, собравшись съ силами, ударить на ихъ Татарскія царства. А для этого прежде всего надобно было, чтобы у себя дома все стояло въ порядкѣ, чтобы вездѣ была одна власть и чтобъ всѣ слушали одной воли княжеской. И былъ мудрый на Руси Государь, Іоаннъ Васильевичъ Третій; и далъ ему Господь долгія лѣта, царствовалъ онъ всего 43 года, и прибралъ подъ свою крѣпкую руку достальные удѣлы, да и Новгородъ и Псковъ, которые еще были сами по себѣ; и сталъ называться Царемъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ. А внукъ его, Іоаннъ Васильевичъ Грозный, собралъ многое войско, да и пошелъ изъ Москвы на Казанское царство, которое въ то время было Татарскимъ; взялъ городъ Казань приступомъ, да чрезъ 5 лѣтъ завоевалъ и другое Татарское царство — Астраханское. А тутъ же козакъ Ермакъ Тимофеевичъ завоевалъ и Сибирское царство. И съ тѣхъ поръ Татарамъ уже было не до войны, и стали они торговать, да продавать, ходя по домамъ, халаты, платки, да мыло.

Послѣ Іоанна Грознаго осталось два сына Царевича: Θеодоръ и Димитрій. Θеодоръ Іоанновичъ царствовалъ 13 лѣтъ, да и скончался бездѣтенъ; а Царевичу Димитрію Богъ не привелъ царствовать: злые люди зарѣза-

ли его въ городѣ Угличѣ еще младенцемъ. Такъ и пресѣклось прямое царское колѣно. Тутъ ужъ и не знали кому быть на Руси Государемъ, а отъ того и пошла опять безъурядица. Явился самозванецъ, бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, сказалъ что-де онъ самъ и есть Димитрій Царевичъ, и навелъ на Русь Поляковъ. Поляки забрались въ самую Москву, да и давай кутить да мутить. Но слава Богу, на Руси не безъ добрыхъ людей: Нижегородскій гражданинъ Козьма Мининъ собралъ ополченіе, сыскалъ воеводу Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, да съ нимъ и выгнали Поляковъ изъ Москвы.

Но все же не ладно было оставаться Русской землѣ безъ Православнаго Государя. Бояре и выборные отъ всѣхъ городовъ земли Русской собрались въ Москвѣ, помолились Богу, да въ 1613 году и призвали на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, сродника по женскому колѣну Царю Ѳеодору Іоанновичу. Стало быть, это было за 230 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ видимо воцарилось благословеніе Божіе надъ Русскимъ Государствомъ. Стало оно укрѣпляться, да устрояться; пошли Государи мудрые и сильные, которые только и думали какъ бы водворить судъ и правду, да устроить войско, да взять назадъ то, что отняли враги.

Царю Михаилу Феодоровичу наслѣдовалъ сынъ его Алексѣй Михайловичъ, который возвратилъ Русскому Царству Малороссію вмѣстѣ съ Кіевомъ, гдѣ началось наше Православіе. Алексѣй Михайловичъ былъ Государь мудрый, любилъ правду, ненавидѣлъ всякое лукавство; — и хотѣлъ онъ чтобъ всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна. И для того повелѣлъ собрать законы и указы въ одну книгу, — назвалъ ее Уложеніемъ, и велѣлъ разослать во всѣ города и во всѣ суды и приказы, чтобы всякій могъ знать, что и какъ должно дѣлать; и какимъ судомъ за что вѣдаться.

Послѣ Алексѣя Михайловича царствовалъ сначала сынъ его Феодоръ Алексѣевичъ, а потомъ Петръ Алексѣевичъ, прозванный *Великимъ*, который родился въ 1672 году Мая 30, стало быть за 172 года; а на царство вступилъ въ 1690 году. Все что ни дѣлалось на Русской землѣ до того, все это ничего передъ тѣмъ, что сдѣлалъ Петръ Великій. Не даромъ и теперь всякій помнитъ Его великое имя и всякій хоть что нибудь да умѣетъ поразсказать объ немъ. Даровалъ Ему Господь умъ великій, догадку на все и охоту ко всякому дѣлу. И умѣлъ Онъ сразу отличить во всякомъ человѣкѣ и каковъ есть и къ какому дѣлу

Императоръ Петръ Великій.

больше пригоденъ. Потому-то Онъ и выбиралъ себѣ слугъ своихъ царскихъ межъ всякаго чину: и межъ бояръ, и межъ купцовъ и межъ простыхъ людей. И жаловалъ Государь всякаго по его заслугамъ.

Государь Петръ Великій съ измала полюбилъ науку. И вѣдалъ Онъ, что иноземцы хоть живутъ за моремъ и говорятъ другимъ языкомъ — нѣмецкимъ, но также христіане, какъ и мы, и молятся Богу въ церквахъ и читаютъ Св. Евангеліе, а въ наукѣ, во всякомъ искусствѣ, ремеслѣ и торговомъ промыслѣ куда далеко ушли впередъ передъ нами. И пожелалъ Онъ самъ побывать за моремъ, въ чужестранныхъ земляхъ, чтобы посмотрѣть какъ живутъ Нѣмцы, Англичане да Голландцы, какой у нихъ порядокъ и въ войскѣ и на флотѣ, и чѣмъ они торгуютъ, да какой-бы обычай перенять и сподручнѣе ввести и у себя дома, чтобы быть не хуже Нѣмцевъ и на войнѣ, и въ промыслѣ, и въ наукѣ.

И набралъ Государь молодыхъ людей, кто пограмотнѣй да посмышленнѣй, и поѣхалъ съ ними за море; и побывалъ Онъ въ разныхъ иностранныхъ земляхъ, и посмотрѣлъ все; молодежь свою отдалъ по мѣстамъ въ науку; а самъ въ Голландіи выучился всему мореходному дѣлу, и своими Царскими руками выстроилъ корабль.

И воротился Государь Петръ Алексѣевичъ домой, да первымъ дѣломъ давай заводить школы да училища, давай набирать полки да учить ихъ ходить и стрѣлять; да и самъ себя записалъ въ тоже войско и прошелъ всѣ чины отъ барабанщика до Генерала. А тутъ какъ разъ Шведскій Король Карлъ Двѣнадцатый и завязалъ войну; ему ужъ и то было не любо, что Петръ Алексѣевичъ больно шибко принялся устроивать свое Русское Государство; а къ тому Шведскій Король былъ больно горячъ и запальчивъ. И сошлось Русское войско съ Шведами первый разъ подъ городомъ Нарвою, что на Наровѣ рѣкѣ; да наши солдаты были еще народъ молодой, все больше рекруты; къ тому и самаго Государя не было при войскѣ; а Шведскій Король какъ разъ тутъ, да и разбилъ все Русское войско.

Кажись, тутъ и конецъ, нечего больше и драться! Анъ не тутъ-то было! Государь Петръ Алексѣевичъ получилъ не радостную вѣсть, да не много печалился. «Добро, говорилъ Онъ, это намъ наука; теперь наши солдаты видѣли какъ Шведы воюютъ, выучатся и сами станутъ ихъ бить». Да и давай снова устроять полки, лить пушки, дѣлать порохъ. И пріѣхалъ Государь самъ въ войско, взялъ Шведскія крѣпости на Невѣ рѣкѣ, и заложилъ городъ Санктъ-Петербургъ.

Вотъ ужъ тутъ какъ увидалъ Онъ море, то и велѣлъ строить корабли, чтобъ можно было воевать Шведа не только на сушѣ, да и на морѣ. А Шведскій Король все не унимался и задумалъ идти съ большимъ войскомъ внутрь Русскаго Государства, да изъ Польши

и зашелъ въ Малороссію. Государь Петръ Великій повелъ на встрѣчу свое войско, и какъ сошлось оно съ Шведами подъ Полтавою, и какъ устроились полки къ бою, Петръ Алексѣевичъ выѣхалъ впередъ и говоритъ: «Ну, ребята, настало времячко: или намъ или «Шведу быть набольшимъ; смотри же, стоять «твердо противъ врага, не пятиться назадъ, «а все впередъ; за насъ правда и Богъ; а о «Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога; «жила бы только Русь въ счастіи и славѣ.»

И вымолвивъ такое слово, повелъ Онъ войско на Шведовъ. И началось сраженіе въ 9-мъ часу утра; а Государь Петръ Алексѣевичъ былъ вездѣ впереди, леталъ на своемъ конѣ съ одного конца арміи до другаго. Пули сыпались на Его Царскую особу, словно градъ: одна прострѣлила шляпу Его, другая сѣдло, а третья попала въ самую грудь, да отскочила отъ золотаго креста Господня, висѣвшаго на персяхъ Царя. Такъ Господь хранилъ нашего Государя Петра Великаго для счастія и славы Россіи! Чрезъ два часа мы одолѣли врага. Большую половину Шведовъ положили на повалъ, а остальныхъ въ полонъ взяли; только и ушелъ что самъ Король ихъ Карлъ Двѣнадцатый, да безъ оглядки и пустился бѣжать къ Туркамъ. Эта знаменитая побѣда была 27 Іюня 1709 года.

День этотъ надобно помнить всякому Русскому человѣку. Съ того времени, по настоящій 1844 годъ, прошло 135 лѣтъ.

Какъ воротился Государь Петръ Алексѣевичъ въ Москву, да привелъ съ собою плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ, тутъ ужъ всѣ увидали, что не даромъ Государь училъ солдатъ маршировать и стрѣлять по нѣмецкому обычаю; не даромъ заводилъ школы да училища, не даромъ силою загонялъ учиться всякой наукѣ и искусству. И старики увидали, что хорошо-де и свое старое, а не въ примѣръ лучше порядокъ, который заводилъ Государь Петръ Алексѣевичъ.

Отпраздновавши побѣду въ Москвѣ, Государь тотчасъ отправился къ Балтійскому морю, чтобъ тамъ быть поближе къ Шведамъ; да и завоевалъ у нихъ Лифляндію, Эстляндію и Финляндію съ городами Ригою, Ревелемъ и Выборгомъ. Тутъ Шведы увидѣли, что дѣло плохо, и давай просить мира; а и давно была пора, ужъ воевали 20 лѣтъ съ годомъ! И замирился Петръ Великій съ Шведскимъ государствомъ въ 1721 году, да ужъ не отдалъ ничего назадъ изъ того, что завоевалъ, и осталось все то на вѣчныя времена за Русскимъ Государствомъ.

Государь Петръ Алексѣевичъ воевалъ еще и съ Туркомъ, у котораго взялъ городъ

Азовъ на Дону, да спустившись съ кораблями въ Азовское море, построилъ городъ Таганрогъ. Воевалъ Онъ и съ Персидскимъ Шахомъ и завоевалъ у него разные города. Пришлось было воевать и съ Поляками, да Господь не привелъ за кончиною Государя Петра Алексѣевича.

—

Уже было сказано какъ и когда Государь Петръ Великій заложилъ на Невѣ рѣкѣ городъ Петербургъ, и какъ Онъ, отпраздновавши Полтавскую побѣду въ Москвѣ, отправился къ Балтійскому морю: тутъ онъ какъ разъ пріѣхалъ въ новый свой городъ, да и рѣшилъ быть въ немъ новой столицѣ Русскаго Государства. «Хороша-де у Меня столица и Москва бѣлокаменная, да нѣтъ въ ней ни моря, ни рѣки большой; нельзя ни кораблей строить, ни торгъ вести заморскій, а въ Петербургѣ и рѣка большая и море тутъ же. Въ Петербургъ станемъ привозить русскіе товары, да продавать иноземцамъ, а тамъ построимъ свои корабли, да на нихъ сами поѣдемъ торговать за море. Оттого что построится Петербургъ, не будетъ хуже Москвѣ. Изъ Петербурга рукой подать въ иностранныя государства, откуда станемъ призывать мастеровъ разныхъ и посылать въ Москву и другіе разные города, заводить фабрики да за-

воды, да учить разнымъ искусствамъ; отчего будетъ всѣмъ русскимъ людямъ приволье и довольство». Къ тому жъ въ Петербургѣ было ближе къ Шведу, съ которымъ Государь не кончилъ еще расправы.

И велѣлъ Государь въ Петербургѣ строить палаты разныя, да домы боярскіе; а самъ выстроилъ себѣ домишко не лучше избы хорошаго мужика: всего двѣ свѣтлицы да третьи сѣни.

Домъ этотъ и теперь цѣлъ на берегу Невы рѣки, и въ немъ-то жилъ Великій Государь Петръ Алексѣевичъ, да глядѣлъ какъ строится Его столица, да писалъ Указы о томъ, чтобы по всему Русскому Государству творился судъ и правда.

И какъ стала столица въ Петербургѣ, начали пріѣзжать туда всякіе иноземные люди поклониться Великому Государю, да поторговать съ Русскимъ народомъ; и пораздумалъ Государь: «для начала де это хорошо, но не мѣшаетъ, чтобъ было и лучше; и теперь товары въ Петербургъ возятъ по Невѣ рѣкѣ,

да по Волхову, да и только; а надобно такъ сдѣлать, чтобы изъ Нижняго, да изъ Казани и изъ Астрахани можно было водой идти въ Питеръ».

И поѣхалъ Государь въ городъ Вышній Волочекъ и посмотрѣлъ — направо течетъ Тверца рѣка въ Волгу, а налѣво Цна рѣка въ Мсту да въ Ильмень озеро; а разстояніе межъ Цною и Тверцою съ небольшимъ верста; и велѣлъ Государь тутъ прорыть каналъ. И вотъ съ тѣхъ поръ садись на барку хоть въ Нижнемъ, хоть въ Казани, хоть въ самой Астрахани, да и ступай прямо водою въ Питеръ.

И повелѣлъ Государь осмотрѣть и другія прочія рѣки, чтобъ гдѣ близко сходятся вершинами — прорыть каналъ, а гдѣ поочистить отъ камней да отъ мелей, чтобъ вездѣ можно было быть свободному судовому ходу. А теперь ужъ и много прорыто каналовъ, много

рѣкъ выпрямлено, много пороговъ разорвано порохомъ, а все-то уже было указано Петромъ Великимъ; потому что Онъ вѣдалъ все и какъ оно есть, и какъ ему быть надо; и трудился Онъ не только для того, чтобы было хорошо сего дня, но и завтра и на вѣчныя времена. И думалъ Онъ не только о великихъ государскихъ дѣлахъ, но и о всякихъ крестьянскихъ: писалъ Указы какъ строить дворы въ деревняхъ не сплошь рядомъ, а только по два двора вмѣстѣ, а между дворовъ сады и огороды разводить, ради опасности отъ пожаровъ. Писалъ Указы и о томъ, какъ лучше пеньку разводить и табакъ и все, что можно съ барышемъ продать на базарѣ въ городѣ, или отпустить за море на корабляхъ. Писалъ Указы, какъ разводить шлепскихъ овецъ, чтобъ была своя шерсть, не то что на сѣрмягу, да и на всякое тонкое сукно. Самъ, вмѣстѣ съ Царицею, покупалъ за моремъ голландскихъ коровъ да посылалъ въ Холмогоры на Двину, а отъ того и нынѣ тамъ коровы такія, что лучше нѣтъ въ цѣлой Россіи. Самъ посылалъ лошадей изъ Лифляндіи на разводъ въ Вятку да въ Казань; а оттого пошли лошади казанки, хоть роста небольшаго, да крѣпкія и рысистыя: и корма мало для нихъ надобно, и для всякой крестьянской работы сподручны. И посылалъ Онъ крестьянъ изъ

Тульской да изъ Тамбовской губерніи въ Лифляндію учиться косить хлѣбъ; а косьба, всякій знаетъ, не въ примѣръ легче жатья: женщинѣ или дѣвкѣ и спины не разломитъ, и работа идетъ скорѣе. Да и о томъ думалъ Великій Государь, какъ бы народъ свой избавить отъ нужды, когда случится недородъ хлѣба: и велѣлъ Онъ заводить магазины, чтобы въ нихъ былъ запасъ всякаго хлѣба и для прокормленія и для засѣва.

И зналъ Государь Петръ Алексѣевичъ всякую нужду крестьянскую, и самъ своими руками умѣлъ исправить всякую работу: и плотничную, и кузнечную, и столярную, и сапожную и портняжную. Самъ корабли строилъ, самъ желѣзо ковалъ, самъ своими Царскими руками зашивалъ себѣ шерстяные чулки. На себѣ показывалъ Онъ какъ должно быть бережливымъ: «кто не бережетъ денежки, тотъ «самъ не стоитъ рубля», говаривалъ Государь.

Вѣчная Его забота была о томъ какъ бы православному Русскому народу было жить хорошо, чтобъ было у него всего вдоволь. «А для того, говаривалъ Государь, нужно «трудиться и учиться: когда нѣтъ свѣта ученія, «то нельзя не быть нестроенію, раздорамъ и «безумнымъ ересямъ».

Но всѣхъ дѣлъ Петра Великаго не раз-

сказать не только въ одинъ день, да и въ годъ не сможешь перечесть.

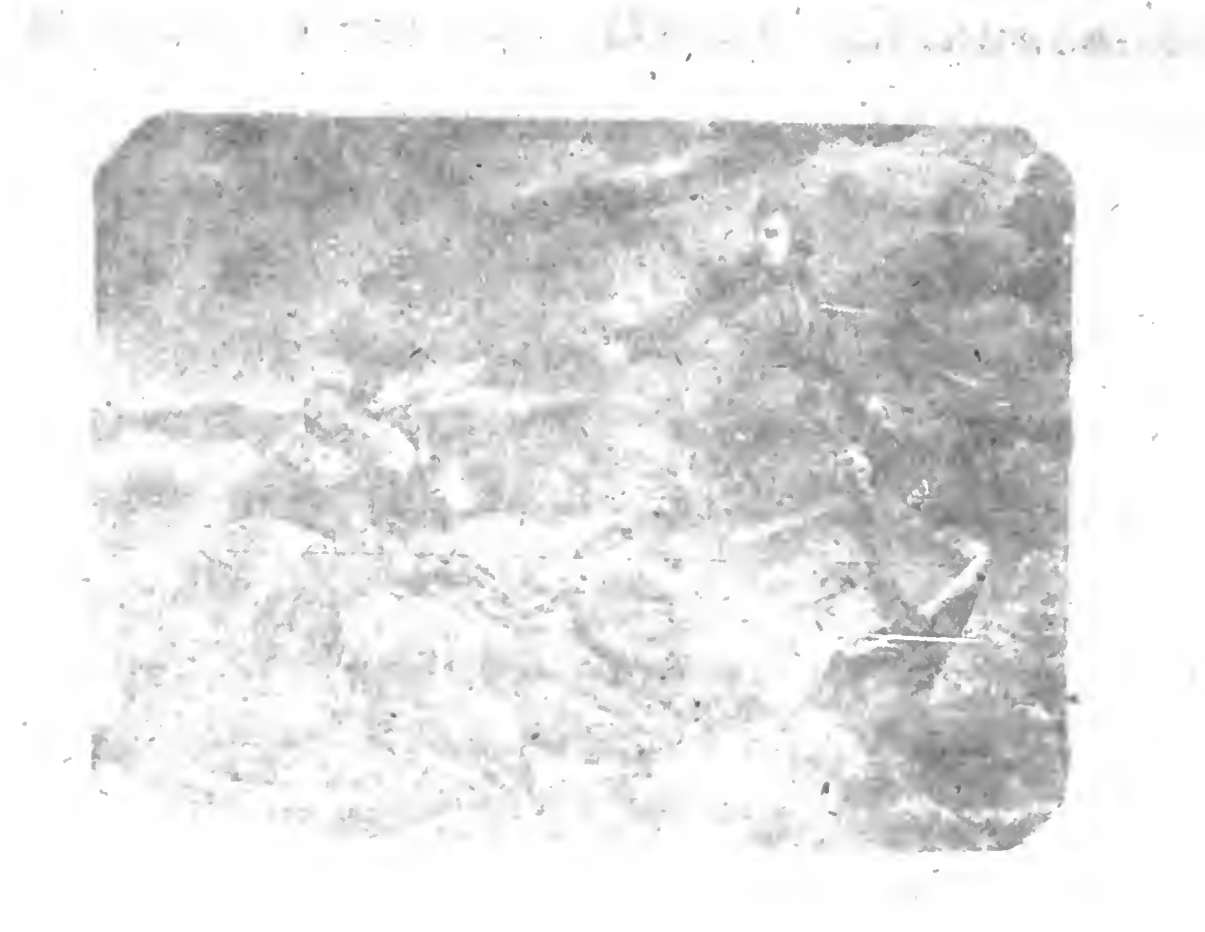
Въ 1724 году 5-го Ноября Государь Петръ Великій поѣхалъ водою на Лахту, близъ Петербурга, смотрѣть оружейные заводы. Время было позднее, бурливое. Не доѣзжая на одну версту до Лахты, онъ увидѣлъ плывшихъ изъ Кронштата матросовъ, — въ большой опасности отъ бури.

Тутъ не вытерпѣло сердце Государя: Онъ самъ, сначала въ своей шлюпкѣ, а потомъ по поясъ въ водѣ, бросился спасать матросовъ. Матросовъ-то Онъ спасъ, а свое здоровье погубилъ. Отъ вѣтра, воды и холода Государь заболѣлъ тяжко, и 26 Января 1725 года переселился въ жизнь вѣчную.

Стало быть со смерти Петра Великаго прошло 119 лѣтъ.

Какіе православные Государи царствовали послѣ Петра Великаго, и какія они великія дѣла сдѣлали, о томъ разскажемъ особо.

О МѢРАХЪ, ВѢСАХЪ И ДЕНЬГАХЪ.

1. *Мѣра длины.*

Въ торговомъ дѣлѣ, да и въ крестьянскомъ обыходѣ больше употребляется аршинъ и сажень.

Въ аршинѣ считается . . 16 вершковъ.

Аршинъ еще дѣлится на четверти, которыхъ въ аршинѣ четыре, а въ каждой четверти вершковъ также 4.

Въ сажени считается . . 3 аршина.

Самая большая мѣра длины есть верста, въ которой . . 500 саженей.

Въ плотничномъ и въ каменномъ дѣлѣ употребляется еще мѣра футъ, которыхъ въ одной сажени семь, а въ каждомъ футѣ считается . . . 12 дюймовъ.

2. *Мѣра полевая.*

Чтобъ вымѣрять поле, или лугъ, или лѣсъ мало знать одну длину, надобно знать и ширину; для того тутъ и употребляется мѣра

квадратная. Квадратная сажень есть такая мѣра, что со всѣхъ четырехъ сторонъ выходитъ 1 сажень длиннику; вотъ примѣромъ такъ:

Опять же въ квадратной мѣрѣ надобно, чтобъ длина упиралась прямо въ ширину; вотъ напримѣръ когда будетъ такъ , то тутъ также во всѣ стороны по 1 сажени, а будетъ меньше.

Обыкновенно мѣряютъ поле, лугъ или лѣсъ, *десятинами*.

Въ каждой десятинѣ считается 2,400 квадратныхъ саженей. Стало быть въ десятинѣ будетъ длины 80 саженей, а ширины 30; или все равно длины 60, а ширины 40 саженей.

3. *Мѣры хлѣбныя и для всего жидкаго.*

Хлѣбная мѣра есть *четверть*.

Въ четверти считается. . 8 четвериковъ.
Въ четверикѣ. . . . . 8 гарнцевъ.
Стало быть въ четверти . 64 гарнца.

Вино, масло и всякая жидкость мѣряется *ведромъ*.

Въ ведрѣ считается . 10 штофовъ или квартъ.
Въ штофѣ . . . . 2 полуштофа.

4. *Вѣсъ.*

Хлѣбъ, пеньку и всякую другую тяжесть

считаютъ вѣсомъ: берковцами, пудами и фунтами.

Въ одномъ берковцѣ считаютъ . 10 пудовъ.
Въ одномъ пудѣ . . . . 40 фунтовъ.

Фунтъ еще дѣлятъ на четвертыя и восьмыя части. Но когда вѣсятъ очень дорогія вещи, напр. золото и серебро, тогда фунтъ дѣлятъ на лоты, а лоты на золотники.

Въ одномъ фунтѣ считаютъ 32 лота.
Въ одномъ лотѣ . . . . 3 золотника.
Стало быть въ фунтѣ будетъ 96 золотниковъ.

5. *Деньги.*

Деньги бываютъ: золотыя, серебряныя, мѣдныя и ассигнаціи. Но всѣмъ деньгамъ ведется счетъ на серебро.

—

Золотыя деньги бываютъ:

Полу-имперіялъ, въ немъ 5 р. 15 к. серебромъ, или 18 р. $2^1/_2$ к. ассигн.

Имперіялъ, въ немъ 10 р. 30 к. сер., или 36 р. 5 к. ассигнаціями.

—

Серебряныя деньги бываютъ:

Цѣлковый рубль, въ немъ 100 к.
сер., или. . . . . 3 р. 50 к. ас.
Пятизлотый, въ немъ 75 к.
сер., или. . . . . 2 р. $62^1/_2$ к. ас.
Полтинникъ, въ немъ 50 к.
сер., или . . . . . 1 р. 75 к. ас.

Двухзлотый, въ немъ 30 к. сер., или	1 р. 5 к.	ас.
Четвертакъ, въ немъ 25 к. сер., или	87½ к.	ас.
Двугривенный, въ немъ 20 к. сер., или	70 к.	ас.
Злотый, или пятиалтынный, въ немъ 15 к. сер., или	52½ к.	ас.
Пятачекъ, въ немъ 5 к. сер., или	17½ к.	ас.

Мѣдныя деньги бываютъ:

Трехкопѣечникъ на серебро, или	10½ к.	ас.
Двухкопѣечникъ на серебро, или	7 к.	ас.
Копѣечникъ на серебро, или . .	3½ к.	ас.
Полкопѣйки на серебро, или . .	1¾ к.	ас.

—

Ассигнаціи бываютъ:

Синяя, или пятирублевая; она все равно, что .	1 р.	42⁶/₇ к.	сер.
Красная, или десятирублевая: она все равно, что	2 р.	85⁵/₇ к.	сер.
Бѣлая двадцати пяти рублевая; она все равно, что	7 р.	14²/₇ к.	сер.
Бѣлая пятидесяти рублевая; она все равно, что	14 р.	28⁴/₇ к.	сер.
Бѣлая сто рублевая; она все равно, что . . .	28 р.	57¹/₇ к.	сер.
Бѣлая двѣсти рублевая; она все равно, что .	57 р.	14²/₇ к.	сер.

Есть еще бумажныя деньги, которыя называются «депозитными билетами»; они ходятъ какъ серебряныя деньги и бываютъ:

Съ зелеными полосками въ 3 руб. сереб., или 10 руб. 50 коп. ассигн.

Съ синими полосками въ 5 руб. сереб., или 17 руб. 50 коп. ассигн.

Съ красными полосками въ 10 руб. сереб., или 35 руб. ассигн.

Съ черными полосками въ 25 руб. сереб., или 87 руб. 50 коп. ассигн.

Съ дикими полосками въ 50 руб. сереб., или 175 руб. ассигн.

РАСЧЕТЪ О ТОМЪ, СКОЛЬКО МОЖНО СБЕРЕЧЬ ДЕНЕГЪ, НЕ ПИВШИ ВИНА ВОВСЕ.

Кажется не велика бѣда пропить въ кабакѣ гривну мѣди; а какъ пораздумаешь хорошенько, да сосчитаешь, то и выйдетъ много. Вотъ, хоть для примѣра, возьмемъ фабричныхъ: многіе изъ нихъ пьютъ вино каждый день. Когда одинъ человѣкъ будетъ выпивать утромъ на гривну и вечеромъ на

столько же, — то въ цѣлый годъ пропьетъ, ни мало ни много — 73 рубля. Да и только ли 73 рубля? глядишь, гораздо больше; потому что по воскресеньямъ и по праздникамъ пьется болѣе; къ томужъ выпивши захочется и закусить, а подъ часъ надобно угостить пріятеля; а какъ все это сосчитаешь, такъ и выйдетъ, что въ годъ снесешь въ кабакъ не меньше *сотни рублей!*

Стало быть, тотъ, кто вовсе не пьетъ вина, сбережетъ въ годъ . . . 100 руб.
въ 3 года . . . . 300 руб.
въ 5 лѣтъ . . . . 500 руб.
въ 10 лѣтъ . . . . 1,000 руб.
А тысяча рублей для всякаго добропорядочнаго крестьянина не шутка, а цѣлый капиталъ, на который можно построить хорошую избу, весь дворъ, накупить рабочей скотинки, и завестись всѣмъ хозяйствомъ!

ЧЕР АНЪ

И ТО

КОТ

ЗАПАДЪ

ВОСТОКЪ

ЗАПАДНЫЙ

СИБИРЬ, ИЛИ АЗІЯТСКАЯ РОССІЯ

Горы Уральскія

Р. Печора

Р. Мезень

Архангельскъ

Холмогоры

Р. Вычегда

Р. Сухона

Вятка

Пермь

Р. Кама

Вологда

Рыбинскъ

Кострома

Ярославъ

Казань

Уфа

Владиміръ

Ниж. Новгородъ

Москва

Симбирскъ

Р. Ока

Оренбургъ

Рязань

Пенза

Тамбовъ

Тула

Саратовъ

Орелъ

Воронежъ

Курскъ

Р. Уралъ

Р. Донъ

Р. Волга

Харьковъ

Р. Донецъ

Астрахань

Новочеркаскъ

Таганрогъ

Херсонъ

Азовское Море

Крымъ

Р. Кубань

Р. Терекъ

Горы Кавказскія

Каспійское Море

Р. Кура

Тифлисъ

Г. Араратъ

Р. Араксъ

Р. Ефратъ

Персія

Р. Тигръ

Черное Море

ская Турція

РЕ

Іерусалимъ

ропьетъ, ни
только ни
пе; потому
камъ пьет-
ахочется и
етить прія-
акъ и вый-
къ не мень-

е пьетъ ви-
100 руб.
300 руб.
500 руб.
1,000 руб.
ропорядоч-
ѣлый капи-
хорошую
скотинки,

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ

КНИЖКА ВТОРАЯ,

ИЗДАННАЯ

КНЯЗЕМЪ В. Ѳ. ОДОЕВСКИМЪ и А. П. ЗАБЛОЦКИМЪ.

(Изданіе третье.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11-го Ноября 1846 г.

Цензоръ *С. Куторга.*

Въ типографіи И. Глазунова и Ком.

О ТОМЪ ЧТО ВЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ЕСТЬ, КѢМЪ РАЗСКАЗАНО, И НА КОТОРОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА ИЛИ СТРАНИЦѢ НАПЕЧАТАНО.

На которой странице.

Вотъ вамъ, добрые люди, и другая книжка Сельскаго Чтенія. Первую, мы чаемъ, вы ужъ всю до конца прочли, да и не одинъ разъ. Такъ и слѣдуетъ, особливо если что съ перваго раза въ толкъ не возьмешь, прочти въ другой разъ, а ино мѣсто и въ третій, тогда и увидишь, что мудреное легкимъ покажется. Только надо старанье.

Такъ читайте жъ, добрые люди, уму на пользу и душѣ въ утѣшенье. Да не забывайте Богу молиться, чтобъ Господь далъ вамъ разумѣнье на благо.

КН. В. ОДОЕВСКІЙ.

А. ЗАБЛОЦКІЙ.

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ ГОДЪ, ЧТО ТАКОЕ МѢСЯЦЪ И ЧТО ТАКОЕ ДЕНЬ, СКОЛЬКО ВЪ ГОДУ ДНЕЙ, А ВО ДНЮ ЧАСОВЪ И ЧТО ТАКОЕ ГОДЪ ВЫСОКОСНЫЙ

сякой знаетъ, что такое день и что такое ночь; только слѣпому не различить дня отъ ночи, потому что бѣдняга слѣпой не видитъ свѣта Господня. Всякому же зрячему извѣстно, что днемъ свѣтло, а ночью темно. Свѣтло же отъ того, что днемъ солнце свѣтитъ; а солнце не только свѣтитъ, но и грѣетъ; отъ того днемъ не только свѣтлѣе, но и теплѣе чѣмъ ночью. И ночью бываетъ свѣтло, когда свѣтитъ мѣсяцъ, да все же не такъ свѣтло какъ днемъ; а тепла отъ мѣсяца вовсе нѣтъ никакого.

День вмѣстѣ съ ночью называются *сутками*, — хоть не всѣ дни равны между собою, и не всѣ ночи равны дню.

Лѣтомъ дни бываютъ долгіе, а ночи короткія; зимою же на оборотъ: дни короткіе,

а ночи долгія; сутки зимнія и лѣтнія ровны между собою.

Въ суткахъ считается 24 часа; а въ каждомъ часѣ считается 60 минутъ. — Часы, вы знаете что такое; вотъ, мы слышали, у васъ дьячекъ приходской церкви часы дѣлаетъ; да и въ Волостномъ Правленіи есть часы. Вы знаете, что въ 12 часовъ, среди дня, бываетъ полдень, а въ 12 часовъ, среди ночи, бываетъ полночь.

Годъ дѣлится на 12 мѣсяцевъ, которые называются такъ:

Январь,	въ немъ	31	день.
Февраль,	въ немъ	28	дней.
Мартъ,	въ немъ	31	день.
Апрѣль,	въ немъ	30	дней.
Май,	въ немъ	31	день.
Іюнь,	въ немъ	30	дней.
Іюль,	въ немъ	31	день.
Августъ,	въ немъ	31	день.
Сентябрь,	въ немъ	30	дней.
Октябрь,	въ немъ	31	день.
Ноябрь,	въ немъ	30	дней.
Декабрь,	въ немъ	31	день.

А сколько въ году дней? не мудрено сосчитать, да счетъ бываетъ разный. А счетъ бываетъ разный вотъ отъ чего: вы знаете, что когда дѣло идетъ къ веснѣ, то солнце понемножку все раньше встаетъ; а когда дѣло идетъ къ осени, все понемножку позже, а потомъ опять начинаетъ вставать раньше. Теперь слушайте: сегодня напримѣръ 1 Января, солнце встало въ Петербургѣ въ 8 ч. 54 м.; солнце опять встанетъ въ этомъ часу и въ эту мину-

ту не прежде какъ чрезъ 365 дней, 5 часовъ и 48 минутъ съ половиною. Вотъ эти 365 дней 5 часовъ и 48 минутъ и называются годомъ. Но вы видите, что на каждый годъ приходится 5 часовъ 48 минутъ съ половиною лишку; чтобы не сбиваться въ счетѣ, установили такъ, чтобы три года сряду въ году считалось 365 дней ровно, а на четвертый годъ пригоняютъ что отъ каждаго года лишку осталось, то есть по 5 часовъ 48 минутъ съ половиную, такъ чтобы вышелъ полный день; отъ того три года въ Февралѣ 28 дней, а на четвертый годъ прибавляется къ Февралю 29-й день; отъ того первые три года считается въ году 365 дней, а на четвертый 366 дней и такой годъ называется *високоснымъ.* Вотъ и теперь въ годахъ 1841, 1842, 1843 было 365 дней, а въ 1844-мъ 366 дней, стало быть 1844 годъ былъ високосный.

Теперь вы знаете, что годъ високосный для того только установленъ, чтобы въ счетѣ дней не сбиваться, и счетъ днямъ ровнѣе былъ, а что впрочемъ високосный годъ такой же годъ какъ всѣ другіе и ничего въ немъ нѣтъ особеннаго. Старыя бабы, не зная что високосный годъ только для ровнаго счета заведенъ, задумали что этотъ годъ не такой какъ другіе, и что онъ бываетъ несчастенъ; но старымъ бабамъ нѣчего вѣрить; онѣ болтаютъ что на языкъ попадется, словно жерновъ на мельницѣ, — что ни положи все мелитъ. А вы свое знайте, а именно что все равно 365 дней или 366 дней въ году, все тотъ же годъ, и

такъ заведено лишь для того чтобъ мірянамъ во дняхъ не сбиваться.

Мѣсяцы дѣлятся на недѣли, и въ каждой недѣли считается семь дней; стало быть въ простомъ году будетъ 52 недѣли и 1 день, а въ высокосномъ 52 недѣли и 2 дни. Самый короткій день бываетъ 10 Декабря; послѣ 10 Декабря дни начинаютъ прибавлятся, а ночи убывать.

9 Марта день бываетъ равенъ ночи, апослѣ день дѣлается болѣе ночи, и 10 Іюня быбаетъ самыя долгій день. Тамъ дни опять начинаютъ убывать, и 10 Сентября опять день становится равенъ ночи.

А притомъ вотъ что смекай: замѣть съ какой стороны съ вечера звѣзды на небо поднимаются: если ты станешь такъ что та сторона откуда звѣзды поднимаются будетъ у тебя съ лѣвой руки, а сторона куда звѣзды къ утру опускаются будетъ съ правой руки, то знай что передъ тобой будетъ полдень или югъ, сзади сѣверъ, съ лѣвой руки на востокъ, съ правой руки западъ. Чѣмъ дальше какое мѣсто лежитъ на сѣверъ, тѣмъ зимніе дни бываютъ короче, а лѣтніе длиннѣе.

	Самый долгій день 10 Іюня.		Самый короткій 10 Декабря.	
въ Астрахани	15 часовъ	45 минутъ.	8 ч.	23 м.
въ Кіевѣ . .	16 —	24 —	7 —	57 —
въ Москвѣ .	17 —	28 —	6 —	58 —
въ Казани .	17 —	30 —	6 —	55 —
въ Петербургѣ	18 —	45 —	5 —	49 —
въ Архангельскѣ . . .	21 —	18 —	3 —	47 —

9-го Марта и 10 го Сентября день равенъ ночи, т. е. отъ восхожденія до захожденія солнца

бываетъ ровно 12 часовъ; и отъ того и говорится, что въ эти два дня бываетъ равноденствіе.

10 Марта равноденствіе называется *весеннимъ*, потому, что въ этомъ мѣсяцѣ начинается весна; солнышко уже такъ пригрѣваетъ, что снѣгъ начинаетъ таять, въ поляхъ показываются проталины, прилетаютъ жаворонки, потомъ снѣгъ совсѣмъ сходитъ, нагрѣвается земля, показывается зелень; травы и деревья убираются листьями и цвѣтами. Потомъ приходитъ Іюнь мѣсяцъ и наступаетъ лѣто.

Равноденствіе 10 Сентября называется осеннимъ, потому что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ начинается осень. Хлѣбъ убирается съ поля; дни становятся короче и холоднѣе, листья желтѣютъ, потомъ совсѣмъ опадаютъ; начинаются морозы, падаетъ снѣгъ, становятся рѣки, и наступаетъ зима.

Стало быть годъ раздѣляется на четыре части, которыя называются временами года, т. е. весна, лѣто, осень и зима.

Весенними мѣсяцами считаются: Мартъ, Апрѣль и Май.

Лѣтними мѣсяцами считаются: Іюнь, Іюль и Августъ.

Осенними мѣсяцами считаются: Сентябрь, Октябрь и Ноябрь.

Зимними мѣсяцами считаются: Декабрь, Январь и Февраль.

РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКІЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ГОСУДАРИ ЦАРСТВОВАЛИ ВЪ РОССІИ ПОСЛѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, И КАКІЯ ДѢЛА СДѢЛАЛА ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

Кто прочелъ первую книжку Сельскаго Чтенія, тотъ уже знаетъ какъ царствовалъ и когда скончался Императоръ Петръ Великій.

У Государя Петра Алексѣевича не осталось въ живыхъ ни одного сына, хоть и было у него четыре Царевича, да всѣхъ Господь прибралъ еще при жизни Родителя. Послѣ смерти Государя, т. е. 25 Января 1725 года, вступила на престолъ супруга Его, Императрица Екатерина Первая Алексѣевна. Она цар-

ствовала съ небольшимъ два года, и скончалась 1727 года Мая 6. Послѣ нея вступилъ на царство внукъ Петра Великаго, Императоръ Петръ Второй Алексѣевичъ, сынъ Царевича Алексѣя Петровича. Но и ему Господь не судилъ долго жить: Петръ Второй не царствовалъ и трехъ лѣтъ, заболѣлъ оспою и скончался въ Москвѣ въ началѣ 1730 года. Тогда вступила на престолъ Императрица Анна Іоанновна, племянница Петра Великаго. Она царствовала съ небольшимъ 10 лѣтъ и скончалась въ концѣ 1740 года.

Послѣ Анны Іоанновны царствовала Императрица Елисавета Петровна, дочь Петра Великаго; она скончалась 25 Декабря 1761 года, и на престолъ вступилъ Императоръ Петръ Третій Θеодоровичъ, внукъ Петра Великаго. И Ему Господь не привелъ долго жить: всего царствовалъ Онъ пять мѣсяцевъ; и скончался 25 Мая 1762 года, оставивъ послѣ себя малолѣтнаго сына Царевича Павла Петровича, и супругу Екатерину Алексѣевну, которая и вступила на престолъ.

Въ то время Россія еще не была то что нынѣ: многое что задумалъ Петръ Великій оставалось не начатымъ, многое что онъ началъ оставалось не конченнымъ. И внутри Государства, у себя дома, надо было устроивать порядокъ,—да и съ сосѣдями надо было справляться. А сосѣди наши были все народъ неугомонный: тутъ на сѣверѣ Шведы еще помнили невзгоду на нихъ при Петрѣ Великомъ, и, то и дѣло, грозились придти въ самый Петербургъ; тамъ на западѣ Поляки, то и дѣло кутили да мутили Литву и Бѣлоруссію намъ единокровныя и единовѣрныя; тутъ на югѣ

Турки и сами воевали и насылали Крымскихъ Татаръ воевать нашу Украйну да Малороссію; а тамъ дальше Персидскій Шахъ грабилъ и рѣзалъ единовѣрную намъ Грузію.

Со всѣми этими сосѣдями нельзя было раздѣлатьтя безъ войны. А какъ кажись воевать Царицѣ? Женское дѣло, на коня не сядешь да въ сраженіе не выѣдешь! Да дѣло въ томъ ,что Господь умудрилъ Государыню Императрицу Екатерину Алексѣевну разумомъ крѣпкимъ. Она, также какъ и Петръ Великій, умѣла выбирать слугъ своихъ Царскихъ; умѣла отличать кто на что пригоденъ: кто способенъ полками командовать, кто корабли вести, кто пригоденъ сидѣть въ Царскомъ Совѣтѣ, а кто быть намѣстникомъ въ городахъ, кто сидѣть въ Сенатѣ или въ судѣ какомъ, да творить судъ и правду. Отъ того-то и называли Государыню Императрицу Екатерину Алексѣевну за Ея умъ Премудрою, за Ея дѣла Великою, а за доброту Ея— Матушкою Царицею, и всѣ Ее любили такъ, что по одному слову готовы были въ огонь и въ воду.

Когда Императрица Екатерина Алексѣевна вступила на престолъ, тогда еще не было ни одного нашего города на Черномъ морѣ,—Крымомъ владѣли еще Татары, и былъ у нихъ свой Ханъ. Татары, дѣло извѣстное, не Христіане, почитаютъ Магомета; стало быть за одно съ Турками. Вотъ, въ 1768 году Турки и подъучили Татаръ воевать Рос-

сію. Татары зимою набѣжали въ нынѣшнюю Екатеринославскую губернію, выжгли наши селенія, побили и полонили народъ, угнали скотъ. А межъ тѣмъ и самъ Турецкій Султанъ снарядилъ противъ насъ 300 тысячь войска. Какъ пришла эта вѣсть къ Государынѣ, Она и велѣла своему войску выступать въ походъ, а войскомъ командовать графу Румянцеву. Наши сначала взяли города Хотинъ и Бендеры на Днѣстрѣ рѣкѣ; а потомъ при рѣчкѣ *Ларги*, разбили самаго Крымскаго хана съ его 100,000 Татаръ.

Чрезъ двѣ недѣли Румянцевъ повелъ наше войско на самаго Турецкаго визиря, который стоялъ при рѣчкѣ *Кагулѣ*, что въ нынѣшней Бессарабской области. Нашихъ было только 17,000 человѣкъ, а у визиря было 150,000 войска. Кажись, какъ тутъ и драться? на одного нашего приходилось почти по 10 Турокъ! Да дѣло въ томъ, что Румянцевъ помнилъ приказъ Государыни, которая ему писала: «Русскому «нѣчего спрашивать сколько враговъ, ему надо «только знать, гдѣ они!» А враги-то ужъ были подъ носомъ: графъ Румянцевъ навелъ ночью свое войско на самый лагерь визиря: наши, помолясь Богу, ударили прямо въ штыки. Турки, видя бѣду неминучую, пустились бѣжать безъ оглядки кто куда ни попалъ, и самъ визирь съ ними. Эта знаменитая побѣда зовется Кагульскою и была она 21 Іюля 1770 года.

Въ тотъ же годъ нашъ флотъ, подъ командой графа Орлова, пришелъ въ Средиземное море, и лѣтомъ встрѣтился съ Турецкими кораблями. Графъ Орловъ загналъ Турецкій флотъ въ небольшой заливъ при мѣстечкѣ *Чесь*-

ми; здѣсь Турецкіе корабли, 26 Іюня 1770 года, остались ночевать. Ночью наши врѣзались промежъ нихъ и зажгли. Страшенъ пожаръ на землѣ, а не въ примѣръ страшнѣе когда горятъ корабли на водѣ и взрываетъ ихъ порохомъ на воздухъ. Пять часовъ горѣли Турецкіе корабли, и сгорѣло ихъ всего болѣе сотни, и съ ними погибло болѣе 20,000 Турокъ. За эту побѣду Государыня пожаловала графа Орлова прозваніемъ *Чесменскаго*.

Турки все таки не унимались и хотѣли воевать хоть на сухомъ пути; но и тутъ имъ было плохо: наши шли все впередъ, брали ихъ города, и наконецъ перешли за Дунай, и хотѣли идти чрезъ Балканскія горы. Турки образумились и давай просить мира, который и былъ заключенъ въ Іюлѣ 1774 года. Государыня графу Румянцеву пожаловала прозваніе *Задунайскаго*, за то что подъ его командой Русское войско въ первый разъ перешло за Дунай рѣку.

Турки отдали намъ города Азовъ на Дону, Керчь и Кинбурнъ на Черномъ морѣ, и не стали мѣшать нашимъ кораблямъ плавать по Черному и Средиземному морямъ. Тутъ же Турецкій Султанъ далъ слово отступиться отъ Крымскихъ Татаръ, чтобъ имъ быть самимъ по себѣ съ своимъ ханомъ, и жить бы тихо и смирно.

Но Татары испоконъ вѣка непривыкли жить въ порядкѣ: выберутъ одного хана, глядь ужъ онъ имъ не въ угоду — давай другаго. Тамъ давай изъ Крыма выгонять Грековъ и Армянъ за то, что они Христіане. Да и въ

Крыму имъ не сидѣлось: вишь больно тѣсно: съ одной стороны горы, а съ другой море; надо бритой головѣ по степи порыскать, да наши села жечь и грабить.

Хану ихъ пришлось не въ мочь, и ударилъ онъ челомъ нашей Матушкѣ-Царицѣ. Государыня повелѣла своему войску вступить въ Крымъ, и Татарскіе мурзы присягнули на вѣчное подданство Россіи, и все ихъ Крымское царство стало одной только нашей губерніею, которая называется Таврическою. Съ тѣхъ поръ утихли Татары. Государыня повелѣла въ Крыму ставить города, и, чтобы гдѣ было стоять нашему Черноморскому флоту, построить городъ Севастополь; а нынѣ въ Севастополѣ такая пристань для кораблей, что въ цѣломъ свѣтѣ поискать.

И все это было больно нелюбо Туркамъ. А какъ поѣхала сама Государыня, чрезъ Кіевъ, Екатеринославъ и Херсонъ, въ Крымъ, посмо-

тѣть на свои новыя земли, да какъ пріѣхали, къ ней на дорогѣ поклониться Король Польскій и самъ Цесарь Нѣмецкій Императоръ, тутъ ужъ Турки и совсемъ всполошились. «Не хо-«тимъ-де мира, пойдемъ поголовно войною на «Россію.»

Государыня повѣлѣла снова своему войску идти на Турокъ, а командовать назначила князя Потемкина, да съ нимъ Суворова. А Суворовъ, всякъ то зналъ, дожидаться не любилъ. Турки же драться въ поле не любятъ; имъ только бы стрѣлять изъ-за-стѣны; вотъ они и засѣли въ крѣпостяхъ. «Стѣны де у «насъ высокія, каменныя, пороха и всякаго «провіанта много, отсидимся»

Но они, видно, еще не знали Суворова. Онъ разбилъ ихъ подъ Кинбурномъ; а тутъ наши подошли къ Очакову, да въ самый день Николая Чудотворца, 6-го Декабря 1788 года, и взяли приступомъ Очаковъ. 30,000 Турокъ

положили на мѣстѣ, а крѣпость срыли какъ будто ее и не бывало; и теперь Очаковъ не то что богатый городъ, а такъ небольшая слобода.

Суворовъ пошелъ дальше; Турки бѣжали предъ нимъ безъ оглядки. Въ Молдавіи, на берегу рѣчки *Рымника,* Суворовъ разбилъ самаго визиря съ 100,000 войска; Государыня за эту побѣду пожаловала Суворову прозваніе *Рымникскаго.*

На другой годъ Суворовъ подступилъ къ Измаилу, который Турки почитали неприступною крѣпостію. Суворовъ послалъ къ Турецкому пашѣ, чтобъ тотъ сдалъ бы Измаилъ безъ бою; а паша шлетъ такой отвѣтъ: «скорѣе де «Дунай потечетъ назадъ, чѣмъ Измаилъ сдастся «Русскимъ.» Нечего было дѣлать, наши и пошли на приступъ: въ 5 часовъ утра начался бой, а, чрезъ 6 часовъ, Русскіе были уже на стѣнахъ Измаила, и вступили въ самый городъ.

Когда дошла эта вѣсть до Турецкаго Султана, то онъ увидѣлъ, что никакія крѣпости не остановятъ Русскихъ, и давай просить мира, который и былъ заключенъ 29 Декабря 1791 года. За нами осталась вся земля между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, что нынѣ Херсонская губернія.

Теперь разскажемъ какъ и за что воевали наши съ Поляками.

Кто читалъ первую книжку Сельскаго Чтенія, тотъ уже знаетъ, что по ту и по сю сторону Днѣпра земли испоконъ вѣка были Русскія, и былъ тамъ Русскій языкъ и Православ-

ная вѣра; и въ Литовскомъ княжествѣ была также Православная вѣра. Но когда нашли на Русь, Татары, то Литва перестала платить дань нашимъ Князьямъ, стала сама по себѣ, да завоевала Кіевъ и Русскія земли по Днѣпру. Послѣ того Литва, въ 16 вѣкѣ, соединилась съ Польшею, и стала съ нею одно королевство Польское, а подъ нимъ и Бѣлоруссія, и Волынь, и Подолія. Надо знать, что въ Польшѣ была вѣра Римско-Католическая; оно бы и не бѣда: и Католики и Лютеране—все же Христіане, молись всякой какъ Господь на сердце положилъ,—не мѣшай и другимъ молиться по ихъ вѣрѣ. Да то бѣда, что Польскіе Католики не такъ думали, а говорили они Православнымъ: «молитесь де такъ какъ мы молимся, «креститесь не съ праваго плеча, а съ лѣваго, «почитайте Папу; а не то запремъ ваши цер«кви, не дадимъ вамъ совсѣмъ молиться». Но Православные твердо держались вѣры отцовъ своихъ, крѣпко стояли и противъ страха и противъ соблазна, хоть и терпѣли многія страданія. Наши Государи всегда заступались за единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ жителей Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи; Императрица Екатерина Алексѣевна то же писала къ Польскому Королю, чтобъ не отдавалъ Православныхъ на поруганіе и унялъ бы Католиковъ. Польскій Король Станиславъ Августъ и обѣщалъ было сдѣлать все такъ какъ хотѣла наша Государыня; да Польскіе паны и шляхта не слушались Короля. «За чѣмъ де Король «слушаетъ Русскую Императрицу; — мы де «пойдемъ на Нее войною.» И въ самомъ дѣлѣ снарядились и зачали воевать съ нами, да и

другихъ своихъ сосѣдей, Пруссію и Цесарію, не оставляли въ покоѣ. Дѣло однакожъ пошло другимъ чередомъ: Россія возвратила древнія свои области: сначала Бѣлоруссію въ 1773 году, а потомъ въ 1793 году область Минскую, Подольскую, часть Волыни и Литвы. Поляки смирились, но не надолго: чрезъ 6 мѣсяцевъ они въ одинъ день и часъ, а именно въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ, напали на Русскихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще стояли наши солдаты по квартирамъ, и сдѣлали страшную рѣзню. Государыня повелѣла Суворову смирить Польшу. Гдѣ ни являлись Польскіе мятежники, Суворовъ гналъ ихъ предъ собою, наконецъ взялъ Прагу и Варшаву. И вся сумятица кончилась тѣмъ, что къ Россіи, въ 1795 году, были присоединены области Литовская, Гродненская и Курляндія.

Теперь раскажемъ какъ Государыня Екатерина Алексѣевна воевала съ Шведскимъ государствомъ.

Побѣды Петра Великаго лежали на сердцѣ у Шведовъ: и вотъ, въ то время какъ мы воевали съ Турками, Шведскій Король Густавъ задумалъ войну съ Россіею. «Русскіе теперь «расправляются на югѣ съ Турками; все войско ихъ тамъ, а я де расправлюсь теперь съ «ними на сѣверѣ.» Да не сказавши ни слова и вступилъ съ войскомъ въ Финляндію, а своему флоту велѣлъ идти въ Балтійское море, да брать наши города Ревель и Кронштатъ. У насъ подлѣ Петербурга было на ту пору не много войска, всего тысячь пятнадцать,—но и то не дало ничего сдѣлать Шведамъ въ Финляндіи Шведы на корабляхъ пошли на Ревель, но тамъ отбилъ ихъ нашъ Адмиралъ Чичаговъ; они пошли на Кронштатъ: тутъ 23-го Мая 1790 года, завязался страшный бой на морѣ. Цѣлый день, отъ зари до глубокой ночи, раздавалась пальба изъ пушекъ, такъ что въ самомъ Петербургѣ дрожали стекла, словно отъ осенняго вѣтра. Самъ Король командовалъ Шведскимъ флотомъ, думалъ испугать Императрицу, и послалъ спросить у Нея: слышны ли де выстрѣлы въ Петербургѣ? А Она ему шлетъ такой отвѣтъ: «Я ужъ 25 лѣтъ слушаю пустые «Шведскіе выстрѣлы». Такъ-то Государыня Екатерина Алексѣевна знала Русскій народъ, и надѣялась на храбрость своихъ войскъ! Въ самомъ дѣлѣ, нашъ флотъ отбилъ Шведовъ отъ Кронштата, и, загнавши ихъ Короля съ кораблями въ Выборгскій заливъ, чуть было не уморилъ все ихъ войско съ голода. Король хотѣлъ

во чтобы ни стало пробиться, самъ повелъ свои корабли; но наши ихъ разбили, и самъ Король чуть не попался въ плѣнъ. Нечего ему было дѣлать, онъ давай просить мира; и Государыня замирилась съ Шведскимъ Королемъ 1790 года Августа 3.

Послѣдняя война у насъ, при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, была съ Персидскимъ Шахомъ, который въ 1796 году набѣжалъ съ войскомъ въ Грузію. Наши перешли Кавказскія горы, взяли города Дербентъ, Баку и Ганжу. Но война эта не кончилась при Императрицѣ, за Ея смертію.

И много славы прибыло Русскому народу въ царствованіе Екатерины Алексѣевны: на сухомъ пути мы одержали восемь большихъ побѣдъ надъ Турками, одну надъ Татарами, три надъ Поляками; взяли приступомъ города Очаковъ и Измаилъ у Турокъ, и Прагу у Поляковъ. На морѣ сожгли Турецкій флотъ, и одержали четыре большія побѣды надъ Шведами. А о малыхъ сраженіяхъ и о городахъ Турецкихъ и Персидскихъ, которые брали такъ мимоходомъ, и говорить нечего. Стали Русскою землею и Крымъ и вся степь до Чернаго моря и до рѣки Днѣстра, гдѣ нынѣ губерніи Екатеринославская, Таврическая и Херсонская. Возвратили мы наконецъ Бѣлоруссію, Подоль, Волынію и Литву, древнія отчины нашихъ Государей.

Въ то время какъ войско побѣждало вра-

Думала Государыня и о больныхъ, и о нищихъ, и о сиротахъ; и повелѣла Она заводить для больныхъ больницы, для нищихъ богадѣльни и рабочіе домы, для сиротъ безпомощныхъ -- сиротскіе да воспитательные домы.

Вѣдала Государыня, что многое множество умираетъ младенцевъ отъ оспы, а который не умретъ тотъ останется или слѣпымъ, или рябымъ уродомъ, что и взглянуть страшно; не минуетъ эта болѣзнь ни малаго, ни стараго, ни бѣднаго, ни богатаго: Самъ Государь Императоръ Петръ Второй умеръ отъ оспы. И захотѣла Государыня, чтобы всѣмъ дѣтямъ прививали оспу. А тутъ опять какъ разъ неразумныя матери и стали вопить: «слыханное «ли то дѣло, чтобы сущимъ младенцамъ коло«ли руки, да пускали въ рану гной?» И повелѣла Государыня привить оспу Самой Себѣ и Своему единственному Сыну, Наслѣднику Престола Великому Князю Павлу Петровичу, чтобы всѣ видѣли, что въ той прививкѣ нѣтъ никакой вреды, а лишь спасенье отъ бѣды.

Такъ-то Великая Государыня думала о благѣ своихъ подданныхъ. Не разсказать и сотой доли того, что Она сдѣлала на славу и на добро Русскимъ людямъ; но кто выразумѣетъ и то что сказано, тотъ благословитъ имя Матушки-Царицы Екатерины Алексѣевны, и бывши въ Петербургѣ, зайдетъ въ Петропавловскій Соборъ поклониться Ея праху.

Императрица Екатерина Алексѣевна скончалась 1796 года Ноября 6, царствовала же Она всего 32 года.

ГРОБНИЦА
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ГРАМОТКИ ДЯДИ ИРИНЕЯ.

Кто такой дядя Ириней, о чемъ его парни спрашивали и откуда пошли его грамотки.

Кто знаетъ дядю Иринея, вотъ что живетъ въ селѣ *Ивановкѣ*? изба у него такая славная,

съ красными окошками и росписными ставнями; на вышкѣ пѣтухъ, а по навѣсу разукрашено рѣзбою до чрезвычайности! Не знаете? такъ я вамъ разскажу про него: человѣкъ онъ не старой, да и не молодой, но такой здоровенной; самъ работаетъ, да и батраковъ нанимаетъ, потому что человѣкъ безсемейной; были у него жена и дѣти, да всѣхъ Богъ прибралъ; остался сирота сиротою, некуда было головы приклонить; вотъ ужъ лѣтъ десять какъ онъ взялъ землишку на оброкъ подъ Ивановкой и поселился на ней; сперва сосѣди на него поглядывали искоса, какъ на пришлаго, и подсмѣивались, что землишку взялъ плохую да смѣкали, что «недолго наживетъ.» Такъ они говорили, да не такъ вышло. Дядя Ириней пропускалъ мимо ушей недобрыя рѣчи, построилъ избенку и давай за работу. Провѣдалъ онъ что есть въ сосѣдствѣ помѣщикъ, добрый хозяинъ и что у того помѣщика есть разныя выдумки: и разныя сохи и плуги и молотильни и вѣялки; пошелъ онъ къ помѣщику, все осмотрѣлъ, на иное такъ позѣвалъ а иное перенялъ. Вотъ въ деревнѣ и того больше пошли зубоскалить. «Вишь выдумщикъ какой проявился, и сохи то у него не нашинскія, а видно заморскія; посѣетъ да пашню каткомъ укатываетъ, видно, чтобы глаже было ему ѣздить; и хлѣбъ не жнетъ, а коситъ;— наши дѣды безъ такихъ выдумокъ жили, да хлѣбъ ѣли. Ужъ не здоровать этому выдумщику,—вотъ, увидите, въ прахъ разорится». Такъ толковали зубоскалы, да не такъ вышло. Не прошло трехъ лѣтъ, какъ дядя Ириней вы-

строилъ и хлѣвки для скотины, и огородъ учредилъ, а тамъ смотришь и другую избу выстроилъ да уже попросторнѣе прежней; на пашнѣ у него чудное дѣло—почитай всегда урожай; въ огородѣ овощь всякая; въ хлѣвахъ коровки на славу; передній дворъ у него чистъ чистехонекъ, а всякую дрянь Ириней свозитъ самъ на задній дворъ, въ одну кучу валитъ, а къ этой кучѣ изъ хлѣвовъ стокъ проведенъ, да такъ искусно, что у дяди Иринея навозу кажись на всю деревню достанетъ; отъ того и землишка Иринеева изъ послѣдней сдѣлалась что не лучшая; съ четырехъ десятинъ онъ то сбираетъ что другому съ восьми не собрать.— Вотъ зубоскалы смотрятъ, да дивуются, а межъ тѣмъ у кого сѣменъ недостало на посѣвъ, у кого червь овощь поѣлъ, у кого на скотинку корма не хватило; къ кому идти какъ не къ дядѣ Иринею съ поклономъ; а онъ, добрый человѣкъ, кому сѣменъ на посѣвъ, кому овеца, кому крупки, а ребятишки такъ и ластятся къ нему кто за морковкой, кто за вареным картофелемъ. Такъ что съ той поры дядя Ириней пошелъ за отца по всей деревнѣ; да того мало—случись какая бѣда, палецъ кто порубитъ, угоритъ ли въ избѣ, или кого полумертваго изъ воды вытащутъ, просто ли занеможетъ; дядя Ириней тутъ какъ тутъ,—всякому поможетъ, а коли кого не подъ силу, такъ къ лекарю пошлетъ. Да еще утѣшникъ какой: въ будни работаетъ безъ устали, въ Воскресенье жъ, или въ праздникъ послѣ обѣдни, чѣмъ бы въ кабакъ, а онъ сядетъ у воротъ на заваленку, да книжку читаетъ; тутъ къ нему соберутся старый и малый, и парни

и дѣвки молодыя; всякому у него ласковое слово. Вотъ однажды ребята спрашиваютъ у него: отъ чего это дядюшка у кого ничего не выросло, у кого повысохло, у кого скотъ палъ,—а у тебя на поляхъ почитай всегда урожай и скотинка у тебя всегда здорова, и самъ ты всегда такой здоровенный? «А у меня на то поговорка есть» отвѣчалъ дядя Ириней, смѣючись.—Какая поговорка?—спрашивали ребята,—«А вотъ хоть напримѣръ: кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ».—Складно говоришь дядя, отвѣчали ему парни, а все мы въ домекъ не возьмемъ: отъ чего у насъ такіе же какъ у тебя и руки и ноги, а все у насъ не такъ клеится; ну, примѣромъ сказать, вотъ онамедни какъ мы вытащили изъ воды двухъ утопленниковъ: одинъ еще дышалъ — мы принялись его на бочкѣ откачивать; а ты принялся за другаго, про коего мы чаяли что онъ уже мертвый; и на бочкѣ его ты не каталъ, а только что суконкой теръ, да перо ему въ горло совалъ; нашъ Богу душу отдалъ, а твой очнулся—отъ чего такъ?—

—И на то у меня есть поговорка, отвѣчалъ дядя Ириней смѣючись: мало что хотѣть, надо знать, да умѣть.

«Складно сказано дядя Ириней, толковали ребята, да все не въ домекъ намъ; ну вотъ хоть примѣромъ сказать: отъ чего у тебя въ зиму на печку дровъ вполы противъ насъ не пошло; а все у тебя въ избѣ тепло».

— Отъ того, отвѣчалъ дядя, что у меня и на то поговорка есть: новаго, да добраго знай не дичись, а чего не знаешь тому учись.

А ребята все свое толкуютъ: «не въ домекъ намъ, дядюшка,—ты говоришь учись, ну да какъ же всему этому выучиться»?

—А вотъ какъ, отвѣчалъ дядя: по сторонамъ не зѣвай, что ни увидишь обо всемъ смѣкай; добрыхъ людей вопрошай, а ино мѣсто—книжки читай.

«Да что же въ книжкахъ-то такое написано»? спрашивали ребята.

—Да всячинское, говорилъ дядя - тамъ написано какъ утопшему помогать, какъ скотинку отъ падежа охранять, какъ землю удобрять, написано и какъ печку топить тепло, а дровъ немного пожигать.

«А чтобы тебѣ намъ разсказать, что у тебя въ книжкахъ написано, сказали парни.

—Пожалуй, отвѣчалъ дядя; что самъ знаю тѣмъ и съ вами подѣлюсь, чего не знаю—тому будемъ вмѣстѣ учиться; да чуръ не скучать, хоть спачала иное и трудно глядитъ, да послѣ слюбится.

Съ тѣхъ поръ каждое Воскресенье дядя Ириней, помолясь Богу за обѣднею, сядетъ у воротъ на заваленку, а кругомъ его старый и малый; дядя Ириней гуторитъ, а парни слушаютъ да смѣкаютъ. Да тѣмъ часомъ прилучился писарь грамотѣй, малой бойкой, послушалъ, послушалъ, пошелъ домой, принесъ съ собою перо да бумагу, да и присѣлъ поближе къ дядѣ Иринею; что дядя скажетъ, то писарь запишетъ. Съ тѣхъ поръ пошли по свѣту грамотки дяди Иринея; ходили, ходили да и до насъ дошли, а мы вамъ ихъ передаемъ. Читайте, да смѣкайте добрые люди; а что не въ домекъ,

объ томъ спрашивайте у насъ хоть на письмѣ; въ Питерѣ насъ всякой знаетъ, а мы вамъ отвѣтимъ, что Богъ на сердце положитъ.

О чемъ дядя Ириней спрашивалъ у пріѣзжихъ и что они ему разсказывали.

Дѣло шло къ посѣву. Игнатка, Петрушка и Никитка ходили на заживку, кто въ Москву, кто въ Питеръ, воротились и пришли поздоровататься съ дядей Иринеемъ.—А дядя Ириней такой любопытный; никогда пріѣзжаго не пропуститъ, чтобы не спросить о томъ, о другомъ, а самъ все смѣкаетъ.

«Ну, что видѣлъ Игнатка, спрашивалъ дядя, какое диво на свѣтѣ и что тебѣ больше по нутру пришлось?

—Былъ я въ Москвѣ, дядюшка, въ харчевнѣ—что за пироги съ говядиной, да съ яйцами, языкъ проглотишь; пріятель чаемъ напоилъ, а тѣмъ часомъ Нѣмцы на варганахъ да на гусляхъ играютъ, а по гуслямъ-то пальцы да куклы золотомъ разукрашены; варганъ вертятъ, а куклы скачутъ словно живыя—такое диво, дядюшка!

«Только-то ты и видѣлъ, Игнатка, отвѣчалъ Ириней, немного же; а, я чай, мошну-то свою порядкомъ порастрепалъ!

Игнатка поморщился, да принялся затылокъ чесать.

«Ну, а ты Петрушка, что видѣлъ»? спрашивалъ дядя Ириней у другаго.

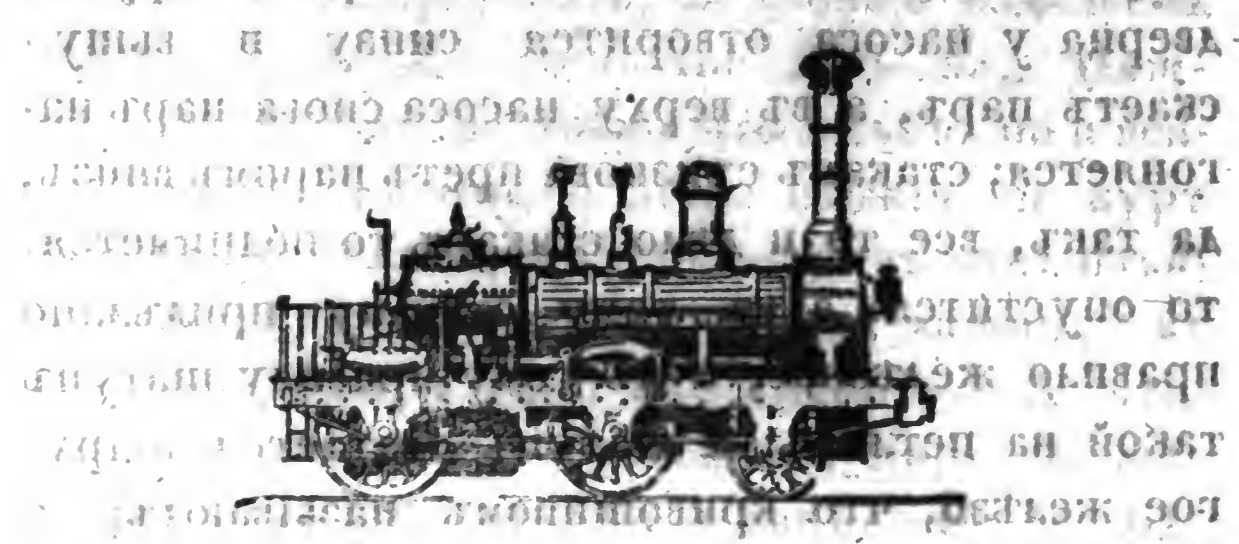
—Да такое диво, дядюшка, отвѣчалъ Петрушка, что и сказать нельзя. Былъ я въ Питерѣ, плотничалъ; тетушка Устинья просила, повидай молъ моего Ваньку, что живетъ подъ Питеромъ въ Павловскѣ, да свези ему грамотку, да яичекъ печеныхъ, да сушеную курку. Вотъ добрался я до питера, нанялся въ работу; пришелъ воскресный день, я и гадаю, какъ бы мнѣ до Павловска добраться, Ваньку повидать; спрашиваю: сколько верстъ? говорятъ до Царскаго Села двадцать пять, да до Павловска верстъ пять слишкомъ; ахти, говорю, въ день не воротиться, а завтра чѣмъ свѣтъ надо на работу—подрядчикъ больно погоняетъ, вишь спѣшное дѣло; полъ-дня прогуляешь—за день вычитаетъ; да и издержка не малая; можетъ, придется и переночевать на дорогѣ—а въ той сторонѣ такая дороговизна, что и сказать нельзя; посмотришь, такъ съ вычетомъ двухъ цѣлковыхъ какъ не бывало. Межъ тѣмъ пошелъ я къ ранней обѣднѣ, а тутъ смотрю землякъ прилучился; вотъ отошла обѣдня, я съ нимъ толковать какъ бы горю пособить, а онъ, человѣкъ бывалой, говоритъ: «эхъ ты Петрушка—развѣ не знаешь?—поѣзжай на машинѣ».—На какой машинѣ?—«Да, говоритъ, машина такая есть, что людей возитъ, словно птица летитъ,—не успѣешь оглянуться, такъ въ Павловскѣ тебя и поставитъ; побудешь тамъ часочикъ, опять на машину, она опять тебя до Питера довезетъ».—Да ужъ сегодня поздно—не воротиться до ночи!—«Эхъ ты деревня, говоритъ землякъ—до полудня опять въ Питерѣ будешь».—Что ты?—«Право слово. Да знаешь что—и мнѣ нуждишка въ Павловскѣ есть—

пойдемъ-ка я тебя проведу».—Дивился я больно, думалъ ужъ, что землякъ не хватилъ ли съ позаранку на праздникъ—нѣтъ! вижу что ни въ одномъ глазѣ. Повѣрилъ; пошли мы, пришли. Смотрю, выстроены хоромы; народу, народу видимо невидимо: кто муки куль, кто струментъ, кто узелъ тащитъ; землякъ говоритъ: давай два пятиалтынныхъ;—я далъ—хорошо; онъ пошелъ къ ставкѣ, взялъ два *нумера*, одинъ мнѣ отдалъ, все ничего; какъ вотъ слышу что-то благимъ голосомъ свиснуло; индо страшно стало: батюшки свѣты? что такое? «Ничего», говоритъ землякъ, «это машина играетъ, значитъ что пора на машину садиться; да вотъ и въ колоколъ зазвонили». Землякъ впередъ, я за нимъ, самъ гадаю: что-то будетъ? вотъ пришли—смотрю, стоитъ колымага за колымагой, большущія такія, стога два сѣна навалишь, а въ колымагахъ скамейки; въ одной колымагѣ люди сидятъ, въ другой всякаго снадобья навалено: и кули, и рогожи, и овощъ всякая, и дрова, и всякое хозяйство; да мало того, была колымага съ рѣшеткою—я заглянулъ, смотрю—глазамъ не повѣрилъ, тамъ и лошади и коровы—словно хлѣвъ какой. Экъ люди умудрились, подумалъ я—лошадей въ колымагахъ возятъ. А землякъ толкаетъ подъ бокъ: «что зазѣвался—становись скорѣе, а не то уѣдетъ».—Вотъ у колымаги стоитъ служивый съ бляхою, пропустилъ насъ и мы съ землякомъ въ колымагу, а въ той колымагѣ стоймя стоятъ; ничего; стали мы на мѣста,—словно въ избѣ,—все ничего; дымъ черный надъ нами такъ и валитъ. Я и спрашиваю у сосѣ-

дей: что за дымъ такой?—«машину топятъ» говорятъ! видно пироги печь хотятъ, подумалъ я; опять свиснула машина, да такъ страшно, что индо душа въ пятки ушла—а все ничего; да какъ вдругъ загрохотала, какъ тронулась машина—такъ домы и пошли мелькать передъ глазами: на доброй тройкѣ порожнякомъ не догнать; я только со стороны на сторону озираюсь; кругомъ канавы, кочки, а мы такъ и скачемъ во всю ивановскую, что дальше, то пуще. Вотъ слышу вокругъ толкуютъ: «машина въ шестьдесятъ лошадей! нѣтъ! въ восемьдесятъ!» Ну, подумалъ я, эка мудрость что скачутъ—шесть десятковъ лошадей запрягли! Вотъ видно кони утомились, колымага тише пошла; смотрю, на дорогѣ подкова лежитъ, да такая кажись новая, я и вскрикнулъ: постойте ребята, дай подковку подниму! и ужъ занесъ было ногу, чтобы соскочить, какъ, слышь ты, вокругъ меня хохотъ поднялся, да такой, что святыхъ вонъ выноси, а землякъ меня за полу: «что ты, говоритъ—хлѣбнулъ что ли черезъ край? голову сломить что ли хочешь»?—Да я только подковку—«какая тебѣ подковка, смотри-ка гдѣ она—ужъ за версту, я чаю; сидишь въ машинѣ, такъ сиди, пока не остановится, а пока не остановится и думать не моги выскочить; вотъ онамедни какой-то весельчакъ соскочилъ, такъ въ прахъ и разбился». Нѣчего сказать, дядя, жутко мнѣ стало; къ тому же опять машина свиснула богатырскимъ посвистомъ—да вдругъ и стала.—А что, еще чаю, далеко до Царскаго?—спросилъ я земляка,—«какое далеко, деревня! не видишь,

ужъ мы пріѣхали. Вотъ видишь и городъ, и Царскія палаты, и сады».—Посмотрѣлъ я—такъ въ самомъ дѣлѣ; отворили нашу колымагу, всѣ подни́лись, я стою—боюсь съ мѣста двинуться, ужъ землякъ силой потащилъ. Вышли мы—взглянулъ я въ колымагу съ рѣшеткой, анъ смотрю и коровы съ нами пріѣхали, я себѣ говорю, вотъ я чай лошади-то утомились, дай посмотрю что за запряжка, а землякъ меня подъ руку—«что зѣваешь, давай-ка еще гривенникъ, въ Павловскъ ѣхать»; я вынулъ гривенникъ, да ужъ и глаза закрылъ; народу видимо невидимо, всѣ бѣгутъ, всѣ спѣшатъ, ужъ какъ я еще очутился въ колымагѣ самъ незнаю; опять машина свиснула, опять грохнула, опять покатилась. Тѣмъ часомъ голодъ меня пронялъ; я за узелокъ съ хлѣбцомъ—не успѣлъ развязать, какъ колымага опять стала. «Вылѣзай», говоритъ землякъ, «пріѣхали». Что за диво такое? говорили пять верстъ до Павловска, а не успѣлъ оглянуться. . . диво да и только! Вылѣзъ я изъ колымаги самъ не свой, смотрю со стороны на сторону, какъ вдругъ нашъ Ванька такъ и пырь мнѣ въ глаза. Ну вѣстимо дѣло, поздоровались—и ну толковать о томъ о семъ.—Какъ Ванька поживаешь? «Да вотъ, говоритъ, при машинѣ служу, жалованье получаю».—Что ты?—«Право слово«.—Эко диво.—«Да такое диво, говоритъ Ванька, что вотъ ужъ полгода я здѣсь на машину и воду и дрова вожу, а все не въ домекъ мнѣ что за причина».—Скажи-ка Ванька, сказалъ я, что толковали ребята дорогою, шестьдесятъ лошадей, восемьдесятъ лошадей,

гдѣ же они запряжены? «Какія тебѣ лошади, говоритъ Ванька, это только такъ говорится на прикладъ какъ бы лошадей шестьдесятъ везли; а ни одной лошади нѣтъ, такъ себѣ машина ѣдетъ и тащитъ за собою колымагъ великихъ тьму тьмущую; а называютъ машину въ шестьдесятъ лошадей, потому что ся сила такова, какъ у шестидесяти добрыхъ лошадей».— Ну да чѣмъ же ее впередъ-то толкаетъ? — «Да чѣмъ? паромъ, говорятъ». — Паромъ? - «Да! паромъ водянымъ. Пойдемъ я тебѣ покажу.» Вотъ мы пришли, стоитъ за загородомъ словно самоваръ большущій, а къ тому самовару прицѣпляютъ колымаги, а тѣ колымаги катятся по желѣзнымъ полосамъ во всю дорогу.— «Вишь ты, говоритъ Ванька, я самъ на пер-

выхъ порахъ думалъ, что тутъ обманъ какой и что тутъ подъ самоваромъ кони спрятаны; да вотъ уже полгода здѣсь живу, при мнѣ машину и чистятъ и разбираютъ, и самъ ужъ я навострился что какъ чему быть, а никакой лошади, опричь воды да уголья, не видалъ. Что тутъ творится, трудно разсказать; вишь ты: тутъ котелъ такой въ машину вставленъ, въ него наливаютъ воду, а подъ него кладутъ

угольи, а не то дрова; вотъ вода закипитъ и пойдетъ отъ нея паръ, а отъ котла двѣ трубки проведены, вотъ видишь, въ насосъ такой, словно колодезной, а въ томъ насосѣ стаканъ ходитъ, или какъ зовутъ его, поршень;—вотъ,—помни—паръ изъ котла идетъ въ двѣ трубки, а каждая приведена къ насосу, только одна къ верху насоса, другая къ низу насоса; вотъ какъ въ верхъ насоса пара нагонитъ, паръ и претъ стаканъ внизъ; лишь стаканъ до низу дойдетъ, а на верху насоса дверца отворится, паръ изъ верху станетъ выходить вонъ, тѣмъ же часомъ изъ другой трубки паръ гонится въ низъ насоса; вотъ съ низу паромъ и вытолкнетъ стаканъ опять въ верхъ насоса, потому что тамъ въ верху уже паръ ослабѣлъ; какъ скоро вытолкнетъ стаканъ въ верхъ, другая дверца у насоса отворится снизу и выпускаетъ паръ, а въ верху насоса снова паръ нагоняется; стаканъ съизнова претъ паромъ внизъ; да такъ, все то и дѣло стаканъ то поднимется, то опустится; а къ тому стакану придѣлано правило желѣзное; а къ тому правилу шатунъ такой на петляхъ; а шатунъ хватается за другое желѣзо, что кривошипомъ называютъ; а кривошипъ за колесо; колесо и вертится; и такихъ на машинѣ два колеса; да какъ почнетъ работать, то тутъ что хочешь въ колымаги вали, хоть пудовъ тысячу—по желѣтнымъ полосамъ, что называютъ желѣзной дорогой, все тащитъ какъ ни въ чемъ не бывало. Ну, понялъ что ли»?—А я Ванькѣ въ отвѣтъ: немного дискать смѣкаю, а трудновато въ толкъ взять.—А Ванька толкуетъ: «Съ перваго раза

вѣстимо дѣло, что трудновато понять, да и разсказать-то не легко, особлцво если разсказывать все какъ есть, а и еще тебѣ и въ половину что есть не разсказалъ; однако какъ подумаешь немного, то какъ будто смѣкнешь». — Дивное диво, сказалъ я, да кто такое диво затѣялъ? — «А первый затѣялъ большой бояринъ, Графъ Бобринскій, затѣялъ и самъ заправляетъ, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ и мѣсто на постройку уступилъ. А вотъ, говорятъ, Батюшка Царь велѣлъ такую дорогу вплоть до Москвы довести, а тамъ и дальше до Нижняго Новогорода, а къ той дорогѣ другія со всѣхъ краевъ дорожки будутъ, чтобы нашему брату на дорогахъ не проѣдаться понапрасну, и привольнѣе въ Питеръ ли, въ Москву ли было пріѣзжать, да своимъ издѣльемъ торговать; тогда, слышь ты, хоть изъ Нижняго въ Питеръ не токмо что хлѣбъ, но и всякую овощь привози, и яйцы свѣжія, и куръ живыхъ, и телятъ, и свиней—ни въ чемъ изъяна не будетъ: сегодня сѣлъ на машину въ Москвѣ, а завтра ужъ въ Питерѣ». — А что, спросилъ я Ванька, и Батюшка-Царь по желѣзной дорогѣ ѣздитъ? — «А какъ же? и Батюшка-Царь, сядетъ въ карету и все бумаги читаетъ; право слово, самъ видѣлъ»! Такъ вотъ какое диво, дядяИриней!

«Дивное диво, Петрушка! И къ полудню въ Питеръ воротился?»

— И къ полудню въ Питеръ воротился, потолковалъ съ Ванькой, колоколъ зазвенѣлъ — и опять въ машину, да въ Питеръ пріѣхалъ си...

въ артели не обѣдали. Вотъ такъ-то и дали шестьдесятъ верстъ съ восьмью гривнами серебра въ колымагѣ проѣхать, да не то диво, а какъ машина-то ѣздитъ? да вотъ еще я на Невѣ видѣлъ не то что по землѣ, да и по водѣ, да и противъ воды барки большія ходятъ и говорятъ все также парами; и зовутъ такія барки пароходами. Да и на фабрикахъ, и на заводахъ все такіе же паровики; я самъ видѣлъ печки такія большія и топятся и дымъ идетъ; мудреное дѣло, дядюшка, нашему брату вѣкъ не понять!

«Какъ, сказалъ дядяИриней, отъ чего не понять? что за вздоръ! — стоитъ приняться. Вотъ у меня есть знакомый крестьянинъ графини Лавалевой, Михайло Васильевичъ Ѳедотовъ, такой же мужичекъ какъ и мы съ тобою, да только смышленой; увидѣлъ онъ пароходъ на Ладогѣ, — знаешь, озеро подъ Питеромъ! — посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и самъ такой же па-

роходъ сдѣлалъ, правда не большой, а на ряду съ другими также по Ладогѣ ходитъ противъ вѣтра и противъ быстрины.

— Дивное диво! — ну какъ это подумаешь водяной паръ, что вотъ, кажись, ничто, а такую силу имѣетъ. Какъ ты объ этомъ толкуешь дядюшка?

«А что развѣ вѣтеръ-то *что*, а на мельницѣ мелитъ!

— Да то вѣтеръ, дядюшка!

«А то паръ; — и паръ и вѣтеръ кажись ничто, а вотъ выходитъ и паръ и вѣтеръ не ничто, а примѣромъ сказать какъ вода, или какъ камень, силу имѣетъ. Вишь ты, тутъ, кажись вотъ въ чемъ штука: всякая вещь если мала, то безсильна, а коли побольше, такъ силу получаетъ; вотъ примѣромъ сказать камешекъ, что въ немъ вѣсу? а приложика къ нему другихъ—тяжелѣе будетъ; а возьми камень большущій, такъ намъ всѣмъ тремъ съ мѣста его не сдвинуть. Вотъ такъ и паръ; какъ воду кипятишь безъ покрышки, врозь разлетается, кажись ничего; а какъ накопишь его, да не пустишь врозь разлетаться, такъ силу получаетъ. Да вотъ недалеко ходить, онамедни поставилъ я корчагу съ водою въ печку и прикрылъ корчагу желѣзнымъ листомъ, да сверху камушекъ положилъ, чтобы не спала покрышка; какъ стала вода кипѣть, такъ паромъ и листъ желѣзный съ корчаги приподняло, да и камень свалило. А отъ чего такъ? отъ того что паръ накопился и отъ того получилъ силу; некуда ему дѣваться въ корчагѣ, онъ и сталъ

перѣть въ крышку.—Такъ вотъ оно что и на машинѣ-то пароходной! Ну да погоди, времени много впереди,—потолкуемъ вмѣстѣ, авось либо еще лучше допытаемся какъ дѣло идетъ; послушаемъ прежде что-то намъ разскажетъ Никитка. Ну, ты какое диво видѣлъ, Никитка?

«Я, дядюшка, отвѣчалъ Никитка, такое диво видѣлъ, что еще дивнѣе того, о чемъ Петрушка разсказывалъ. Былъ я также въ Питерѣ, въ земляной работѣ; копали канавы и клали трубы для фонарей, вотъ что по улицамъ стоятъ. Да за чемъ же трубы? спросилъ я однажды у товарища, который въ Питерѣ безвыѣздно живетъ,—что въ нихъ масло что-ли будетъ течь?—«Какое масло, отвѣчаетъ, тутъ не масло въ фонаряхъ а *газъ* горитъ».—Газъ спросилъ я? что за газъ такой?—«А вотъ, говоритъ товарищъ, посмотри какъ вечеромъ будутъ фонари зажигать». Не понялъ я рѣчи товарища, а подъ вечеръ смотрю фонарщикъ взлезъ къ фонарю; а тотъ фонарь мы только что поставили, и зналъ я, что къ тому фонарю шла труба и шла она до самаго того мѣста, гдѣ фонарь зажигаютъ; а въ томъ мѣстѣ у фонаря вмѣсто свѣтильни кранъ сдѣланъ, какъ у самовара бываетъ; фонарщикъ повернулъ кранъ, и вотъ диво, изъ крана какъ-бы что пахнуло, да и загорѣлось такъ свѣтло, что и сказать нельзя. Вотъ я спрашиваю у фонарщика: скажи служивый, много ли на ночь масла то въ фонарь наливаешь? А фонарщикъ мнѣ тоже въ отвѣтъ: «какое тутъ масло, тутъ нѣтъ масла—вотъ хоть-бы капля»!—Такъ, ска-

зали я, чтобы показать что де понимаемъ, а вотъ правду сказать, ни синя пороха не понимали. — Ну да гдѣ же у тебя служивый, свѣтильня? — А фонарщикъ какъ прикрикнетъ: «какая тутъ тебѣ свѣтильня? говоритъ тебѣ нѣтъ тутъ ни свѣтильни, ни масла, а такъ газъ горитъ — понимаешь»? Не въ терпежъ мнѣ стало; ничего не понимаю служивый, сказалъ я — вотъ хоть убей; ну да коли ни масла, ни свѣтильни нѣтъ, — такъ что же такое горитъ? что за газъ такой? съ роду не слыхивалъ. А фонарщикъ усмѣхнулся: «экой непонятный! вотъ что горитъ,» сказалъ да и дунулъ мнѣ въ лицо: «вотъ что горитъ, духъ такой — а зовутъ его газомъ. Понимаешь»? такъ я и осѣлъ — не зналъ что и придумать; какъ это духъ одинъ горитъ безъ масла? Вотъ, на другой день подрядчикъ повелъ насъ на работу въ большой, большой домъ; то *газовое заведеніе* говорили ребята; отсюда газъ въ трубы идетъ по всему городу, а изъ трубъ въ фонари подымается. Какъ я разумѣю кузнечное дѣло, то меня подрядчикъ поставилъ въ ту самую палату, гдѣ газъ-то этотъ дѣлаютъ. Чудная вещь, дядюшка — мнѣ долго толковали тутошніе, а все мнѣ не въ домекъ. Вишь ты, сдѣлана печка большущая, а въ той печкѣ баклаги чугунныя, а въ баклагахъ земляное уголье, такъ называютъ то что въ баклаги то кладутъ, а оно не то чтобы уголь, а похоже на него, а больше словно сухая болотина, вотъ что, кажись, торфомъ называютъ; вотъ въ баклагу напихаютъ уголья; а отъ баклаги идетъ труба въ чанъ съ водою, а надъ тѣмъ чаномъ оборочено вверхъ

дномъ котелъ изъ листоваго желѣза или на-примѣръ сказать не котелъ, а крышка такая глубокая; и виситъ тотъ котелъ вверьхъ дномъ на цѣпи надъ чаномъ, за дно къ цѣпи прикрѣпленъ такъ, что края у котла въ воду опущены. Подошелъ я поближе къ чану и хотѣлъ было котелъ поднять, чтобы посмотрѣть, что подъ нимъ такое, а ребята закричали: «не тронь! газъ выпустишь»! Такъ вотъ оно что такое! Видишь, дядя, изъ баклаги съ угольями трубка проведена сквозь воду подъ самый котелъ что надъ чаномъ-то вверхъ дномъ обороченъ; подъ баклаги разложутъ огонь, въ баклагахъ отъ уголья пойдетъ духъ или чадъ такой, что газомъ называютъ; и не видать этого газа глазомъ, пока его не зажгутъ. А у того желѣзнаго котла, что надъ чаномъ-то съ водою, сдѣлана такая дыра съ дверцой, дверцу откроютъ, и котелъ, все таки верьхъ дномъ, спустится на цѣпи прямо въ чанъ съ водою; вода и набѣжитъ въ котелъ по самый верьхъ. И ребята толковали, что какъ набѣжитъ вода и дверцу закрыть и тогда подымать котелъ на цѣпяхъ вонъ изъ чана, однакожъ края котла такъ на ладонь въ водѣ оставлять, то будто бы вода въ котлѣ такъ и повиснетъ, не утекаетъ; а отъ чего, не въ домекъ имъ, а должно быть такъ, потому что послѣ того какъ дверцу закроютъ, котелъ поднимать на цѣпяхъ становится гораздо тяжелѣе, чѣмъ прежде. Вотъ межъ тѣмъ баклагу-то съ угольями жарятъ до того, что она раскалится, и говорятъ, что тѣмъ часомъ изъ баклаги начнетъ духъ-то этотъ, что газомъ называютъ, выходить, и проходитъ онъ чрезъ

ранныя воды и трубы и входитъ наконецъ въ ту трубку, что въ чапу подъ желѣзнымъ котломъ. А тутъ еще диво: этотъ газъ, хотя его ни рукой не ухватишь, ни глазомъ не увидишь, этотъ газъ претъ сильно внутрь желѣзнаго котла, что вверьхъ дномъ-то обороченъ; должно быть такъ, потому что въ то время какъ газъ идетъ въ чапъ изъ баклаги, котелъ самъ собою съ надъ чапа поднимается. Но еще не все тутъ. У того котла, что надъ чаномъ то, сдѣлана еще трубка; и трубка та идетъ въ большую трубу подъ землею, а отъ нея въ маленькія трубы, которыя проведены по цѣлому городу и подымаются и въ фонари и въ домы. Вотъ какъ надо фонари зажигать, то въ *заведеньи* желѣзный котелъ съ газомъ и начнутъ спускать въ чанъ; желѣзный котелъ тяжелъ и давитъ воду, а вода-то претъ газъ, что въ котлѣ; газу некуда дѣваться онъ и идетъ въ трубу, а изъ той трубы въ трубы подъ землею и поднимается въ самые фонари до самой горѣлки; ино мѣсто верстъ пять и больше все идетъ подъ землею; а дойдетъ до горѣлки, запалятъ — и свѣтъ. Кажется ничего, ни пальцемъ не захватишь, ни глазомъ не увидишь, а ходитъ по трубамъ, воду претъ, и на горѣлкѣ безъ свѣтильни и безъ масла горитъ. — Вотъ какое диво, какъ ты объ немъ смѣкаешь, дядюшка?

«Какъ посмотрю я, сказалъ дядяИриней, на васъ ребята, много вы земли изъ-ѣздили, и въ Москвѣ и въ Питерѣ были, и дивныя вещи видѣли, а вотъ я такъ все вокругъ печки ходилъ, а видѣлъ также дивы дивныя.

— Да что жъ ты въ печкѣ то видѣлъ, ска-

валъ Игнатка, вѣдь печка нерѣдкая вещь; что день, то ее топишь, какое жъ тутъ диво?

«Видишь ты какой проворной, отвѣчалъ дядя Ириней смѣючись, ни съ того, ни съ сего, ужъ и зубоскалить надъ дядей. Послушай, анъ выдетъ не такъ, въ печкѣ у меня диво — дивнѣе тѣхъ заяцовъ, что пляшутъ на гусляхъ по харчевнямъ. — Завтра день праздничный — приходите потолковать, такъ я вамъ про диво раскажу, что въ печкѣ я примѣтилъ».

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Назавтра послѣ обѣдни, пришли къ дядѣ Иринею и Игнатка, и Петрушка и Никитка.

О томъ, что дядя Ириней видѣлъ въ своей печкѣ и какъ онъ о томъ разсказывалъ.

Сегодня, говорилъ дядя Ириней, знаете, утренникъ былъ такой холодной, я прозябъ — на старости уже кровь не такъ грѣетъ, — вотъ я къ печкѣ, не тутъ-то было — и печка холодная, я вчера позабылъ ее закрыть. — Вотъ я натаскалъ дровъ, и дрова были такія холодныя, положилъ въ печь, да взялъ кремень и огниво и сталъ высѣкать въ трутъ; а самъ смѣкаю себѣ, отъ чего изъ кремня искра вылетаетъ, и что такое въ той искрѣ, что она трутъ зажигаетъ; вотъ извѣстно дѣло: если отъ дерева искра летитъ, то въ каждой искрѣ маленькой уголекъ, это на глазъ видно, и тотъ уголекъ зажигаетъ; ну, а въ кремнѣ-то что такое? Межъ

тѣмъ пока я высѣкалъ, что то брызнуло мнѣ на руку и легонько обожгло, я думалъ, что порошинка, отъ кремня, посмотрѣлъ на обожженое мѣсто, вижу въ морщину на рукѣ въ самомъ дѣлѣ что-то попало, я подошелъ къ окошку и — знаете зажигательное стекло, что подарилъ мнѣ нашъ волостной писарь, вотъ сквозь которое какъ посмотришь на что, все такимъ большимъ кажется, — я взялъ это стекло, навелъ на руку — смотрю: словно дробина желѣзная у меня въ морщинѣ лежитъ; стало осколокъ былъ не отъ кремня. — Вишь ты, какое диво: осколокъ то былъ отъ огнива, расплавился, да и попалъ мнѣ на руку; я и смѣкнулъ, вѣрно жаръ долженъ быть большой, когда огнивомъ о кремень бьешь, что индо желѣзо плавится. Ну хорошо — однакожъ межъ тѣмъ я какъ ни бился, а огня-то не высѣкъ, трутъ видно отсырѣлъ. Вотъ и это мнѣ за диво пришлось: отъ чего это трутъ сырѣетъ? и что такое съ трутомъ дѣлается, когда онъ сырѣетъ; кажись на видъ все тотъ же? такой же черной и мягкой и тоже вѣтошка; никакъ я не могъ смѣкнуть. Межъ тѣмъ, дѣлать нѣчего; я ну копаться въ печкѣ, и въ углу подъ золою нашелъ уголекъ съ огонькомъ, положилъ межъ стружекъ и ну раздувать его, да и это мнѣ за диво пришло: зачѣмъ надо дуть на уголь, коль хочешь чтобы онъ загорѣлся? Кажись дѣло простое; каждый день его раздуваешь — а зачѣмъ дуть, вѣдь въ печкѣ онъ, кажись, безъ дутья горитъ. Ну хорошо; вотъ я раздулъ уголекъ, стружки загорѣлись и печка затопилась. Я сѣлъ противъ печки, да и смотрю, что будетъ; вотъ

отъ дровъ пошелъ паръ бѣлый такой; я смекнулъ что то вода изъ дровъ выходитъ; потомъ паръ все гуще и гуще и ужъ пошелъ дымъ; какъ пошелъ дымъ — я смотрю, иное полѣно еще не загорѣлось, а дымъ изъ него валитъ, валитъ да и загорится: слышь, не полено, а дымъ самъ себѣ горитъ — иногда между пламенемъ и полѣномъ полъаршина будетъ. — Я смекнулъ дѣломъ, взялъ длинную лучину, зажегъ, и ну примѣчать гдѣ изъ трещины въ полѣнѣ погуще дымъ валилъ; поднесу къ дыму лучину дымъ и загорится, а до полѣна то и пламя не дошло; много эта забава меня потѣшала, потому что мнѣ на память пришло, что Никитка-то вчера про газовое освѣщенье въ Питерѣ говорилъ; видишь ты, ребята: вѣдь дымъ то стало можетъ особо отъ полѣна горѣть; такъ что жъ за диво въ трубку собрать, да куда хочешь провести, хоть до фонаря; вотъ вѣрно въ Питерѣ уголь то и кладутъ для того въ боклагу, чтобы изъ нея дымъ или чадъ уходилъ въ трубы; а вотъ что диво: хотѣлось мнѣ добраться что же дымъ-то такое? я сунулъ руку въ дымъ; сколько ни держалъ, дыма не захватилъ, а ужъ печка разгорѣлась, горячо рукѣ стало; я взялъ ковшъ желѣзный, а онъ у меня новый, съ лоскомъ такимъ, сунулъ его въ дымъ, вытащилъ; смотрю, сторона, что къ огню была, почернѣла; посмотрѣлъ, анъ нанемъ все сажа понасѣла, а сажа вѣдь извѣстно, что тотъ же уголь, только въ порошкѣ, также горитъ — знаешь, коли труба печная не чищена; что жъ это значитъ, ребята? по моему, то, что въ дымѣ уголь есть, только мы его не видимъ,

пока дымъ горячъ, а какъ онъ на чемъ застынетъ, такъ и объявится; стало быть, ребята, уголь-то или крѣпкій бываетъ, или какъ разогрѣютъ, такъ въ паръ переходитъ. Вотъ какъ, примѣромъ сказать, хоть оно и не то, вода: холодна она — застынетъ и станетъ ледъ, крѣпокъ какъ камень; разогрѣютъ, станетъ жидка; а еще будешь грѣть, паромъ станетъ, а все та же вода. — Такъ видишь ты, стало, въ фонаряхъ то въ Питерѣ, тотъ же уголь горитъ, или напрямки сказать угольный чадъ, и это диво у насъ каждый день въ печкѣ въ очью совершается. А межъ тѣмъ я все сижу себѣ да въ печку смотрю: дерево — извѣстно что такое, оно бѣло, и сокъ въ немъ есть, крѣпко — хоть избу изъ него руби, погоритъ, и сдѣлается углемъ; а уголь извѣстно что: уголь черенъ, разсыпчатъ, пальцемъ его изломаешь, и сухъ никакого въ немъ сока нѣтъ, и избы изъ него не срубишь; да мало того, коли и уголь станешь жечь, то онъ углемъ не останется; отъ него пойдетъ дымъ, а ужъ мы знаемъ, что уголь въ дымъ переходитъ, а вмѣсто угля останется зола или поташъ; а зола или поташъ опять не то что уголь: зола бѣла, смѣшаешь съ водой, будетъ щолокъ; уголь чернитъ, а щолокъ бѣлитъ; и дерево и уголь горитъ, а ужъ золы никакъ не зажешь; а все изъ одного дерева выходитъ. Да еще не одно то въ деревѣ есть; вотъ вы знаете и деготь и смолу изъ дерева гонятъ; а все то въ одномъ деревѣ. Такъ премудро Господь Богъ устроилъ, что изъ одного дерева — человѣкъ съ знаньемъ можетъ добыть и смолу, и деготь, и уголь, и поташъ, а вотъ посмотрѣть такъ на

кусокъ дерева, гдѣ въ немъ деготь, гдѣ уголь, гдѣ поташъ? кажись нѣтъ ничего; а какъ отъ дерева такихъ дѣтей добыть? стоитъ его на огнѣ женить; а какъ такую свадьбу лучше сыграть? всякое дѣло вѣдать, да знать. А что тутъ знать надобно? все вамъ разскажу, погоди только маленько. Вотъ кончимъ что въ печкѣ-то и вѣдки.

Вотъ сижу я передъ печкой, да кочережкой помѣшиваю, а кочережка-то не то чтобы заправская, конецъ сломался; я, знаешь, ею крышку съ корчаги снимаю; крышка железная и съ желѣзной петлей, а въ петлю какъ разъ кочережка приходится, такъ ловко: въ петлю-то кочережку всунешь, крышка-то на кочережкѣ и повиснетъ; вотъ тѣмъ часомъ кочережка у меня въ печи не то чтобы до красна, а на порядкахъ накалилась; корчага недалеко отъ печки стояла; дай-ка посмотрѣть что въ корчагѣ-то есть; взялъ кочережку — да въ петлю; что за притча такая! не лезетъ! вчера еще какъ разъ входила — а теперь или петля уже стала узка, или кочережка раздалася. Это мнѣ за диво стало; а что еще дивнѣе? какъ остыла, опять прямо по петлѣ пришлась.

— Е! да мы это знаемъ, дядя, сказалъ Никитка.

«А что знаешь, отвѣчалъ дядя Ириней, коли знаешь, скажи».

— А вотъ что знаю, сказалъ Никитка; ты вѣдаешь, что я кузнечное дѣло маракую; такая притча у насъ за частую бываетъ; на первыхъ порахъ, старые кузнецы все надо мной зубоскалили; бывало сдѣлаешь по кузнечному

дѣлу кольцо что ли и правило въ него пригонишь, чтобы какъ разъ въ кольцо приходило; кажись сдѣлано ладно, а только нагрѣй правило — ужъ никакъ въ кольцо не войдетъ, пока не простынетъ.

«Видишь ты, сказалъ дядя Ириней, стало быть желѣзо то отъ жара раздается».

— Да не только что отъ жара раздается, дядя Ириней, промолвилъ Никитка, да еще отъ холода съеживается: Право! вотъ въ Питерѣ я видѣлъ мосты такіе на желѣзныхъ цѣпяхъ; такъ ребята говорили, что де всегда, гдѣ слѣдуетъ, на морозъ желѣза противъ мѣрки прибавляютъ; въ зиму иной рожонъ на цѣлый вершокъ отъ холода короче становится. Да сказывали мнѣ еще диво дивное въ Питерѣ; въ одномъ домѣ каменныя стѣны потолкомъ расперло; домъ большущій, того и смотри, что стѣны повалятся; такъ вотъ какую штуку придумали: сдѣлали длинную, длинную желѣзную полосу, а на концахъ винтомъ нарѣзали и широкія гайки съ обѣихъ сторонъ по винтамъ пригнали; вотъ эту полосу и пропустили сквозь обѣ стѣны что разваливались-то; пропустили и съ обѣихъ сторонъ гайки снаружи привернули; да вотъ какъ снаровили: на подмостки поставили какъ бы печку желѣзную съ угольями и дуло, подъ самую середку желѣзной полосы, и ну ее калить; какъ она накалилась, такъ и раздалася въ оба конца; а тѣмъ часомъ не медля, гайки еще съ обѣихъ концевъ привернули; ну хорошо! что же вышло? какъ стала желѣзная полоса холодѣть, и сталась еживаться; да повѣришь ли ка-

вая сила? стѣны каменныя стянула; какъ стянула — опять полосу стали колить, а какъ раздастся — еще гайки привертывать; что же! въ нѣсколько разовъ стѣны совсѣмъ выпрямились, какъ ни въ чемъ не бывало. Мнѣ и домъ тотъ показывали, и по сю пору съ гайками стоитъ.

«Хорошее дѣло ты видѣлъ въ Питерѣ Никитка, замѣтилъ дядя Ириней, только я тебѣ скажу, что не одно желѣзо отъ жара раздается, а отъ холода съеживается; и многія другія вещи также, примѣромъ сказать, мѣдь, олово, свинецъ; — а вотъ глина такъ напротивъ, отъ жара съеживается; вотъ видалъ на кирпичныхъ заводахъ? кирпичь кажись сдѣлаютъ большой, а какъ прожгутъ, ужъ не въ примѣръ меньше станетъ. — А кто видѣлъ въ Питерѣ стеклянныя трубки со ртутью, что на стѣнкѣ вѣшаютъ?

— Знаемъ, знаемъ, дядюшка; какъ не знать, закричалъ Петрушка, я вотъ въ Питерѣ въ палатахъ, что при желѣзной дорогѣ, видѣлъ — на стѣнкѣ виситъ, какъ бишь его — да! градусникомъ называютъ.

«Вишь, ученый какой! сказалъ дядя Ириней — вотъ и я видѣлъ въ сосѣдней деревнѣ у садовника въ теплицѣ виситъ.... только не въ домекъ мнѣ что оно такое, и для чего?... разскажи пожалуй....

— А вотъ дядя, отвѣчалъ Петрушка возгордившись, кабы ты въ Питерѣ былъ, такъ бы зналъ что такое градусникъ; тамъ, слышь ты, подъ Питеромъ цѣлая деревня есть, все наши

братья мужички, только и дѣло что градусники дѣлаютъ, да продаютъ.

«И я тоже слышалъ, отвѣчалъ дядя Ириней, да только все не въ домекъ, что такое градусникъ....

— Видишь ты дядя, сказалъ Петрушка; возьмутъ стеклянную трубку и нальютъ въ нее ртути, а не то спирта краснаго; а возлѣ той трубки дощечка, а на дощечкѣ линейки начерчены, а на линейкахъ цыфры; вотъ и смотрятъ какъ ртуть въ трубки поднимается; коли поднялась, значитъ тепло и говорятъ столько-то градусовъ тепла, а коли опустилась, значитъ холодно, и говорятъ столько то градусовъ холода.

«Бойко ты говоришь Петрушка, промолвилъ дядя Ириней; только я все въ домекъ не возьму: на что оно пригодно? коли тепло на дворѣ, такъ всякъ знаетъ, что тепло, а коли холодно, такъ всякой знаетъ, что холодно; на что жъ тутъ градусникъ?

— Да вишь ты, отвѣчалъ Петрушка, почесывая за затылкомъ, что ртуть отъ тепла поднимается.

«Экъ наладилъ свое, сказалъ дядя Ириней, ртуть отъ тепла поднимается; ну да отъ чего жъ она поднимается?

— Да отъ того, дядя, отъ того что.... оно вотъ такъ дѣйствуетъ, отвѣчалъ Петрушка,— да ужъ и не зналъ какъ концы свести; нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ закраснѣвшись, нѣтъ, ужъ говори ты дядя, ужъ ты вѣрно знаешь.

— Правда что знаю малу-толику, отвѣчалъ дядя, и то знаю отъ того что умныхъ да ученыхъ людей слышалъ, а иное и въ книжкахъ прочиталъ. Видишь что: ртуть-то словно желѣзо также отъ жара во всѣ стороны раздается, а какъ она жидка и налита въ трубку, то ей дѣваться некуда, она и поднимается по трубкѣ, а когда отъ холода съеживается, то разумѣется, въ трубкѣ опускается; а на дощечкѣ возлѣ трубки линейки не даромъ: на одной написанъ нуль; а это значитъ вотъ что: если ты градусникъ въ такую воду опустишь, что замерзать начинаетъ, такъ ртуть и остановится противъ той линейки, на которой нуль написанъ; и отъ того нуля считаютъ внизъ по дощечкѣ сколько градусовъ мороза, а въ верхъ сколько градусовъ тепла. А тутъ все равно въ такую трубку ртути, или спирта налить; и то и другое отъ тепла раздается, а отъ холода сжимается. Знаю, что такіе градусники подъ Питеромъ и наши братья мужички дѣлаютъ, но только оно въ большомъ городѣ больше пригодно, особливо на большихъ фабрикахъ или заводахъ, гдѣ много народа бываетъ; потому что, видишь ты, опытомъ дознали, что гдѣ ртуть на градусникѣ больше пятнадцати градусовъ тепла показываетъ, тамъ бываетъ здоровью не полезно, а гдѣ и больше того, такъ и большая вреда. Вотъ и въ нашемъ крестьянскомъ быту, лежишь на печи зимою, а тамъ иной мѣсто градусовъ сорокъ тепла бываетъ, да вдругъ понадобилось на дворъ выглянуть, накинулъ зипунъ, а не то и безъ зипуна и на босу ногу за ворота выбѣжалъ; прод-

рогъ, да чтобы согрѣться, въ кабакъ забѣжалъ, да крючокъ сивухи хватилъ; да опять на морозъ; а отъ того бѣда бѣдущая; смотришь на другой день ломота во всемъ тѣлѣ; и рука болитъ, и нога болитъ, и грудь завалило, весь боленъ; старыя бабы толкуютъ: отъ узорока батюшка, съ дурнаго глаза! врутъ онѣ глупыя! отъ того что съ большаго тепла на большой морозъ выскочилъ, или вина хватилъ не въ міру, на ходу разгорячился — а потомъ отъ хмѣля ноги подкосились, на морозѣ растянулся; ужъ тутъ и жди ломоты; добро если совсѣмъ не замерзъ. Вотъ извѣстно дѣло, коли и стеклянную или каменную посудину разгорячить, а потомъ вдругъ на морозъ вынести, и та лопнетъ. Оно правда — въ нашемъ крестьянскомъ быту нельзя иногда чтобы съ тепла на морозъ не выскочить; да надо сноровку знать; побылъ на морозѣ, ступай опять въ тепло, чтобы прогрѣться порядкомъ, а виномъ не отогрѣешься, только кровь въ голову ударитъ, а тепла отъ него никакого нѣтъ, тоже бѣда бываетъ, коли распотѣвши, холодной воды или квасу со льдомъ хватишь, или разгорѣвшись купаться пойдешь, у тебя въ желудкѣ словно въ стеклянной посудинѣ такъ и хряснетъ, хоть того и не замѣтишь, а тамъ смотришь или ломота по конецъ дней, а ино мѣсто и пуще того человѣка истощаетъ, да и Богу душу отдастъ. Вотъ у насъ есть обычай въ банѣ паришься, паришься, а тамъ выскочилъ, да въ снѣгу ну кататься; оно очень Русскому человѣку полезно и самъ я до старости лѣтъ всегда такъ дѣлаю, отъ того тѣло, словно желѣзо

закаливается, но и тутъ надо сноровку знать: недолго въ снѣгу кататься, а оборотиться раза три, бѣги скорѣй въ баню, чтобы опять пропотѣть; и то надобно не забыть, что не всякому оно въ пользу; здоровенному человѣку во благо, а слабый да щедушный не суйся — не вынесетъ. Однакожъ заболтались мы съ вами; а все еще я вамъ о градусникѣ не досказалъ. Такъ вотъ такой-то градусникъ, его еще тепломѣромъ, а также по иностранному термометромъ называютъ; онъ въ нашемъ крестьянскомъ быту мало пригоденъ, развѣ для садовниковъ, у которыхъ теплицы бываютъ; они по тепломѣру смотрятъ, чтобы разнымъ деревьямъ и цвѣтамъ ни слишкомъ холодно, ни слишкомъ тепло было; ну да это въ сторону. А есть другой градусникъ, который очень въ нашемъ крестьянскомъ быту пригоденъ и сдѣлать его всякому не трудно; онъ и у меня есть, и я вамъ покажу, только чуръ не зубоскалить. — Вотъ вы спрашивали у меня, отъ чего когда посѣю — почитай всегда дождикъ пойдетъ; а сѣно начну сбирать — ведро стоитъ.

— Да, дядя, сказалъ Игнатка, ужъ куда намъ это дивно кажется; какъ бы не знали мы, что ты и въ церковь ходишь, и весь христіанскій долгъ исправляешь, то подумали бы что тутъ не съ проста... ну какъ это! не разъ мы дивовались: дядя Иринеи сѣетъ, ужъ такъ и жди дождя; дядя Ириней коситъ — знай что будетъ ведро...

«Нѣтъ, ребята, отвѣчалъ дядя Ириней, тутъ нѣтъ колдовства, а мнѣ просто о томъ градусникъ сказываетъ!..

— Ну какъ же это? сказали всѣ.

«А вотъ слушайте, ребята, я вамъ разскажу — дѣло совсѣмъ не трудное. Когда я поселился въ здѣшнемъ околодкѣ, бѣда моя была горькая; трудишься, трудишься — все не въ прокъ; станешь сѣять — сушь настанетъ, сѣмена вѣтромъ разнесетъ, птица выклюетъ; станешь косить, откуда ни возьмись дождь ливмя, все сѣно почернѣло; то и дѣло что убытокъ, да разоренье. Проѣзжалъ здѣсь мой старый дружище Нѣмецъ Иванъ Ивановичъ, изъ колонистовъ, вотъ что подъ Саратовымъ живутъ; бывалъ я у нихъ въ колоніи и не могъ надивиться: кругомъ ино мѣсто неурожай, падежъ и разныя бѣды, а у нихъ всегда урожай и скотъ отъ падежа сохраненъ; а все это у нихъ отъ хорошаго хозяйства, отъ прибора, да присмотра. Вотъ пріѣзжаетъ сюда Иванъ Ивановичъ, мужикъ такой умный, смышленый и по нашему говоритъ не хуже нашего брата. Я ему показываю мое хозайство; онъ иное хулитъ, иное хвалитъ. Я ему говорю: «какъ видишь, Иванъ Ивановичъ, я таки у васъ въ колоніи недаромъ пожилъ, многое у васъ перенялъ, да вотъ бѣда: сторона здѣсь что ли не такая; никакъ со временемъ не совладаешь — сѣешь подъ ведро, косишь подъ дождь — бѣда да и только».

А Иванъ Ивановичъ въ отвѣтъ: «что сторона? вздоръ сторона! всякая сторона хороша, а надобно только знанье да умѣнье. Зачѣмъ сѣять подъ ведро, зачѣмъ косить подъ дождикъ? Надобно знать прежде какое время будетъ: ведро или дождь.

А я ему: «да какъ его узнаешь, Иванъ Ивановичъ? стоитъ ведро, ни облачка на небѣ нѣтъ, а тутъ вдругъ дождь пойдетъ.

А Иванъ Ивановичъ: «Какъ не знать? на то Богъ примѣты такія далъ, а человѣку умъ да глаза, чтобы примѣты различалъ.

А я ему: «да какія же примѣты?

А Иванъ Ивановичъ: «да вотъ хоть напримѣръ, лягушку достань, да посади ее въ банку, въ банку лучинку положи, да въ половину воды налей; а ужъ по тому гдѣ лягушка сидитъ въ водѣ, или на сухую лучинку вползла, всегда узнаешь будетъ ведро или дождь...

А я ему: «слыхалъ я объ этомъ, Иванъ Ивановичъ — да нашему брату непристойно такую поганую тварь у себя держать, парни засмѣютъ.

«А что тутъ смѣшнаго? сказалъ Иванъ Ивановичъ, смѣшно свое добро птицамъ бросать, да свое сѣно гноить; а лягушка такая же тварь Божія какъ и другія; чтожъ поганаго ее въ избѣ держать, куда у васъ и свиньи, и телята ходятъ. — Ну да коли это непристойно, такъ есть другое средство, по потруднѣе, а также можно почти за полдня угадать какая погода будетъ.

Рѣчь Ивана Ивановича задѣла меня за живое. «Ну! да какъ же эко»? спросилъ я. А вотъ, онъ говоритъ: «нѣтъ ли у васъ здѣсь близко стекляннаго завода?—«Есть подъ городомъ», сказалъ я. «Поѣдемъ туда» промолвилъ Иванъ Ивановичъ;

поѣхали; на заводѣ купили стеклянную трубку въ аршинъ съ четвертью длиною и въ мизинецъ толщиною, съ одного конца наглухо запаяна, а съ другой стороны такъ; въ городѣ мы купили ртути въ стеклянномъ пузырькѣ, да чашку каменную небольшую. Съ этимъ добромъ пріѣхали домой; вотъ Иванъ Ивановичь взялъ жаровню съ угольями, поставилъ на полу у печки, потомъ въ каменную чашку налилъ ртути, потомъ взялъ стеклянную трубку и помаленьку изъ пузырька налилъ въ нее ртути такъ, что ртуть до трети трубки дошла; и потомъ завернувъ руку въ тряпицу, началъ нагрѣвать трубку надъ угольями, только осторожно, мало по малу, чтобы трубка не лопнула, и довелъ одинакожъ до того, что ртуть въ трубѣ сильно закипѣла; тутъ говоритъ: постой, дай охолодить трубкѣ; какъ трубка охолодѣла, онъ еще въ нее до второй трети налилъ ртути, и опять сталъ нагрѣвать, также осторожно, и опять до того что ртуть закипѣла; еще разъ онъ подождалъ пока охолодѣетъ трубка, а какъ охолодѣла, то налилъ въ нее еще ртути, да уже всю полнехоньку и опять давай нагрѣвать пока не закипѣла; и того было три пріема; вотъ какъ въ послѣдній разъ трубку нагрѣлъ, Иванъ Ивановичь далъ ей немного охладѣть, а потомъ взялъ въ лѣвую руку чашку со ртутью, а въ правую трубку со ртутью; чашку поднесъ къ самому верхнему концу трубки, наклонилъ немного чашку, и потомъ наклонилъ немного и трубку заткнувъ пальцемъ, да разомъ трубку и обернулъ въ чашку, такъ что глухой-то конецъ на верху

очутился. Ртуть изъ трубки немного спустилась да и остановилась, такъ что сквозь трубку можно было видѣть гдѣ ртуть въ трубкѣ стоитъ. Я только смотрѣлъ да думалъ: что-то будетъ. — «Вотъ», говоритъ мнѣ Иванъ Ивановичъ, «самое трудное сдѣлано; скажи-ка мнѣ, гдѣ у тебя есть укромное мѣсто, куда бы ребята не ходили, да и большимъ бы не доводилось баловать»? я привелъ Ивана Ивановича на верхъ въ свѣтлицу, а при той свѣтлицѣ есть конурка, но только свѣтлая; «ну вотъ хорошо», сказалъ Иванъ Ивановичъ; «прибей-ко мнѣ на стѣнкѣ полку, аршина на полтора отъ земли, а надъ той полкой сдѣлай петлю изъ желѣзной проволоки, чтобы въ той петлѣ стеклянная трубка стояла съ чашкою на полкѣ». Какъ сказано, такъ и сдѣлано. «Да на чтожъ это все»? спросилъ я у Ивана Ивановича. — «А вотъ, онъ говоритъ, какъ сдѣлается обланко, ты замѣть гдѣ тогда ртуть въ стеклѣ остановится, да и черкни мѣлкомъ на стѣнкѣ противъ мѣста черту, а потомъ и замѣчай если въ трубкѣ ртуть опустится ниже того мѣста, гдѣ черта на стѣнкѣ, такъ уже и знай что къ дождю тянетъ, особливо если ртуть съ верху ямочкой; если же выше черты ртуть поднимется да еще къ верху надуется, то жди ведра. Не всегда навѣрное отгадаешь, лягушка гораздо вѣрнѣе показываетъ, однакоже для нашего крестьянскаго быта довольно». Да отъ чегожъ это такъ? спросилъ я у Ивана Ивановича; — ужъ этого не могу сказать, отвѣчалъ онъ; толковали мнѣ люди умные, что воздухъ бываетъ то тяжелѣе, то легче, смотря по погодѣ, да мудрено,

не понялъ, а разсуждаю такъ: передъ ведромъ воздухъ становится теплѣе и суше; его и претъ какъ разгорячённое желѣзо во всѣ стороны, а коли всюду претъ такъ претъ и на ртуть, что въ чашкѣ подъ трубкой, ртути некуда дѣваться она и поднимается въ трубкѣ; а напротивъ того, коли воздухъ холодѣетъ да сырѣетъ передъ дождемъ, то воздухъ съеживается; а коли съеживается, то и ртути, что въ чашкѣ, больше простора, она въ трубкѣ и опускается. — «Да какъ же я ему говорю — воздухъ-то разгорячается; вѣдь это не вещь какая, не кусокъ желѣза, — какъ же онъ претъ, — воздухъ вѣдь такъ, ничего...» Нѣтъ не ничего отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, кабы воздухъ былъ ничего, такъ онъ бы крыльевъ на мельницѣ не вертѣлъ; да и тогда бы легко было воды въ бутылку налить чрезъ воронку; такъ нѣтъ, станешь наливать если не поднимешь воронки — воздухъ не пуститъ воду въ бутылку и вся вода на землю выльется; да еще и вотъ что замѣчай; дай-ка мнѣ стеклянный стаканъ. — Я ему далъ стаканъ, онъ оборотилъ его вверхъ дномъ и сталъ по тихоньку въ ушатъ съ водой опускать. Чтожъ ребята? вѣдь вода-то въ стаканъ не пошла, — все въ стаканѣ пустое мѣсто осталось; я думалъ ужъ, что колдовство, — анъ нѣтъ самъ нѣсколько разъ держалъ стаканъ вверхъ дномъ, въ воду опускалъ, войдетъ въ него немного воды, да и полно, — что тутъ ни дѣлай, ни сколько вода не входитъ; хоть сами это попробуйте; лишь тогда вода въ стаканъ войдетъ если стаканъ на бокъ не много повернешь, тогда изъ воды начнутъ пузыри выска-

нивать; Иванъ Ивановичъ толковалъ, что это воздухъ изъ стакана въ пузырикъ выходитъ, а выходитъ отъ того, говоритъ, что воздухъ легче воды и отъ того его тянетъ вверхъ. — «Ну хорошо! сказалъ я — а все не въ домекъ мнѣ, Иванъ Ивановичъ, какъ же воздухъ-то нагрѣться можетъ и его претъ во всѣ стороны? вѣдь его рукою не ухватишь.» — Экой ты непонятный, сказалъ мнѣ Иванъ Ивановичъ — и подвелъ меня къ печкѣ, а печка на тотъ разъ была у меня натоплена и закрыта съ верху; Иванъ Ивановичъ открылъ у печки заслонку, такъ оттуда жаръ и повалилъ. «Что у тебя въ печкѣ» сказалъ Иванъ Ивановичъ. — Да ничего нѣтъ, отвѣчаю. — «А отъ чего же тепло?» — Отъ того что натоплена. — «Да гдѣжъ оно тепло-то? ухвати его рукою. — Да не ухватишь. — То-то и дѣло, что не ухватишь, — а видишь ты какъ изъ печки-то тепло претъ, словно вѣтеръ горячій». — Вѣстимо дѣло. «Такъ что же нагрѣлось въ печкѣ? — воздухъ; что претъ изъ печки? — тотъ же воздухъ. — Стало быть воздухъ не ничто, хоть его въ руку и не ухватишь, а также можетъ нагрѣться и переть во всѣ стороны, словно желѣзо и всякая другая вещь. Такъ Господь все премудро устроилъ, да далъ намъ умъ, чтобы могли смекнуть и о томъ, чего въ руку не ухватишь.»

Такъ-то мы бесѣдовали съ Иваномъ Ивановичемъ. И многому доброму онъ меня научилъ; не то что только съ стеклянною трубкою со ртутью управляться, которая мнѣ за полдня погоду указываетъ. Говоритъ онъ мнѣ однажды: «что это, какъ у васъ дровъ мало подъ деревнею?» А я ему въ отвѣтъ: — да ужъ маленько-

ко становится. А Иванъ Ивановичъ мнѣ: «вотъ то-то вы добрые люди и православные христіане, а въ даль не смѣкаете. Вотъ какъ бы ваши отцы побольше о лѣсѣ заботились, а не то мѣсто, и посѣяли бы лѣса, — такъ бы онъ вамъ подъ старые годы повыросъ бы; а то, надобно лучину наколоть — дай цѣлое дерево валить; повалитъ, отрубитъ на аршинъ, а тамъ и пропадай оно. Коли такъ пойдетъ, да не будете вы лѣса сѣять. — то у васъ мало лѣса, а у вашихъ дѣтей еще меньше будетъ, а у внучатъ ровно ничего, не добромъ васъ помянутъ. Да вотъ и дровъ много тратите попустому. Видишь ты: печки у васъ большія, и устье широкое и труба широкая; отъ того тяга большая, все тепло что есть, пока топится, въ трубу уноситъ, а ужъ въ печкѣ то тепло остается, что почитай отъ золы происходитъ, какъ печку закроете». — И научилъ меня Иванъ Ивановичъ вотъ чему, за что я ему въ вѣкъ благодаренъ остался: «ты, говоритъ, положи въ печку половину того дровъ, что обыкновенно кладешь, да какъ дрова обгорятъ, почитай ни сколько дерева сыраго не будетъ, ты вьюжку въ трубѣ на три четверти прикрой, — а на четверть оставь на тягу, да и устье то также заслономъ прикрой на три четверти, а какъ совсѣмъ истопится печка, то и совсѣмъ закрой.» — Я сдѣлалъ, ребята, по сказанному какъ по писанному. И что же вышло? Печка нагрѣлась больше прежняго. Съ тѣхъ поръ у меня въ половину дровъ выходитъ меньше, а тепла больше. А отъ чего такъ? — отъ того, ребята, что огонь горитъ и при малой тягѣ; вотъ по-

смотрите на кузнецовъ, воздухъ дуютъ изъ мѣха, — а трубка у мѣха маленькая, — а какой жаръ отъ того бываетъ? Да и то вамъ скажу, ребята: тяга есть не въ одной печкѣ, а и въ избѣ, всегда тяга есть гдѣ только тепло возлѣ холода; теплой воздухъ, всегда тянетъ къ верху, а холодный тянетъ внизъ; отъ того и на полатяхъ у насъ теплѣе, чѣмъ въ избѣ на скамьѣ. Посмотри-ка я зажгу лучину, да поднесу къ двери; смотри-ка: коли у притолицы держу, огонь тянетъ изъ избы, — а держу у порога, тянетъ въ избу; что это значитъ? теплой-то воздухъ изъ избы къ верху поднимается, а холодный снизу въ избу входитъ. Видишь какая тяга? — А еще есть неразумные, что ходятъ съ лучиной по избѣ, обронитъ, да и не затопчетъ; думаетъ, вѣдь вѣтра нѣтъ въ избѣ, — не раздуетъ; анъ вишь ты вѣтеръ-то всегда есть, хоть его и не сильно чуешь. По лучинѣ-то видите что огонь у притолицы изъ избы гнетъ, а у порога въ избу. Иной обронитъ лучину зазженную, думаетъ погасла, а ее между тѣмъ мало помалу всераздуваетъ — пока полымя не охватитъ.

Такъ вотъ ребята, что можетъ человѣкъ, смотря на печку, смекнуть; да не одно то. Возьмите въ толкъ что теперь я вамъ разсказалъ, въ другоредь разскажу вамъ, что такое угаръ, отъ чего онъ бываетъ, и какъ отъ него предохраниться; какъ въ колодезь спускаться да не обмереть; да еще и то за чѣмъ кузнецы уголья водой прыскаютъ, чтобы лучше горѣли».

Парни поклонились дядѣ Пимнею за доброе

слово и обѣщали не въ шутку смекнуть, что онъ такое имъ говорилъ.

СКАЗКА О ТОМЪ, КТО ТАКОЙ БЫЛЪ ВАНЬКА РОТОЗѢЙ, ОТЪ ЧЕГО ЕМУ ТАКОЕ ПРОЗВАНЬЕ ПОШЛО, КАКЪ ОНЪ КЛАДА ИСКАЛЪ И ГДѢ КЛАДЪ НАШЕЛЪ.

Разъ о святкахъ набралося въ избу къ дядѣ Иринею, парней и дѣвокъ видимо не видимо. Пришли, стали, да почесываются, никто слова не вымолвитъ. «Здорово ребята», молвилъ имъ дядя, «по добру ли по здорову?...

— Все по добру поздорову, дядюшка, отвѣчалъ одинъ парень посмѣлѣе — вишь ты, мы на святкахъ погуляли, да такая мятелица поднялась что зги Божіей не видно; такъ вотъ мы пришли къ тебѣ въ избу отогрѣться...

«Радъ гостямъ» сказалъ дядя Ириней — отогрѣвайтесь, кто на печи, кто на полатяхъ».

— Да вотъ что еще, дядя, сказалъ тотъ же парень, почесывая затылокъ, — ты человѣкъ умный, добру насъ учишь, а мы за то тебѣ спасибо, — и ужъ куда хорошо говоришь, такъ въ душу и просится, — а вотъ въ сосѣдней деревнѣ гуторятъ, что ты на всѣ руки:

мастеръ сказки разсказывать, — а еще мы отъ тебя ни одной не слыхали.

«Что же сказку что ли? молвилъ дядя Ириней, такимъ добрымъ ребятамъ ни въ чемъ не откажу; но только чуръ сказку дослушать до конца, да не перерывать, — у меня сказка не сказка, а быль на сказку похожа; кто конца не дослушаетъ, тотъ словно ничего не слыхалъ. Накола-ка лучины побольше Өедька; а ты Марена смотри за свѣтцомъ, да прибавь воды, въ шайку; вотъ недалеко отъ насъ деревня вся до тла сгорѣла, отъ того что Маланья забыла воды подъ свѣтецъ поставить; ей мужъ толковалъ: поставь воды подъ свѣтецъ, ну неравно уголь въ подполицу попадетъ — долго ли до грѣха? — А она ему въ отвѣтъ: «эхъ, Никитичъ, да что я мертвая что ли сижу? ну упадетъ лучина затопчу, вотъ и все тутъ». Такъ она говорила, да не такъ вышло; разъ мужа не было дома; Маланья засвѣтила свѣтецъ и сѣла, словно порядочная, пряжу прясть, и навалила во кругъ себя пакли, — пряла, пряла да и вздремула, да такъ сладко, сладко... а тѣмъ часомъ лучина нагорѣла да и свалилась, шайки подъ нею съ водою не было, лучина на полъ, да зажгла паклю, а пакля и пошла драть, проснулась Маланья, видитъ полъ горитъ, такъ и обмерла, чѣмъ бы схватить воды или квашню чтобы чѣмъ попало затушить, баба выбѣжала на улицу и ну кричать по всей деревнѣ: «батюшки свѣты! батюшки свѣты»! добѣжала наконецъ деревни все кричитъ: «батюшки свѣты»! вышли міряне, спрашиваютъ

у ней что такое — а Маланья знай свое, мечется изъ стороны въ сторону да кричитъ: «батюшки-светы». Ужѣ тогда догадались, какъ полымя хватило изъ окошка, тогда поднялась вся деревня, туда сюда, кто за ведерко, нѣтъ ведерка — сватья взяла; кто за багоръ, нѣтъ багра — ребята Богъ вѣсть куда затащили, пока кто за тѣмъ, кто за другимъ, занялась другая изба, потомъ третья, такъ вся деревня сгорѣла. Ну что? какъ ты объ этомъ думаешь, Матрена?

«Ну что тутъ думать, дядюшка, отвѣчала Матрена, вѣстимо дѣло, Божій гнѣвъ.

— Вотъ ни дать ни взять и Маланья тоже отвѣчала, молвилъ дядя Ириней, когда сосѣди стали ее корить, что отъ ея лучины они по міру пошли; да только знаешь, что одинъ сосѣдъ ей на это сказалъ, мужикъ былъ умный; а вотъ что: «правда твоя, Маланья, что Божій гнѣвъ, а знаешь ли за что на тебя Божій гнѣвъ былъ, за то что сама была не опаслива; а отъ того что ты была не опаслива и насъ и себя погубила. Береженаго и Богъ бережетъ»! Ну Матрена не лѣнись, палей шапку пополнѣе, да пододвинь подъ самую лучину, чтобы съ прокомъ было.

«Вѣстимо, дядя, толковала Матрена, на грѣхъ мастера нѣтъ.

— Врешь дура, это только старыя дѣвки говорятъ, что на грѣхъ мастера нѣтъ; есть мастеръ—это самъ человѣкъ; ужъ нѣтъ такого другаго мастера и на грѣхъ и на спасенье, какъ самъ человѣкъ.

«Такъ дядюшка, примолвила сватья Хавронья, правду ты говоришь; да вѣдь кого Богъ помилуетъ? вотъ ты знаешь полгорода сгорѣло, а у Архипа домъ цѣлъ остался, и до сихъ поръ стоитъ, а кругомъ все обгорѣло — пустырь пустыремъ. Ну отъ чего такъ? ужъ такой видно былъ положенъ предѣлъ, что полгороду сгорѣть, а Архипову дому остаться.

— А знаешь ли сватья отъ чего Архипа Иванова Богъ помиловалъ? отъ того что Архипъ Ивановъ мужикъ умный; и Богу молится, да и самъ не плошаетъ. Вотъ я тебѣ разскажу какъ дѣло было: въ городѣ городничій требовалъ, отъ хозяевъ домовъ, чтобы на всякой кровлѣ стоялъ чанъ съ водою, а возлѣ чана длинный шестъ съ навязанной мочалой; вотъ кто сдѣлалъ, а кто нѣтъ; кто поставилъ чанъ разсохшій, налилъ воду, а вода вытекла; кто и совсѣмъ воды не наливалъ; стоитъ себѣ чанъ пустой; вѣдь городничему не на каждую крышу взлезать: да смотрѣть налитъ ли чанъ водою. У Архипа Иванова было иначе; выбралъ онъ правда стырый чанъ, да плотный, отмочилъ его, поставилъ на крышу, налилъ въ него воды, да еще золицы въ нее горстей пять прибросилъ, чтобы вода не гнила; а возлѣ положилъ длинный, длинный шестъ съ мочалой, да еще вымазалъ его дегтемъ и высушилъ на солнцѣ, ради прочности. — Бывало каждое Воскресенье Архипъ Ивановъ послѣ обѣдни и лезетъ на крышу: все осмотритъ, и, коли вода усохла, дольетъ чанъ и пойдетъ себѣ въ избу; а сосѣди бывало на него зубы скалятъ;

«ну полезъ Архипъ на крышу въ чану окуней ловить». — А Архипъ и слышалъ что смеются, да мимо ушей пропускалъ. Да завелъ онъ въ домѣ еще такой порядокъ: взялъ топоръ, багоръ, веревку, да полдюжины большихъ рогожъ, да ведерко, да длинную веревку, да желѣзную лопату и все положилъ въ особую камору и строго запретилъ домашнимъ не замать, на какую бы то потребу ни было. Лѣтомъ была сильная жара; все высохло словно трутъ стало; ночью собралась гроза и ударила въ сосѣдній домъ, домъ загорѣлся: пошла тревога въ городѣ; пока пріѣхали трубы, галки отъ вѣтра такъ и полетѣли во всѣ стороны; полетитъ, полетитъ чрезъ улицу да брякъ на крышу, то одинъ, то другой домъ загорится въ разныхъ мѣстахъ, такъ что пожарные не знаютъ куда и кинуться; а Архипъ Ивановъ, не крича, не спѣша, тотчасъ распорядился: взялъ рогожи, обмакнулъ ихъ въ воду и повѣсилъ на домъ, съ которой стороны ветеръ былъ; одного сына поставилъ у колодца, и говоритъ: «Ты Петрушка съ мѣста не сходи, все, воду качай; а другому далъ въ руку ведерко, и говоритъ: а ты Павлушка, не зѣвай, то и дѣло изъ ведерка на рогожи плескай». Бабамъ далъ въ руки багоръ да лопату, и примолвилъ: «коли головня упадетъ, то одна оттаскивай дальше багромъ, а другая или водой, а не то мѣсто землей забрасывай»; — брату далъ въ руки топоръ да велѣлъ отъ сосѣдняго двора заборъ валить, чтобъ огонь по забору не перешелъ; самъ же полезъ на кровлю, смотритъ уже на крышѣ двѣ, три головни вѣтромъ разду-

ваетъ, слова не молвя, Архипъ да шестъ съ по-мелой, помочилъ въ чану и на головню, головня погасла, потомъ помочилъ еще, да хвать другую; а межъ тѣмъ пожаръ отъ часу сильнѣе, галки такъ и летятъ на крышу, а Архипъ и усомъ не ведетъ, то ту, то другую прижметъ мокрой мочалой и поминай какъ звали; такъ прошло часъ другой, а кругомъ огонь такъ и деретъ; воды въ чану не стало хватать: Архипъ спустилъ съ крыши веревку, кричитъ: «Павлушка!—привяжи-ка мнѣ ведерко къ веревкѣ!» да и втащилъ одно ведерко, другое—пока чана не наполнилъ.—Такъ онъ до полночи промаялся, пока не перестало горѣть. Такъ вотъ за что Богъ его помиловалъ, за что и домъ Архиповъ до сихъ поръ стоитъ, хотя кругомъ пустырь пустыремъ!—Ну да все это присказка, а сказка еще будетъ впереди; да какую сказку вамъ разсказать; вотъ эту что ли: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ мужикъ Иванъ Царевичъ, и былъ у того мужика воронъ конь снѣга бѣлаго, и поѣхалъ онъ на томъ конѣ во сине море гулять, а на томъ синемъ морѣ города повыстроены, поля повысѣяны, травка травку погоняетъ, коню въ ротъ попадаетъ...»

«Нѣтъ, дядяИриней, сказала Матрена, эта сказка не хороша, въ ней и склада нѣтъ; что за воронъ конь снѣга бѣлаго, и какъ же на морѣ поля повысѣяны»?

Видишь ты, кума, промолвилъ дядяИриней смѣючись, ты въ сказкѣ складу ищешь. Да гдѣ видала ты складъ въ сказкѣ? развѣ лучше ста-

рыя бабы разсказываютъ про Ильюшку купецкаго сына, который однимъ духомъ выпивалъ ведро браги и пьянъ не бывалъ; а парни то говорятъ: то-то молодецъ, дай-ка и я на тоже попытаюсь; ну что тутъ добраго? дай-ка я вамъ другую сказку разскажу, да не сказку, а быль про Ваньку ротозѣя, за что ему такое прозвище дано, какъ онъ клада искалъ и гдѣ его нашелъ. Ну слушайте жъ:

Не вчера не сегодня, ни близко ни далеко, жилъ былъ мужикъ Агафонъ Спиридоновичъ; и нельзя похулить, былъ мужикъ смышленый и работящій; на словѣ честенъ; уже бывало что скажетъ такъ вѣрь, что печатному; всякой крестьянскій промыселъ зналъ и порядокъ въ домѣ держалъ. Одна за нимъ водилась бѣда; ино мѣсто строптивъ больно былъ, а особливо подъ хмѣльную руку; а ино мѣсто все ему какъ съ гуся вода; хоть амбаръ гори — едва ъ мѣста пошевельнется; а ужъ за то какъ осерчаетъ — такъ всякое лыко въ строку, и то не такъ, и это, и пятое, и десятое; ужъ подъ тотъ часъ куда больно доставалось женкѣ его Василисѣ Перфильевнѣ; чѣмъ ни попало, такъ и хватитъ; а Василиса Перфильевна была бабенка щедушная, робкая; ужъ какъ видитъ, что на Спиридоновича лихой часъ нашелъ, такъ засядетъ въ закутъ, да и носа оттуда не показываетъ, пока не замѣтитъ, что у Спиридоновича сердце отлегло; а тогда уже ему все ни почемъ.

Да былъ у Спиридоновича съ Перфильевной сынъ лѣтъ пяти, по имени Ванька. Тутъ и вся семья ихъ была.

Строгъ былъ Агафонъ Спиридоновичъ; не любилъ никому потачки давать, особливо, говорю, подъ хмельную руку. А Ванько-то шаловливъ съ измаленьку былъ; да на бѣду и Агафонъ-то Спиридоновичъ не толковать. Бывало Ванька, извѣстно дѣло дѣтское, — сидитъ у завалинки, да камешкомъ въ камешекъ постукиваетъ; ино мѣсто Спиридоновичъ мимо пройдетъ, слова не молвитъ, а ино мѣсто ни съ того ни съ сего хвать Ваньку за виски, да ужъ таскаетъ, таскаетъ, зачѣмъ, вишь, Ванька въ избѣ не сидитъ. А Перфильевна баба жалостливая; какъ Спиридоновичъ побьетъ Ваньку за дѣло ли, за недѣло, а Перфильевна Ваньку въ закутъ, да ну его утѣшать, да пряникомъ кормить. Такъ ужъ Ванька и пріобыкъ: какъ отъ отца потасовка, такъ отъ матери пряникъ. —Мало было въ этомъ толка; не въ попадъ приходились ни строгость, ни баловство. Разъ и Перфильевна на Ваньку осерчала: Ванька забрался на заборъ, да ну оттуда камнями швырять, того и смотри что въ голову кому попадетъ. Перфильевна взяла прутъ, да и ну Ваньку стегать, чтобы съ забора сошелъ, а Спиридоновичу жалко стало, какъ прикрикнетъ на бабу: «что ты! аль тебѣ твое рожденье не мило? эка бѣда, что малый балуетъ — съ-того растетъ». Такъ и за частую бывало. Отъ того Ванька подросталъ, а ума не наживалъ. Вотъ наступилъ Ванькѣ десятый годъ. Разъ вымолвилъ Спиридоновичъ: « а что, Перфильевна, вотъ у насъ на селѣ школа такая завелась, гдѣ грамотѣ учатъ; я думаю, да гадаю, чтобы и Ваньку-то въ ученье отдать; вишь люди то

умны стали, трудновато на свѣтѣ безъ грамоты жить». Какъ завопитъ Церфильевна: «ахъ ты свѣтъ мой батюшка, Агаѳонъ Спиридоновичь! что тебѣ на умъ пришло—дѣтище мучить? дѣтище молодое, неразумное, гдѣ ему грамоту понять; вотъ погоди подростетъ, самъ научится». — А Спиридоновичь, чѣмъ бы на глупую бабу прикрикнуть, еще подтакнулъ ей; видно на него тихій часъ нашелъ: «И впрямь, говоритъ, что дѣтище мучить; подростетъ — самъ научится». А Ванька все подросталъ, а ума не наживалъ, хоть отъ отца и часто ему потасовка бывала, ино за дѣло, ино за не дѣло. То закричитъ на Ваньку: «зачѣмъ овса коню не подсыпалъ»? а коли насыпано, кричитъ: «а кто тебѣ велѣлъ въ домѣ распоряжаться»? и за то и за другое потасовка, то есть, коли Спиридоновичь осерчаетъ; да ужъ коли осерчаетъ, такъ тузитъ Ваньку чемъ ни попало и ложкой и плошкой, а ино мѣсто и полѣномъ. Ужъ бывало сосѣди Спиридоновичу толкуютъ: «что ты малаго-то увѣчишь; вѣдь ты изъ него полѣномъ всю память выбьешь». А Спиридоновичъ въ отвѣтъ: «ничего! — уму учу; за битаго двухъ небитыхъ даютъ».

Такъ смѣкалъ Спиридоновичъ, да не такъ вышло. Онъ Ваньку такъ застращалъ, что бывало какъ отецъ спроситъ его о чемъ, Ванька выпялитъ глаза, ротъ разинетъ и не знаетъ что отвѣчать, потому что, въ иной часъ, за все ждетъ потасовки. Да какъ сталъ подростать, Ванькѣ за привычку пошло ротъ разѣвать, да глаза пялить. — Ужъ малому стало лѣтъ 18, а кто у него что ни спроситъ, Ванька оторопѣ-

етъ, ротъ разинетъ и молчитъ, словно полоумный какой. Отъ того ему по всей деревнѣ прозвище пошло: Ванька Ротозѣй.

Чѣмъ больше Ванька глупѣлъ, тѣмъ больше Спиридоновичъ серчалъ. Бывало выгонитъ Ваньку на поле съ сохою, Ванька выѣдетъ на поле, да и разинетъ ротъ: какъ пахать? съ той, или другой стороны? отсюда начать — можетъ не въ угоду батькѣ — побьетъ; и отсюда начать — можетъ также ему не въ угоду будетъ — опять побьетъ. И стоитъ Ванька въ раздумьи день цѣлый; къ вечеру пріѣдетъ Спиридоновичъ, поле не вспахано. «Да что жъ ты дурень дѣлалъ?» спроситъ, а Ванька въ отвѣтъ: «да я не зналъ, батька, съ какой стороны тебѣ въ угоду будетъ». - А Спиридоновичъ такъ и всплеснетъ руками, да и вскрикнетъ: «за что меня Богъ такимъ дурнемъ наказалъ»? Вотъ всегда-то такъ человѣкъ на Бога ропщетъ, а то ему не въ домекъ, что самъ безтолковъ, да и сына безъ толка тузилъ.

Межъ тѣмъ Ванька все подростаетъ, а ума не наживаетъ; ничто ему не въ домекъ; только и знаетъ что отъ батькиныхъ побой къ маткѣ бѣгать; и все по прежнему: ино мѣсто отецъ и за дѣло побьетъ, а матка — дѣло аль недѣло, какъ ребенка не утѣшить, какъ пряникомъ не накормить! И что болѣ Ванька подросталъ, то больше дурнемъ становился.

У Спиридоновича возлѣ огорода прудишко былъ, и рыба въ немъ водилась, да мало; Спиридоновичъ смѣкалъ, какъ бы въ немъ рыбы побольше развести, купилъ изъ большаго пру-

да рыбы, да и пустилъ ее въ свой прудишко Ванька какъ увидѣлъ рыбу, подумалъ, что отецъ уху ему заваритъ и ужъ заранѣй облизывался, потому что сластена былъ; но какъ отецъ началъ рыбу въ прудъ валить, Ванька какъ побѣжитъ въ избу, какъ завопитъ благимъ матомъ: «Матка! матка! бѣда да и только! батька рыбу топитъ»! а матка: «какъ это, сокровище мое ненаглядное»?—а Ванька въ отвѣтъ: «Да какъ же, отецъ рыбы накупилъ живой— да теперь чѣмъ бы на уху, и топитъ ее въ пруду, а рыба-то такъ и бьется сердечная».— А матка-то вмѣсто того, чтобы малаго вразумить, ну его гладить по головкѣ, да приголубливать; а на ту пору отецъ шасть въ избу, какъ услышалъ что Ванька гуторитъ, чемъ бы также его вразумить, Спиридоновичъ его за виски, потаскалъ, потаскалъ, да на томъ дѣло и покончилъ; а Ванька-то все таки не разобралъ, зачѣмъ Спиридоновичъ рыбу въ прудѣ топилъ.

Вотъ разъ Спиридоновичъ говоритъ Ванькѣ: «Ей ты дурень! заложи-ка чалую, да поѣзжай на мельницу, возьми у мельника два куля муки, поѣзжай не мѣшкая; мельникъ сказалъ, что послѣ полудня онъ отлучится, а у насъ къ заврему муки не хватитъ, хоть безъ хлѣба сиди. Не мѣшкай дурень; да безъ кнута не ѣзди,--слышишь»?

Ванька разинулъ ротъ, оторопѣлъ, однако пошелъ за лошадью,—а Спиридоновичъ поѣхалъ въ поле; къ полудню воротился Спири-

доновичъ, посмотрѣлъ на дворъ, чалая стоитъ запряжена. «Гдѣжъ Ванька? привезъ онъ муку-то что ли?» Нѣтъ ни Ваньки, ни муки. Вотъ и полудни прошли; вотъ и смеркаться стало, а Ваньки все нѣтъ. Спиридоновичъ и ума приложить не можетъ. Ужъ къ ночи вышелъ на дворъ, а Ванька ходитъ вокругъ лошади. «Что ты, дурень—гдѣ же мука? привезъ что ли?»—Нѣту-ти—говорилъ Ванька,—сейчасъ поѣду за мукой.»

Какъ вскрикнетъ Спиридоновичъ: «ахъ ты, дурень, дурень! Да что же ты по сю пору дѣлалъ?»

А ванька въ отвѣтъ: «да вишь ты батько, —я кнутъ потерялъ.»

— Ну такъ что же?—спросилъ Спиридоновичъ.

«Да то батько, что ты не велѣлъ безъ кнута ѣздить, такъ я вотъ съ самаго утра все кнута искалъ,—и не ѣлъ ничего, ни синя пороха во рту не было—вотъ только теперь въ телегѣ нашелъ.»

Спиридоновичъ такъ и размахнулъ руками, плюнулъ, да и пошелъ прочь.

Такъ и за частую бывало. Что ни скажутъ Ванькѣ—а онъ или ровно ничего не пойметъ, или сдѣлаетъ на выворотъ.

Разъ ночью Ванька лежитъ на палатяхъ, да вопитъ: «ай! пить хочу, ай жажда замучила—вотъ хоть бы капельку воды горло промочить....» Да знай себѣ вопитъ, а съ палатей не пошевельнется.

Спиридоновичъ слушалъ, слушалъ, да какъ вскрикнетъ: «Ванька! принеси мнѣ ковшъ воды, да скорѣе, а не то кнутомъ тебя, дурня.»

Ванька соскочилъ съ палатей какъ встрепаный, зачерпнулъ ковшъ воды и принесъ Спиридоновичу.

«Ну пей же теперь, дурень» промолвилъ Спиридоновичъ, «да перестань вопить».

Ванька напился,—а все не въ домекъ ему было, какъ онъ прежде того не догадался.

А ино мѣсто, особливо какъ Спиридоновича дома нѣтъ,—Ванька, и такъ сядетъ въ углу да и вопитъ на всю избу. Вотъ Перфильевна къ нему: «что ты Ванька! ѣсть что ли хочешь?» -Нѣтъ!—«пить что ли хочешь?»—Нѣтъ!—«спать что ли хочешь?»—Нѣтъ!—«Да чего же ты хочешь?»—Вопитъ хочу.—А Перфильевна Ваньку по головкѣ, да приговариваетъ: «ахъ ты сокровище мое ненаглядное! ужъ не испортилъ ли кто тебя? ужъ у тебя это не съ глаза ли?»—А Ванька и того больше вопитъ, индо сосѣди сбѣгались.

Такъ-то жилъ да поживалъ Ванька-ротозѣй, ни родителямъ не въ угоду, ни себѣ на спасенье. Вотъ Ванькѣ исполнилось двадцать лѣтъ съ годомъ.—У Спиридоновича лошадь пала, а дѣло шло къ веснѣ; Спиридоновичъ собралъ деньженокъ да и смѣкалъ какъ бы въ базарной день въ городъ ѣхать лошадь купить; и городъ-то былъ недалеко, всего верстъ де-

сать. Пришелъ базарный день,—а Спиридоновичъ, заболѣлъ. Дѣлать нечего, говоритъ Ванькѣ: «слушай ты, Ванька, не вѣкъ тебѣ ротозѣемъ быть; сослужи-ка службу: съѣзди на базаръ въ городъ, да купи мнѣ коня, да не то чтобы мудренаго, однако чтобы слышь ты, заправской былъ, двадцат цѣлковыхъ заплати, да смотри, чтобы отсюда до города пудовъ двадцат тащилъ, не былъ бы лѣнивъ и никакого на тѣлѣ изъяна у него не было. Вотъ тебѣ и деньги; смотри — не потеряй. Хорошо купишь, шапку тебѣ новую подарю; дурно купишь—побью. А вотъ соседъ Кириловичъ до города тебя доведетъ.»

Ванька слушаетъ, словно разумный человѣкъ; деньги получилъ, заткнулъ кнутъ за поясъ и пошелъ въ городъ съ сосѣдомъ Кириловичемъ.

Идутъ они путемъ дорогою; вотъ дошли до перекрестка, а на встрѣчу имъ пырь барышникъ съ лошадью, то же въ городъ на базаръ гонитъ. Ну калякать о томъ, о семъ. Узналъ барышникъ, что Ванька лошадь покупаетъ; «да чѣмъ тебѣ въ городъ идти, — говоритъ, — вотъ на, купи лошадь—эдакой лошади рѣдко достать.» И Кириловичъ посмотрѣлъ — говоритъ: «славный конь, —кабы нужда была и я бы купилъ.» «Да ужъ какой конь говоритъ барышникъ—что любо два;—ну покупай что ли, малой; чтобы въ городъ не ѣхать дешево отдамъ, —всего восемнадцать цѣлковыхъ.»

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, намъ такой конь не годится.

«Отъ чего же не годится?» Спросилъ барышникъ.

— Отъ того, что батька велѣлъ за коня двадцать цѣлковыхъ заплатить...

«Что ты? что ты?»закричалъ Кириловичъ «какой же въ тебѣ толкъ, Ванька? отецъ велѣлъ добраго коня купить; а меньше заплатишь—отецъ похвалитъ.»

— Да, толкуй-ты себѣ — вѣдь батька-то не свой братъ; немного не по немъ—больно прибьетъ.

Межъ тѣмъ барышникъ смѣкнулъ, что Ванька за птица, да и говоритъ: «да что о томъ толковать; я не заспорю, я пожалуй и двадцать цѣлковыхъ возьму; а конь стоитъ этой цѣны, —рѣдкосной конь,—пудовъ тридцать до Москвы не кормя, довезетъ.»

— А Ванька въ отвѣтъ: «нѣтъ и этого намъ не приходится; батька сказалъ, купи такого коня, чтобы до города пудовъ двадцать тащилъ, а не то, что до Москвы.

Барышникъ посмотрѣлъ на Ваньку, усмѣхнулся, пристегнулъ коня и поскакалъ въ городъ.

А Кириловичъ Ваньку и ругаетъ: «экой ты неразумный! али не можешь въ толкъ взять, что коли конь до Москвы, такъ и до другаго города довезетъ.»

А Ванька: «да, толкуй Кириловичъ; съ батькой не сговоришь; какъ почнетъ бить, ты своихъ боковъ небось не подставишь.»

А Кириловичъ ему: «ахъ ты дурень, дурень! за что отцу бить, коли бы хорошаго коня купилъ. Упустилъ, дурень, упустилъ. На базарѣ такого коня не сыщешь.»

А Ванька: «ты что ни толкуй, а я только то знаю, что батька велѣлъ мнѣ на базарѣ за двадцать цѣлковыхъ коня купить, да коня такого, чтобы отъ нашей деревни въ городъ дцадцать пудовъ тащилъ». На томъ Ванька и рѣчь свою ставилъ, а Кириловичъ только головой поматывалъ. —

Вотъ пришли они въ городъ, Кириловичъ привелъ Ваньку на базаръ, а самъ пошелъ по своему дѣлу. — Ванька на базарѣ и ротъ разинулъ, посматриваетъ со стороны на сторону. Вотъ видитъ у кабака весельчакъ, малой такой разбитной, шапка на бекренѣ, росказни разсказываетъ, а кругомъ его парни стоятъ да усмѣхаются. Ванька подошелъ къ кружку и больше того ротъ разинулъ, слушаетъ: а весельчакъ то со стороны на сторону повертывается.

«Что» говоритъ ребятамъ, — «вина выпить да и вамъ поднести? нѣтъ! сегодня я и пить не пью, и подносить не подношу....»

— А отъ чего бы такъ? — спрашивали ребята.

«А отъ того что у меня на то три резонта есть: первое то, что я вина въ ротъ неберу; а второе то, что сегодня день нетакой; — а третье то, что я ужъ полштофа выпилъ; — а подносить пожалуй подносите».

Ребята захохотали, а Ванька-то и того больше ротъ разинулъ: «что де такое онъ говоритъ»?—

А тѣмъ часомъ весельчакъ его замѣтилъ, да какъ вскрикнетъ; «а ты что стоишь ротозѣй? чего тебѣ надобно?»

Ванька оторопѣлъ; «да, — говоритъ, мнѣ батька велѣлъ на базарѣ коня купить....»

— А денегъ много далъ? —

«Да двадцать цѣлковыхъ!»

— Ай да батька! какъ такому лихачу не дать двадцати цѣлковыхъ. Хочешь я тебѣ удружу; пойдемъ въ кабакъ, у меня тамъ такіе кони стоятъ, что языкъ проглотишь....—

«Нѣтъ, говоритъ Ванька, мнѣ батька велѣлъ не въ кабакѣ, а на базарѣ коня купить....»

Весельчакъ мигнулъ товарищамъ, а самъ говоритъ: «а по мнѣ какъ хочешь — не совать мнѣ тебѣ коня въ горло; да я не токма что коней продаю, я и на другія хитрости подымаюсь. Вотъ видишь ты на землѣ грошъ положу, спиной къ нему повернусь, а другой грошъ черезъ голову кину и прямо на тотъ грошъ попаду.

«Ой ли?» закричалъ Ванька.

—Давай объ закладъ о гривнѣ — отвѣчалъ весельчакъ.

А Ванька спрашиваетъ у парня, что стоялъ возлѣ него: «что такое закладъ»?

— А то, отвѣчаетъ парень, что коли онъ не попадетъ грошъ на грошъ, такъ тебѣ заплатитъ гривну....

«А если попадетъ»?

— Ну такъ вѣстимо ты заплатишь гривну.

А Ванька въ отвѣтъ: «нѣтъ боюсь, какъ попадетъ неравно».

— Гдѣ попасть, говоритъ парень — держи, вишь онъ подгулялъ; даромъ гривну возмешь.

Межъ тѣмъ весельчакъ точитъ себѣ лясы да прикрикиваетъ: «эй держишь, что ли, молодецъ»!

А Ванька только ротъ разѣваетъ, да дивуется.

Вотъ весельчакъ положилъ грошъ на землю, повернулся къ нему спиной, другой грошъ черезъ голову кинулъ — а на грошъ не попалъ.

«Ахъ! оплошалъ»! говоритъ, «ну нѣчего дѣлать, ротозѣй выигралъ — вотъ тебѣ гривна; я малый честный».

А парни-то вокругъ него: «ай да молодецъ ротозей—гривну выигралъ! То-то молодецъ»!

Ванька взялъ гривну, самъ не знаетъ какъ она ему досталась, а межъ тѣмъ радъ радехонекъ, что гривну даромъ взялъ.

Ну, говоритъ весельчакъ, осматриваясь— «дай еще счастья попытаю. Слышь ты, ребята, вотъ у меня мѣра овса въ мѣшкѣ; такъ вотъ слушайте; я эту мѣру овса въ два такихъ же мѣшка положу и оба полны будутъ».

Ваньку раззадорила гривна. «Ой ли! вотъ не положишь»! закричалъ онъ.

— Давай объ закладъ о цѣлковомъ, что положу....

«И оба мѣшка полны будутъ»?

— Оба мѣшка полны будутъ.

«И одной мѣрой овса»...

— Одной мѣрой...

Разобрало Ваньку; «эхъ ты, думаетъ, куда не шла; взялъ гривну даромъ — хорошо, а какъ еще цѣлковый возьму—еще лучше будетъ».

А весельчакъ-то къ нему: «ну держишь, что ли? говори, а не то прочь поди».

Помялся, помялся Ванька, почесалъ затылокъ, да и выговорилъ: «ну держимъ-ста».

— Слышали ребята,—сказалъ весельчакъ,— ну смотрите жъ въ оба.

Весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ, а другой пустой; Ванька подошелъ поближе, чтобы посмотрѣть какъ то онъ одну мѣру въ два куля насыплетъ. А весельчакъ взялъ мѣшокъ съ овсомъ да и всунулъ его весь какъ былъ въ пустой мѣшокъ: «вотъ, говоритъ, одна мѣра овса въ двухъ мѣшкахъ и оба полны».

— Проигралъ ротозѣй! закричали парни — плати Петрушкѣ цѣлковой.

«Ванька туда, сюда, а парни обступили его, смѣются, да кричатъ: «плати, плати! развязывай мошну! бился объ закладъ, такъ плати! вишь ты, выигралъ гривну такъ взялъ; а какъ проигралъ, такъ на попятный дворъ»!

Нѣчего было дѣлать. Ванька развязалъ мошну и самъ не свой, вынулъ изъ нея цѣлковый, отдалъ Петрушкѣ, да такъ и залился слезами. А тѣмъ часомъ парни подъ руки его подхватили, да и говорятъ: «пойдемъ въ кабакъ магарычи запивать».

И увели бы они его въ кабакъ, и остальные бы девятнадцать цѣлковыхъ тамъ бы Ванька убилъ; да на ту пору, землякъ мимо корову гналъ; а землякъ тотъ съ Ванькою были погодки и звали его Емельяномъ; малой молодой, да такой расторопной.—Увидѣлъ онъ Ваньку у кабака, подошелъ къ нему, дернулъ его за руку, да какъ вскрикнетъ на парней: «что вы его обижаете»?

А парни въ отвѣтъ: «мы не обижаемъ, а въ кабакъ ведемъ»...

А Емельянъ свое: «незачемъ ему въ кабакъ идти».

— А тебѣ то что? закричалъ Петрушка.

«А то, отвѣчалъ Емельянъ, что Ванька мой землякъ—и нечего ему съ вами водиться».

Сказалъ Емельянъ, да и выдернулъ Ваньку изъ толпы. Парни захохотали, да въ кабакъ побрели.

А Емельянъ Ванькѣ: «какъ ты къ такимъ плутамъ въ руки попалъ; вѣдь это, знаешь, бражники такіе, что нѣтъ хуже ихъ на свѣтѣ».

Ванька разсказалъ ему всю свою бѣду, да и ну вопить: какъ ему теперь и коня купить, какъ и къ отцу безъ цѣлковаго на глаза показаться.

Емельянъ былъ малой жалостливый. «Эхъ, Ванька, говоритъ, полно вопить; хорошо что ты мнѣ на глаза попался; у меня отъ доброй покупки деньги остались; я тебя пожалуй цѣлковымъ ссужу; какъ разбогатѣешь—заплатишь».

У Ваньки какъ гора съ плечъ, «да какую же, ты, отецъ родной, покупку такую сдѣлалъ».

— Да вотъ, говоритъ Емельянъ, батька посылалъ корову купить, да далъ двадцать цѣлковыхъ, а я славную коровенку досталъ за восемнадцать цѣлковыхъ.

«Ну да какъ же ты, Емельянъ покупалъ»?

—Ну вѣстимо дѣло, смотрѣлъ, да выбиралъ....

«Ну да какъ же это ты выбиралъ?..»

— А меня отецъ съ измаленька училъ, по какой примѣтѣ хорошую скотину узнавать, какое вымя должно быть, какая голова, какія ноги и все прочее.

«А больно отецъ бивалъ?...»

— Ну не безъ того, когда въ малолѣткахъ былъ; бывало за шалость и стегнетъ розгой;

да потомъ какъ отдалъ онъ меня въ школу, выучился я грамотѣ и сталъ въ разумъ входить, всякую шалость бросилъ, хозяйствомъ занимаюсь, да по цыфири счеты у отца свожу;— съ тѣхъ поръ отецъ меня хоть бы пальцемъ.

«Ну да скажи пожалуй, Емельянъ, какъ бы и мнѣ такъ поступать, чтобы отецъ меня не билъ»?

— Старайся, Ванька, отцу угождать, будь ему въ домѣ на пользу; что говоритъ, слушай не забывай, умѣй все приберечь, а ино мѣсто и барышъ отцу добыть.—Однако пора къ домамъ... корову-то не то, что лошадь гнать, не поспѣешь до вечера.

«Ахъ Емельянушка—хоть бы ты меня научилъ какъ коня-то выбрать»...

— Ну Ванька, отвѣчалъ Емельянъ, однимъ разомъ этому не научишь; ты хоть смотри того, чтобы на тѣлѣ-то у него изъяна не было... пошелъ бы я съ тобой кабы не коровенка... боюсь запоздать. Видѣлъ я тамъ на концѣ саврасая стояла, кажись добрый конь— только не разсмотрѣлъ я его хорошо; посмотри поближе, можетъ и годится...

Емельянъ погналъ коровку домой, а Ванька пошелъ опять на базаръ, нашелъ саврасую —глядь, а возлѣ нея и знакомый барышникъ стоитъ; узналъ онъ Ваньку. А Ванька ходитъ вокругъ лошадей да поговариваетъ: «надобно мнѣ лошадь такую, чтобы на тѣлѣ изъяна не было». Вотъ хозяинъ саврасой говоритъ: «да

чего тебѣ лучше моей саврасой, славный конь и не дорого возьму, всего восемнадцать цѣлковыхъ.

А барышникъ шепчетъ Ванькѣ: «посмотри-ка на нее—вѣдь у ней тѣло съ изъяномъ—ухо распорото».

Ванька посмотрѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, у саврасой ухо было съ мѣткой, распорото. «Нѣтъ, говоритъ хозяину, братъ, насъ не обманешь; батька не велѣлъ лошадь съ изъяномъ покупать, а у твоей ухо распорото», сказалъ да и пошелъ прочь.

А барышникъ за Ванькой: «хочешь, говоритъ, я тебѣ удружу, я тебѣ такого коня продамъ, что ужъ никакого изъяна нѣтъ; за полцѣны изъ дружбы уступлю; всего двадцать цѣлковыхъ возьму, да еще тебѣ цѣлковикъ прикину».

Ванька и ротъ разинулъ. Пошелъ за барышникомъ къ тому мѣсту, гдѣ его кони стояли. Вывелъ барышникъ коня гнѣдаго, да кнутомъ его подстегиваетъ: «видишь ты, говоритъ, какой конь, индо на дыбы становится, молодой, добрый конь; смотри-ка что за чернь на зубахъ, шести лѣтъ ему нѣтъ, а хвостъ-то какой, одинъ хвостъ двухъ цѣлковыхъ стоитъ. Ужъ такого коня на всемъ базарѣ не найдешь, хоть до вечера ходи».

Подумалъ, подумалъ Ванька—да и хлопъ по рукамъ съ барышникомъ, отдалъ ему двадцать цѣлковыхъ; а томъ ему цѣлковый прики-

кинулъ, да говоритъ: «видишь ты, какъ тебя уважаю, ну ужъ и ты меня штофомъ вина уважъ».

Такъ и сдѣлали. Тѣмъ часомъ подошелъ Кириловичъ; Ванька сѣлъ на коня, ну его погонять, конь ни съ мѣста.—«Ахъ бѣда, говоритъ Кириловичъ, обманули тебя, конь то недобрый, лѣнивый».—Что ты, отвѣчаетъ барышникъ усмѣхаясь, какой лѣнивый! онъ только эдакъ.... знаешь.... на память слабъ,—забываетъ что везти надобно. — «Подай деньги назадъ», кричитъ Ванька.

— Что ты, говоритъ барышникъ, на дурака что ли напалъ. Ты покупалъ—я продавалъ. Какъ продано такъ тому и быть.—

Тутъ барышникъ принялся стегать коня кнутомъ, сдвинулъ его съ мѣста, поѣхалъ Ванька шажкомъ, и Кириловичъ занимъ поплелся; какъ вышли изъ города, тутъ и пошла потѣха; конь-то былъ съ норовомъ: идетъ, идетъ да остановится, хоть ты что хочешь съ нимъ дѣлай, пока не образумится. Уже коекакъ добрались до деревни. Какъ увидѣлъ Спиридоновичъ коня, такъ и всплеснулъ руками: «что ты его съ живодерни что ли привелъ, да чего жъ ты смотрѣлъ? вѣдь этому одру годовъ, я чай, двадцать слишкомъ»!

— Нѣтъ, говоритъ Ванька, посмотри и чернь на зубахъ....

«Какая тебѣ чернь, зубы-то вызжены, али не видишь».

— Какъ зубы вызжены, толкуетъ Ванька, зубы всѣ тутъ до одного, какъ слѣдуетъ.

Индо заплакалъ бѣдный Спиридоновичъ, услышавъ такія рѣчи.

А Ванька къ Перфильевнѣ, а Перфильевна къ Ванькѣ: «ни въ чемъ-то тебѣ дитятко, талану нѣтъ, говоритъ — не доведется тебѣ никакъ батькѣ угодить. То и твердитъ что отъ тебя родимый какъ отъ козла, ни шерсти ни молока, а только дому разоренье».

Поплакали, погорѣвали и Спиридоновичъ, и Перфильевна, и Ванька, да на томъ и дѣло покончили. И съ той поры ужъ Спиридоновичъ рукой махнулъ; никакого дѣла Ванькѣ не поручалъ, а такъ шлялся Ванька изъ стороны въ сторону, или па печи сидѣлъ, да ротъ разѣвалъ; а выйдетъ на улицу, парни смѣются, и дѣвки отворачиваются. И сидѣлъ Ванька на печи: жарко станетъ, на полати перелезетъ, холодно станетъ, опять на печь полезетъ; сидѣлъ, да думушку думалъ.

Вотъ разъ приходитъ Ванька къ Перфильевнѣ.—«Правду ты говорищь, матушка, что ни въ чемъ мнѣ талану нѣтъ. Вотъ Емельянъ все мнѣ толкуетъ, что долженъ я отцу угождать, въ работѣ помогать и барышъ ему доставлять; а какъ тутъ быть? Хорошо Емельяну толковать; онъ и грамотный, и работу всякую знаетъ, куда хочешъ его поверни; а вотъ у меня безталаннаго такъ все изъ рукъ валится; а какъ видишь что ни что неспорится, такъ тоска возьметъ, да сонъ одолѣетъ; все бы зѣвалъ, да по-

тягивался; — а межъ тѣмъ все такъ и думаю, какъ бы отцу барышъ достать, думалъ, думалъ, матка, да и выдумалъ не дурное.

— А что такое, дитятко спросила Перфильевна, скажи-ка?

«Да вотъ что, матка; вотъ я слышалъ, что нельзя ужъ такого барыша достать, какъ кладъ сыскать».

— Ахъ, сокровище ты мое, да какъ же кладъ-то найти?

«А вотъ матка, въ городѣ, говорятъ, такая знахарка есть, что клады указываетъ; такъ вотъ хочу я къ той знахаркѣ сходить посовѣтывать; только вотъ бѣда, говорятъ къ ней съ пустыми руками и не ходи».

— То еще не бѣда, дитятко, что на деньгу пошла, отвѣчала Перфильевна; почему счастья не попытать, а ужъ конецъ холста, да нитокъ мотокъ я тебѣ припасу; да и полтина денегъ у меня въ кубышкѣ есть.

На другой день ранымъ ранешенько Перфильевна снарядила Ваньку въ городъ; и конецъ холста, и нитокъ мотокъ, и полтину денегъ припасла ему для знахарки; а чтобы не проголодался, хлѣба краюху, да соли, да толокна, да ложку съ плошкой въ кузовокъ Ванькѣ положила.

Уже что такое у Ваньки съ знахаркою было, не знаю; только знаю то, что Ванька пришелъ домой поздно, такъ поздно, что уже Спиридоновичъ заснулъ на полатяхъ и только Пер-

фидьевна за лучиной сидѣла, да милаго дитятку поджидала.

«Ну матка, говоритъ Ванька, добрую вѣсточку я принесъ, только не говори пока отцу, пока все не совершится...»

— Ну-ка разскажи, родимый — да не бось, отецъ не услышитъ, онъ ужъ давно храпомъ храпитъ.

«Ну, матка, ужъ что за знахарка, такъ другой такой со свѣчой поискать; и водой-то меня сплеснула и на глинкѣ съ уголькомъ нашептала и на бобахъ развела, да такъ съ разу и угадала: нѣтъ говоритъ, въ тебѣ никакого талану; ужъ пошелъ ты дурнемъ, такъ тебѣ дурнемъ и вѣкъ вѣковать; ни на что ты не годищъ, мой родимый, и что тебѣ ни толкуй все какъ горохъ объ стѣну; а кладъ найдешь—ужъ это у тебя на роду написано.—Вотъ я ей: «давно молъ бабушка охота беретъ, да какъ его отыскать»?—а она въ отвѣтъ:—ужъ объ томъ не печалься, я помогу, только и ты меня уважь.--Вотъ я, матка, и вынулъ ей гостинцы; она посмотрѣла, деньги сосчитала, все въ кубышку спрятала, да и говоритъ: ну вижу я, ты парень-то добрый, бабушку знахарку уважилъ, такъ и бабушка тебя не оставитъ; ну слушай же обѣими ушами, да слова не пророни!—«слушаю-молъ бабушка»- Вотъ она и толкуетъ: «не то бѣда что кладъ найти, говоритъ, а то бѣда чтобъ бѣлую ворону поймать».—Да какую же такую бѣлую ворону? —«а вотъ говоритъ, я тебя научу; замѣть гдѣ въ новолунье да въ полнолунье вороны садятся, да приготовь тенеты, да кругомъ того

мѣста три раза задомъ обойди, такъ бѣлая ворона прямо къ тебѣ въ тенеты сама прилетитъ. А ты ее тогда за хвостъ ухвати и перо у ней изъ хвоста вытащи, а то перо дивное; куда съ нимъ ни пойдешь вездѣ съ собой носи; какъ почуешь, что перо забьется, такъ на томъ мѣстѣ и копай землю, а ужъ тутъ и хватай, такъ полтинники и рублевики и начнутъ подъ руками кататься. Только смотри, того снорови, чтобы къ самому новолунью или къ полнолунью къ воронамъ придти; рано придешь—не ухватишь, поздно придешь—не успѣешь. А ужъ у тебя на роду написано, что кладъ найдешь...»

Какъ вскрикнетъ Спиридоновичъ съ полатей: «ахъ ты дурень, дурень!»

А Спиридоновичъ-то проснулся и все слушалъ. Перфильевна ему въ отвѣтъ: «за что дитя ругаешь?—можетъ и вправду ему на роду написано».

«Ну!—толковалъ Спиридоновичъ, ужъ нѣтъ такихъ дурней на свѣтѣ, какъ глупая баба, да глупый парень. Ну да если знахарка знаетъ какъ кладъ доставать,—такъ чтожъ она сама его не достанетъ?..»

— Да слышь ты, Спиридоновичъ, ужъ это кому на роду написано....—

«Охъ! сказалъ Спиридоновичъ, только съ полатей встать не хочется, а то взялъ бы полѣномъ обоихъ....»

Сказалъ, повернулся на другой бокъ, да и захрапѣлъ въ самомъ дѣлѣ.

Съ тѣхъ поръ пошелъ мой Ванька; то и дѣло что на воронъ зѣваетъ, да съ тенетами да съ кузовкомъ ходитъ; ужъ нѣсколько разъ онъ воронъ задомъ обходилъ; только все не въ попадъ; видно все не могъ снаровить въ новолунье или въ полнолунье, или рано придетъ, или поздно; ни какъ ему въ тенеты бѣлая ворона не летитъ; только что воронъ пугаетъ.

Такъ прошелъ годъ, прошелъ и другой, а Ванька все ходитъ да бѣлую ворону поджидаетъ. Межъ тѣмъ на Спиридоновича бѣда за бѣдой; то градъ выбьетъ, то червь поѣстъ,—да и самъ ужъ похилѣлъ, а ужъ хилому что за работа безъ подмоги; подъ конецъ пришло на Спиридоновича такое раззоренье, что и оброка ужъ не могъ нести и земля какая была отъ него отошла; остался одинъ огородишка; что бывало сберетъ рѣпы да картофеля, да въ городъ свезетъ продастъ, тѣмъ и питается. Да ужъ скоро въ огородѣ-то работать стало Спиридоновичу не подъ силу; а Ванька что за подмога?—дастъ ему Спиридоновичъ заступъ въ руки: «копай, говоритъ, между грядъ, сваливай землю» а Ванька себѣ на умѣ: «что мнѣ говоритъ надъ рѣпой да надъ морковью силу терять,—я лучше силу приберегу какъ придется кладъ-то выкапывать, что мнѣ на роду написанъ.» И лишь бывало вороны, или галки полетятъ, а Ванька за ними

смотрѣть, куда они сядутъ. Спиридоновичъ посмотритъ да только руками въ розь; ужъ и бить Ваньку пришло ему не подъ силу.

Вотъ однажды пронила Спиридоновича огневица; видитъ онъ, что конецъ его приходитъ. Перфильевна только что плачетъ, а Ванька только ротъ разѣваетъ.—Собралъ силы Спиридоновичъ и проговорилъ: «посмотрю я на тебя Перфильевна кому-то тебѣ будетъ кормить и поить? Куда ты горемышная, свою головушку приклонишь»? Сказалъ да и самъ прослезился. Потомъ сотворилъ крестное знаменье, воздохнулъ глубоко, да промолвилъ: «слушай-ты, Ванька,—ты все на воронъ зѣваешь, да клада ищешь; такъ слышь-ты, у меня въ огородѣ кладъ зарытъ, а гдѣ—сказать не могу, а только знай что между грядами гдѣ я рѣпу, да морковь, да картофель посадилъ; ты знай только между грядами землю-то копай, такъ навѣрное кладъ сыщешь; да копай глубже,—слышь ты....»

Да на тѣхъ словахъ Спиридоновичъ и Богу душу отдалъ.

Вотъ Перфильевна съ Ванькой честно похоронили Спиридоновича, поплакали и погорѣвали.

Межъ тѣмъ Ванька не забылъ батькиныхъ словъ; взялъ заступъ, ну между грядами копать да на гряды сваливать. «Экой батька», приговаривалъ Ванька, «ну чтобы сказать гдѣ онъ кладъ-то зарылъ, а то теперь рой по цѣлому огороду». Ванька былъ парень дюжій, а только съ придурья да съ без-

дѣли такой негодящій былъ; а тутъ, въ охотку, такъ скоро между грядами взрылъ, что нидо изъ прудишка вода между грядъ пошла. А въ то лѣто случись жара, да засуха — у всѣхъ на огородахъ всю зелень пожгло, и земля-то пыль пылью. А у Ваньки на огородѣ грады отъ канавъ мокрехоньки и былъ у него такой урожай на рѣпу, да на морковь, да на картофель, какого еще никто не привидывалъ. Клада-то Ванька все не нашелъ; Перфильевна пождала, пождала, да дѣлать нѣчего, собрала что было картофеля, рѣпы, да моркови, сложила на возъ поѣхала въ городъ, думаетъ: «хоть это пока продать, да покормиться, пока Ванька-то кладъ отыщетъ». Пріѣхала въ городъ, смотритъ, на базарѣ нѣтъ ни у кого ни рѣпки, ни морковки,—только что у ней на возу; и пошли къ ней горожане покупать, да на расхватъ все купили, да въ тридорога заплатили.

Ѣдетъ назадъ Перфильевна въ деревню съ толстой мошной, да завидя Ваньку, еще издали кричитъ: «ну Ванька, правду батька говорилъ, что у насъ на огородѣ кладъ зарытъ; смотри — ка сколько я за возъ-то денегъ скопила»! А Ванька и пуще того ротъ разинулъ.

А такія рѣчи подслушала сосѣдка вдова Соломонида, баба бойкая, бывалая. Вотъ смѣкаетъ она: «у Перфильевны мошна разтолстѣла, а разтолстѣла отъ Ванькиной работы; стало быть есть въ парнѣ прокъ, даромъ что ротозѣй».

Подумала, подумала да и шасть къ Перфильевнѣ въ избу; «ахъ ты говоритъ, такая-сякая, сухая-немазаная, вдова горемышная — чтоты одна съ Ванькой живешь, горе мыкаешь? — чтобы молодца—то остепенить, на умной бабѣ женить?..»

Слово за слово, о томъ о другомъ - чемъ же дѣло покончили? — по рукамъ ударили. — Вотъ, поминъ по отцѣ сотворили, да веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. — Вотъ, и женился Ванька на умной бабѣ Соломонидѣ. А Соломонида Ваньку, по батькину слову, въ руки взяла; лишь Ванька зазѣвается, а Соломонида его подъ бокъ: «чтожъ ты мой красавецъ, такой-сякой, сухой-немазаной, клада-то въ огородѣ не роешь; вѣдь тебѣ кладъ-то на роду написанъ; поди-ка порой, мой родимой, а я межъ тѣмъ тебѣ блинокъ испеку». И пойдетъ Ванька въ огородъ и роетъ, роетъ словно добрая лошадь; а Соломонида навозъ на гряды возитъ, да всякую овощь садитъ, а поспѣетъ, въ городѣ продастъ, да деньги въ кубышку кладетъ, а добрые люди ходятъ мимо, да приговариваютъ: «не надобенъ кладъ, коли у мужа съ женой ладъ».

Такъ вотъ вамъ сказка, какъ Ванька ротозѣй жилъ да поживалъ, отъ чего ему такое прозвище пошло, какъ онъ клада искалъ и какъ его нашелъ!

ЧТО ЗНАЧИТЪ ВОСКОРМИТЬ ДИТЯ.

Замѣчай за дитятей попристальнѣе; увидишь, что дитя само ничего не выдумаетъ; оно только перенимаетъ то, что передъ нимъ дѣлаютъ. Вотъ тебѣ добрая указка: что ты самъ дѣлаешь при дитяти, то и оно будетъ дѣлать. Ежели ты золъ при дитяти, кричишь безъ толка, шумишь и бранишься и дитя, на тебя глядя, будетъ злиться, кричать и браниться.—Дитя кажется безсмысленно, а все понимаетъ; говорятъ при немъ—оно прислушивается, дѣлаютъ что — видитъ и замѣчаетъ; оно и молчитъ,—а все припомнитъ. Ему говоришь—кажется не понимаетъ; не ему говоришь прислушивается; что старшіе ни дѣлаютъ, все видитъ и замѣчаетъ.

Не даромъ тебѣ Богъ дѣтей далъ; не только для того, чтобы дитя воскормить, да воспоить, но чтобы доброму научить; а чтобы дитя доброму научить смотри больше за самимъ собою.—А во первыхъ—Богу молись, чтобы Богъ тебя просвѣтилъ и помогъ дитя воспитать. Пріучай и дитя молиться, а для того чтобъ его пріучить молись самъ съ нимъ вмѣстѣ. Коли ты скажешь дитятѣ просто: «молись Богу», то можетъ и не пойметъ тебя; а когда ты самъ будешь съ нимъ молиться со страхомъ и трепетомъ, съ любовью и надеждою, какъ Христіа-

нину подобаетъ, то и дитя пойметъ что значитъ молиться.

По этому и о другихъ дѣлахъ смѣкай; важный грѣхъ въ человѣкѣ ложь, да обманъ; хочешь, чтобы дитя не лгало, тебя не обманывало, — самъ не лги и не обманывай, и тогда дѣти тебя будутъ почитать и всякое твое слово уважать.

Когда ты напиваешься пьянъ, сквернословишь, валяешься предъ дѣтьми хуже скота безсмысленнаго, то не жди чтобы дѣти твои уважали тебя: они будутъ такія же пьяницы какъ и ты самъ. Непадо съ дѣтьми быть жестокимъ. Наказаніе и награды для дѣтей нужны, но наказывать и награждать надобно во время и съ разборомъ. Наказаніе исправляетъ дѣтей тогда, когда они уже могутъ понимать, что заслужили наказаніе. Но если будешь наказывать дѣтей безъ толку за все и про все, это не сдѣлаетъ добра; дѣти увидятъ, что ты не правдивъ, и, можетъ быть, будутъ тебя бояться, но никогда тебя не будутъ любить. Негодится дѣтей бить палкой или чѣмъ ни попало; дитя, привыкшее къ побоямъ, дѣлается тупымъ и не понятливымъ, и послѣ его уже ни чѣмъ не исправишь. Надобно различать шалости дѣтей: однѣ можно простить, а за другія наказать. Если дитя лѣниво, если оно дѣлаетъ все наперекоръ тебѣ, если оно грозится на кого нибудь, тогда надобно наказать его непремѣнно. Но если дитя провинившись раскается, будетъ просить у тебя прощенія, само скажетъ, что

виновато и обѣщается не дѣлать того впредь, то такое дитя надо простить.

Никогда ненадо обманывать дѣтей: когда ты сказалъ, что накажешь дитя: то надобно наказать; когда обѣщалъ наградить его— привезти изъ города калачь или пряникъ, или подарить ему поясокъ, шапочку, то превези и подари. Ненадобно награждатъ дѣтей часто, это ихъ балуетъ и награда дѣлается уже не въ награду. Надобно пріучать дѣтей такъ, чтобы они лучшею наградою считали доброе слово отца и ласки матери. Не надобно дѣтей пугать ни домовыми, ни вѣдьмами, ни мертвецами, ни оборотнями, ни лѣшими. Мертвые не встаютъ изъ гробовъ; домовыхъ же, вѣдьмъ, оборотней и лѣшихъ нѣтъ на свѣтѣ, все это выдумка старыхъ бабъ и обманщиковъ. Напугаешь дѣтей такой небылицой, и они сдѣлаются боязливы, собаку или кошку примутъ за вѣдьму и перепугаются такъ, что и къ разуму послѣ не приведешь.

Спроситъ у тебя о чемъ дитя, не смѣйся, а отвѣчай какъ знаешь, чтобы дитя тебя поняло, чего ты хочешь. Не понятливо дитя, растолкуй ему дважды и трижды, особливо что по хозяйству нужно; твое слово не пропадетъ и дитя возросши будетъ тебѣ подмогой.

Наблюдешь все это, будешь Бога благодарить; а будешь дитя то бить, то баловать безъ толка— выдетъ изъ дитяти Ванька ротозѣй.

КОЛИ ГРАМОТКА ДАСТСЯ, ТАКЪ НА НЕЙ ДАЛЕКО УѢДЕШЬ.

(*Разговоръ двухъ крестьянъ*)

Иванъ. Антонычь, знаешь что?

Антонычь. Скажешь, такъ узнаю.

Иванъ. Вѣдь плохо!

Антонычь. Что плохо? чего тамъ еще испугался, не хлѣба ль у тебя нищій попросилъ?

Иванъ. Какое хлѣба? — ты все Антонычь надо мною издѣваешься, развѣ я виноватъ, что бѣденъ; всякой живи чѣмъ Богъ послалъ; есть и такіе, что съ голода мрутъ, а я слава тебѣ, Христосъ, живу уже давно, хоть и тово....

Антонычь. Ну такъ вѣрно молодухи надъ тобой насмѣялись—экія какія мудреныя!

Иванъ. Полно Антонычь, оставь, я вотъ что тебѣ скажу — былъ я на погостѣ да въ правленіи,—поговариваютъ еще о чемъ-то, да не знаю правда-ли?

Антонычь. Что такое? я и самъ былъ тамъ недавно да ничего такого не слыхалъ.

Иванъ. Говорятъ, что какія-то школы заводить станутъ?

Антонычь. Да, это-то, ну такъ что?

Иванъ. Какъ что? кто ихъ знаетъ, какія такія будутъ школы, да все таки до этой поры ихъ не было.

Антонычъ. Мало чего не было; зачѣмъ и ты родился, коли прежде тебя не было? кажись прожили бы и безъ тебя. Зачѣмъ ты коня завести хочешь? живешь и безъ курицы.

Иванъ. Я хоть родился, да никого не учу и не тревожу, помолюсь иной разъ о чемъ нибуть сосѣду, дадутъ—ладно, а не дадутъ и на томъ спасибо; а въ школахъ-то учить будутъ, хочешь не хочешь да учись грамотѣ. Ты говоришь коня хочу купить, вѣстимо хочу и давно хочу, да куплева нѣтъ; а коли куплю, конь соху потащитъ, а гратота кого повезетъ?

Антонычъ. Съ тобой, братъ толкуй хоть до завтра, ты все свое городить станешь. Вѣкъ свой краснобайничалъ, мололъ да перемалывалъ, а посмотришь, ни кола, ни двора, ни мала живота не намололъ, и все отъ того, что некому было жернововъ твоихъ поточить.

Иванъ. Да, да, да, вотъ оно что,—я и забылъ, что Ефимка твой къ писарю ходитъ; то-то ты такъ и вступился, посмотримъ чему онъ выучится,—подождемъ, коли Богъ продлитъ вѣку, лучше ли онъ тебѣ полосу запашетъ по грамотному. Да и писарь нашъ хоть и мужикъ, а чай замялся бы, кабы его пустить съ сохою; перо-то полегче сохи будетъ, какъ ты думашь?

Антонычъ. Поди ты прочь.—Мнѣ не досугъ съ тобой, прости Богъ, забавлятся. Кабы мужикъ ты былъ настоящій, такъ я бы разска-

залъ тебѣ кое-что. Ужъ не разъ я принимался за тебя; еще отцу твоему, вѣчная ему память, обѣщалъ приберегать тебя, да кто такому сыну поможетъ? видно горбатаго могила исправитъ.

Иванъ. Я слушаю, слушаю, Антонычъ; разскажи, не сердись, ты вѣдь съ командирами знаешся, у тебя и кумовья господа, а мы люди темные; для чего не послушать.

Антонычъ. Будетъ ли прока? тебя-то мнѣ давно не жаль, да жалко глядѣть на твоихъ ребятишекъ.—Шутка ли, теперь къ котомкѣ прiучаются, чего отъ нихъ дождешься?—ты вѣрно Бога не боишься.

Иванъ. Экой ты Антонычь, Богъ дастъ годы получше, такъ поправимся, Его святая воля!

Антонычъ. Богъ дастъ старательному, а тебѣ не знаю дастъ ли; кабы ты сберегъ все, что тебѣ Богъ послалъ на твоемъ вѣку, такъ не то бы и было; не даромъ тебя и командиры журятъ и страмятъ на сходкахъ.

Иванъ. Командирамъ-то не диво приказать, каково-то выполнять? вонъ вчера, говорятъ сѣй картофель, а гдѣ его взять? и хлѣба нѣтъ, такъ ужъ не до картофеля. Голова-то давно ли самъ кланялся, а на дѣлъ синiй кафтанъ такъ хоть вези его шестерикомъ.

Антонычъ. Вотъ видишь, какъ ты мелишь! какъ тутъ съ тобой толковать? Голова, небось, твоимъ хлѣбомъ сытъ сталъ? Онъ кому кланял-

ся тому и теперь кланяется, а что не на нашу сторону воротить, такъ отъ того онъ и командиръ, надо же кому нибудь приказывать; а если давать тебѣ дѣлать что ты хочешь, такъ о томъ и приказывать не надо: ты и безъ приказа сдѣлаешь, да только что изъ того выйдетъ?—Не гляди, что у него синь кафтанъ, онъ въ сѣромъ зипунѣ вѣрно крѣпче спалъ и на голой скамьѣ, чѣмъ теперь на перинѣ.—Мы каждый самъ за себя отвѣчаемъ, а онъ за многихъ.

Иванъ. Не захотѣлось ли и тебѣ пощеголять съ галунами? уже не въ Головы ли ты наровишь, дядюшка?

Антонычъ. Нѣтъ братъ, надъ такими какъ ты, не захотѣлъ бы быть командиромъ, хоть озолоти; да притомъ, теперь ужъ и пора прошла. Какъ начальники узнали, что и мужикъ пойметъ, если его учить станутъ, да начинаютъ заводить школы, такъ теперь какая имъ неволя съ нашимъ братомъ слѣпымъ возиться: Мнѣ что писарь ни напиши, не прочесть, и что ни скажетъ, я все забуду, а грамотный и прочесть и сказанное записать можетъ; продать ли захочетъ, купить ли что, никто не обманетъ.

Иванъ. Экая диковина! было бы на что купить, купилъ бы и безъ грамоты хоть у цыгана. Много купцовъ безграмотныхъ, да не бойся маху не дадутъ.

Антонычъ. Кому какъ задастся? есть головы всякія, одному удастся, а десятерымъ и

нѣтъ, на нихъ не смотри, безъ грамоты они богаты; а почемъ знаешь чтобы они были какъ бы грамоту знали? Вотъ я тебѣ разскажу, ужъ такъ и быть, штуку, если не для тебя, такъ для твоихъ ребятъ, авось когда нибудь пригодится.

Помнишь ли, какъ я прошлаго года по осени ѣздилъ въ Петербургъ съ поклажей. Ѣду я въ сумеркахъ, да и думаю гдѣ бы мнѣ остановиться на ночлегъ; это было по ту сторону Долговки, а тамъ все, знаешь, лѣсъ да столбы, а деревень нѣтъ, кое кто на встрѣчу проѣдетъ, а попутчиковъ никого. Мнѣ такъ сгрустнулось, что я хотѣлъ ужъ назадъ вернуться на постоялый дворъ, отъ котораго версты четыре отъѣхалъ, да деньги чужія были за пазухой, такъ поопасся чужаго народа. Только слышу впереди затянулъ кто то пѣсню; всматриваюсь, что то чернѣется, думаю на встрѣчу кто, нѣтъ; а все впередъ и пѣсня тоже; постой же, видно попутчикъ; подогналъ коня, такъ и есть двое на телѣгѣ; я въ догоню, а они отъ меня, чтобъ ихъ, прости Богъ, лѣшій встрѣтилъ! такъ и не догналъ бы, да деревня случилась, ну, думаю, теперь и вы мнѣ не нужны; только вижу они заворачиваютъ надворъ, а мнѣ деревня незнакомая; гдѣ ни стать, такъ стать. Я повернулъ имъ въ слѣдъ; они просятся ночевать и мнѣ хозяйка не отказала. Пока разстанавливалися на дворѣ, я и разглядѣлъ, что мой попутчикъ былъ молодой парень съ какой-то бабенкой. Задалъ коню сѣна, да и пошелъ въ избу, изба полнехонька, пока я протиралъ глаза съ темени, да глядѣлъ ку-

да бы присѣсть, парень-то тотъ и подошелъ ко мнѣ бородой къ бородѣ; «это ты что ли земликъ за нами гнался»? — «Я.» — «Мы уже думали какой недоброй».

— Да ужъ и ты не гораздъ мнѣ добрымъ показался; не добра я тебѣ и пожелалъ, прости Господи! — «А изъ какихъ ты мѣстъ»? спрашиваетъ онъ. Да изъ-за Великихъ Лукъ, посланъ бариномъ. — «Какой усадьбы»? я и разсказалъ ему, а онъ и зарадовался; «ну-ка садись землякъ, сказывай мнѣ, я знаю вашу сторону, да давно не бывалъ». Спрашивалъ про то, про другое, про Сеньку Лысаго, про вдовину семью, что на зарѣчьи жила, знаешь? про всякое разное, только далѣе да болѣе, болѣе да далѣе, мы такъ заговорились, что и не слыхали, что около насъ дѣялось. Вдругъ хозяйка завопила: взгляните ради Бога! пропала моя головушка! одинъ сынъ былъ, да и того не будетъ! желанный Андрюша! да что ты натворилъ такое? что за напраслину напутали злые люди! Я посмотрѣлъ, и вижу, стоитъ соцкій съ дубинкой, да съ нимъ должно быть писарь, въ синемъ кафтанѣ; а хозяйка передъ ними такъ и пѣтушится: «Не дамъ вамъ его, говоритъ, хоть вы не вѣдь какія грамоты читайте; умру на мѣстѣ, а не выдамъ, пускай исправникъ пріѣдетъ, да самъ разберетъ напраслину и заступится за насъ». — Мой землякъ тутъ закричалъ на бабу: «да погоди же хозяйка, дай выговорить имъ, что имъ надо? да выслушай хорошенько, твой сынъ не мальчишка, и самъ не дастся въ обиду». Вотъ писарь и началъ говорить: изъ суда пришла бумага въ

контору, взять подъ караулъ Тихонова сына Андрея, который ѣздилъ въ прошломъ году за кожьемъ, былъ около Петрова дня въ какой-то деревнѣ, купилъ двѣ конины у мужика, да уходя изъ избы вечеромъ, подперъ калитку, а хозяйка того мужика, пришла къ ночи домой и не могла достучаться; на утро выломали калитку и нашли хозяина мертваго.—Такъ стало быть Андрей его убилъ.

Не успѣлъ писарь договорить, какъ хозяйка бросилась на него со всѣхъ ногъ, какъ ошалѣлая; зажала ему ротъ руками, писарь повалился на столъ, столъ съ чашкою щей на насъ; соцкій и другіе кто былъ, схватились за хозяйку и пошла такая, прости Богъ, баталія, что ты и на праздничной лучше не видывалъ. Да къ тому жъ свѣтецъ съ лучиной повалился, а баба-то такая здоровая, ну что тутъ дѣлать? насилу кое-какъ оттащили хозяйку, кто за руки, кто за ноги, связали ее да усадили, а потомъ и Андрюшкѣ локотки подтянули.

Иванъ. А писарь-то что?

Антоныч. Да что писарь? чхнетъ, да табаку понюхаетъ; носъ то его правда и безъ того былъ румянъ, ну да что съ бабой станешь дѣлать? Онъ таки задѣлъ ее разъ другой, да та видно сильнѣе и притомъ взбѣсилась такъ что и сама себя не помнила, а то, не бойся, не посмѣла бы и слово молвить; вѣдь писарь не простой мужикъ, да и дѣлаетъ что начальство велитъ. Андрей попробовалъ на словахъ отпираться, да видитъ что дѣлать нече-

го, замолчали, и повели молодца, какъ вола на привязи; а мы улеглись спать, да только слава что спали, хозяйка всю ночь провыла, а соцкій просидѣлъ передъ ней на караулѣ, чтобы чего надъ собой не сотворила.

Наутро я поѣхалъ своимъ путемъ, а недѣли чрезъ двѣ ѣду назадъ, да и думаю: дай заѣду къ тому хозяину поспросить куда дѣвали сынка-то ихъ? Вхожу въ избу, сталъ креститься—а Андрей тутъ самъ и сидитъ.—«Какъ такъ побратимъ! стало, братъ, оправился?»—Онъ вспомнилъ, что я былъ въ тотъ день на ночлегѣ у нихъ, когда его связали; да, говоритъ: «оправился и скорехонько; тогда-то мнѣ со страха было и не въ догадку и самъ не зналъ, что со мною дѣлается, а послѣ какъ сталъ командиръ допрашивать, я и вспомнилъ про свою записную книжку, послалъ скорѣе батьку за нею да и подалъ командиру.—А въ записной-то книжкѣ и видно было, что именно, гдѣ и когда я покупалъ. Вотъ братъ! говоритъ, не большой вѣкъ еще живу, а ужъ не разъ спасибо говорилъ батюшкѣ, что грамотѣ заставилъ меня научиться. Если бы не книжка, чисто пропалъ бы и не видать родимой сторонушки, а въ книжкѣ-то и видно что такого-то числа я покупалъ кожи совсѣмъ не въ той деревнѣ, гдѣ убійство случилось, а что у этого хозяина былъ я, да за три дня до его смерти, но кожъ я его не купилъ, потому что въ цѣнѣ не сошелся».

Такъ вотъ Ваня, деревня-то ему не знакомая, а ихной братьи ѣздитъ много; но какъ по числамъ разобрали да потребовали тѣхъ му-

жиковъ, на которыхъ онъ показывалъ, что ему кожье продавали, такъ и вышло на повѣрку, что Андрей правъ, его и выпустили.

Какъ бы со мною такая оказія случилась! чтобы тутъ дѣлать? какъ вспомнить: въ какой день, гдѣ покупалъ въ прошломъ году? какъ отбожиться? не погубили бы, такъ затаскали бы по острогамъ, и прощайся съ домомъ. Вотъ братъ, что значитъ! грамота черкнетъ,--и памяти не надо, прочтешь и спрашивать не надо. А въ городѣ-то пріѣдешь,—куда не посмотришь, вездѣ написано, глядишь на всѣ стороны и ничего не видишь, а кажется, всѣ люди родились по Божьему и у меня такіе же глаза какъ у другаго.

Иванъ. Ну, я не знаю за чѣмъ намъ и читать, что тамъ написано? вѣдь насъ туда и не пустятъ, а куда пускаютъ тамъ и духомъ доберешься: вотъ, примѣромъ сказать, питейные дома, прочтешъ братъ хоть въ какую темень!

Антонычь. О! этому повѣрю. — А что когда тебѣ за то прописывали, тамъ знаешь? подъ каланчей-то, умѣлъ ли ты эту пропись прочитывать?

Иванъ. Нѣтъ братъ!—Тамъ худо пишутъ, —такъ начеркаютъ и вдоль и поперегъ, что ничего не разберешь!

Антонычь. Да и то плохо, что письмо такое скоро стирается; какъ бы годикъ другой ты проносилъ, то можетъ быть и разобралъ бы!

Иванъ. Спасибо братъ, вишь тебѣ горазд понравилась грамота, такъ ты и далъ бы себя поучить.

Антонычъ. Ужъ ты тамъ какъ ни толкуй, а завидно глядѣть на грамотнаго мужика, какъ-то у него все не то что у другаго;—и рѣчь складнѣе и въ домѣ-то лучше и въ руки что ни возьметъ, не валится От того-то я и радъ, что моего Еѳимку надоумило мнѣ къ писарю посылать. Прежде только и дѣло маткѣ что на него кричать; уйдемъ всѣ на работу, а онъ на улицѣ съ ребятами балуется, а не шалитъ, такъ и дѣлать нечего. Того и гляди, что выростетъ сорванецъ и отца изъ дома выживетъ. Теперь хоть сидитъ за книгой да доброму учится; ужъ много молитвъ знаетъ на память. Знаетъ самъ молиться; мы—Господи помилуй, да Господи помилуй и ничего больше сказать не умѣемъ, а онъ молитву читаетъ—по утру одну, вечеромъ другую а за обѣдомъ третью. Въ церковь Божью придемъ,—что мы понимаемъ? ровно ничего;—бабы про новины ласкочатъ, а мы—стоимъ, да волосами мухъ обмахиваемъ; а вѣдь обѣдню про насъ служатъ и говорятъ не стѣнамъ, а намъ, что Богъ велѣлъ. А Богъ велѣлъ для насъ говорить, такъ стало и намъ велѣлъ разумѣть о чемъ говорятъ. Ну, какъ же намъ разумѣть, когда мы грамоты не знаемъ! Вѣдь въ церквѣ ни про соху ни про борону не говорятъ, а мы только тѣ слова и знаемъ, которыя въ нашемъ быту часто употребляемъ, другія же рѣчи только въ книгахъ и написаны. Вотъ каково же братъ подумать, что придется когда нибудь и умереть

и отвѣтъ Богу дать за всѣ дѣла, которыя противъ Его Святаго закона творили?

Иванъ. Ну дядя, вотъ ужъ этотъ разъ на правду похожъ; только неужто мы виноваты, что грамоты не знаемъ, чтожъ будетъ съ нами и нашими отцами?

Антонычъ. Отцы наши и рады, можетъ, были учиться, да негдѣ и не у кого было въ ихнее время; имъ Богъ проститъ и намъ теперь уже слишкомъ поздо учиться; но по крайней мѣрѣ, коли видишь, что добрые люди стали объ насъ заботиться и заводить школы, то мы не должны дѣтей своихъ отнимать отъ этого добра, а должны заставлять ихъ учиться, тогда и насъ за нихъ Богъ не оставитъ. Посмотри какіе идутъ годы! что далѣе, то хуже, а все отъ того, что мы не хотимъ понять волю Божью. Худо родилось!—говоримъ Богу такъ угодно было. Хорошо родилось!—говоримъ: вотъ какъ хорошо запашешь такъ хорошо и выростетъ.— Худое все на Бога сваливаемъ, а себя правимъ.— Давно я про душу свою думаю и теперь еще по покойнѣе сталъ съ тѣхъ поръ какъ Ефимку заставилъ учиться, а все какъ заговорю, такъ сердце и замираетъ. Съ грамоткой все бы кажись больше заслужилъ царство небесное.

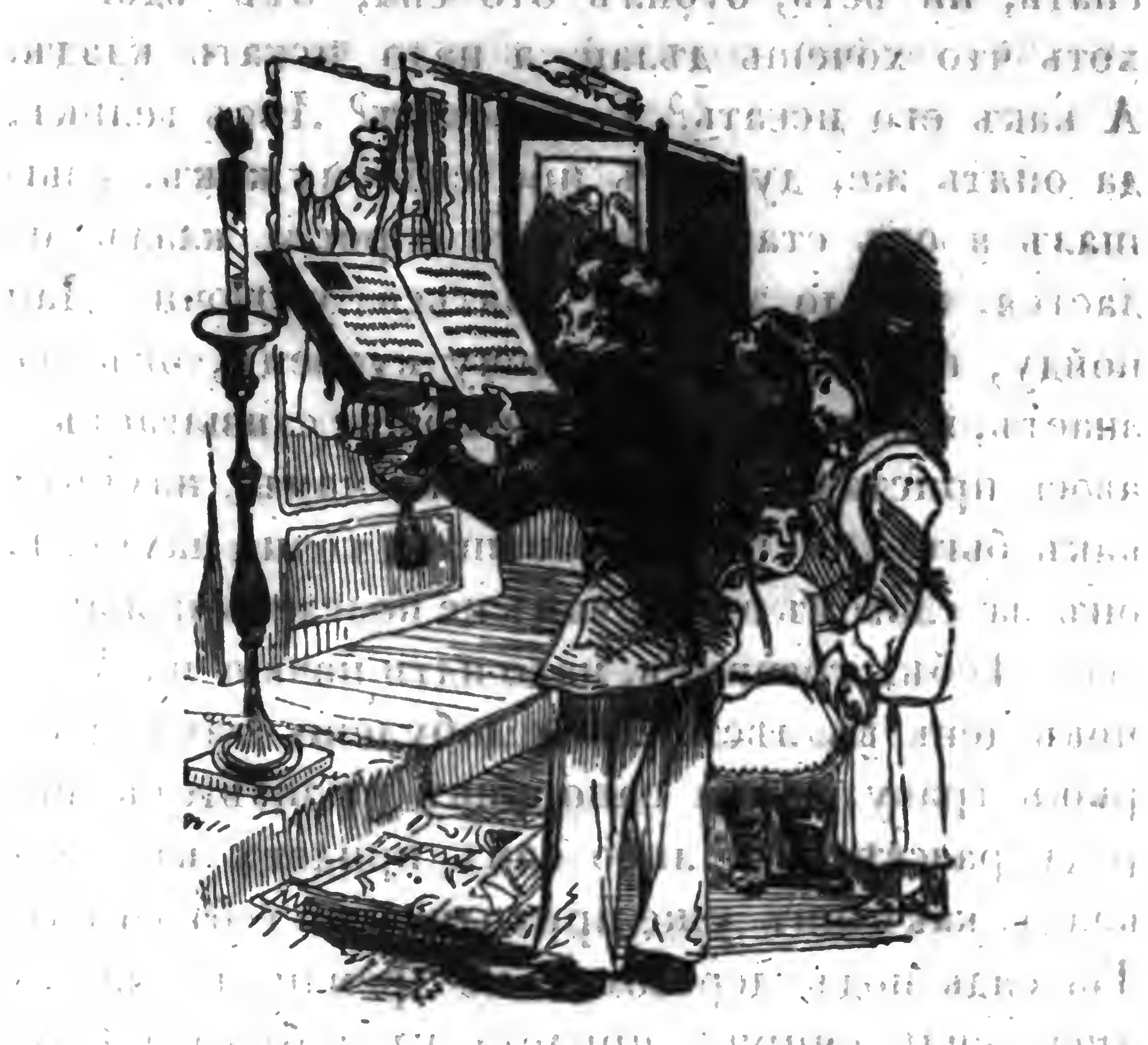
Иванъ. Такъ какъ же Антонычъ, посылать ли же мнѣ старшаго мальца, какъ школу-то заведутъ?

Антонычъ. Зачемъ братъ, вѣдь ты говоришь что грамота не повезетъ; лучше пусть его по избамъ шатается, да по міру ходитъ; тебѣ его и кормить не надо будетъ!

Иванъ. Нѣтъ дядя, ты теперь не смѣйся;—

ты знаешь, что я и самъ не радъ, что Богъ меня пріобидѣлъ и до людей не довелъ, Подъ часъ я понимаю добрыя рѣчи, да вотъ эта проклятая дурь;—какъ попадетъ въ голову лишнее, да какъ захожусь на посидѣлки и забуду.—Вотъ тебѣ крестъ, что пошлю мальчишку въ школу.

Антонычъ. То-то Ваня, надъ грамотой не шути: коли грамотка дастся, такъ на ней далеко уѣдешь.

НЕ ПОЛОЖИВЪ, НЕ ИЩИ.

Приснилось мужику, что въ лѣсу, который называется у насъ заповѣдная кнея, лежитъ кладъ. Не даетъ онъ нашему мужику ни спать, ни ѣсть, отбилъ ото сна, отъ ѣды. — хоть что хочешь дѣлай, а надо искать кладъ. А какъ его искать? Гдѣ искать? Лѣсъ великъ; да опять же, думаетъ про себя мужикъ, слышалъ я отъ стариковъ, что спроста кладъ не дается, а надо за него взяться умѣючи. Дай пойду, говоритъ, къ нашему кузнецу, онъ все знаетъ, и нашептываетъ и на бобы слизываетъ— авось приставитъ голову къ плечамъ, научитъ какъ быть. — Кузнецъ нашъ и точно научилъ; онъ за словомъ въ карманъ не полезетъ и знаетъ все. «Тебѣ, говоритъ, надо идти ночью на Ивановъ день въ лѣсъ; либо добудешь тамъ разрывъ-траву, когда папорникъ разцвѣтетъ передъ разсвѣтомъ, либо самъ придетъ къ тебѣ кладъ какъ онъ уже приходилъ къ тебѣ во снѣ. Ты сядь подъ деревомъ, не дремли, не шевелись, сиди смирно: придетъ къ тебѣ кладъ, либо лѣшимъ какимъ, либо человѣкомъ, не то волкомъ, и прямо пойдетъ на тебя; ты все сиди, а какъ подойдетъ близко, ты не трусь, ничего не будетъ худаго, коли не струсишь, а ударь его въ рожу на отмашъ, да примолви:

«аминь, аминь, разсыпься» — онъ тутъ передъ тобой и разсыплется, и загребай. — Ну а мнѣ что же будетъ? гляди, все пополамъ. — «Все пополамъ», сказалъ мужикъ, и перекрестился, снявъ шляпу, что все пополамъ.

Пришелъ Ивановъ день. Кузнецъ научаетъ и наставляетъ мужика, повторяя опять, что кто-бы ни подошелъ, ничѣмъ не смущайся, а ударь во все плечо на отмашъ и вели ему разсыпаться. Мужикъ пошелъ, просидѣлъ до самаго — разсвѣта, — нѣтъ никого и кладъ не дается и разрывъ-трава не цвѣтетъ. Всталъ мужикъ, хочетъ ужъ идти домой — глядь, идетъ кто-то, словно лѣшій, прямо на него. Собрался съ духомъ мужикъ, подпустилъ его, да какъ хватитъ, а тотъ на него какъ вскинется: «что ты съ просонья одурѣлъ, что ли, аль не видишь? Я провѣдатъ тебя пришелъ».... А это кузнецъ нашъ, проснувшись до свѣта, подумалъ, дай провѣдаю, не дался ли мужику кладъ, такъ чтобы не обманулъ, а подѣлился; пошелъ, да и съѣлъ такого треуха на отмашъ, что насилу шею опять выправилъ, да мужика за космы; тотъ отбиваться отъ него, ты самъ, говоритъ, велѣлъ на отмашъ ударить, кто ни подойдетъ, я думалъ лѣшій, что ли...

И мужики наши подрались ни свѣтъ, ни заря, клада не нашли, а пришли домой съ подбитыми глазами.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМЪ НЕ СПРАШИВАЙ, ПОПУСТУ СЛОВЪ НЕ ТЕРЯЙ.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему на встрѣчу. «Здорово»! — Здорово. — «А что везешь»? — Дрова. — «Какіе дрова, вѣдь у тебя сѣно«? — А коли видишь, что сѣно, такъ за чѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: «а вѣдь и вправду, для чего жъ я спрашивалъ»?

ЧТО У КОГО БОЛИТЪ, ТОТЪ О ТОМЪ И ГОВОРИТЪ.

Въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца, въ воскресный день, возвращались отъ обѣдни изъ приходской церкви трудолюбивый и зажиточный крестьянинъ деревни Медовой, Герасимъ Ѳедотовъ и мѣщанинъ уѣзднаго города, подрядчикъ Пантелѣй Сидоровъ. Шли они перелѣскомъ, по узкой тропинкѣ, и громко между собой перебранивались.

— Подрядчикъ. Священникъ вашъ, отецъ Никита, видимо тянетъ на крестьянскую сторону. Не его чести поперечить моей просьбѣ и срамить меня предъ народомъ. Вы лапотники, чай съ цѣлой деревни сложили на молебенъ двугривенный, а я отъ одной своей персоны, поклонился бы ему полтинникомъ.

— Герасимъ. Что жъ ты, почтенный, чванишься богатствомъ? Мы и въ лаптяхъ не спотыкаемся. Наша копѣйка тожъ не щербата: ребромъ стоитъ, а съ нея потъ валитъ. Тебѣ легко чужими руками жаръ загребать. Расхаживаешь только по графскому селу, да покрикиваешь на работниковъ: ребята не зѣвай на сторону, а не то щей и безъ соли нахлѣбаетесь. А нашъ братъ до солнца встанетъ, работаетъ пока сила тянетъ; выпрягши кобылку, зайдетъ въ избу, постучитъ зубами объ миску съ квасомъ, утретъ губы черствымъ хлѣбомъ, всхрапнетъ часокъ на кулакъ, да и снова, будь здорова, работаетъ вплошь до солнечнаго заката.

— Подрядчикъ. Ахъ ты глупая башка! крестьянину-то и надобно работать въ полѣ, а не гулять по волѣ. Кабы еще вы всѣ ходили подбоченясь, разиня ротъ ловили воронъ, а не працовали на нивахъ, то и вамъ бы нечего было ѣсть и нашему брату пришлось бы умирать съ голоду. Вѣдь порядочный ломоть хлѣба, да гречневая каша, сытнѣе чаю съ прикусочкой!

— Герасимъ. Вотъ то-то разумная голова, самъ проговорился. Зачѣмъ же ты упрашивалъ сегодня отца Никиту не служить намъ молеб-

на, а молиться Богу по единой твоей просьбѣ?

— Подрядчикъ. Эка ты какой безтолковый! Ваша просьба была для меня какъ острый ножъ въ сердце. Вамъ нуженъ дождь, мнѣ онъ помѣха, а ведро никому дѣла не испортитъ.

— Герасимъ. Въ дудку играешъ, умница! Всякому своя рубаха къ тѣлу ближе; намъ твоими нитками не зашивать дырки. Ты наровишь только въ свой карманъ, а нашъ братъ хоть съ голоду умирай, не бось и не охнешь. Отецъ Никита въ глаза тебѣ сказалъ: молитва твоя грѣхъ передъ Господомъ, что Богъ пріемлетъ такія только просьбы, которыя не дѣлаютъ вреда ближнему, а даютъ благодать, всѣмъ человѣкамъ.

Въ это время подъѣхалъ къ нимъ верхомъ сосѣдній помѣщикъ, Николай Ивановичъ, и вмѣшался въ сварливый разговоръ Герасима съ подрядчикомъ.

Николай Ивановичъ. Здорово братцы! За что это вы для праздника ссоритесь? вѣрно вмѣстѣ нашли, да не подѣлили?

— Герасимъ. Съ воскреснымъ днемъ поздравляемъ, батюшка, Николай Ивановичъ; мы съ Пантелѣемъ Сидоровичемъ такъ закалякались, что и не подмѣтили, какъ твоя милость подъѣхала. Откуда Богъ несетъ? что жъ тебя въ церкви не видно было?

— Николай Ивановичъ. Я былъ у обѣдни въ Чудовскимъ приходѣ. Да не о томъ дѣло. Вы, кажется, между собою за что-то бранились?

— Подрядчикъ. Извѣстна, ваше высокоблагородіе, мужицкая натура! Съ нимъ только лишь

заведи рѣчь о мутной водѣ, такъ онъ и пустится рыбу ловить.

— Герасимъ. А ты голубчикъ, не побрезгаешь изъ нея уху сварить?

— Николай Ивановичъ. Да растолкуйте же мнѣ порядкомъ, о чемъ у васъ идетъ дѣло?

— Герасимъ. Ты батюшка, Николай Ивановичъ, слывешь въ околодкѣ рузумнымъ человѣкомъ, такъ разсуди смурую сермягу съ этимъ синимъ кафтаномъ: прогнѣвили мы грѣшные Господа Бога! знать за грѣхи наши зима была не христіанская. Озими отъ безснѣжицы вымякли и вызябли, а на гористыхъ мѣстахъ до тла выдуло вѣтромъ. Холодная весна до вешняго Николы не пускала съ зерномъ на полосу, да и теперь до Святаго Духа, хоть не снимай кожуха. Послѣ Николы засѣялись яровыми, пустопорожнихъ нивъ въ полѣ не осталось, да Господь не даетъ помочки. Вся надежда яровые посѣвы, а не поможетъ Создатель съ неба, будутъ православные безъ хлѣба. Придется зимою по медвѣжьему лапу сосать. Вотъ мы въ деревнѣ между собою побаили, да и пошли міромъ сегодня къ обѣдни, и послѣ стали просить отца Никиту, пожаловать завтра съ образами въ Медовое отслужить на поляхъ молебствіе и просить Милосердаго Владыку, чтобъ послалъ съ неба дождикъ и порядкомъ промочилъ поля. Въ конецъ засохли, яровые на всходахъ остановились, изъ земли не выдерутся, а земли-то у насъ тяжелыя. Только что

духовный отецъ началъ похвалять насъ за усердіе къ церкви и за вѣру въ милосердіе Божіе и обѣщалъ завтрешній день поднять образа, откуда ни возьмись Пантелѣй Сидоровичъ, шасть передъ отцомъ Никитой и ну кланяться и просить, отслужить ему сегодня молебенъ, чтобы ведро простояло еще недѣль шесть, чтобъ на небѣ не было ни одной тучки и солнце грѣло какъ печка. Православные и завопили въ одинъ голосъ: этакой бусурманъ, хочетъ на человѣческій родъ накликать бѣду неминучую. Не слушай его батюшка: не будетъ дождя—яровые совсѣмъ засохнутъ, а мы помремъ съ голоду и пойдемъ по міру. Нечемъ будетъ заплатить казенныхъ повинностей и засыпать магазина, а ребятишки крикомъ собьютъ съ последняго толка. Спасибо батюшкѣ, не послушалъ его? а порядкомъ пожурилъ за такую беззаконную просьбу .

—Подрядчикъ, Благоволите, ваше высокоблагородіе, вникнуть подробно и въ наши кровныя потребности: вашей чести не безъизвѣстно, что у всякаго человѣка бываютъ свои нужды и каждый долженъ молиться Господу о своемъ горѣ. Изволите видѣть, ваша сосѣдка, Авдотья Петровна, давно уже не была въ своемъ селѣ. Строенія больно обветшали, крыши видимо поиспортились и во внутренности покоевъ показалась течь. Въ нынѣшнемъ году, она и вознамѣрилась послѣ Петрова дня пріѣхать въ свою вотчину. Управляющій и захотѣлъ, во чтобы то ни стало, отдѣлать село заново какъ съ иголочки. По его усильной просьбѣ, я и принялъ

подрядецъ по контракту, въ силу коего обязался къ Петрову дню уважить работой: оштукатурить съ наружи и поправить внутри каменный домъ съ боковыми флигелями и съ оранжереями; выкрасить подъ масляную краску всѣ крыши. Въ случаѣ неустойки, лишаюсь половинной по условію платы. Въ таковомъ положеніи, помилуй Богъ, пойдутъ дожди, помѣшаютъ работамъ, разорюсь въ конецъ и впредь потеряю довѣріе въ чести. Вотъ я хотѣлъ прибѣгнуть къ Вседержителю и молить Милосердаго, дабы помогъ безпрепятственно въ дѣлѣ и послалъ ясную, теплую и безмятежную погоду. Въ противномъ случаѣ, понесу большой ущербъ въ капиталѣ, а мастеровыхъ нанято значительное количество и по высокимъ цѣнамъ.

—Герасимъ. Авдотья Петровна добрая боярыня, дай Богъ ей долго здравствовать, да не вѣдаетъ она, чего будетъ стоить село съ иголочки. Управляющій хочетъ угодить ей: а господскія поля и въ половину не засѣяны. Послѣ спохватится въ карманъ, анъ дыра въ горсти. Въ домѣ будетъ густо, да въ анбарахъ пусто. Время какъ воробей, упустишь — не поймаешь. Но и то сказать: не наше дѣло толковать о боярской волѣ. Знай сверчокъ свой шестокъ.

—Николай. Ивановичъ. Видно, братцы, справедлива русская пословица: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. По моему мнѣнію, ты Пантелѣй Сидоровичъ, не совершенно правъ въ своей молитвѣ къ Богу. Мы христіане должны твердо вѣрить, что судьбы Божіи неисповѣдимы и что Господь располагаетъ временемъ

не для одной чьей-либо выгоды, а для блага всѣхъ человѣковъ. По этому во всемъ святая Его воля должна нами быть почитаема съ благоговѣніемъ. Какъ же ты, человѣкъ грамотный, пожилой и въ дѣлѣ опытный, рѣшился съ такимъ самонадѣяніемъ, не спросясь разума, заключить контрактъ о не премѣнномъ окончаніи работъ къ Петрову дню, когда, можетъ быть, ненастная погода и проливные дожди, помѣшаютъ тебѣ исполнить ко времени срочное условіе? Гораздо лучше было бы при заключеніи контракта, сдѣлать оговорку, что ты употребишь все стараніе и заботу, окончить къ такому-то времени работы ежели Богъ даруетъ хорошую погоду; а если случится дурная погода, то срокъ можетъ быть и продолжительнѣе. Вообще, принимаясь за какое-либо дѣло, надобно сначала обдумать, можно ли его сдѣлать во время, и не накидывать себѣ на шею добровольной петли. Просьба Герасима и его сосѣдей основательна. Продолжительное ведро и жаркая погода, особливо въ теперешнее время, помѣшаютъ всходу яровыхъ хлѣбовъ; не исправится слабая рожь, не пустится въ ростъ трава; а отъ того недалеко и до общаго неурожая; отъ чего потерпятъ убытокъ и нужду всѣ. Теперь самъ разсуди, Пантелѣй Сидоровичъ, можетъ ли Господь внимать такой просьбѣ, отъ которой будешь въ выгодѣ одинъ ты, а несчастіе постигнетъ многія тысячи народа?

— Подрядчикъ. Справедливо изволите говорить ваше высокоблагородіе; да вѣдь у всякаго болитъ своя болячка, а тутъ и станешь ахать, да охать! Если же въ скорбяхъ помолишь-

ся Господу, то на сердцѣ будто и повеселѣетъ.

— Николай Ивановичъ. Твоя болячка заживетъ скоро, а Боже избави отымутся руки и ноги, тогда не вдругъ начнешь ходить прямо. Въ такихъ-то тяжкихъ скорбяхъ особенно должно прибѣгать къ Богу съ искренней молитвой.

— Подрядчикъ. Анъ быть такъ, ваше высокоблагородіе! и впрямъ я не размыслилъ дѣла. Впередъ наука. Пять разъ отмѣряй, да одинъ отрѣжь.

— Герасимъ. Что правда, то правда Николай Ивановичъ! нашъ братъ съ дуру часто сѣтуетъ на господъ и начальниковъ, а того не думаетъ, что попреки сплошъ да рядомъ бываютъ безсмысленные. Когда и Господь Богъ не потрафитъ на желаніе всякаго человѣка, какъ же помѣщику или начальнику угодить на всѣхъ насъ.

— Николай Ивановичъ. Разумно говоришь Герасимъ. Я всегда зналъ тебя человѣка добросовѣстнымъ и богобоязненнымъ, за то и Господь благословляетъ тебя въ хозяйствѣ: твои лошадки и отъ моихъ не отстанутъ, хлѣбомъ питаешь и просящаго Христа ради, не только благословенную семью твою; а медомъ отъ своихъ пчелъ кормишь меня и сосѣдей нашихъ. Помолитесь же усердно завтра міромъ Богу, да попроси отца Никиту изъ Медоваго пожаловать и на мое село. Я то же хочу молебствовать о дождѣ на моихъ поляхъ. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.

— Герасимъ. Къ тебѣ бояринъ Господь и безъ того милостивъ. Твои крестьяне живутъ за тобой, какъ у Бога за пазухой. Имъ нечего бояться голода. Въ случаѣ несчастья, у тебя въ анбарахъ двойной запасъ хлѣба, а въ полѣ кортофеля засѣяно столько, что и глазомъ не окинешь. По твоей милости и въ нашей деревнѣ, четвертей десятка два засѣяли. Да и паровое-то поле у тебя даромъ не гуляетъ. По тимофѣевкѣ, такъ что ли эта трава называется? животы всю весну ходятъ съ полугоря. Крестьяне твои прежде бывали какъ и прочіе грѣшные, а теперь любо смотрѣть. Картофеля у каждаго хоть свиней корми; яровое косами косятъ, а Сидоровская деревня щетинистыя дербаки какой-то травой засѣяли. Не въ укоръ молвить, мудрой ты выдумщикъ.

— Николай Ивановичъ. Всякое дѣло мастера боится. Когда это вамъ такъ нравится, то скажи Медовцамъ, чтобы приходили ко мнѣ почаще на совѣтъ. Я съ охотою вамъ растолкую, что нужно и полезно перемѣнить въ хозяйствѣ и какъ поправить то что не хорошо. Пожалуй и травяныхъ сѣменъ дамъ на разживу. Мои крестьяне прежде смѣялись надъ тѣмъ: «какъ де траву сѣять, виданное ли это дѣло»? а теперь и самимъ полюбилось.

— Герасимъ. Нечего сказать, во всѣхъ крестьянскихъ нуждахъ, ты первая помога. Свой глазъ — алмазъ, а чужой стекло.

— Николай Ивановичъ. Не гнѣви, любезный ропотомъ Господа, сѣтованіе противно Ему. Всякая власть отъ Бога. Голодомъ на святой

Руси ни кто умереть не можетъ. Послѣ Бога, который питаетъ не только трудолюбиваго человѣка, но птицъ несѣющихъ и въ житницы несобирающихъ, мы имѣемъ земнаго владыку, милосердаго Государя нашего. Онъ всѣмъ отецъ, защитникъ и въ нуждахъ кормилецъ. Отъ Его прозорливыхъ глазъ неукрываются народныя бѣдствія. Намъ до него далеко да Онъ къ намъ близокъ. Чтобы предупредить горе отъ неурожая, по Его Царскому велѣнію, строютъ и засыпаютъ сельскіе хлѣбные магазины. Онъ же изволилъ приказать, чтобы крестьяне сѣяли на поляхъ картофель: кто больше посѣетъ, тому честь и хвала, и награда отъ Царя. Теперь уже всѣ вы понимаете, какую пользу отъ посѣва картофеля получаетъ всякой хозяинъ.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ СЕЛѢ СТАРОВѢРОВКѢ, И ЧТО РАЗСКАЗЫВАЛЪ КРЕСТЬЯНИНЪ ПРОКОФІЙ ПРО НѢМЦЕВЪ КОЛОНИСТОВЪ.

Кто ѣдетъ изъ Харькова въ Екатеринославъ, или въ Одессу, или въ Крымъ, тому не миновать села Старовѣровки, что стоитъ на столбовой дорогѣ; село большое, вытянулось вдоль по рѣчкѣ Берестянкѣ; рѣчка правда небольшая,

пожалуй лѣтомъ высохнетъ, такъ что и курицѣ напиться нечего, да въ селѣ сдѣлана плотина, хоть и плохая, да все же плотина. Въ этомъ-то селѣ, года два тому назадъ, случилось вотъ какое дѣло. Съ Харьковской Успенской ярмарки на тройкѣ, съ большимъ возомъ, ѣхалъ извощикъ, по имени Степанъ, по прозванію Бываловъ. И сталъ Степанъ спускаться по косогору на плотину; наканунѣ былъ сильный дождь, земля же черноземная и распустилась какъ кисель. Иванъ, наровя какъ бы лучше проѣхать гдѣ посуше, сталъ держаться лѣвой стороны. Хоть и косило маленько возъ на лѣво, все бы не бѣда; Степанъ, быть можетъ, и проѣхалъ бы счастливо.

На бѣду — посрединѣ дорогѣ водороина; что дѣлать? назадъ воза поворотить нельзя, къ то-

мужъ и канава, казалось, была не глубока; Степанъ думалъ, что его тройка вывезетъ Ничуть небывало! передніе колеса какъ спустились въ рытвину, такъ и стали; не беретъ Степанова тройка; онъ и туда и сюда, возъ ни съ мѣста, лошади бѣдныя повыбились изъ силъ. Что тутъ дѣлать?

День былъ воскресный, въ селѣ народу гуляющаго много: кто ходитъ по улицѣ, кто сидитъ на завалинѣ. Праздный народъ, дѣло извѣстное, любитъ поглазѣть на все. И вотъ, какъ остановился Степановъ возъ, вокругъ собралось зѣвакъ человѣкъ десятка два. И чѣмъ бы толкомъ поднятъ возъ за передніе колеса, да взять лошадей за поводья, зѣваки только ходятъ вокругъ воза, да кричатъ «ну, ну, — стегника коренную кнутомъ подъ никитки! вотъ такъ ее хорошенько, чтобъ ей издохнуть на мѣстѣ. — Чего коренную, кричатъ другіе, вишь ты она совсѣмъ затянулась, а пристяжная то бурая совсѣмъ неберетъ, надо ее отдубасить порядкомъ.» Тѣмъ часомъ одинъ досужій рыжій мужичина, Иванъ по прозванью Салоѣдъ, вырвалъ изъ плетня хворостину, и давай стегать пристяжную бурую, и по спинѣ и по головѣ и по чемъ ни попало. Бѣдная бурая натужилась изъ всѣхъ силъ, и какъ хватила впередъ — возъ и перекинулся на лѣво.

—Вишь грѣхъ какой случился, вотъте и подсобили!—закричали всѣ въ одинъ голосъ, и спустили руки.—Не бурую, говоритъ одинъ, надо было стегать, а вороную.

—Каку-тѣ вороную, кричитъ другой, надо было стегать всѣхъ разомъ!

И всѣ стали толковать и спорить какую лошадь какъ надо было стегать, кнутомъ или хворостиною, по спинѣ или подъ никитки; а ни одинъ и руки не приложитъ къ возу.

Тутъ нашъ Степанъ гогоритъ: «теперь ужъ нечего толковать какъ стегать, а лучше помогите-ка братцы поднять возъ»!

Куда тебѣ! ни одинъ; всѣ отъ воза подальше: тотъ толкуетъ: мнѣ некогда;—другой говоритъ: —вишь стану я болтаться въ грязи?

—Эй, братцы, куда же вы всѣ расходитесь? помогите Христа ради!—взмолился нашъ Степанъ.

«Помогите! видишь ты какой, даромъ, что ли станемъ тебѣ подымать возъ? закричалъ Салоѣдъ, тотъ самый, что стегалъ хворостиною бурую пристяжную. «Дай бѣлую бумажку, подымемъ возъ»!

-- «И впрямь, подхватили еще нѣсколько голосовъ; «бѣлую бумажку!—подымемъ возъ; а нѣтъ—пускай себѣ лежитъ на боку, солнце пригрѣетъ, авось обсушится»!

— Ха, ха, ха! засмѣялись гуляки, радуясь красному словцу злаго дуралѣя.

— Да гдѣ же мнѣ взять вамъ братцы бѣлую бумажку? говоритъ Степанъ, да и за что же? вѣдь этакая бѣда можетъ со всякимъ случится!

«Ну, когда еще случится, а съ тобою такъ вотъ случилась, и давай деньги, коли хочешь ѣхать туда куда надо»!

— Да помилуйте братцы! всѣ вы народъ крещеный, православный, а дѣлаете хуже всякой нехристи, притѣсняете проѣзжаго; вѣдь это сущій разбой! —

«Ну, вотъ, еще сталъ и ругаться, да какъ ты смѣешь?»

«А что онъ въ самомъ дѣлѣ, закричалъ хриплымъ голосомъ Салоѣдъ, еще и озарничаетъ; выдумалъ, что мы разбойники; вотъ мы тебѣ поможемъ!» — И началъ грозить бѣдному Степану тою же самою хворостиною, которою онъ такъ немилосердо стегалъ бурую пристяжную. Не знаемъ, что было бы дальше, когда бы не помѣшала другая телѣга, которая была запряжена парою, и спускалась также съ горы. Ва той телѣгѣ сидѣлъ Волостный Голова, Андрей Петровъ, который пріѣзжалъ по какому-то дѣлу въ Староверовку, и справивши, что нужно, возвращался въ волость.

Толпа разступилась, и сняла шапки.

— Что это тутъ, ребята, за крикъ, спросилъ Голова?

Всѣ молчали.

— Что жъ вы молчите?

— «Такъ ничего, Андрей Петровичъ, — сказалъ Ванька Салоѣдъ, выступая впередъ.

— А, на ворѣ шапка горитъ! проговорилъ Голова; какъ ничего! Вонъ тамъ на горѣ еще слышно было, какъ ты же самъ кричалъ: разбойники! ктожъ тутъ у васъ разбойники?

Ванька Салоѣдъ прикусилъ языкъ.

«Правду молвить, Андрей Петровичъ, вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ одинъ крестьянинъ; у извощика опрокинулся возъ, онъ и хочетъ, чтобъ мы его подняли; время праздничное, мы вѣстимо дѣло, просимъ на водку, а онъ недаетъ!

Тутъ подошелъ къ Головѣ извощикъ Степанъ, и разсказалъ какъ было все дѣло.

— Вотъ то-то всѣ вы доброхоты, а въ нуждѣ помочь нѣтъ охоты, сказалъ Голова; какъ подумаешь такъ и впрямъ вы не христіане, а сущіе разбойники, а особливо ты Ванька Салоѣдъ; по рожѣ видно, что кабакъ тебѣ братъ; на доброе дѣло тебя никогда нѣтъ, а на всякую пакость ты первый запѣвало; вотъ погоди, съ новаго года будетъ у васъ Сельская Расправа, и она съ тобою съ первымъ расправится, коли не уймешься. Да и всѣ вы, чѣмъ бы помочь человѣку въ бѣдѣ, а вы туда же за пьяницею; много изъ васъ есть и хорошихъ людей, да все не даромъ говорится, что и въ хорошей капустѣ гнилые кочни есть! Ну-ка ребята принимайся дружнѣе подымать возъ; — да не всѣ, тутъ всѣмъ нечего дѣлать, а вотъ вы, что поближе стоите! — Вотъ такъ; видите не многаго труда стоило! Ну теперь за переднюю ось, а вы сзади толкайте впередъ возъ, — ладно, ну съ Богомъ!

И извощикъ съ возомъ сталъ спускаться съ горы.

— «Какъ же Андрей Петровичъ, за труды эдакъ ничего не велишь дать? сказалъ, почесываясь, одинъ мужикъ.

— Эхъ, ты братъ! не заглянувши въ святцы, да бухъ въ колоколъ! отвѣтилъ Голова; коли самъ извощикъ дастъ что, хорошо! и за то поклонись! Знаете ли еще что? и бѣда-то это не его, а ваша! Отъ чего возъ свалился? отъ того, что вы не держите дороги въ порядкѣ, какъ приказано. Вотъ, если бы прокопали канаву съ боку, да насадили по косогору вербы, то не

было бы водоронин, и земли не обсыпалась бы. И я вамъ наказываю накрѣпко, если не будете держать дороги въ порядкѣ, да будутъ возы валяться, со всѣхъ взыщу. Я ужъ наказалъ объ этомъ вашему старшинѣ; чрезъ недѣлю буду назадъ и посмотрю, что у васъ сдѣлано; а теперь прощайте.

Крестьяне поклонились Головѣ, и долго смотрѣли какъ онъ спускался съ горы и переѣзжалъ плотину; потомъ всей гурьбой начали подниматься на гору. Толпа подошла къ избѣ крестьянина Прокофія Тиханова.

Прокофій Тихановъ человѣкъ былъ еще не старый, а такъ—въ самой порѣ, трезвый, работящій; коли дома нѣтъ работы, онъ не станетъ сидѣть сложа руки, а возметъ пашпортъ, запряжетъ двѣ или три телѣги, да либо въ Харьковъ на ярмарку, либо въ Крымъ за солью, или за яблоками. Глядишь, сотню другую и зашибетъ. Ну да не о заработкахъ его теперь рѣчь.

—Что вы ребята, о чемъ толкуете, спросилъ Тихановъ.

«Да вотъ, видишь ли, заговорилъ опять Ванька Салоѣдъ, — случилась подъ горою оказія: ѣхалъ извощикъ на тройкѣ съ возомъ, да и попалъ въ рытвину, возъ перевернулся, наѣхалъ Голова и толкуетъ, что де это наша вина, что мы де всѣмъ міромъ должны держать дорогу въ порядкѣ, копать канавы, да садить деревья!

— Ну чтожъ? — а ты, небось, думаешь: Голова говоритъ пустое, выдумки!

—«Вѣстимо дѣло! выдумки; вотъ онамедни

толковали, что Окружный да Голова велятъ весною сажать деревья около дворовъ?

— Ну чтожъ тутъ худова? велятъ сажать, такъ и сажай: для твоего же добра!

— «Для моего добра? а кому что за дѣло до моего добра?

— Эхъ Ванька, не даромъ говоритъ пословица: въ которой посудинѣ деготь побываетъ, его и огнемъ не вызжешь? такъ и ты! тебя не урезонишь толкомъ.

—Ты какъ думаешь Өедя, спросилъ Прокофій Тихановъ другаго парня.

— «Оно конечно, промолвилъ Өедя, деревья не помѣха; да какъ же ты будешь ихъ сажать, коли у насъ лѣсъ совсѣмъ неростетъ, и кругомъ голая степь?

— Вотъ то-то все вы толкуете, нельзя деревья сажать — лѣсу нѣтъ, нельзя дороги чинить—дождь портитъ! А развѣ только у насъ лѣсу нѣтъ? развѣ у насъ только дождь идетъ? Бывалъ ли изъ васъ кто нибудь въ Крыму?

—«Какъ не бывать, сказалъ Өедя: прошлымъ лѣтомъ рядили насъ Московскіе купцы туда за яблоками; мы съ дядей ѣздили на тройкѣ.

— «А насъ съ братомъ, сказалъ Сидоръ Кузьминъ, рядили Харьковскіе купцы за виномъ, мы ѣздили туда на четырехъ подводахъ; да и еще кажись изъ нашего села случилась не одна подвода! чудная сторона эта Крымъ: ѣдешь — сначала все степь, да какая степь? не то что наша: у насъ все таки вотъ и рѣка есть и балки и курганы; тамъ степь, ну гладкая словно полъ; такъ что ѣдешь три, четыре дня, никакой примѣты,— кажись все на одномъ мѣс-

тѣ; ужъ за самымъ губернскимъ городомъ начинаются горы. Взъѣдешь на верхушку горъ, тамъ передъ тобой раскинулось море—широко, широко, и невидать ему конца; взглянешь внизъ—тамъ зеленѣютъ сады, и въ садахъ тѣхъ растутъ грѣцкіе орѣхи, виноградъ и разныя деревья, которыхъ и назвать не съумѣешь, потому что у насъ ихъ нѣтъ совсѣмъ...

—Ну добро, сказалъ Прокофій, послѣ разскажешь о Крымѣ,—а я хотѣлъ разсказать то, что поближе къ намъ. Стало, когда бывалъ въ Крыму, такъ бывалъ и на Молочной рѣкѣ?

—«Какъ не бывать? ѣдучи изъ Крыма не минуешь Молочныхъ водъ.

—«Такъ стало быть, заговорилъ опять Салоѣдъ, что разсказываетъ-то тетка Аксинья—правда, что есть царство за тридевять земель, гдѣ текутъ рѣки молочныя, и сыта медовая....

—Ну ладно, Ванька, сказалъ Прокофій, на бабьи сказки у тебя память досужа; но бабьи сказки вздоръ, а я толкую дѣло. На Молочной рѣкѣ есть много и молока и сыты медовой, да не въ рѣкѣ, а въ горшкахъ, да въ кадкахъ; а въ рѣкѣ, которая зовется Молочною, течетъ просто вода, такая же какъ и въ нашей Берестянкѣ. Да рѣчь не о рѣкѣ, а о томъ, что близъ рѣки.

—Ѳедя говорилъ, что Крымская степь ровна словно полъ, — вотъ такая же степь и на Молочной, кругомъ верстъ на 300 или можетъ и болѣе. И на этой-то степи живутъ Нѣмцы-колонисты, а деревни ихъ называются колоніями. И вамъ случалось проѣзжать чрезъ ко-

лоніи, да никто, я чаю, не замѣчалъ, что у колонистовъ есть хорошаго и отъ чего оно хорошо. Мнѣ пришлось пожить въ колоніяхъ съ недѣлю времени. И вотъ какъ это было. Прошлымъ лѣтомъ отсѣявшись, поѣхалъ я въ Харьковъ на ярмарку; тамъ и подрядилъ Московскій купецъ съѣздить съ нимъ на Молочную. Пріѣхали мы въ колонію и остановились у одного Нѣмца колониста, а зовутъ его Генрихъ, по нашему Андрей. День былъ празничный, нашъ Нѣмецъ вышелъ къ намъ, знаешь, этакъ не то что въ зипунѣ или въ рубахѣ, а словно баринъ, въ кафтанѣ, да въ картузѣ. Надо было спросить, гдѣ лошадей поставить, гдѣ сѣна да овса взять. Я и не знаю какъ подступить къ нашему хозяину, а спросить было больше некого. Нечего дѣлать, я снялъ шляпу—и говорю: скажите, ваше благородіе господинъ Нѣмецъ... а онъ усмѣхнулся и говоритъ мнѣ: я не благородіе, а зови меня просто Андрей Андреичъ! И вотъ отъ этого-то Андрея Андреича я узналъ многое про колонію, про колонистовъ и про ихъ порядокъ; а порядку у нихъ кажись больше чѣмъ у насъ. Вотъ, примѣромъ сказать, пріѣдешь въ колонію, словно въ городъ какой: улица широкая, чистая, по обѣимъ сторонамъ домы словно барскія хоромы: высокіе, чистые; двери крашеныя, окны большія, свѣтлыя. Подумаешь, что тутъ бары живутъ какіе, не пашутъ и не сѣютъ, а лишь оброкъ собираютъ! Ничего небывало? живутъ, какъ я ужъ сказалъ, просто Нѣмцы колонисты: сами, какъ и нашъ братъ крестьянинъ, пашутъ, сами сѣютъ, сами жнутъ и косятъ, сами навозъ въ поле возятъ!

— «Чтожъ, развѣ они кизякъ дѣлаютъ въ полѣ, а не на дворахъ? спросилъ Ѳедя.

— Какой тебѣ кизякъ? навозъ-то они въ поле возятъ не для кизяка, а чтобъ землю удобрить, да больше урожая снять.

— «Такъ видно, дядя, степи-то у Нѣмцевъ не такія какъ у насъ? наша степь и безъ навоза родитъ!

— То-то и есть: у насъ уродитъ, такъ уродитъ, а неуродитъ — будто и не наша вина. Да ты и самъ вишь — все ищешь новины, или земли, которая бы побольше отдыхала. Новина-то и была, какъ приходилось по 15 да по 20 десятинъ на душу, а нынѣ народъ размножился; вотъ и у насъ не хватаетъ ужъ и по 8 десятинъ на душу. Стало, новины ужъ нечего искать, и земля родитъ годъ отъ году хуже; а почему? — потому что всякой хлѣбъ у земли силу беретъ; пахавши сплошь, ты отнимаешь у земли каждый годъ силу, и она каждый годъ тощаетъ. Вотъ, или надо землѣ отдохнуть, или положить въ нее ту же силу, которую отнялъ у нея хлѣбъ; а такую силу даетъ землѣ навозъ. Всякой знаетъ, что тѣ земли, на которыхъ скотъ пасется три или четыре года сряду, родитъ почти также какъ цѣлина. А отъ чего? отъ того, что скотъ роняетъ пометъ и мочу; а пометъ и моча все тоже что и навозъ. Стало быть вывозить навозъ на поле, совсѣмъ не лишнее.

— Ладно, дядя, говоритъ Ѳедя, навозъ-то, не лиха бѣда, можно вывезти, да у насъ его высушитъ, словно золу, и вѣтромъ разнесетъ!

— И я толковалъ тоже, говоритъ Прокофій, да Андрей Андреичъ разсказалъ мнѣ вотъ что:

чтобъ навозъ не выгоралъ, мы вывозимъ на паровое поле съ осени перепрѣлой навозъ, разкидываемъ его ровно, и тутъ же запахиваемъ глубоко; а весною сѣемъ тутъ картофель; а послѣ картофеля ужъ сѣемъ хлѣбъ: и урожай на такъ унавоженныхъ поляхъ бываетъ вдвое болѣе, чѣмъ на неунавоженныхъ,

— Ладно, говорю я, Андрей Андреичъ: вы сѣетс въ полѣ картофель, стало у васъ его родится много, да кудажъ вы его дѣваете? и у насъ начальство приказало при волости сѣять картофель, чтобы де крестьяне перенимали. Да наши мужички толкуютъ, что де, на что намъ сѣять картофель? уродится хлѣбъ картофеля не надо, — не уродится хлѣбъ, не уродится и картофель!

—Нѣтъ вы толкуете не ладно; говоритъ Андрей Андреичъ; отъ того бѣды никогда не бываетъ, когда клѣть у тебя полна всякаго запаса, хоть ты всего и не съѣшь; бѣда то, коли сусѣкъ, что помеломъ вымети!

— Картофель, говорилъ Андрей Андреичъ, хорошъ потому, что онъ не такъ боится засухи какъ всякой другой хлѣбъ, а не боится онъ засухи потому, что корень его глубоко идетъ въ землю, а сверху широкіе листья — защита землѣ отъ жару. Хорошъ онъ и потому, что землю рыхлитъ, а рыхлая земля осенью и весною беретъ много въ себя воды снѣговой и дождевой — и отъ того-то послѣ картофеля лучше родится всякой хлѣбъ. Ты толкуешь куда дѣваемъ мы картофель? Картофель пригоденъ на многое: его можно ѣсть вареный и печеный,

можно дѣлать изъ него муку и крупу; мало всего того — мы кормимъ имъ скотину.

— Эхъ сказалъ я, какія затѣи: скотинѣ давать картофель! — виданное ли то дѣло? — да у насъ зимою для скотины, опричь воловъ да овецъ, и соломка коли не съ крышъ, такъ слава Богу!

— Отъ того-то у васъ и приходится къ веснѣ коровъ подымать рычагами, сказалъ Нѣмецъ. Не хочешь ли я тебѣ покажу нашъ скотъ?

— И вотъ, мы пошли съ Андреемъ Андреичемъ въ его конюшню. — Конюшня что твои хоромы! разгорожена на стойла, въ стойлахъ лошади; по срединѣ конюшни колодецъ съ насосомъ, чтобы наливать воду прямо въ корыта, а дальше коровы, — да какія здоровыя, полныя, что въ каждой будетъ пудовъ 50! Ну скажи-же, говорю я, Андрей Андреичъ, коровы такія у васъ здоровенныя отъ того ли что вы ихъ кормите картофелемъ?

— И отъ того, и не совсѣмъ отъ того, говоритъ онъ мнѣ: — вишь ты, свою скотину мы холимъ, зимою держимъ тепло, чистимъ стойла, даемъ хорошій кормъ: и картофель, и рѣзку съ мукою, и сѣно даемъ не подъ ноги а изъ яслей, — а отъ того скотина корма не топчетъ и съѣдаетъ его начисто.

— Тутъ я заглянулъ въ ясли, лежитъ сѣно такое, знаешь, мелкое, зеленое, мягкое, совсѣмъ не похожее на наше степное, а точно луговое. Я не вытерпѣлъ—и спрашиваю: чтожъ это сѣно-то у васъ луговое, да откуда же вы его берете? вѣдь рѣчка-то ваша небольшая, и кажись заливныхъ луговъ совсѣмъ нѣтъ?

— Ты правду сказалъ, говоритъ Андрей Андреичъ, заливныхъ луговъ у насъ нѣтъ, а поливные есть.

— Нѣтъ ужъ, Андрей Андреичъ, ты шутишь, чтобъ были поливные луга? Вотъ, года три тому назадъ, былъ я въ Одессѣ, и видѣлъ, что тамъ поливаютъ улицы отъ пыли; но чтобы поливали луга, — этаго я и не слыхивалъ.

—Ну, когда не слыхивалъ, такъ увидишь, отвѣтилъ мнѣ Андрей Андреичъ. Видѣлъ ли ты, въѣзжая въ нашу колонію, налѣво сдѣлана земляная насыпь, гребля, которая идетъ чрезъ самую рѣчку?

— Видѣлъ, да не въ домекъ мнѣ, зачѣмъ де эта гребля сдѣлана на сухомъ мѣстѣ? добро бы мельница была какая, а то мельницы нѣтъ, а гребля сдѣлана?

— Ну вотъ слушай же, говоритъ Андрей Андреичъ: гребля эта сдѣлана для того, чтобы задерживала воду! Вишь, весною, какъ станетъ таять снѣгъ, мы и запремъ ставкомъ воду, вонъ тамъ, гдѣ мостъ черезъ рѣку; вода станетъ прибывать; дѣваться ей некуда, она и разольется подъ самые дворы. Дадимъ ей постоять дня два или три; отопремъ ставокъ, спустимъ воду, а тамъ ниже опять гребля и ставокъ, его также запрутъ; вода разольется и тамъ. И тамъ дадутъ ей постоять столько же, да и спустятъ. Теперь понимаешь ты, что землю-то и пропитаетъ водою; а ты знаешь самъ, что на мокромъ мѣстѣ трава растетъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ на сухомъ мѣстѣ!

— Такъ, стало быть, говорю я, не сами вы поливаете луга, а поливаетъ ихъ рѣка?

— Такъ оно и есть. И отъ того когда не поливали луговъ, то на десятинѣ родилось много много пудовъ 50 или 60 сѣна, и то сухаго, жесткаго; а какъ стали поливать, каждый годъ собираемъ съ десятины 150 и 200 пудовъ.

— Да ктожъ, говорю я, строитъ у васъ гребли этакія?

— Да мы всѣ, міромъ!

— Легко сказать міромъ, подумалъ я. Вотъ и у насъ тоже міръ, да гдѣ тебѣ греблю, или что другое такое выдумать. Хорошо еще теперь, что не всякую сволочь пускаютъ на сходъ, — а то бывало соберутся горланы-міроѣды, не дадутъ доброму человѣку слова вымолвить, погорланятъ, да въ кабакъ на мірской же счетъ. Теперь правда не то, ужъ на мірской счетъ въ кабакѣ пить нельзя, — да все же еще далеко до того, чтобъ міромъ греблю строить для поливы луга; скажи-ка это кто у насъ на сходкѣ, — засмѣютъ зубоскалы!

— У насъ, говорилъ мнѣ Андрей Андреичъ, что міръ скажетъ, да начальство прикажетъ, то дѣлаетъ всякій, неперечитъ, и не толкуетъ, что это трудно, или совсѣмъ нельзя сдѣлать. Видѣлъ ли ты вотъ тамъ, по другую сторону колоніи, за рѣкою зеленѣетъ лѣсъ?

—Видѣлъ и дивился: откуда это у васъ въ степи взялся лѣсъ, когда кругомъ верстъ на 300, нѣтъ ни прута?

— Годовъ 30 тому назадъ на томъ мѣстѣ не было ни хворостинки, а лѣсъ-то этотъ весь саженой да сѣяной. И садить лѣсъ было горазо труднѣе, чѣмъ дѣлать греблю для пол

луга; да къ томужъ греблю-то сдѣлаешь, и въ тотъ же годъ вода разольется, трава выростетъ и коси, да собирай сѣно, А лѣсъ-то ростетъ не скоро, а все же ростетъ. Трудно было засадить первую десятину, да всхолить сотню деревцовъ. А теперь у насъ больше сотни десятинъ, а деревьямъ ужъ и счета нѣтъ, промежъ большихъ саженыхъ ростутъ сами собою молодые побѣги.

— Ну ладно, Андрей Андреичъ, лѣсъ-то у васъ мірской, а сады то по своей охотѣ сажаете?

— И по своей и не по своей! Видишь ли у насъ позади каждаго двора есть садъ, стало быть всякой, хочешь не хочешь, долженъ разводить садъ. Посадишь одно дерево — не принялось — сажай другое; не умѣешь самъ, — учись у другихъ какъ ходить за садомъ. Отъ того у насъ у всякаго дома есть садъ, и никто не толкуетъ, что на степи деревья не ростутъ. А теперь вотъ станемъ деревья сажать вдоль по улицѣ въ два ряда.

— Стало быть у васъ въ колоніяхъ такой строгой присмотръ за садами и за деревьями!

— И не за одними садами, говоритъ Андрей ...еичъ, а за всѣмъ хозяйствомъ. У насъ такой ...оли начальство замѣтитъ, что кто ...тъ, не держитъ въ порядкѣ ... скотиною, такъ стар... ъ, скажетъ другой и тре... —такъ мірскимъ пригово... ...ета хозяевъ; а дворъ его и ... другому, на кого міръ ука...

на... —з. полив... ...ивы

...дрей Андреичъ, говоришь, что

кто плохо за скотомъ смотритъ, — ну а что же дѣлать какъ скотина въ дому не держится, бываетъ ужъ такое мѣсто!

— Это пустыя отговорки лѣнивыхъ да неразумныхъ: скотъ не держится отъ того, что держатъ его нечисто, на грязныхъ дворахъ, въ загородяхъ безъ крышъ, и безъ защиты отъ холода и жара, кормятъ плохо одною соломою, да и то гнилою, поятъ не вовремя и то дурною водою. Всякое мѣсто на землѣ благословенно Господомъ, и на всякомъ мѣстѣ, съ радѣньемъ да съ умѣньемъ можно держать домъ и все хозяйство въ порядкѣ.

Такъ-то толковалъ мнѣ Андрей Андреичъ; — и нечего сказать полюбился мнѣ порядокъ у Нѣмцевъ-колонистовъ: хорошо они живутъ, много у нихъ всякаго добра и порядка.

— Чтожъ, дядя, мудренаго — заговорилъ опять Ванька Салоѣдъ, на то они Нѣмцы; самъ ты говоришь, что они ходятъ не въ сѣрмягахъ, а въ кафтанахъ.

— А чтожъ, говоритъ Прокофій, развѣ нашъ братъ не такой же человѣкъ какъ Нѣмецъ? У насъ шуба овечья, а душа тожъ человѣчья. И не отъ того колонисты живутъ хорошо, что они Нѣмцы; а первое потому, что они не любятъ кабаковъ. Двѣ недѣли я у нихъ жилъ, и знаете ли братцы, не то что не видалъ ни одного пьянаго, да и навеселѣ ни одного не встрѣтилъ; даже въ праздникъ какой не пьютъ вина, а соберутся сосѣдъ къ сосѣду, толкуютъ про хозяйство, да читаютъ книжки, а тѣмъ часомъ

— Ты правду сказалъ, говоритъ Андрей Андреичъ, заливныхъ луговъ у насъ нѣтъ, а поливные есть.

— Нѣтъ ужъ, Андрей Андреичъ, ты шутишь, чтобъ были поливные луга? Вотъ, года три тому назадъ, былъ я въ Одессѣ, и видѣлъ, что тамъ поливаютъ улицы отъ пыли; но чтобы поливали луга, — этаго я и не слыхивалъ.

— Ну, когда не слыхивалъ, такъ увидишь, отвѣтилъ мнѣ Андрей Андреичъ. Видѣлъ ли ты, въѣзжая въ нашу колонію, налѣво сдѣлана земляная насыпь, гребля, которая идетъ чрезъ самую рѣчку?

— Видѣлъ, да не въ домекъ мнѣ, зачѣмъ де эта гребля сдѣлана на сухомъ мѣстѣ? добро бы мельница была какая, а то мельницы нѣтъ, а гребля сдѣлана?

— Ну вотъ слушай же, говоритъ Андрей Андреичъ: гребля эта сдѣлана для того, чтобы задерживала воду! Вишь, весною, какъ станетъ таять снѣгъ, мы и запремъ ставкомъ воду, вонъ тамъ, гдѣ мостъ черезъ рѣку; вода станетъ прибывать; дѣваться ей некуда, она и разольется подъ самые дворы. Дадимъ ей постоять дня два или три; отопремъ ставокъ, спустимъ воду, а тамъ ниже опять гребля и ставокъ, его также запрутъ; вода разольется и тамъ. И тамъ дадутъ ей постоять столько же, да и спустятъ. Теперь понимаешь ты, что землю-то и пропитаетъ водою; а ты знаешь самъ, что на мокромъ мѣстѣ трава растетъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ на сухомъ мѣстѣ!

— Такъ, стало быть, говорю я, не сами вы поливаете луга, а поливаетъ ихъ рѣка?

— Такъ оно и есть. И отъ того когда не поливали луговъ, то на десятинѣ родилось много много пудовъ 50 или 60 сѣна, и то сухаго, жесткаго; а какъ стали поливать, каждый годъ собираемъ съ десятины 150 и 200 пудовъ.

— Да ктожъ, говорю я, строитъ у васъ гребли этакія?

— Да мы всѣ, міромъ!

— Легко сказать міромъ, подумалъ я. Вотъ и у насъ тоже міръ, да гдѣ тебѣ греблю, или что другое такое выдумать. Хорошо еще теперь, что не всякую сволочь пускаютъ на сходъ, — а то бывало соберутся горланы-міроѣды, не дадутъ доброму человѣку слова вымолвить, погорланятъ, да въ кабакъ на мірской же счетъ. Теперь правда не то, ужъ на мірской счетъ въ кабакѣ пить нельзя, — да все же еще далеко до того, чтобъ міромъ греблю строить для поливы луга; скажи-ка это кто у насъ на сходкѣ, — засмѣютъ зубоскалы!

— У насъ, говорилъ мнѣ Андрей Андреичъ, что міръ скажетъ, да начальство прикажетъ, то дѣлаетъ всякій, неперечитъ, и не толкуетъ, что это трудно, или совсѣмъ нельзя сдѣлать. Видѣлъ ли ты вотъ тамъ, по другую сторону колоніи, за рѣкою зеленѣетъ лѣсъ?

—Видѣлъ и дивился: откуда это у васъ въ степи взялся лѣсъ, когда кругомъ верстъ на 300, нѣтъ ни прута?

— Годовъ 30 тому назадъ на томъ мѣстѣ не было ни хворостинки, а лѣсъ-то этотъ весь саженой да сѣяной. И садить лѣсъ было гораздо труднѣе, чѣмъ дѣлать греблю для поливы

луга; да къ томужъ греблю-то сдѣлаешь, и въ тотъ же годъ вода разольется, трава выростетъ и коси, да собирай сѣно, А лѣсъ-то ростетъ не скоро, а все же ростетъ. Трудно было засадить первую десятину, да всхолить сотню деревцовъ. А теперь у насъ больше сотни десятинъ, а деревьямъ ужъ и счета нѣтъ, промежъ большихъ саженыхъ ростутъ сами собою молодые побѣги.

— Ну ладно, Андрей Андреичъ, лѣсъ-то у васъ мірской, а сады то по своей охотѣ сажаете?

— И по своей и не по своей! Видишь ли у насъ позади каждаго двора есть садъ, стало быть всякой, хочешь не хочешь, долженъ разводить садъ. Посадишь одно дерево — не принялось — сажай другое; не умѣешь самъ, — учись у другихъ какъ ходить за садомъ. Отъ того у насъ у всякаго дома есть садъ, и никто не толкуетъ, что на степи деревья не ростутъ. А теперь вотъ станемъ деревья сажать вдоль по улицѣ въ два ряда.

— Стало быть у васъ въ колоніяхъ такой строгой присмотръ за садами и за деревьями!

— И не за одними садами, говоритъ Андрей Андреичъ, а за всѣмъ хозяйствомъ. У насъ такой порядокъ: коли начальство замѣтитъ, что кто плохо хозяйничаетъ, не держитъ въ порядкѣ дома, худо смотритъ за скотиною, такъ старшина ему скажетъ разъ, скажетъ другой и третій; — не исправится — такъ мірскимъ приговоромъ вонъ его изъ счета хозяевъ; а дворъ его и всю землю отдадутъ другому, на кого міръ укажетъ.

— Вотъ ты, Андрей Андреичъ, говоришь, что

кто плохо за скотомъ смотритъ, — ну а что же дѣлать какъ скотина въ дому не держится, бываетъ ужъ такое мѣсто!

— Это пустыя отговорки лѣнивыхъ да неразумныхъ: скотъ не держится отъ того, что держатъ его нечисто, на грязныхъ дворахъ, въ загородяхъ безъ крышъ, и безъ защиты отъ холода и жара, кормятъ плохо одною соломою, да и то гнилою, поятъ не вовремя и то дурною водою. Всякое мѣсто на землѣ благословенно Господомъ, и на всякомъ мѣстѣ, съ радѣньемъ да съ умѣньемъ можно держать домъ и все хозяйство въ порядкѣ.

Такъ - то толковалъ мнѣ Андрей Андреичъ; — и нечего сказать полюбился мнѣ порядокъ у Нѣмцевъ-колонистовъ: хорошо они живутъ, много у нихъ всякаго добра и порядка.

— Чтожъ, дядя, мудренаго — заговорилъ опять Ванька Салоѣдъ, на то они Нѣмцы; самъ ты говоришь, что они ходятъ не въ сѣрмягахъ, а въ кафтанахъ.

— А чтожъ, говоритъ Прокофій, развѣ нашъ братъ не такой же человѣкъ какъ Нѣмецъ? У насъ шуба овечья, а душа тожъ человѣчья. И не отъ того колонисты живутъ хорошо, что они Нѣмцы; а первое потому, что они не любятъ кабаковъ. Двѣ недѣли я у нихъ жилъ, и знаете ли братцы, не то что не видалъ ни одного пьянаго, да и навеселѣ ни одного не встрѣтилъ; даже въ празникъ какой не пьютъ вина, а соберутся сосѣдъ къ сосѣду, толкуютъ про хозяйство, да читаютъ книжки, а тѣмъ часомъ

молодежъ слушаетъ, что старики толкуютъ; а грамотѣ у нихъ почитай всякой знаетъ. Въ каждой колоніи у нихъ заведены школы, и учатся у нихъ не только мальчики, но и дѣвочки. И отъ того-то у нихъ нѣтъ ни пьянства, ни буйства, ни драки какой, а о воровствѣ и слыхомъ не слыхать; а отъ того что пьянства нѣтъ, хорошій уходъ за хозяйствомъ; а отъ того что хорошій уходъ — и скотина хорошая; отъ того, что скотина хорошая — навоза много; — а отъ того что навоза много—поля хорошо удобрены; отъ того что поля хорошо удобрены— скотину есть чѣмъ кормить.—Такъ на свѣтѣ все хорошее одно за другое цѣпляется и одно другому помогаетъ. А чтобы попытаться и намъ, ребята?

КТО ТАКОЙ ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ?

Есть на семъ свѣтѣ люди, которые книжки читаютъ, — вотъ хоть примѣромъ сказать, какъ вы добрые люди, а есть и такіе люди, которые тѣ книжки пишутъ или сочиняютъ; такихъ людей зовутъ сочинителями. Сочинители учатся, сами въ книжкахъ читаютъ, добрыхъ людей слушаютъ, а потомъ подумаютъ маленько, да и пишутъ на бумагѣ, что имъ Богъ на сердцѣ положитъ. Потомъ что они напишутъ перомъ, то печатается. А извѣстное дѣло — что писанное, что печатное одно и тоже, только та разница, что печатное исправнѣе бываетъ и яснѣе читать; а исправнѣе печатное вотъ отъ чего: какъ пишетъ человѣкъ перомъ, то ему не мудрено и ошибиться, а тотъ кто съ его письма будетъ списывать, тотъ иного въ писанномъ не разберетъ, и въ свою очередь ошибется и уже ошибокъ будетъ вдвое; а кто съ этаго втораго письма будетъ списывать, у того ошибокъ будетъ втрое; и такъ все тѣмъ чаще списывать тѣмъ больше ошибокъ. Въ печатныхъ же книжкахъ дѣло другое; вмѣсто того чтобы писать перомъ, для каждой буквы сдѣлана такая особливая печать изъ дерева или изъ свинца, на который та буква вырѣзана; вмѣсто того чтобы писать перомъ буквы, эти свинцовыя печати прибираются одна къ другой такъ, чтобы вышло слово, а потомъ другое и такъ даль-

ше, пока не наберется цѣлый листъ; тогда эти набранныя печати намажутъ чернилами; и если приложить къ нимъ листъ бумаги, то всѣ буквы разомъ на бумагѣ такъ и выпечатаются, и то называется печатнымъ листомъ; какъ отпечатается, тогда читаютъ тотъ листъ и смотрятъ нѣтъ ли въ немъ ошибокъ; если есть ошибки, то такой листъ бросятъ, а ошибку въ набранныхъ печатяхъ исправятъ, и снова другой листъ также печатаютъ; и такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ больше ошибокъ. Тогда уже печатаютъ не одинъ, а листовъ тысячу; и разумѣется всѣ тѣ листы выходятъ одинъ какъ другой. Но какъ все ино мѣсто печатальщикъ не углядитъ ошибки, то хоть въ печатномъ и меньше ошибокъ, нежели въ писаномъ, а все иныя остаются; а какъ всякая вещь и всякое дѣло исправляется временемъ, то и здѣсь также. Отъ того легко умному человѣку смѣкнуть, что въ книгахъ старинной печати гораздо больше всякихъ ошибокъ, отъ худобы человѣческой, нежели въ книгахъ новой печати; и потому если въ нихъ какое слово неодинаково напечатано, то надобно больше вѣры имѣть къ книгамъ новой печати, нежели къ книгамъ старинной печати. А тѣ только старинную печать больше новой печати любятъ, которые сами дѣла не разумѣютъ, а только слабыхъ да неразумныхъ обманываютъ и лишь ради своей наживы людей съ толка сбиваютъ.

Вы знаете, я чаю, что книжки бываютъ большія и маленькія. Въ одной книжкѣ идетъ дѣло объ одномъ, въ другой объ другомъ; въ одинхъ поучаютъ какъ бы честно жить, да по Христі-

яиски умереть, въ другихъ написано какъ съ людьми себя вести, или о томъ что къ хозяйству пригодно; и какъ рѣчь рѣчи розь, такъ и книжка книжкѣ розь.

Вотъ былъ у насъ на Руси сочинитель по имени Иванъ Андреевичъ Крыловъ; вотъ смотри, каковъ онъ былъ; видишь

ужъ человѣкъ пожилой и къ тому очень умный; онъ много книжекъ на своемъ вѣку написалъ. Его и Батюшка Государь за его труды жаловалъ и награждалъ, и всѣ грамотные люди на Руси тѣ книжки читаютъ, уму на пользу, душѣ на утѣшенье. Разъ собрались добрые люди чтобы день рожденья Ивана Андреевича попраздновать, чтобъ ему при всемъ народѣ честь отдать. Батюшка-Государь первый милость свою показалъ; въ тотъ самый день Ивану Андреевичу звѣзду прислалъ. А были на томъ

праздникъ и сочинители, и всякіе люди важные, чиновные; и всѣ они Ивану Андреевичу почесть отдавали и промежъ себя толковали, что Иванъ Андреевичъ умныхъ книжекъ словно умныхъ дѣтей народилъ, и что онъ промежду сочинителей, всѣхъ старше, словно дѣдушка между ними; на тотъ случай другой важный сочинитель дядюшка Василій Андреевичъ Жуковскій, дѣдушкѣ Крылову почетную рѣчь держалъ, а еще другой важный сочинитель Князь Вяземскій тѣмъ часомъ вирши сложилъ, гдѣ про Ивана Андреевича говоритъ:

Изба его дѣтьми богата:
И дѣти—славные ребята,
И дѣти всѣ умны въ отца.

А всѣ за тѣмъ въ голосъ подхватили:

Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй дѣдушка Крыловъ!

Съ тѣхъ поръ и пошелъ Иванъ Андреевичъ по всей Руси за дѣдушку. И не задаромъ ему такая почесть идетъ. Онъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ книжки писалъ и честный людъ доброму поучалъ; но вы знаете, поученье поученью рознь; иное мѣсто доброму поучаютъ прямо, безъ оговорокъ, а иное мѣсто тому же доброму поучаютъ стороною, шуткою, сказкою, а иное мѣсто, былью. А та шутка нужна и полезна; иному, особливо молодому парню, умнаго слова ни за что въ голову не вобьешь, а покажешь ему тоже на прикладъ притчею, такъ смѣкнетъ хоть куда. Однако такъ умную шутку сшутить, чтобы людей доброму научить,

не всякой умѣетъ; на то Богъ даетъ особое дарованье; вотъ такимъ-то дарованьемъ Богъ дѣдушку Крылова благословилъ. Дѣдушка все поучалъ притчами: то о конѣ рѣчь заведетъ, то объ мухѣ, то не вѣсть о чемъ, а ты смѣкай, что все то говорится объ людяхъ, и о томъ, что промежду людей бываетъ. Вотъ, примѣромъ сказать, притча: *Крестьянинъ въ бѣдѣ*; тутъ извѣстное дѣло рѣчь объ томъ, что на словà всякой тароватъ, а на дѣло такъ нѣтъ. Вотъ и другая притча: *Совѣтъ мышей*; вишь ты будто: у тѣхъ мышей порядокъ какой уставленъ; хорошъ-ли, дуренъ-ли да уставленъ; всѣмъ, кажись на пользу порядки держаться; такъ нѣтъ! смотришь: кто себѣ сваровитъ, кто родъ, кто кумъ. Ты пожалуй скажешь: «экія неразумныя эти мыши.» А подумаешь маленько, такъ и смѣкнешь: что про мышей говорится, то и между людьми въ очью совершается. — Такъ поэтому и обо всѣхъ притчахъ дѣдушки Крылова разумѣй. Вотъ здѣсь три его притчи напечатаны, читай ихъ да смѣкай и будутъ они и уму на пользу, и душѣ въ сладость.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно что могъ.
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли» говоритъ: «помочь бѣдѣ моей?»

Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: — «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.»
Сватъ Климычъ говоритъ: — «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.»
— «Эхъ, братцы, это все не такъ.»
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка ты впередъ щенка любаго
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.»
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и прямъ;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ

Когда-то вздумалось Мышамъ себя прославить,
И, несмотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того Совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у Мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будемъ;
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью, иль по бородѣ.

Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья,
Всѣ длиннохвостымъ брать назначено въ Совѣтъ;
У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотя бъ лишилися ихъ онъ среди сраженья,
Но чинъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ Совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,
Какъ ночи наступить на дворъ;
И наконецъ въ мучномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста,
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую Мышь толкаетъ
Мышонокъ молодой,
И говоритъ: «Какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ.»
А Мышь въ отвѣтъ: — «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.»

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»
—«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» «Почти что ничего.»
—«Ну, какъ теперь?»—«Все тоже.» Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и—околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ!

КАКЪ УЗНАЕТСЯ ЛѢНИВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ?

На свѣтѣ есть много всякихъ примѣтъ — про доброе и худое, а эти примѣты не худо знать, да въ памяти держать. Вотъ я расскажу вамъ примѣты лѣниваго крестьянина.

У лѣниваго крестьянина дворъ не огороженъ, воротъ нѣтъ, а коли и есть, то подъ нихъ свиньи и собаки лазятъ; на дворѣ грязь по колѣно, а со двора навозъ течетъ. Крыши на избѣ и на сараяхъ раскрыты и текутъ отъ дождя; стекла въ окнахъ разбиты и загорожены лучинами; изба холодна и не утеплена; мало дровъ заготовлено; зимою лаптей и веревокъ не наготовлено; колодъ, яслей и рѣшетъ нѣтъ для корму скота; ножи, бороны, лемехъ и сошники тупы; сбруя часто рвется и телѣга ломается; коса, серпъ и топоръ худы; лошади съ сѣдломъ и хомуты не въ порядкѣ; у лѣниваго крестьянина рубахъ мало и всего одинъ зипунъ, да и тотъ въ лохмотьяхъ; голова не чесана и борода всклокочена; у лѣниваго крестьянина навозъ долго не запаханъ, хлѣбъ хуже всѣхъ и убирается позже всѣхъ; лѣнивый крестьянинъ раньше всѣхъ ѣстъ, а долѣе всѣхъ спитъ. Лѣнивый по міру ходитъ и милостыню проситъ; ни одного торга не пропу-

скота, а продавать и покупать нѣчего. На лѣнивомъ крестьянинѣ всегда недоимки; лѣнивый любитъ праздники праздновать чаще всѣхъ; во время работы всегда прикинется какимъ нибудь больнымъ; жалобы да хлопоты всегда у лѣнивыхъ отговорки.

ПРИМѢТЫ ЛѢНИВОЙ ХОЗЯЙКИ

У лѣнивой хозяйки столы не мыты и изба нечиста; печь не вымазана глиною, и въ избѣ тараканамъ и сверчкамъ много. Лѣнивая хозяйка спитъ до полудня, а ничего не варитъ; немытая посуда, коровы ходятъ по подворьямъ и по улицамъ, молока мало даютъ и телята хрупки, и свиньи въ огородѣ лазятъ. Лѣнивая хозяйка сухіе и сырые хлѣбы печетъ, и кваса въ домѣ нѣтъ. При лѣнивой хозяйкѣ у мужа не рубаха, а рогожа на плечахъ; дѣти глупы и избалованные, хуже всѣхъ, неумытые и босикомъ по улицамъ бѣгаютъ да собакъ дразнятъ.

По этимъ примѣтамъ и узнаешь лѣниваго хозяина, да лѣнивую хозяйку.

ЗА ДОБРЫЯ ДѢЛА И БОГЪ БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ И ГОСУДАРЬ НАГРАЖДАЕТЪ.

Агафья Сковородникова.

Въ имѣніи помѣщицы Хайдиновой, что въ Херсонской губерніи, сдѣлался ночью пожаръ. Вѣтеръ былъ сильный, и огонь шибко соломенныя крыши крестьянскихъ хатъ; жители, оставили все, едва успѣвали выбѣгать сами. Одна больная крестьянка Марья также выбѣжала безъ памяти изъ горящей хаты; но скоро опомнилась, что пятилѣтнее дитя ея осталось въ горящей хатѣ. Она было бросилась въ хату, но люди тутъ стоявшіе, удержали Марью, думая что уже нельзя спасти дитя; бѣдная мать рыдала въ отчаяніи. Вдругъ, откуда ни возьмись, пятнадцатилѣтняя крестьянская дѣвочка, Агафья Сковородникова; не долго думала, перекрестилась, поручила себя Господу Богу, да и бросилась въ пламя. Всѣ считали ее погибшею; но съ нею былъ ангелъ хранитель и вѣра въ Бога, никогда не покидающаго человѣка въ добромъ дѣлѣ. Агафья вышла благополучно изъ полусгорѣвшей избы, да и погибавшаго младенца съ собою вынесла. О семъ богоугодномъ дѣлѣ было донесено Государю Императору, и Его Величество пове-

лѣлъ наградить Агафью Сковородникову серебряною медалью, и сверхъ того пожаловать ей еще 100 рублей серебромъ.

Крестьянинъ Егоровъ.

Тульской губерніи Каширскаго уѣзда крестьянинъ Сергѣй Егоровъ, увидѣвъ, что два мальчика тонутъ въ рѣкѣ Каширкѣ. Не думая долго, Егоровъ бросился въ воду. Долго боролся онъ съ волнами, и по старости лѣтъ уже самъ изнемогалъ; однако успѣлъ схватить одного мальчика, съ нимъ доплылъ до берега да и изъ силъ выбился.

Тутъ же случился деревни Сошигиной, крестьянинъ Алексѣевъ, который по примѣру Егорова, бросился за другимъ мальчикомъ; а мальчикъ тотъ уже пропалъ изъ вида. Алексѣевъ сталъ отыскивать его на днѣ рѣки, и наконецъ нашелъ; однако выбившись изъ силъ, не могъ вытащить и началъ съ нимъ вмѣстѣ тонуть. То увидя добрый Егоровъ, несмотря на свою старость и изнеможеніе, перекрестясь, снова бросился въ рѣку, и спасъ обоихъ, мальчика и Алексѣева.

Батюшка Государь Императоръ, узнавъ о такомъ похвальномъ подвигѣ крестьянина Егорова, Всемилостивѣйше повелѣлъ наградить его медалью, и сверхъ денегъ выдать еще 100 руб. серебромъ.

Малороссійскій казакъ Хворостиковъ.

Великое дѣло спасти жизнь человѣка, но также богоугодное дѣло спасти его душу;

а спасти душу человѣческую можно лишь вѣрою, да ученьемъ. Грамотному человѣку не только всякое дѣло спорче, но и что еще важнѣе, грамотный духовныя книги читать можетъ себѣ въ поученіе, и въ церкви Божіей причту при службѣ помогать.

Такъ-то думалъ Малороссійскій казакъ Хвостиковъ. Онъ самъ учился въ городѣ Черниговѣ, въ тамошней гимназіи. Въ 1835 году возвратился на родину въ мѣстечко Сильно — Полтавской губерніи, и тамъ съ разрѣшенія начальства, учредилъ на свой счетъ приходское училище. Самъ построилъ домъ, самъ купилъ книги. Добрый приходскій священникъ, отецъ Александръ, благословилъ Хвостикова на благое дѣло, и самъ сталъ безмездно обучать дѣтей Закону Божію въ училищѣ Хвостикова, а Хвостиковъ взялся обучать чтенію, письму и счисленію. Поселяне поняли все добро отъ ученія, и стали посылать своихъ дѣтей въ училище.

Въ училище было:

въ 1837 году		30 учениковъ
1838		45
1839		92
1840		112
1841	дошло до	122

Когда начальство донесло Государю Императору о такомъ похвальномъ дѣлѣ, то Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣлъ наградить казака Хвостикова медалью.

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ,

ИЗДАННАЯ

КНЯЗЕМЪ В. Ѳ. ОДОЕВСКИМЪ И А. П. ЗАБЛОЦКИМЪ.

(*Изданіе третье*)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

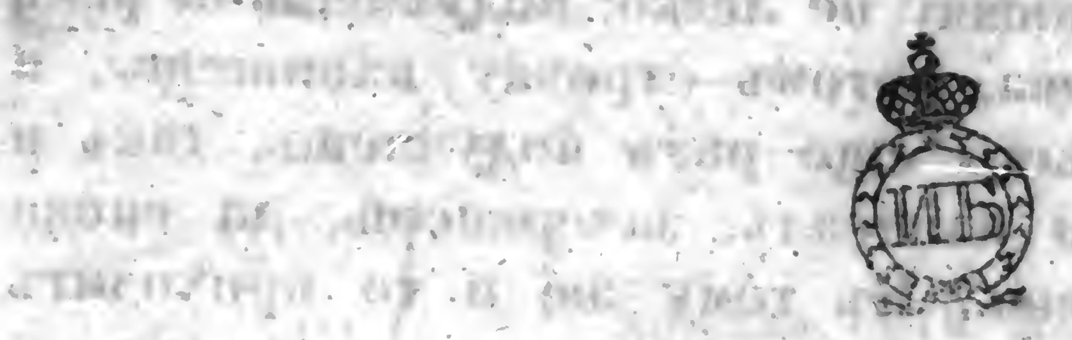
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 18 Октября 1848 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Слышали мы, что наши книжки пришлись вамъ, добрымъ людямъ, по сердцу и читаются вами прилѣжно; не можемъ такому слуху не вѣрить, потому что въ прошлые два года до тридцати тысячь нашихъ книжекъ разошлось по святой Руси; да кромѣ того къ намъ самимъ съ разныхъ сторонъ приходятъ грамотки, гдѣ сѣтуютъ на насъ, отъ чего въ прошлыхъ годахъ отпечатано было по книжкѣ, а въ нынѣшнемъ году не показывается Сельское Чтенiе въ мiръ крещеный? Радуютъ ли насъ такiе слухи, о томъ и говорить нѣчего; для того и за работу беремся, чтобы добрымъ людямъ было на пользу; а что въ нынѣшнемъ году наша книжка запоздала, въ томъ уже на насъ не взыщите. Какъ быть! и дѣло-то не одно у насъ, да и не легко книжка пишется; здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, иное и знаешь какъ пять пальцевъ на рукахъ, а другому растолковать трудно; главная же наша забота въ томъ, чтобы читали вы наши книжки безъ запинокъ, а такъ, чтобы все вамъ въ нихъ внятно было. А написать

такъ книжку не легко: подумаешь не разъ и не два, потомъ строчку напишешь, а ино мѣсто еще разъ подумаешь, такъ и то, что написалъ, зачеркнешь, да снова напишешь. Къ тому же и то приходитъ на умъ, что вы, читая, мало по малу сами навострились и съ каждымъ годомъ отъ насъ большаго старанія требуете. Богъ дастъ, будете читать, да смѣкать,— такъ дойдетъ до того, что не токмо наши книжки, но и всякая другая будетъ вамъ внятна, словно устная рѣчь. Покуда, читайте тѣ три книжки, что мы для васъ, за любовь, написали; отъ васъ же мы той радости ждемъ, чтобы отъ нашихъ книжекъ всякое дѣло вамъ сподручнѣе было, а больше всего—любовь бы другъ къ другу между вами утверждалась, да вѣрность Царю, да Вѣра Православная.

КН. В. ОДОЕВСКІЙ.

А. ЗАБЛОЦКІЙ.

О ТОМЪ, ЧТО ВЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ЕСТЬ, КѢМЪ РАЗСКАЗАНО, И НА КОТОРОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА ИЛИ СТРАНИЦѢ НАПЕЧАТАНО.

—

На которой страницѣ.

РАЗСКАЗЪ ДЯДИ ИРИНЕЯ О ТОМЪ, ЧТО ВОКРУГЪ ЧЕЛОВѢКА, И О ЧЕЛОВѢКѢ.

—

ДядяИриней, котораго вы уже знаете, добрые люди, все еще живетъ въ селѣ Ивановкѣ по добру по здорову; вамъ поклонъ посылаетъ, а самъ радуется, что его грамотки вамъ по сердцу, да что его доброе слово въ прокъ пошло промежъ умныхъ людей; а о неразумныхъ и говорить нѣчего — на нихъ не наровишь, а не наровишь отъ того, что у неразумныхъ душа-то кривая; смотритъ въ оба, кажись понимаетъ, а спросишь о чемъ тебѣ толковали, и выдетъ — что ему говорили, того онъ не слыхалъ, а чего не говорили то слышалъ. Ты ему про Луку, а онъ говоритъ: о Кириллѣ баютъ. Добрый человѣкъ даетъ совѣтъ какъ бы парню лучше свое хозяйство устроить, и скотинку приберечь, и самому сытнѣе поѣсть, а неразумный толкуетъ: видно новые порядки хотятъ заводить. Ну что ты съ неразумнымъ будешь дѣлать? все онъ на лукаваго натыкается, а лукавый тому и радъ, его же на кривду наводитъ.

Дядя Ириней такихъ кривотолковъ и на порогъ дома къ себѣ не пускаетъ. Оно и дѣльно; вкривь и вкось не толкуй, да отъ себя непутнаго не прибавляй, а слушай какъ говорятъ тебѣ, просто, безъ крючковъ. Говорятъ тебѣ по правдѣ, да по любви, такъ и ты слушай съ правдою, да съ любовью.

У дяди Иринея собираются все парни умные, безъ лжи, безъ обмана, и многаго ужъ отъ него понабрались, да на пользу употребили. Вотъ прошлой весной скотскій падежъ былъ по сосѣдству; парни къ дядѣ Иринею: что дѣлать? — а онъ имъ въ отвѣтъ: дѣлать то, что начальство приказало, въ стадо коровъ не пускать, хвосты имъ дегтемъ намазать, изъ чумной деревни ни скота, ни мяса, ни кожи не покупать, и прочее, что начальство прикажетъ.... чтожъ на повѣрку вышло? Кругомъ въ деревняхъ не остереглись, вся скотина вымерла, — а въ Ивановкѣ такъ всѣ цѣлы остались.

Вотъ отъ того писарь грамотей и записываетъ слова дяди Иринея, да намъ присылаетъ, а мы ихъ вамъ по любви передаемъ, добрые люди.

Посмотри вокругъ себя и посмотри на себя; многое на свѣ-

тѣ тебѣ въ пользу, многое и во вредъ; съ перваго раза не узнаешь, что въ пользу, что во вредъ; а чтобы не ошибиться — смотри хорошенько, у добрыхъ людей спрашивай да и самъ смѣкать не забывай; до всего можно самому дойти, только смотри хорошенько. По виду не всякую вещь различишь. Вотъ ты видалъ, я чаю, какъ ребятишки смотрятъ на ягоды; попадаются имъ на видъ славныя красныя ягоды на деревьяхъ, словно вишни, или калина; съ глупа ребятишки наѣдятся — анъ то были волчьи ягоды, наѣдятся и разболятся, еще слава Богу, если смертью не умрутъ. Ты знаешь, что такое калина и что волчьи ягоды; ты ихъ всегда различишь, не наѣшься волчьихъ ягодъ, а отъ чего не наѣшься? отъ того что знаешь, что такое волчьи ягоды и какой отъ нихъ вредъ.

Вотъ тебѣ другой примѣръ: ужъ что кажется хуже навоза; спроси у ребенка про навозъ, онъ тебѣ скажетъ: дрянь — больше ничего — эка невидаль; а ты собираешь навозъ, да возишь бережно на поле, потому что знаешь, что отъ навоза земля удобрится.

Такъ и все на свѣтѣ; ты знаешь многое, чего малые ребятишки не знаютъ; но во многомъ ты самъ словно ребенокъ передъ другими. точно также передъ другими не знаешь многаго, вотъ какъ ребятишки передъ тобою. Хоть примѣромъ сказать про волчьи ягоды; ты знаешь, что ихъ ѣсть нельзя, что онѣ не калина и не рябина, хоть и похожи на ту и на другую, — но только ты это и знаешь, а другіе знаютъ больше; они собираютъ волчьи ягоды не на ѣду, а на лекарство; они знаютъ что тѣже волчьи ягоды, которыя такъ вредятъ здоровому человѣку, помогаютъ въ разныхъ болѣзняхъ, когда кто знаетъ какъ въ такомъ дѣлѣ поступать, вотъ какъ напримѣръ лекаря, которые учатся какъ болѣзни распознавать и какую болѣзнь чѣмъ лечить.

Вотъ ты знаешь, напримѣръ, про навозъ, да про черноземъ, что безъ нихъ хлѣбъ не можетъ уродиться, а другіе знаютъ больше: знаютъ какой навозъ для какого хлѣба пригоденъ, знаютъ какъ навозъ сдобрить, чтобы онъ былъ сильнѣе, такъ чтобы на поле возъ вывезти, а онъ бы за два воза отвѣчалъ.

Такъ не думай, что ты все знаешь или что съ тебя будетъ того, что ты знаешь и что тебѣ уже больше ничего знать не надобно.

Ну, а какъ же знать? — учись. А какъ учиться? добрыхъ людей спрашивай, книжки читай, да самъ смѣкай. А какъ смѣкать? Смотри хорошенько. А какъ смотрѣть? — и этому тебя научу.

Видишь ты: мало того что смотрѣть, а надобно замѣчать, что въ какой вещи на другую похоже и что не похоже. Въ этомъ главное ученье и за нимъ не далеко ходить; смотри вокругъ себя.

Вотъ хоть посмотри на себя и посмотри на животное: у животнаго голова опущена внизъ, все оно въ землю смотритъ;

у тебя голова держится прямо и ты можешь смотрѣть на Божіе небо; у животнаго нѣтъ рукъ, у тебя есть руки, и чего ты не можешь сдѣлать руками? Животное не можетъ ни спросить, ни отвѣчать; ты можешь и спрашивать и отвѣчать, ты можешь говорить; видишь ли какое преимущество тебѣ Богъ далъ передъ животнымъ; да есть у тебя и другое преимущество по важнѣе: животное не молится, — ты можешь молиться, къ Богу доступъ имѣешь.

Ты скажешь, что-де все ты это знаешь; погоди; подумай прежде о томъ, что ты знаешь, а потомъ доберешься и до того, чего не знаешь.

Велико твое превосходство надъ животцымъ, а между тѣмъ ты безъ него обойтися не можешь, какъ и оно безъ тебя; лошадь не умѣла бы себѣ ни сѣна скосить, ни овса посѣять, и на зиму припасти. Зимою она безъ тебя умерла бы съ голода; но ты безъ лошади не могъ бы земли вспахать, ни воза свезти; такъ уже Богомъ устроено, чтобы животное тебѣ было слуга, а ты былъ бы его кормильцемъ да покровителемъ. Подумай, да погадай: хорошо ли тѣ дѣлаютъ, которые бьютъ и увѣчатъ лошадь, когда ей возъ не подъ силу наваленъ, или когда она изъ силъ выбилась? Богъ далъ человѣку лошадь и другихъ животныхъ на послугу, а не на мученье. Стало быть тотъ, кто мучитъ лошадь, бьетъ ее пинками подъ брюхо, а ино мѣсто съ сердцевъ и полѣномъ, тотъ не только свою скотину увѣчитъ и себѣ убытокъ дѣлаетъ, да и передъ Богомъ грѣшитъ. Отъ того и Святое Писаніе говоритъ: Блаженъ милуяй скоты.

Да и не одиѣ лошади приносятъ тебѣ пользу и помогаютъ тебѣ; корова тебя кормитъ молокомъ и даетъ хорошій навозъ; изъ бычачьихъ шкуръ дѣлается кожа; изъ овечьей шерсти сукно. Собака помогаетъ тебѣ своимъ чутьемъ; она чуетъ когда на дворъ пришелъ чужой человѣкъ хоть въ самую темную ночь, когда ты ни зги не видишь; если ты ласкалъ и кормилъ собаку, она заступается за тебя и за твое добро, не щадя себя; есть и такія собаки, которыя утопшихъ вытаскиваютъ изъ воды; кажется на то и Богъ ихъ создалъ, ибо у нихъ въ лапѣ перепонка какъ у утокъ; эти собаки такъ вѣрны, что во чтобы ей ни стало, а ужъ она вытащитъ человѣка изъ воды; бывали примѣры, что когда утопающій запутается въ тростникѣ, то собака тутъ и умретъ отъ натуги, а ужъ такъ не оставитъ.

Не только домашнія птицы, куры, утки, но и дикія птицы приносятъ пользу человѣку; коршуны, вороны съѣдаютъ падаль, отъ которой можетъ сдѣлаться зараза въ жаркое время; вороны и сорокупуды истребляютъ полевыхъ мышей; воробьи, ласточки и другія маленькія пташки поѣдаютъ неисчислимое множество червей, гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ бываетъ такой вредъ на поляхъ.

По этому ты не долженъ безъ нужды пугать и убивать даже воробьевъ и ласточекъ: они твои помощники; воробьи правда вредятъ яблонямъ и вишнямъ; но не столько какъ обыкновенно думаютъ; птицы слетаются на деревья больше за червяками, чѣмъ за плодами, а черви дереву больше вредятъ, чѣмъ птицы. Въ одной сторонѣ неразумные люди принялись истреблять воробьевъ, думая что отъ нихъ-то вся и бѣда; но когда истребили воробьевъ чтожъ вышло? Черви такъ расплодились, что всѣ деревья, весь хлѣбъ и даже всю траву выѣли.

Но не всѣ животныя тебѣ полезны; умѣй различать; вотъ напримѣръ, мыши, кроты, хорьки — всегда вредны.

Посмотришь хорошенько, такъ увидишь, что и многія насѣкомыя тебѣ полезны; пчела доставляетъ тебѣ медъ; изъ шпанскихъ мухъ дѣлаютъ пластырь въ аптекахъ, который помогаетъ людямъ въ разныхъ болѣзняхъ. Вотъ мнѣ разсказывали, какъ въ одной деревнѣ у бабы бокъ заболѣлъ, она и пошла въ городъ къ лекарю лекарства попросить, — да кстати и зеленыхъ мушекъ въ городскую аптеку отнести, а въ аптекѣ-то такихъ мушекъ покупали; вотъ баба, по крестьянскому обычаю, насыпала себѣ мушекъ за пазуху, за рубашку, къ голому тѣлу, да такъ и пошла въ городъ. Дорогой идетъ и думаетъ себѣ баба: «Ну что за стать людямъ мухъ покупать? на какую потребу? вѣдь это не хлѣбъ какой, не морковь, не картофель? Ну на что имъ мухи? видно денегъ много — дѣвать некуда, что мухъ покупаютъ».

Межъ тѣмъ баба идетъ да идетъ, до города то верстъ де-

сять было. Чуетъ баба, что у ней отъ бока отошло, легче стало, только какъ-то рубашка тѣснѣе стала; взглянула за рубашку, такъ и не вспомнилась отъ страха; бокъ у ней вздулся; въ добрый кулакъ у ней на боку пузырь натянуло. Прибѣжала къ лекарю сама не своя: «Батюшка помоги!» кричитъ баба. «Что съ тобою случилось?» спрашивалъ лекарь; а баба въ отвѣтъ: «батюшка, такая бѣда, что и сказать не мочно; видишь ты бокъ у меня ломило, такъ что и дышать было не въ моготу, я и пошла къ тебѣ лекарства попросить; дорогой бокъ отошелъ и дышать стало легче, да вотъ какая бѣда приключилась, — вздуло его пузыремъ; боли нѣтъ, а смотрѣть страшно, — видно послѣдній часъ насталъ!» — Да что у тебя за пазухой? спросилъ лекарь. «Да ничего батюшка, только мушекъ я туда насыпала, несла въ аптеку продать, да вотъ Богъ и попуталъ». Лекарь разсмѣялся: «не бось» сказалъ, «тутъ никакого худа нѣтъ, а напротивъ хорошее; ты, баба, сама себя вылечила, что никакого лекарства тебѣ не надобно; пузырь у тебя шпанскія мухи натянули, отъ того тебѣ и легче стало; мы сами этими мухами пластырь посыпаемъ; ихъ на то Богъ и создалъ, чтобы онѣ человѣку помогали». Съ этими словами лекарь надрѣзалъ немного пузырь, изъ него словно вода полилась безъ всякой боли; кожа опустилась; лекарь еще чѣмъ то примазалъ и пошла моя баба какъ встрепаная.

Но не всѣ насѣкомыя пригодны человѣку, какъ пчелы или какъ шпанскія мухи, есть иныя очень вредныя; ихъ надобно умѣть отличать; а чтобъ умѣть отличать — замѣчай. Много червей, которые вредятъ не только плодовымъ деревьямъ, но даже соснѣ. Есть такія, которыя вредны всякой овощи огородной и всякому хлѣбу на полѣ и въ житницахъ. Много отъ нихъ бѣды бываетъ, и наибольше отъ того, что запускаютъ, во время не спохватятся, а ужъ тогда замѣтятъ, какъ червей столько расплодилось, что ихъ истребить и подумать нельзя.

Чтобы спастись отъ такой бѣды, надобно смотрѣть, да замѣчать: какъ какіе черви живутъ, и какъ себѣ пищу промышляютъ? Иные черви такіе, что навсегда червями остаются, вотъ напримѣръ, какъ земляные черви. Съ другими же червями совсѣмъ иначе бываетъ. Онъ сперва червь, потомъ оборотится въ гусеницу или въ куколку, а изъ куколки выйдетъ бабочка или метелка, или жукъ, а все тотъ же червь.

Ты видалъ, я чаю, хоть на крапивѣ, висятъ точно посеребренныя, или вызолоченныя куколки, точно какъ будто ребенокъ спеленутой; возьми эдакую куколку, взрѣжь потихоньку ея скорлупку, увидишь, что тамъ червякъ; а если сломишь совсѣмъ съ вѣткой, да принесешь домой, то увидишь, что черезъ нѣсколько дней вылупится изъ куколки бабочка.

Бабочка кладетъ яицы, маленькія, маленькія чернышки, иногда меньше маковыхъ зеренъ. Изъ этихъ яичекъ снова вылупляется червь; червь дѣлается куколкой, или гусеницей, а изъ куколки снова выходитъ бабочка.

Все это знать очень не худо, и я тебѣ скажу почему. Всѣ эти твари, хоть и маленькія, а очень хитры, и на большія затѣи поднимаются, чтобъ свое отродье сохранить.

Каждое изъ этихъ насѣкомыхъ знаетъ, какая ему пища прилична. Одно ѣстъ хлѣбные колосья, и ни за что не будетъ ѣсть листа на деревѣ; а то, которое живетъ на деревѣ не будетъ ѣсть колосоваго хлѣба, да часто на одномъ и томъ же растеніи различно бываетъ: одно насѣкомое ѣстъ только корни, другое только листья, а третье только зерны: иное вылупится въ тоже лѣто, а другое зарываетъ свои яицы въ землю, такъ что изъ тѣхъ яицъ черви вылупляются ужъ на будущій годъ.

При томъ надобно тебѣ знать, что ни бабочки, ни метелки, ни жучки большею частію не ѣдятъ, а ѣдятъ только ихъ черви; за то черви ихъ ѣдятъ безпрестанно.

Вотъ ты видѣлъ, я думаю, часто орѣхи со свищами; разгрызешь, а въ немъ пыль, зерна нѣтъ; случалось тебѣ также разгрызать орѣхъ, свища на немъ нѣтъ, а только маленькое пятнышко; разгрызешь, а въ орѣхѣ червякъ; вотъ отъ чего это дѣлается: матка червяка, будучи мухой, прокалываетъ въ орѣхѣ, пока онъ еще молодъ и мягокъ, маленькую дырочку, и въ эту дырочку положитъ свое яйцо, словно насѣдка; это яичко остается въ орѣхѣ, а дырочка на орѣхѣ заплываетъ, остается только маленькое пятнышко. Яичко лежитъ спокойно въ орѣхѣ пока орѣхъ зрѣетъ, потомъ мало по малу червячекъ изъ яичка вылупляется и начинаетъ точить зерно до тѣхъ поръ, пока его всего не съѣстъ; какъ съѣлъ зерно, червякъ начинаетъ точить изнутри и скорлупу орѣха, пока не проточитъ въ немъ такую дырку, въ которую пролезть можетъ. Вылезетъ вонъ, свернется въ куколку, а изъ куколки опять снова сдѣлается муха, которая опять тѣмъ же чередомъ кладетъ свои яицы въ новый молодой орѣхъ.

Я тебѣ заговорилъ объ орѣхѣ потому, что на орѣхѣ виднѣе; но знай, что тоже случается и съ зерновымъ хлѣбомъ. Есть напримѣръ букашка, которая называется «долгоносикъ»; она вползаетъ на колосъ тогда, какъ зерно начнетъ наливаться; проколетъ въ мягкомъ зернѣ дырочку, и въ дырочку положитъ свое яичко. Усмотрѣть это трудно, потому что самъ долгоносикъ немножко по больше блохи, и ты можешь себѣ представить, какъ малы его яички, и какова должна быть дырочка, которую онъ дѣлаетъ въ зернѣ.

Между тѣмъ въ хлѣбномъ зернѣ тоже дѣлается что и въ орѣхѣ: зерно наливается, вызрѣваетъ, приходитъ жатва; зерно свозятъ въ житницу, а между тѣмъ въ зернѣ червякъ вылуп-

ляется и съѣдаетъ всю внутренность зерна такъ, что остается одна шелуха, вотъ какъ скорлупа на орѣхѣ.

Когда долгоносикъ выѣлъ все зерно, онъ просверлитъ шелуху и вылезетъ вонъ; вотъ въ житницѣ увидятъ, спохватятся, говорятъ: «бѣды въ житницѣ, какіе-то жучки завелись, хлѣбъ ѣдятъ». А ты видишь, что жучки-то совсѣмъ не въ житницѣ завелись, а прямо съ поля въ зернахъ привезены.

Что я тебѣ говорю о долгоносикѣ, то и о другихъ червяхъ или насѣкомыхъ смѣкай; но только замѣть, что всѣ эти насѣкомыя разными способами и живутъ: у иныхъ бабочки, метелки, жуки, мухи кладутъ свои яицы въ зерны, у другихъ въ листья, у третьихъ въ кору древесную, у иныхъ въ землю вокругъ растеній.

Знай и то, что эти насѣкомыя страхъ плодущи: иная муха кладетъ въ лѣто до тысячи яицъ, и болѣе, и почти изъ каждаго выходитъ червякъ, который портитъ и истребляетъ растенія.

Всѣ это разузнали добрые люди, которые по нѣскольку лѣтъ сряду смотрѣли, какъ живутъ и промышляютъ вредныя насѣкомыя, для того, чтобы найти средства, какъ такихъ насѣкомыхъ истреблять. Ты понимаешь, что нужно знать, какъ насѣкомыя живутъ и промышляютъ для того, чтобъ ихъ въ корнѣ истребить, а не тогда, какъ ужъ они расплодились. Вотъ хоть примѣромъ сказать долгоносики, о которыхъ рѣчь была. Какъ ты ихъ въ зернахъ перевезъ въ житницу, ужъ тогда поздо ихъ истреблять, ихъ видимо не видимо; въ зернѣ сидитъ не увидишь, изъ зерна выдетъ, знакъ что ужъ все зерно съѣлъ.

Ты понимаешь ли, совсѣмъ другое дѣло если спохватиться заранѣе и какимъ нибудь средствомъ долгоносиковъ на поле не пустить, потому что если ихъ на полѣ не будетъ, то они и въ житницу не попадутъ.

Какими средствами вредныхъ насѣкомыхъ на поле или въ огородъ не пустить, о томъ спрашивайся у начальства; оно тебѣ скажетъ, какъ за это дѣло приняться; здѣсь всего не разскажешь, вредныхъ насѣкомыхъ многое множество и каждое особымъ родомъ живетъ, и что одному вредно, то для другаго ровно ничего. Такъ напримѣръ, есть иное растеніе, что имъ одно насѣкомое питается, а другое отъ него прочь бѣжитъ; одному червю противно одно, другому другое.

Скажу тебѣ вообще, что большое предохраненіе отъ червей, когда земля хорошо перепахана, ибо добрымъ пахапьемъ многое множество червивыхъ зародышей истребляется. Также многое зависитъ и отъ добрыхъ сѣменъ; а отъ добрыхъ сѣменъ зависитъ вотъ почему: ты знаешь, что то сѣмя хорошо, которое тяжело и это не только потому, что тяжелое сѣмя и спѣлѣе и здоровѣе, но и еще потому, что иное сѣмя легче сдѣлалось отъ того, что въ немъ червякъ сидитъ. Отъ того случается, что тотъ, кто полѣнился хорошія сѣмена выбрать, по-

лагаясь на то, авось либо взойдутъ, часто видитъ, что у него ни съ того ни съ сего на полѣ или въ огородѣ вдругъ червь появляется; вотъ онъ и ропщетъ и жалуется и говоритъ, что его Богъ червями наказалъ; а отъ чего? — Отъ того, что онъ самъ въ зернахъ червей на своемъ полѣ посѣялъ, а онѣ тамъ и вылупились, да новыхъ червей развели; а ужъ я вамъ говорилъ, какъ всѣ эти твари плодущи. Онъ, можетъ быть, на десятину привезъ сотню червей въ зернахъ, и черви вылупились; каждый червякъ обратился въ жука, или муху, а каждая муха или жукъ положили по тысячѣ яицъ, такъ что за одно лѣто у него сто тысячъ червей выползетъ на десятину, если птицы не выклюютъ. Поэтому видишь, какъ ко всему пригодно доброе хозяйство и почему у хорошаго хозяина меньше того бываетъ, что старыя бабы «несчастьемъ» называютъ, а это несчастье почитай всегда отъ неумѣнья, да отъ нераденья бываетъ.

Вотъ почему знающіе люди червей, бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ собираютъ, чтобы узнать, какъ какое живетъ, и какъ успѣшнѣе его истреблять.

Не забудь того, что вредныхъ насѣкомыхъ многое множество, и каждое по своему растеніямъ вредитъ. Да замѣть ты и то, что пока насѣкомыя въ видѣ червя, до тѣхъ поръ ихъ одно отъ другаго различать трудно. Всѣ черви другъ на друга бываютъ похожи; но бабочки, мухи, жучки, выходятъ разныя. Насѣкомыхъ можно отличать одно отъ другаго тогда, когда оно уже бабочкой, жукомъ или мухой сдѣлалось, и только по бабочкѣ, мухѣ, или жуку, можно угадать, какими они червями были, и что надобно сдѣлать, дабы тѣхъ червей истребить. Отъ того, когда у тебя на полѣ, или на огородѣ черви завелись и ты къ добрымъ людямъ идешь за совѣтомъ, какъ твоему горю помочь, то ты не только червяка неси, но старайся и метелку, и жучка, и муху захватить изъ тѣхъ, что надъ тѣми червями летаютъ, а тамъ ужъ ученые люди разберутъ, и скажутъ какъ тебѣ помочь, и если хоть и не въ нынѣшнемъ году, то по крайней мѣрѣ хоть на будущее время.

КТО ТАКОЙ ДАВЫДЪ ИВАНОВИЧЪ, И ЗА ЧТО ЛЮДИ ЕГО ПОЧИТАЮТЪ.

—

Въ Московской губерніи есть одно богатое село; я его не назову, а когда скажу, что въ томъ селѣ крестьяне работаютъ шелковыя матеріи, то многіе и сами догадаются какъ зовутъ то село.

Много въ этомъ селѣ богатыхъ крестьянъ, которые уже повышли въ купцы и повыписались въ города; — но межъ ними богаче всѣхъ Давыдъ Ивановичъ. Давно уже онъ вышелъ въ купцы, а изъ своего роднаго села не выѣзжаетъ; и домъ у него не крестьянской избѣ чета, а каменныя хоромы, хоть бы въ иномъ городѣ на миліонной или дворянской улицы.

Давыдъ Ивановичъ — фабрикантъ, дѣлаетъ шелковыя и бумажныя матеріи; но у него нѣтъ особой фабрики; на него работаютъ крестьяне того селенія, гдѣ онъ живетъ, и окольные. Почетъ Давыду Ивановичу отъ жителей, какъ отъ работниковъ хозяину, или еще больше. Работники чествуютъ иногда хозяина изъ страха, а Давыда Ивановича чтутъ и уважаютъ всѣ, какъ дѣти отца роднаго. Нѣтъ человѣка, который бы пожаловался на Давыда Ивановича; заговори о немъ съ кѣмъ нибудь, такъ разсказамъ конца не будетъ и всѣ разсказы въ честь Давыда Ивановича.

Немудрено, что при такомъ почетѣ Давыду Ивановичу не хочется въ городъ; но мудрено то, какъ Давыдъ Ивановичъ дослужился до такого почета.

Давыдъ Ивановичъ богатъ; но богатъ не онъ одинъ въ селеніи, вотъ хоть бы Иванъ Семеновичъ, что ходитъ Волостнымъ Головою: и у него домъ, какъ полная чаша, семья большая, торговля идетъ славно, волостью правитъ умно и правдиво. Былъ онъ подъ судомъ, но изъ подъ суда вышелъ правѣе, чѣмъ было до суда. На него сдѣлали доносъ, что онъ де озарникъ, велѣлъ выгнать изъ села какого-то ярыжку, за то, что онъ мутилъ православный народъ: «я де вамъ выхлопочу и то и другое и третье, — только сложитесь по гривнѣ съ души, да дайте мнѣ для хлопотъ.»

Стали слѣдовать доносъ, такъ и открылось, что Иванъ Семеновичъ поступилъ умно и правдиво. «Недавайте братцы ни копѣйки» сказалъ Иванъ Семеновичъ на сходкѣ; «начальство не велитъ этого, и равно винитъ какъ тѣхъ, которые берутъ,

такъ и тѣхъ которые даютъ.» Судъ оправдалъ Ивана Семеновича и обвинилъ ярыжку. Такъ видите и Иванъ Семеновичъ молодецъ; есть и ему почетъ и уваженье, да все не то, что Давыду Ивановичу.

Стало быть не богатствомъ добылъ себѣ Давыдъ Ивановичъ почетъ и любовь. Давыдъ Ивановичъ и на сходкѣ не бываетъ, и на улицѣ не горланитъ, да и дома не величается. Куда? Ему и натура не дала величавости: роста онъ средняго, лицомъ блѣденъ, худощавъ, говоритъ тихо, и рѣчь его проста и весь обычай какъ у самаго бѣднаго человѣка. Стало быть не взялъ онъ ни ростомъ, ни дородствомъ, ни красотою, да и не горломъ.

Давыда Ивановича любятъ и почитаютъ всѣ за то, что онъ отродясь мухи не обидѣлъ, слова не сказалъ не только обиднаго, но даже пустаго, а добра сдѣлалъ столько что и счесть трудно.

Вотъ примѣромъ сказать живетъ въ селеніи семья: молодой мужъ съ женою да старуха мать мужа; есть еще двое или трое дѣтей малъ мала меньше. Въ семьѣ считается двѣ ревизскія души; хозяинъ хлопочетъ изо всей мочи, чтобъ управиться съ землею, заработать деньги на домашнія надобности. Хозяйство идетъ по маленьку, но вдругъ хозяинъ умираетъ, бѣда осиротѣвшей семьѣ: молодой вдовѣ остается только искать мужа, да скоро ли найдетъ его съ обузою дѣтей. Тутъ-то Давыдъ Ивановичъ является ангеломъ-хранителемъ. Если остался послѣ покойника не собранный хлѣбъ въ полѣ, — Давыдъ Ивановичъ даетъ денегъ вдовѣ нанять работниковъ, потомъ говоритъ ей: «мужъ твой пахалъ землю на двѣ души, тебѣ не справиться и съ малой запашкою. Пока не подростутъ дѣти, оставь себѣ земли столько, сколько сработать въ мочь; а остальную отдай мнѣ, я буду платить подати за двѣ души».

Вдова рада радехонька: Давыдъ Ивановичъ обработываетъ отданную ему часть поля, платитъ за всю семью подати, и посылаетъ вдовѣ все, что получилъ съ ея земли. Но какъ ни тайно дѣлаетъ добро Давыдъ Ивановичъ, а молва хоть и въ тихомолку, но скоро разноситъ вѣсти о тайныхъ благотвореніяхъ.

Такихъ облагодѣтельствованныхъ по селенію и околодку столько, сколько осиротѣвшихъ семей.

Были недавно въ той сторонѣ, гдѣ живетъ Давыдъ Ивановичъ, голодные годы. Чего онъ тутъ не дѣлалъ въ облегченіе бѣдныхъ? Онъ усилилъ раздачу работъ, давалъ всѣмъ работающимъ денегъ впередъ столько, что иной и въ годъ заработать не могъ; сверхъ платы давалъ работникамъ хлѣбъ изъ своихъ житницъ. Я былъ въ томъ селеніи, когда пріѣхалъ туда главный Начальникъ казенныхъ селеній въ той губерніи. Поговоривъ съ Головою и стариками о томъ, что надобно дѣлать въ такой бѣдѣ, онъ пришелъ въ домъ къ Давы-

ду Ивановичу и говоритъ ему, что для пособія бѣднымъ надобно купить хлѣба. Давыдъ Ивановичъ, поклонившись, отвѣчалъ: «будьте спокойны». И въ самомъ дѣлѣ Давыдъ Ивановичъ сдѣлалъ пожертвованія на покупку хлѣба; слѣдомъ за нимъ и другіе богатые крестьяне, и весь околодокъ былъ спасенъ отъ голода.

Но еще прежде голодныхъ лѣтъ почти все селеніе выгорѣло. Надобно было всѣмъ вновь строиться. Тутъ-то сыпались деньги изъ кисы Давыда Ивановича; не много было богачей, которые не занимали денегъ у него. Онъ давалъ всѣмъ равно, не разбирая отъ кого можно, отъ кого нельзя было скоро получить. Но тутъ Давыдъ Ивановичъ имѣлъ еще случай показать, какое онъ имѣлъ уваженіе къ пользамъ ближнихъ. Губернаторъ, тотчасъ послѣ пожара, послалъ планировать селеніе. Пріѣхали землемѣры, стали указывать, какъ идти улицамъ, гдѣ быть площади, кому нельзя строиться на прежнемъ мѣстѣ и куда ему перейти. При этомъ и Давыду Ивановичу нельзя было строиться на прежнемъ мѣстѣ. «Ну, говорятъ ему крестьяне, выбирай какое хочешь мѣсто; ужъ «тебѣ Давыдъ Ивановичъ, за твои милости не будетъ ни въ «чемъ отказа». Давыдъ Ивановичъ говоритъ, что ему бы хотѣлось выстроиться на большой улицѣ, возлѣ рѣки, чтобъ удобнѣе завести красильню. Всѣ согласились, исключая двухъ или трехъ хозяевъ, которые до пожара жили возлѣ рѣки, и считали мѣста эти своими. Хоть вся сходка на нихъ воздвиглась; но Давыдъ Ивановичъ унялъ всѣхъ, объявивъ, что онъ и пяди земли не возьметъ насильно; «назначьте мѣсто говоритъ, гдѣ хотите, только обиды ни кому не дѣлайте».

Надобно же было случиться, что черезъ годъ или полтора, выгорѣла та улица, гдѣ просился строиться Давыдъ Ивановичъ; тутъ сгорѣли и домы тѣхъ, которые не допустили его строиться у рѣки.

Извѣстное дѣло, что немногіе крестьяне берегутъ деньгу про черный день. Погорѣвшіе должны были просить помощи; тогда еще не выдавалось денежнаго пособія отъ казны, и противники пришли къ Давыду Ивановичу. Другой на его мѣстѣ сталъ бы попрекать; а Давыдъ Ивановичъ ни однимъ даже словомъ не напомнилъ прежняго и далъ имъ въ займы сколько они просили.

Предъ этимъ пожаромъ, лишь только селеніе начало обстроиваться, пришла пора вносить подати. За случившеюся бѣдою, до окончательнаго срока никто не внесъ ни копѣйки. Пріѣхалъ Окружный и сталъ требовать подати; но взять было нечего. Окружный наѣхалъ съ вечера, а утромъ на другой день объявилъ, что вся слѣдовавшая съ селенія подать внесена сполна и тутъ же отправилъ всѣ деньги въ казначейство. Кто внесъ подать — Окружный не объявилъ; но

справедливая молва гласитъ, что это сдѣлалъ Давыдъ Ивановичъ.

Два года тому назадъ въ сосѣднемъ селеніи выгорѣло нѣсколько домовъ. Начальство распорядилось выдать погорѣвшимъ пособіе. Пріѣхалъ Помощникъ Окружнаго Начальника раздавать деньги — и узнаетъ, что Давыдъ Ивановичъ уже выдалъ по 200 руб. на дворъ. Помощникъ Окружнаго все же свое сдѣлалъ, что велѣло Начальство: выдалъ деньги погорѣвшимъ, заѣзжаетъ къ Давыду Ивановичу, и говоритъ, что о добромъ его дѣлѣ надобно донести Начальству. Давыдъ Ивановичъ и руками и ногами отъ этого: «я де дѣлаю добро не для славы».

Чтожъ, развѣ у Давыда Ивановича казна неистощимая, богатство несмѣтное, да и откуда оно берется? Да, Давыдъ Ивановичъ не бѣденъ, а откуда берется у него богатство и то не трудно разгадать.

Давыдъ Ивановичъ богатъ, а трудится такъ, что и бѣдняку впору. Встаетъ онъ, раньымъ ранехонько въ 4 часа поутру, и если есть служба въ приходской церкви, онъ отправляется къ заутрени и ранней обѣднѣ, да не одинъ, а со всѣми своими прикащиками; а прикащики у него люди все граматные изъ крестьянъ тогожъ селенія. Послѣ обѣдни, а если службы въ церкви нѣтъ, то съ самаго пробужденія, Давыдъ Ивановичъ принимается съ прикащиками за разборку матеріаловъ, размотку основы, веденіе расчетныхъ книгъ. После обѣда отдыхаетъ не долго и опять за работу и хлопоты, которыя перерываются развѣ только уходомъ опять таки всѣхъ къ вечернѣ. Давыдъ Ивановичъ работаетъ въ одной комнатѣ съ парнями своими, и потому они всегда у него на глазахъ; загуляться и даже заболтаться имъ нельзя. Они же у него посредниками между имъ и несчастными: чрезъ нихъ Давыдъ Ивановичъ посылаетъ тому деньги, тому хлѣбъ.

А какъ прикащики у него всегда предъ глазами, то Давыдъ Ивановичъ знаетъ, который изъ нихъ на что пригоденъ; тотъ вѣренъ только и больше ничего, а тотъ и вѣренъ и расторопенъ и смыслитъ выбрать вещь, которую надобно купить. По этому Давыдъ Ивановичъ даетъ каждому работу, къ которой онъ болѣе пригоденъ; отъ того у него хорошо идетъ и то, что самъ дѣлаетъ, и то въ чемъ полагается на прикащиковъ. Работая съ утра до ночи въ будни, по воскресеньямъ и праздникамъ, помолясь у службы Божіей, Давыдъ Ивановичъ принимаетъ гостей и самъ бываетъ въ гостяхъ; угощаетъ онъ всѣхъ у себя, но допьяна никого недоводитъ; да и самъ-то отъ роду хмѣленъ не бывалъ, а сохрани Богъ — загуляться прикащику; загуляйся такъ только и видѣлъ хозяина, а ужъ кому Давыдъ Ивановичъ откажетъ, такъ тотъ и не являйся на улицу.

Такъ вотъ отъ чего богатство Давыда Ивановича не ску-

дѣетъ, хоть онъ и расточаетъ его на сиротъ и бѣдныхъ. Трудъ, расчетъ, всегдашняя трезвость, строгій порядокъ въ жизни, это такія вещи, съ которыми всякій разбогатѣетъ и разбогатѣетъ честно, не въ укоръ своей совѣсти, не наживая нарѣканія, не возбуждая ропота и упрековъ.

ЧТО ЛЕГКО НАЖИВАЕТСЯ, ТО ЕЩЕ ЛЕГЧЕ ПРОЖИВАЕТСЯ.

—

Въ небольшомъ городѣ, на Окѣ, жилъ бѣдный мѣщанинъ, занимавшійся уже лѣтъ десятокъ перевозомъ черезъ рѣку. Сколько ни перемѣнилось во все время это откупщиковъ или хозяевъ парома, а Тимофеичъ все переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного хозяина къ другому и всегда былъ старшимъ паромщикомъ. Эта работа кормила его, онъ къ ней привыкъ, а какъ онъ былъ человѣкъ богобоязливый и никогда не обманывалъ хозяина въ сборѣ, то ему и вѣрили и хорошо его держали. Дядю Тимофеича знали всѣ, отъ мала до велика, а у многихъ былъ онъ въ домѣ и кумомъ. Наживнаго добра было за нимъ немного; въ десять лѣтъ сколотилъ онъ себѣ одинъ праздничный кафтанъ, да дубленый тулупъ, а плисовую шапку другой годъ все только еще купить сбирался, и когда приходилъ къ берегу въ городъ, на рынокъ, чтобы запастись дня на три, на четыре хлѣбомъ, то, бывало, зайдетъ въ ряды, поглядитъ шапки и прицѣнится къ нимъ. Въ работѣ же ходилъ онъ въ старой, изношенной сѣрмягѣ.

Хоть и привыкъ Тимофеичъ къ долѣ своей, однако, не безъ того, бывало, что покряхивалъ, да глядя на другихъ завидовалъ имъ подъ часъ. «Вотъ де, за что Богъ далъ такому-то и такому то, а мнѣ не даетъ! такая видно доля моя безталанная». И частенько таки сталъ онъ жаловаться людямъ на бѣдность свою и просить у Бога богатства. «То-то, думалъ онъ, зажилъ бы я! И нищую братію не покинулъ бы, а призрѣлъ бы всякаго убогаго»!

Ни съ того, ни съ сего, вдругъ требуетъ къ себѣ Тимофеича городничій; и городовой, который пришелъ за нимъ

кланяется ему и поздравляетъ его и несетъ такую чуху, словно рехнулся. — Пришло, говоритъ, извѣстіе, что ты разбогатѣлъ, дядя Тимофеичъ: дядя что ли, какой-то у тебя въ Ростовѣ померъ, и былъ приписанъ въ купцы, и деньги нажилъ видно большія, да дѣтей, стало быть у него нѣтъ, а все вишь достается тебѣ!

Подумалъ Тимофеичъ, почесавъ затылокъ, что-за притча? Поглядѣлъ на городоваго, — видитъ — тотъ безъ шапки передъ нимъ стоитъ и все кланяется и поздравляетъ; стало быть ужъ не обманываетъ, не сталъ бы безпокоиться эдакъ изъ-за пустяковъ. Пошелъ Тимофеичъ и дорогой все припоминаетъ, да и вспомнилъ: былъ у него точно дядя; и торговалъ гдѣ-то, но ужъ годовъ больше десятка никакихъ объ немъ слуховъ не было.

И сталъ Тимофеичъ богачемъ. Накапунѣ только прицѣнился къ плисовой шапкѣ, да подумалъ: дорого три рубля, гдѣ ихъ возьмешь? А теперь вдругъ говорятъ ему поѣзжай въ Ростовъ, оттуда Начальство пишетъ, требуетъ тебя; померъ дядя и завѣщалъ тебѣ домъ и двѣ лавки и тысячь сто денегъ, Сто тысячь — тутъ не скоро придумаешь, какъ насчитать столько, а ему говорятъ: все твое, да еще и домъ и двѣ лавки.

Насилу собрался Тимофеичъ въ путь: люди не вѣрятъ, никто въ займы не даетъ, а своихъ и пяти рублей нѣтъ, не на что ѣхать. Однако хозяинъ пособилъ, Тимофеичъ пріѣхалъ, и глазамъ не вѣритъ; не видалъ и во снѣ такого богатства и какъ съ чѣмъ управиться, не знаетъ; столько-то денегъ, говорятъ ему, по заемному письму на такомъ-то купцѣ, а столько-то на другомъ; такой-то товаръ отправленъ съ прикащикомъ туда-то, а съ такого-то слѣдуетъ получить столько-то.... Тимофеичъ граматы не знаетъ, сбился съ толка совсѣмъ, не знаетъ, что и дѣлать. А тутъ еще совѣтниковъ да пріятелей новыхъ нашлось много, обманываютъ его кругомъ, свели съ ума совсѣмъ. Кто зоветъ, да потчуетъ да угощаетъ; кто самъ въ гости напрашивается, на новоселье; кто какіе-то старые дядины счеты сводитъ, въ которыхъ Тимофеичъ никакого толка не смыслитъ и только сидитъ, да глазами хлопаетъ; а кто на новые обороты, на торговлю подбиваетъ, да обѣщаетъ, большіе барыши; словомъ, не знаетъ бѣдный Тимофеичъ, своя ли голова у него на плечахъ; бѣда да и только; отроду не видалъ такой бѣды!

Какъ ни бился Тимофеичъ, а видитъ, что самому ему не управиться, съ богатствомъ своимъ не совладать. Ужъ его и въ судъ таскали, заставляя платить по какимъ-то заемнымъ письмамъ дядинымъ, которыхъ онъ и прочитать не умѣетъ; тутъ не доплачиваютъ ему самому, а онъ не даетъ толка, что ему слѣдуетъ, да того гляди срокъ пропуститъ и поминай какъ звали денежки; тамъ требуютъ по какой-то торговой сдѣлкѣ

дядиной пять тысячъ, а расчетъ, говорятъ, будетъ черезъ годъ со днемъ: на все говорятъ, торговые сроки положены; а тамъ, гляди, прикащикъ пропалъ, сбѣжалъ, спустившй товаръ на всѣ четыре, да и деньги съ собою снесъ; — словомъ, пошла бѣда, растворяй ворота.

Какъ запьетъ мой Тимофеичъ, съ горя, да мертвую чашу, ударивъ свою плисовую шапку объ земь, такъ у него все кругомъ пошло, ровно на ниточкѣ, и горе отлегло отъ сердца и тужить позабылъ. Однако, это плохое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее не надолго, а развѣ только накопишь да еще и въ ростъ пустишь, и съ легкой руки разживешься, разбогатѣешь горемъ, тугой и нужей пуще прежняго.

Сталась такая притча и надъ Тимофеичемъ. И не винокуръ говорили внасмѣхъ Ростовцы, а прокурилъ все! Сколько растащили, сколько безъ счета пропало, сколько отъ недогляда, а сколько и самъ пропустилъ въ ненасытную утробу свою, да распотчивалъ, угощая весь міръ — не знаемъ мы этого, да, чай, и никто не знаетъ; потому что никто, ниже самъ Тимофеичъ, счетовъ этихъ не сводилъ. Знаемъ только, что когда бѣднякъ воротился разъ мертвецки пьяный въ хоромы свои, уснулъ гдѣ-то на полу, покинувъ свѣчу, и зажегъ домъ, и когда домъ этотъ сгорѣлъ благополучно, то вытащили изъ него одного только хозяина, и то въ оборванномъ кафтанѣ, а болѣе у него за душей не осталось ничего. Все прожилъ, а остатки сжегъ, до копѣйки.

Горько было похмѣлье бѣдному Тимофеичу, это правда; но какъ ни горько, а все-таки онъ вздохнулъ вольнѣе, чѣмъ вздыхалъ съ самаго пріѣзда въ Ростовъ; горько, а на душѣ легко! Не станутъ теребить теперь, подумалъ Тимофеичъ; не станутъ обкрадывать кругомъ, не стану и я уплачивать Богъ вѣсть чьи заемныя письма — да и не стану пить больше; кончено все, ровно сонъ тяжелый съ плечь свалился. Эти деньги пришли какія-то шальныя, — подумалъ онъ — не нами нажито, такъ не намъ и досталось. Плюнулъ Тимофеичъ да и пошелъ.

А пошедши, нанялся онъ въ работники къ блинщику, жилъ у него хорошо и честно годовъ пять; заработалъ небольшія деньги — да трудовыя, а потому и сберегъ ихъ; воротился подъ старость на родину и самъ сталъ промышлять тѣмъ же ремесломъ. Какъ утро, бывало, такъ Тимофеичъ идетъ по гостиному ряду въ пестромъ ситцевомъ фартукѣ, съ лоткомъ на головѣ, и припѣваетъ: «У насъ блины, у насъ горячи — и денежки были, да въ Ростовѣ сплыли; — блины горячи!»

Всѣ знали Тимофеича, всѣ любили его, какъ стараго друга, разбирая у него блины, и слушали поговорки; — тамъ онъ живетъ и понынѣ и богатства у Бога не проситъ.

ОСЬ И ЧЕКА.

—

Ѣхалъ извощикъ Семенъ съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходитъ; а пойдетъ бѣда, растворяй ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задымилась у извощика ось; а до деревни далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ни чѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хоть брось тотчасъ: зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; справился кое-какъ — съ версту проѣхалъ, опять стой, опять тоже!

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути; Семенъ оглянулся, а у того ось запасная съ боку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ Русскій человѣкъ — догадался Семенъ нашъ, что надобно было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: «уступи братъ ось запасную, сдѣлай милость, вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь бери, только уступи.» Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: — да, говоритъ, не ладно у тебя дѣло; пожалуй, возьми, коли хочешь — за два цѣлковыхъ.

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ и обѣ руки полезли въ затылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: «что хочешь возьми, только продай» — да онъ, слышь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по христіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! «Помилуй, говоритъ, да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!» — За моремъ телушка полушка, сказалъ тотъ, да рубль перевозу. Поди, да купи, коли нашелъ за полтинникъ. — А самъ было и поѣхалъ дальше. Семенъ за нимъ, и проситъ и кланяется — нѣтъ; два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ земь, такъ ему жаль было денегъ — да дѣлать нечего; не ночевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. «На, говоритъ, землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями». — Не видалъ я твоихъ рублей, молвилъ тотъ; нечто я тебя неволю, что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось, я при своемъ буду, а ты при своемъ. — «Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволитъ; быть такъ, ступай съ Богомъ, спасибо, что устроилъ, а то проле-

жалъ бы я здѣсь сутки. Пособи пожалуйста поднять передокъ, да подвести ось». Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись — Архипка хвать — чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телега лежитъ на боку. «Стой кричитъ онъ Семену, стой братъ, вотъ и у меня бѣда случилась! Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! У меня топоръ есть, подайка пожалуйста обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Пожалуй, говоритъ Семенъ, возьми; только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай.

«Съ ума что ли ты братъ спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ!

— «Вольному воля, сказалъ Семенъ; при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статься гдѣ купишь и за грошъ».

Ударилъ Архипъ руками объ полы — хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь, да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

ЧТО ЗНАЧИТЪ УКРАСТЬ ПЯТАЧЕКЪ.

—

Въ одной деревнѣ, не далеко отъ города, жилъ-былъ мальчикъ, по имени Игнатій. Отецъ его, Прокофій, ходилъ въ городъ въ заработку да и Игнашу почасту водилъ съ собою. Въ городѣ Игнаша приглянулся купцу. «Оставь у меня малаго то» говорилъ онъ Прокофью, «я его буду одѣвать, обувать и кормить, да еще и выучу его, такъ что онъ, пожалуй, когда придетъ пора, и самъ купцомъ будетъ». Прокофій подумалъ, подумалъ про свою бѣдность и бездомство — и согласился. Съ тѣхъ поръ жилъ Игнаша въ городѣ, въ большомъ домѣ, и каждый день былъ одѣтъ, обутъ и накормленъ; и что ему купецъ ни поручалъ, Игнаша все честно исполнялъ; и всякіе товары, а по-мѣсто деньги носилъ и никогда его ку-

нецъ ни въ чемъ дурномъ не замѣчалъ. Разъ, принесли купцу цѣлый мѣшокъ серебряныхъ гривенничковъ, да пятачковъ; съ роду Игнаша невидывалъ столько денегъ, и долго онъ любовался, смотря, какъ купецъ звѣнѣлъ по столу гривенничками и разставлялъ ихъ въ кучки, чтобы лучше счесть. Вотъ купецъ счелъ деньги, ссыпалъ ихъ снова въ мѣшокъ, а мѣшокъ положилъ въ сундукъ, заперъ и вышелъ вонъ со двора. Игнаша глядь, анъ на столѣ остался одинъ пятачекъ, да такой хорошенькой, новенькой! Хотѣлъ было Игнаша закричать купцу, что пятачекъ забылъ, да остановился, а остановившись позадумался; а какъ позадумался, то на душѣ у него какъ будто кто и заговорилъ: — вѣдь у купца цѣлый мѣшокъ пятачковъ, что ему въ одномъ? да и не замѣтитъ онъ, а мнѣ пригодится. Прислушался Игнаша къ лукавой своей рѣчи, да и положилъ пятачекъ въ карманъ. Купецъ и подлинно не замѣтилъ, а Игнаша купилъ пряникъ на пятачекъ; а какъ съѣлъ пряникъ, еще захотѣлось. Улучивъ время, онъ у купца ужъ не пятачекъ, а цѣлый рубль укралъ. И рубля стало не надолго. Съ тѣхъ поръ напала на Игнашу тоска по деньгамъ: только и думалъ о томъ, какъ бы деньги стянуть. Сперва онъ кралъ по рублямъ, потомъ укралъ десять рублей, а потомъ все больше и больше, да однажды, говорятъ, столько денегъ у купца стянулъ, что и не счесть. Что жъ вышло? — вотъ видѣли вы, ономѣдни, вели по деревнѣ колодниковъ въ цѣпяхъ, въ кандалахъ — и Игнаша съ ними былъ — тоже колодникъ! и говорилъ прохожимъ: «Ахъ! добрые люди! пятачекъ меня погубилъ! Съ пятачка я началъ, — да вотъ до чего дошелъ!»

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

—

Не запомню я въ какой губерніи, да не къ чему и помнить, въ большомъ селеніи, что лежитъ на большой дорогѣ, жилъ былъ мужичекъ именемъ Тарасъ, по прозванью слабая голова. Тарасомъ былъ онъ названъ при святомъ крещеніи, а слабой головой прозвали его товарищи отъ страннаго его нрава. Бывало, кто не встрѣтится тотъ ему и кумъ и сватъ. Куда ни позовутъ, туда и идетъ. Въ церковь позовутъ, идетъ въ храмъ Божій; въ кабакъ ли зазываютъ и отъ кабака не прочь. Что ни говорятъ ему, тому и вѣритъ, словно своего ума разума нѣтъ, чтобъ разсудить, что ладно, а что нѣтъ. А парень былъ онъ не глупой и весь, кажись хоть куда. Силой и дородствомъ Богъ его не обидѣлъ, зачастую хмѣльнымъ не зашибался, подати вносилъ въ срокъ и крестьянскую свою повинность исправлялъ какъ слѣдуетъ. Достатокъ былъ у него, слава Богу, какъ желать только можно: три, или четыре лошадки, коровы двѣ и съ телятами, а о прочей живности и говорить нечего. Земли тоже вдоволь.... не занимать стать.... на святой Руси есть гдѣ разгуляться. Утварью всякой изба полнехонька; а изба-то, ужъ можно сказать не то, чтобы черная какая или соломой крытая.... изба новешенькая, вся крытая тесомъ, купленнымъ съ барокъ; наличники съ рѣзьбой, а ставни росписныя съ красными цвѣтами, такъ что и издали глядѣть весело. А на дворѣ и сарай, и амбары, и хлѣва; кругомъ заборъ и дубовыя вороты, все въ исправности, все въ порядкѣ.... Кажись жить бы только да благословлять Господа, что милуетъ.... Иной разъ и Тарасу любо, и Тарасу по сердцу; а въ другой разъ — скажетъ ему недобрый человѣкъ глупое слово, и взбѣленится Тарасъ, начнетъ чепуху городить.... Всего ему мало, все не въ прокъ.... все будто чего-то хочется. А спросишь чего? самъ не знаетъ.... Иной подумаетъ, что онъ бобылемъ маялся безъ отца и матери, безъ рода и племени; такъ нѣтъ, и тутъ Божіе благословеніе. Отецъ, правда, померъ, ну да мать жива, набожная старушка, тихая, не причудливая, не бранчивая, хлопочетъ себѣ въ уголку, не то чтобы въ тягость, а еще по хозяйству помогаетъ, иной разъ и въ амбаръ сходитъ и пирогъ испечетъ и скотинку накормитъ. А хозяйка-то, хозяйка у Тараса! народъ со стороны только дивуется да завидуетъ: — кровь съ молокомъ, румяная, плотная, здоровая, работаетъ цѣлый день не складываетъ

рукъ и дурнаго слова, родясь, не говорила. Со свѣчей поискать бы другую, такъ и тутъ не найдешь. Съ свекровью живетъ она душой въ душу, а вѣдь это, я слыхалъ, рѣдкость на селеніи, не знаю какъ въ городахъ. И дѣти есть у Тараса, сынокъ пяти годовъ, а дѣвочкѣ никакъ третій годокъ пошелъ.

Тарасъ, какъ сказано, мужикъ хоть куда, въ полѣ молодецъ, за троихъ дѣло исправитъ, коли есть только охота. И дома тоже на все мастеръ: и плотникъ при случаѣ, и сапоги сошьетъ не хуже любаго сапожника. А какъ изба-то у него лучшая на селѣ, такъ не рѣдко къ нему и проѣзжіе заворачиваютъ, поотдохнуть маленько; лошадей покормить, а иной разъ и переночевать. Отъ того и перепадаетъ у Тараса рубль лишній, а онъ и задумаетъ отложить его на черный день, да выходитъ все иначе. На селѣ много охотниковъ погулять на чужой счетъ; знаютъ, что у Тараса голова то слабая. «Угости братъ», говорятъ, «что это за деньги, — дрянь.... и беречь не стоитъ. Чортъ ли тебѣ въ копѣйкахъ. Сотню отложить бы можно, а на пятакахъ далеко не уѣдешь: Лучше ужъ уважить православныхъ». А Тарасъ и радъ.... и не думаетъ, что изъ копѣекъ-то дѣлаются рубля, а изъ рублей и сотни. Возьмутъ ширамыжники Тараса подъ руки, да и поведутъ въ питейный.... А въ питейномъ такія онъ слышалъ рѣчи, что ужасъ беретъ. Пьяному человѣку море по колѣно. Все ни по чемъ, Бога не боится, власти не признаетъ, всѣмъ не доволенъ, на все готовъ, было бы только что пропить. Слушаетъ Тарасъ страшные разсказы. Такой-то удалый парень своровалъ и разжился! — Вотъ какой-де молодецъ! Другой зарѣзалъ на большой дорогѣ, потомъ въ городъ переѣхалъ и лавку открылъ. Есть же людямъ счастье! Сперва Тарасъ вздумалъ было бѣжать вонъ, а тамъ мало по малу и свыкся съ грѣховодниками, и самъ началъ помышлять недоброе. — «Эка, говоритъ, доля моя горемычная. Чѣмъ свѣтъ вставай, запрягай кобылку, ступай въ поле. Не то чтобы даромъ кроху дали — выспаться некогда. Души отвести не дадутъ. Батракомъ майся вѣкъ вѣчный да и только. А вотъ живутъ же люди. Все у нихъ по бархату. Стоитъ захотѣть только. За нихъ и землю пашутъ, и хлѣбъ молотятъ и булки пекутъ. А они ѣдятъ себѣ только да похваливаютъ. И вина вдоволь.... не то чтобъ пѣнникъ простой, вино пьютъ заморское, виноградное. А чѣмъ они лучше? Деньги есть, — вотъ въ чемъ сила.... Такъ что же.... Съ деньгами я буду человѣкъ... такой же.... А то нищій, нищимъ живешь, и подумать нельзя, чтобы каждый день гулять съ пріятелями. Видно, ужъ судьба моя горемычная! Ну что мнѣ прока, что изба у меня хорошая и тесомъ крытая? Какъ ни говори, все-таки изба; а вотъ въ городѣ такъ я видѣлъ дома-каменные, желѣзомъ крытые. Небось мнѣ этакого дома и въ цѣлый вѣкъ не нажить. Тулупъ-

то на мнѣ есть, да и другой новый сукномъ покрытый лежитъ въ сундукѣ. А вотъ недавно видѣлъ я на проѣзжемъ купцѣ шубу, такъ ужъ не моей чета, вся лисья.... Послѣ я на новый тулупъ глядѣть не хотѣлось. Стыдно стало.... Ну чтобы мнѣ такую шубку достать?»

Тарасъ! Тарасъ! слабая голова. Не слушайся нечистой силы. Не доведетъ она тебя до добра. Вздоромъ ты, братъ, промышляешь. Поразсуди да подумай; сколько на селѣ есть такихъ хозяевъ, у которыхъ ни избы нѣтъ хорошей, ни скота твоего, ни хлѣба, что у тебя подъ ключемъ, а живутъ таки себѣ и не гнѣвятъ Бога жалобой! Будешь и ты богаче, и домъ будетъ у тебя каменный, и шуба хоть изъ соболей пожалуй, а все ты будешь недоволенъ. Домъ малъ будетъ, давай палаты; будутъ палаты, давай городъ. Все тебѣ будетъ мало. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. А того ты не знаешь, что богатство не для того, какъ ты думаешь, чтобъ въ кабакѣ пьянствовать или сиднемъ сидѣть, да мухъ ловить. И богатой тоже пахать долженъ, только по своему: кто мечемъ противъ врага бусурмана; кто головой, и перомъ на службѣ Царской; кто въ лавкѣ, на базарѣ, на пристани, на фабрикѣ, чтобъ было каждому православному чѣмъ и одѣть себя и сытымъ остаться. Трудъ заповѣданъ человѣку Богомъ. Забылъ ты, что сказано въ Святомъ Писаніи: «Въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой». Отъ мала до велика каждый трудиться долженъ. Этимъ и свѣтъ стоитъ. А тебѣ-то Тарасъ и трудъ не тяжелый; есть съ кѣмъ отдохнуть и слово перемолвить. Богъ благословилъ тебя и хозяйствомъ и семействомъ. Мать старушка въ тебѣ только и душу видитъ, и вскормила тебя, и наградила и глазъ съ тебя не спущаетъ. Хозяйка твоя примѣрная можно сказать, ребята соскучиться не дадутъ. Или ты понять не хочешь, что лучшаго тебѣ, въ званіи твоемъ, и желать нельзя. Иной и въ городѣ и съ каменнымъ домомъ, а бѣднѣе тебя, потому что терпитъ, по своему, недостатокъ, а у тебя, слава Богу, еще во всемъ излишекъ. Берегись Тарасъ нечистой силы. Погубитъ она тебя.

Но Тарасъ — слабая голова. Насмуренъ сталъ. Ходитъ себѣ ходенемъ. Свѣтъ постылъ.... Нищій да и только. И того нѣтъ, и другаго бы надобно. А объ томъ, что есть ни полъ-слова, и въ поминѣ нѣтъ, и спасибо не скажетъ. Точно ужъ быть такъ должно. Одно только лезетъ ему въ голову: какъ бы разбогатѣть ему, и съ друзьями шпромыжниками гулять безъ отдыха. Вотъ и задумалъ онъ мало по малу всякое нечестивое, а нечистая сила нашептываетъ ему: «брось совѣсть, не бойся грѣха. Послушай меня.... Будешь самъ бариномъ.... Послушай меня!»

И послушалъ Тарасъ и вотъ какъ было дѣло.

Однажды въ осеннее время, вечерня ужъ отошла; Тарасъ сидѣлъ себѣ въ избѣ облокотившись на подоконникѣ и закру-

чинился. Хозяйка его съ позаранку отправилась верстъ за 18 въ село, откуда была взята, къ роднымъ и дѣтей съ собой повела. Былъ тамъ храмовой праздникъ. Ушла сутокъ на трое, хоть скрѣпя сердце, какъ бы чуя, что не передъ добромъ. Хозяйство передала она тещѣ и отправилась благословяся. Нельзя же родныхъ не навѣстить и не утѣшить. Никакъ седьмой годъ не видались.

Отправилась хозяйка. Старушка хлопочетъ себѣ, суетится, да потихоньку шепчетъ молитву. Сказать надобно правду, Тарасъ былъ сынъ почтительный, старуху почиталъ и уважалъ, и заповѣдь Божью помнилъ. Она бы и могла родительскимъ приказомъ удержать его отъ непохвальныхъ дѣлъ.... да года-то ея подошли такіе, да и любила-то она единственное свое дѣтище слишкомъ ужъ больно, такъ что на иное глядѣла она сквозь пальцы, а другаго невидала вовсе.

Сидитъ Тарасъ на лавкѣ и крѣпко осерчалъ. Дома нѣтъ грота. Все ушло на угощеніе. Все пропито веселымъ народомъ. «Эхъ! думаетъ Тарасъ, доля моя горькая. Терпи себѣ нужду. Вотъ только что разгулялся, а тутъ и казны не хватило. Нѣтъ ужъ была не была.... не даромъ научили меня пріятели какъ разбогатѣть можно.... Возьму грѣхъ на душу, а ужъ этакъ маяться не буду.... И не вѣсть что передумалъ Тарасъ. Страшно вымолвить. Думалъ себѣ до самой ночи.... какъ вдругъ кто-то брякнулъ въ ворота.

Эва! никакъ звѣрь на ловца бѣжитъ, подумалъ Тарасъ, да и вышелъ за ворота поглядѣть.

Видитъ — у воротъ стоитъ кибитка парой, а изъ кибитки вылѣзаетъ дюжій Ржевскій купчина, который уже не одинъ разъ ночевалъ у него на перепутьѣ, по дорогѣ на ярмарку.

— Никакъ, Вавила Андреичъ, спросилъ Тарасъ.

— Небось узналъ старый знакомый, отвѣчалъ смѣясь пріѣзжій.... Вавила Андреичъ и есть.... Весь на лицо.... Видишь, ужъ не проѣду мимо, не обижу стараго пріятеля.... Такъ прямо къ тебѣ и заворачиваю.... Да что ты глаза вытаращилъ? Гостей на порогѣ не оставляютъ. — Можно въ свѣтелку?

— Можно....

— Съ нашимъ удовольствіемъ.... Знатное дѣло, кости маленько порасправить и чайку напиться. Дорогой разтрясло таки порядкомъ. Ну, все ли тебя Богъ милуетъ?

— По старому.

— Хорошее дѣло. Хозяйка дома?...

— Нѣтъ. — Къ роднымъ ушла.

— Сожалительно. Просимъ поклонъ отдать отъ васъ.

Старушка, завидѣвъ гостя, бросилась къ самовару, раздула уголья, развела кипятокъ, а потомъ накрыла столъ скатерью, приготовила чай и поклонившись просила кушать на здоровье.

Гость снялъ шапку, перекрестился передъ образами и на-

чалъ распоясываться. Изъ за пазухи вынулъ онъ толстый бумажникъ и положилъ подлѣ шапки на столъ.

У Тараса глаза разгорѣлись. Бумажникъ такъ и тянетъ къ себѣ. Вотъ такъ бы и схватилъ его.... а нечистая сила шепчетъ на ухо: «не пропусти случая.... вотъ оно и богатство передъ тобой. Стоитъ только руку протянуть».

Купецъ принялся попивать чаекъ и прикрякивать.

— Чтожъ Тарасъ! не хочешь ты выпить со мною парочку?...

— Нѣтъ спасибо.

— Э, братъ, полно.... Знатный чаекъ.... Такого чая и на ярмаркѣ не во всякой харчевнѣ найдешь.

— Вы съ ярмарки? спросилъ Тарасъ.

— Съ ярмарки, братъ. Вчера только и дѣла порѣшили и расчеты покончили.

— Ладно, что ли?...

— Да ужъ что говорить неправду..., Грѣхъ по напрасну на душу брать.... Знатно покончили.... То есть ненадобно лучше.... Вишъ какъ его раздуло, — продолжалъ смѣясь купецъ и показаль на бумажникъ.

— Тысяча будетъ....

— Вотъ плевое дѣло.... Да изъ этой дряни я и рукъ бы марать не сталъ.... Подымай выше. Хочешь подарю?...

Тарасъ поблѣднѣлъ.

— Ненадобно.

— Вотъ ужъ и ненадобно.... Ужъ взялъ бы. Полно притво-

ряться.... Вѣдь братъ, деньга великое дѣло... Съ деньгой все достать можно.... что только затѣялъ, всего будетъ вдоволь.... Да что это съ тобой? Нездоровъ, что ли? Угорѣлъ видно.

— Угорѣлъ.

— Выпей чего нибудь.... Ну да полно тарабарить.... Дорожному человѣку пора и отдохнуть маленько... Ты гдѣ спишъ?

Въ сѣняхъ....

— А старуха твоя?

— Матушка спитъ въ чуланѣ, за перегородкой.

— Такъ на полатяхъ можно будетъ, примѣромъ сказать, хоть бы и мнѣ расположиться...

— Просимъ покорно.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Мѣсто знатное, тепленькое... Какъ разъ выправишь суставчики.

Веселый гость взлѣзъ на полати, подложилъ себѣ подъ головы бумажникъ, и шубу, а потомъ помолившись, пожелалъ хозяевамъ доброй ночи и растянулся на войлокѣ. Старушка прибравъ посуду, прибравъ все къ мѣсту, помолилась тоже Богу, а потомъ кряхтя и кашляя, съ молитвою уложилась на свою скамью.

Тарасъ выбѣжалъ въ сѣни, а изъ сѣней на порядокъ, и долго бѣгалъ по порядку, словно пьяный какой. На дворѣ была ночь. Звѣздочки весело играли на небѣ. Вѣтерокъ качалъ рябины. На селѣ все спало мертвымъ сномъ. Все было спокойно въ Божьемъ мірѣ. Въ душѣ Тараса только не было покоя. На Тараса находила кровавая хмѣль. Тараса терзала нечистая сила. «Чтожъ? говорила она ему на ухо. Смѣется онъ надъ тобою, что подаритъ. Да ты и самъ взять можешь. Руки у тебя на что? Взялъ, отнялъ, шею свернулъ, ножемъ пырнулъ.... да и вся недолга.... Ну и запряталъ куда нибудь. Человѣкъ проѣзжій... Пріѣхалъ ночью... Никто и не видалъ его... Кто станетъ отыскивать... А тамъ забралъ денежки, да только и знай, что щи хлѣбать, да пирогами закусывать, да съ друзьями гулять. Жену одѣнешь въ парчу, — старухѣ подаришь бархатный полушубокъ... Ребятишки и въ будни будутъ ходитъ у тебя въ красныхъ сапогахъ... А самъ — баринъ, — баринъ да и только».

Часа два бѣгалъ Тарасъ по селу. И хочется и колется.... Грѣхъ тяжкій, да ужъ семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ... Согрѣшу разъ, говоритъ, такъ и быть, а тамъ ужъ стану хорошимъ человѣкомъ.

Вдругъ онъ рѣшился и побѣжалъ домой.

А покамѣсть купцу не спалось съ дороги на теплой лежанкѣ. Зѣвалъ онъ себѣ, зѣвалъ, поворачивался, потягивался... Не спится да и только... Старуха начала кашлять.

— Эй, тетка? спросилъ купецъ.

— Что родимый?

— Никакъ больно истопили съ вечера.

— Топили родимый... Тѣсто готовили къ завтрему. Видно паритъ слишкомъ?

— Не то бѣда! Паръ костей не ломитъ. Да вотъ съ дороги, не спится, хоть тресни. Ужъ не черезъ чуръ ли горячо въ самомъ дѣлѣ.

— Да что родимый, спросила старуха, не хочешь ли на мое мѣстечко? Посвѣжѣе будетъ.... А мнѣ на старость такъ лишнее тепло не помѣшаетъ.

— И то дѣло, сказалъ купецъ, и взявъ шубу и бумажникъ, ощупью пробрался на мѣсто старухи, а старуха взлѣзла на полати... Потомъ оба немного помаялись и благополучно себѣ заснули.

Вотъ въ полночь ворота скрыпнули. Идетъ Тарасъ блѣдный и весь трясется... Вотъ остановился онъ въ сѣняхъ и чего-то ищетъ. Шаритъ въ углу... шаритъ... наконецъ нашелъ... У Тараса въ рукѣ топоръ... Идетъ къ дверямъ... Берегись Тарасъ! Еще шагъ, будешь убійца... Тарасъ остановился... Вспомнилъ жену, дѣтей... какъ станетъ онъ глядѣть на нихъ?.. Стыдно стало... вздумалъ назадъ бѣжать, а нечистая сила шепчетъ: «эва трусъ какой. На словахъ только храбрится умѣешь, а придетъ дѣло, и на попятный. Дрянь, а не человѣкъ». Тарасъ подошелъ къ двери. Ну дѣло рѣшено. Въ покоѣ зги Божьей не видно. Никто не пошевелился. Слышно, спятъ. Тарасъ взлѣзъ на прилавокъ и прямо къ полатямъ... Вотъ наткнулся на человѣка... Берегись Тарасъ!.. а нечистая сила шепчетъ себѣ: «ну не плошай теперь... Покажи себя. Полно таскаться нищимъ. Будешь богатъ и народъ станетъ тебѣ завидовать, да въ поясъ кланяться». Одурѣлъ Тарасъ, схватилъ топоръ обѣими руками, да и размахнулся со всѣхъ силъ. Слышитъ, подъ нимъ застонало, захрипѣло, и умолкло. Топоръ вошелъ во что-то мягкое и остановился въ доскѣ. Горячая струя крови брызнула прямо въ лице. Да Тарасу не до этого... Онъ ищетъ бумажника... ищетъ... щупаетъ... Странное, диковинное дѣло!.. Подъ пальцами не чувствуетъ онъ ни суконнаго кафтана, ни шубы, подъ пальцами чувствуетъ онъ кумачный сарафанъ. Это что такое? Нѣтъ! Быть не можетъ. Вдругъ возопилъ онъ страшнымъ голосомъ, но такимъ ужаснымъ и пронзительнымъ, что на другомъ концѣ селенія вѣрно было слышно.

Купецъ вскочилъ въ чуланѣ и спрашиваетъ съ просонья:

— Что случилось?

Нѣтъ отвѣта.

Купецъ выбѣжалъ въ сѣни, отыскалъ лучину, высѣкъ огня и снова бѣжитъ въ покои.

Вотъ что онъ увидѣлъ:

На полатяхъ лежала мертвая старуха съ разрубленнымъ черепомъ. Передъ ней блѣдный, какъ полотно, стоялъ на колѣ-

ныхъ Тарасъ, съ руками закинутыми за затылокъ, съ вытаращенными глазами и разинутымъ ртомъ. Ни одинъ членъ его не двигался. Словно окаменѣлъ совсѣмъ... Страшно было взглянуть на него.

Купецъ выбѣжалъ на дворъ, началъ стучать въ избы, скликать народъ. Разбудили сотскаго. Собрались крестьяне старый и малый и крестьяне вошли въ избу. Смотрятъ. Тарасъ все стоитъ на томъ же мѣстѣ. Руки закинуты за затылокъ. Глаза неподвижны. Ротъ разинутъ. Всплеснули руками православные при неслыханномъ злодѣйствѣ. А Тарасъ все стоитъ и руки не подвинулъ и глазомъ не повелъ и рта не покривилъ. Стоитъ—словно вкопанный, словно самъ мертвый. И такъ стоялъ онъ пока не наѣхалъ судъ, не надѣли на него кандалы и не отвели душегубца въ тюрьму.

Черезъ три дня съ небольшимъ, хозяйка Тараса отгостивъ у родныхъ возвращалась домой. На рукахъ несла она малаго ребенка, а старшаго вела за руку. Вотъ подходитъ она къ избѣ и хочетъ войти. Эва притча какая! Ворота заперты. Ставни заколочены. Ни души живой въ цѣломъ домѣ. Она къ сосѣдкѣ. Сосѣдка отворачивается и крестится. Она къ другой. Другая тоже. Идутъ мужики мимо нея, шепчатъ что-то, и не слушаютъ ее, словно никогда и не видали. И вотъ идетъ она къ священнику. «Надоумьте, батюшка, что это безъ меня случилось»? И священникъ сказалъ ей страшную исти-

ну. «Ступай, говоритъ, въ церковь Христову. Богъ подкрѣпитъ тебя». И пошла она горемычная къ святому алтарю, повалилась передъ святой иконой и залилась горючими слезами. Жаль было ей не мужа — преступника, ни себя безталанной, потому что вѣкъ ея коротокъ и дѣло ея рѣшенное, идти за картожникомъ въ ссылку, не оставлять же его въ бѣдѣ — жаль было бѣдныхъ сиротъ, которымъ вѣчно оставаться безъ ласки и призрѣнія. Они — дѣти убійцы!

КАКЪ ДЯДЯ ИРИНЕЙ РАЗСКАЗЫВАЛЪ О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ ЧИСТОТА И КЪ ЧЕМУ ОНА ПРИГОДНА.

—

Тому лѣтъ десятокъ знавалъ я въ сосѣдней деревнѣ Ивана Кузьмина. Славный былъ малый; такой здоровой, краснощекой: и былъ онъ, нечего сказать, человѣкъ работящій. Одна за нимъ была бѣда: бывало придетъ, окаянный въ церковь Божію, волосы на немъ всклокочены, зипунъ въ грязи, рубашка черная, черная, какъ будто сейчасъ изъ болота. Вотъ, какъ выдутъ изъ церкви, да сберутся на погостѣ о томъ о семъ покалякать, ребята, бывало, то и дѣло Ивана на зубки поднимать. «Али ты Иванъ по субботамъ въ баню не ходишь?» А онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ молъ, ребята, недосужно было». А они опять: «да чтожъ на тебѣ рубашка та черная», а онъ въ отвѣтъ: «говорятъ вамъ недосужно было, родимые».

Вишь ты недосужно ему было. Да и все ему было недосужно. За обѣдъ бывало сядетъ — рукъ не вымоетъ, встанетъ поутру — гною изъ глазъ не вытретъ; а въ домѣ-то у него грязи на полу на цѣлую четверть, словно кисель; а въ избѣ-то свиньи, и телята и творятъ подъ столомъ всякую пакость; а на немъ-то самомъ вши такъ верениццею и ползаютъ. Осудитъ кто, хотъ бы иногда и я грѣшной, а Иванъ въ отвѣтъ: «и такъ живетъ, дядюшка, наше дѣло крестьянское». Все «живетъ, да живетъ» тѣмъ бывало и отбоярится. Но вѣстимо дѣло не все то въ животъ, что *живетъ;* и съ Иваномъ эта присловица въ очью совершилася.

Досталась Ивану по наслѣдству отъ покойной тетки корова, славная корова, вся бурая съ бѣлой звѣздой на лбу. Вымяще такъ и раздалось въ обѣ стороны. Отъ нея у Ивана и молоко и масло. Лѣтомъ-то она бродила по полю, и не что ей; но пришла осень. Иванъ поставилъ корову въ хлѣвокъ; да нѣтъ чтобы ей подъ ноги соломы подбросить или навозъ изъ подъ нея отгрести; стояла она сердечная въ жижѣ по колѣна. «И такъ живетъ»! толковалъ Иванъ «что ей сдѣлается». Такъ онъ толковалъ, да не такъ вышло. Однажды пришелъ онъ посмотрѣть на коровку, а коровка лежитъ плашмя, онъ подымать — она не встаетъ; смотритъ: у ней сердечной ноги загнили. Дни два помаялась, да и околѣла. А корова была славная, рублей въ пятьдесятъ серебромъ — ни больше, ни меньше. Завылъ мой Иванъ. За одной бѣдой — другая; отъ

нечистоты сдѣлалась у Ивана на рукахъ короста, а по всему тѣлу чирья. Зудъ страшный. Съ тѣла спалъ, сдѣлался такой блѣдный, какъ смерть; что въ руки возьметъ, такъ изъ рукъ кровь и течетъ. «Что съ тобой»? спросилъ я его, встрѣтивъ однажды. «Божій гнѣвъ» отвѣчалъ онъ мнѣ сквозь слезы. «Правда! сказалъ я ему, Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ, которые не любятъ себя въ чистотѣ держать. Какъ бы ты корову чисто держалъ, такъ бы корова не околѣла; а какъ бы ты почаще въ баню ходилъ, да чистую рубашку надѣвалъ, тобы у тебя коросты не было». Но Ивану мои слова были какъ къ стѣнѣ горохъ. Не вѣрилъ онъ мнѣ, что чистотою здоровье у человѣка и у скота держится. Взяли Ивана въ больницу, лечили, вылечили, свели и коросту и чирья; вымыли, вычесали, бѣлую рубаху надѣли и выпустили, и приговаривая: «въ другоредь Иванъ будь умнѣе». Но что же случилось? Сбирали работниковъ на сосѣдній красильный заводъ; плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, извѣстно дѣло, на заводахъ бываетъ всякая пакость, иногда и ядовитая. Уже не знаю, что тамъ такое Ивану дали мѣшать, онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну убирать его со всѣмъ что на хлѣбъ отъ рукъ-то прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ, туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь окончилась.

Такъ-то разсказывалъ дядя Ириней и потомъ прибавилъ:

«Это тебѣ урокъ и поученье. На чистоту времени не много идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши умойся, да Богу помолися; грѣхъ немытому, нечесаному молиться Богу; садясь за столъ руки умой, да не то, что всплесни ихъ водицей, а таки порядочно въ водѣ потри, а хорошо бы и съ мыльцемъ, а не то съ золою изъ печки. По субботамъ въ баню ходи, да чистую рубашку надѣнь, а если можешь, то и въ другоредь, безъ бани, на недѣлѣ рубашку перемѣни. Отъ того будешь чистъ; а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ пріятенъ и Богу угоденъ.

ОТЪ ЧЕГО КРЕСТЬЯНИНЪ ДЕМЬЯНЪ СЕБѢ НОГИ ОЗНОБИЛЪ И НА ВѢКЪ КАЛЕКОЙ ПОШЕЛЪ.

—

Что, кажись, за бѣда чарку вина выпить? — Почему и не выпить? Оно, разумѣется не бѣда; а вотъ что бѣда: выпилъ

чарку, — такъ отъ чего не выпить другую? и это не бѣда — почему и не выпить? а выпитъ двѣ — третьей захотѣлось, вотъ тутъ и началася бѣда; ужъ какъ три выпилъ, такъ лукавый и шепчетъ въ уши: «вѣдь изба-то о четырехъ углахъ»! — послушался лукаваго, выпилъ четвертую; тутъ ужъ на руку такъ и смотришь, да пальцы считаешь, а лукавой-то надуваетъ въ уши, что де «пять пальцевъ на рукѣ» — какъ не выпить пятую? выпилъ пятую — думаешь «ужъ куда не шла — полдюжинкой закончить»! вотъ дошелъ до полдюжинки, — начинаетъ мерещиться, что семь дней въ недѣлѣ и что ихъ непремѣнно надобно почествовать, а межъ тѣмъ человѣкъ ужъ и разумъ потерялъ, самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, совсѣмъ въ рукахъ у лукаваго, а тотъ его только на вино натыкаетъ.

Вотъ, смотришь — вошелъ въ кабакъ человѣкъ богатый, а вышелъ изъ кабака нищій, все пропилъ, что на годъ бы ему и съ семьею достало; и въ грязи словно скотина валяется, и сквернословитъ, и дерется самъ не зная за что, — а тамъ смотришь смертный грѣхъ совершилъ, душу загубилъ, домъ поджегъ, въ судъ требуютъ, допрашиваютъ «что и какъ»? — а человѣкъ самъ не знаетъ, только и твердитъ: «да хмѣленъ былъ, государи мои, самъ себя не помнилъ». А судъ отвѣчаетъ: «когда еще ты не былъ хмѣленъ, такъ помнилъ себя; а если помнилъ такъ зналъ какая бѣда отъ хмѣля бываетъ, и что отъ хмѣля память теряютъ и всякія злыя дѣла совершаютъ; такъ хмѣль тебѣ не въ оправу, а въ судъ; а коли съ хмѣлемъ спознался, такъ ступай теперь куда воронъ костей не заносилъ; и тебѣ впередъ наука, и другимъ чтобы не повадно было».

Вотъ и погибъ молодецъ безданно, безпошлинно, а съ чего началось? кажись съ бездѣлицы съ чарки вина. Вотъ отъ того и въ Священномъ Писаніи сказано: «не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ».

Да если Богъ и спасетъ за молитвы родителей отъ грѣха смертнаго, — такъ человѣкъ въ хмѣлю, того и смотри, что надъ собою бѣду совершитъ.

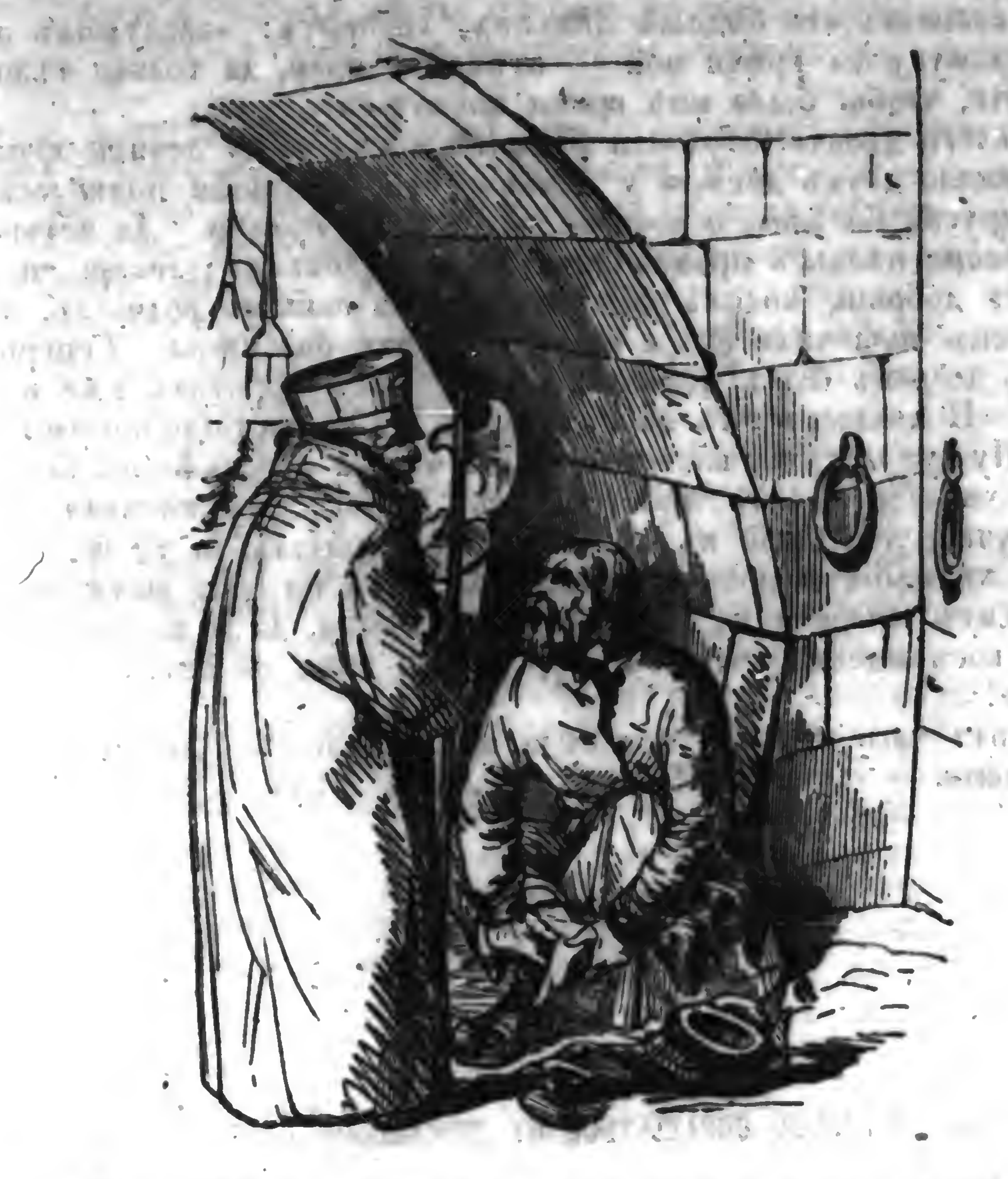
Знавали ли вы крестьянина Демьяна, вотъ что калекой теперь таскается, да мірскимъ подаяніемъ питается? Я его знавалъ въ старые годы, что за дюжій парень былъ? здоровый, кровь съ молокомъ, — да и разумный былъ, работникъ добрый, смышленый. Остался онъ послѣ отца сиротою, но ужъ на возрастѣ; ума не потерялъ, — ну хозяйствомъ заправлять, деньгу зашибъ, невѣсту сыскалъ, дѣвку славную, чернобровую, — ужъ и къ свадьбѣ дѣло шло; вотъ нужда случилась Демьяну въ городъ, лишній овесъ продать, да еще отцовскій долгъ съ купца получить. Дѣло было зимнее, навалилъ Демьянъ розвальни и пустился въ путь — дорогу. Пріѣхалъ онъ въ городъ, все ему посчастливилось: на овесъ стояли цѣны высокія, — продалъ онъ овесъ въ тридорога — отъ купца

деньги получилъ, да еще и съ ростомъ, и набралось у Демьяна денегъ до 800 рублей. Вотъ оставилъ онъ лошадь у знакомаго артельщика, гдѣ всегда ночевывалъ, а самъ пошелъ по городу товаровъ посмотрѣть; идетъ дорогой, да и смѣкаетъ: на столько-то сѣмянъ куплю, да того-сего къ свадьбѣ и по хозяйству, на столько-то невѣстѣ сарафанъ куплю, да красную ленту, да платокъ, да ожерелье; а тутъ и сталъ Демьянъ — все денегъ много лишнихъ остается; вотъ стоитъ онъ и думаетъ: «чего бы еще мнѣ такаго нужно было купить»? А тутъ лукавый подвернулъ къ нему старыхъ пріятелей. «Что» говорятъ «Демьянъ, на радости, да на прибыли, не грѣхъ бы и насъ почествовать, по чаркѣ вина поднести»! Не любилъ кабака Демьянъ, не по сердцу онъ ему былъ, и помялся было маленько; да пріятели зубоскалятъ: «Что, говорятъ, скляжничать-то; денегъ что ли жаль, или дожидаешься когда больше будетъ. Э-вона»!

Нечего дѣлать, — Демьянъ заглянулъ въ питейный; а тѣмъ часомъ тутъ на рыляхъ играли, Демьянъ и уши развѣсилъ. Вотъ онъ товарищамъ поднесъ и самъ выпилъ, и закусилъ студнемъ; поѣли весельчаки, еще винца хватили; ну думаетъ Демьянъ - ужъ одинъ-то разъ отъ чего не потѣшится, холостую жизнь почествовать; товарищи-то подзадориваютъ, а Демьянъ-то ихъ подчиваетъ, да и себя не забываетъ; и наконецъ что ужъ тутъ такое пошло, — Демьянъ и разсказать не могъ. Уже поздно, къ ночи, Демьяну пришло на память, что надобно до артели добраться; пошелъ онъ по улицамъ; морозъ-то былъ трескучій, индо духъ захватывало, а Демьянъ идетъ себѣ, шапка на бекренѣ, изъ стороны въ сторону пошатывается. Вотъ мерещится ему, что онъ въ артель пришелъ, взлезъ на полати отогрѣться, и ну съ ногъ сапоги, да онучи снимать; и заснулъ онъ сладко, сладко; только вдругъ такъ у него въ ногахъ стало ломить, что индо очнулся, и хмѣль сбило; смотритъ кругомъ, самъ не знаетъ гдѣ онъ; только чуетъ, что ноги смерть болятъ и съ мѣста пошевельнуться не можетъ.

Ну слушайте жь, что съ нимъ случилось. На ту пору я въѣзжалъ въ городъ; было уже далеко за полночь и ночь была лунная; вотъ поровнялся я съ мостомъ, слышу стонъ и крикъ: «батюшки спасите, помогите — умираю». Я выскочилъ изъ повозки; вижу, бѣгутъ и полицейскіе на крикъ; я за ними; долго не могли догадаться откуда; наконецъ пришли подъ мостъ; видимъ, сидитъ подъ мостомъ мужикъ съ босыми ногами, и ноги-то у него бѣлыя, бѣлыя, словно кочерыжка — совсѣмъ замерзли. Я глядь ему въ лицо — анъ смотрю — Демьянъ, знакомый. «Что съ тобою — Демьянъ? какъ ты очутился»? спрашиваю я. — «Ахъ батюшка, говоритъ Демьянъ, и самъ не знаю; казалось мнѣ, что я въ артель на полати пришелъ, да потому и сталъ разуваться, а съ хмѣля-то,

я видно, не разобравъ, что вмѣсто артели, — окаянный, — подъ мостъ зашелъ; такъ меня отуманило!

Вотъ между тѣмъ ну мы ему руки и ноги снѣгомъ оттирать; а Демьянъ толкуетъ сквозь слезы: «ахти, батюшки, не токмо что ноги, да и денегъ рублей 800 потерялъ...» да съ тѣми словами такъ безъ памяти и покатился; тѣмъ часомъ лекарь пришелъ, подняли мы Демьяна на рукахъ и отнесли въ больницу; тутъ снова его и снѣгомъ и суконками терли и другія средства употребляли, до самаго утра съ нимъ провозились. Вотъ я спрашиваю у лекаря: «что съ нимъ будетъ»? А лекарь покачалъ головою: «Плохо говоритъ, очень плохо! Еще руки то можетъ спасемъ, а ноги совсѣмъ отморожены, того и смотри, что гнить начнутъ».

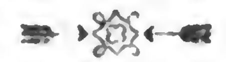
На другой день сдѣлалась у Демьяна огневица, и боль въ ногахъ страшная, такъ что голоса отъ голоса не отводилъ, индо жутко въ чужѣ становилось. Я опять къ лекарю: «что съ нимъ будетъ»? — Плохо говоритъ лекарь — ужъ ноги начали гнить; если такъ оставить, то и Богу душу отдастъ. Одно средство

ему живымъ остаться — ноги отрѣзать, а не отрѣзать гниль такъ пойдетъ все подыматься и тогда уже ни чемъ не поможешь.

Услышалъ это бѣдный Демьянъ, говоритъ: «заслужилъ я такую муку за грѣхи мои — отнимите ноги, да только тѣло спасите, чтобы было мнѣ время покаяться».

Нечего дѣлать! отрѣзали бѣднягѣ ноги; — ну лечить его; не прошло двухъ дней, а у Демьяна сверхъознобы появилась еще другая болѣзнь, о которой и говорить срамно. Да четыре мѣсяца цѣлыхъ промаячился бѣдный Демьянъ; лекарь, человѣкъ добрый, ходилъ за нимъ какъ за сыномъ роднымъ, и наконецъ вылечилъ его и выпустилъ изъ больницы. Теперь всѣмъ здоровъ былъ Демьянъ, только ногъ воротить уже не могъ. И ползаетъ онъ на колѣнкахъ, да на костыли опирается. Ну ужъ тутъ извѣстно дѣло: что за крестьянинъ безъ ногъ! хозяйство его разстроилось, работа ему никакая не сподручна, что было въ домишкѣ пораспродалъ, и то не надолго хватило; а потомъ пошелъ Демьянъ по міру шататься; попроситъ милостинн, ради Христова имени, да и заплачетъ, какъ воспомянетъ, что въ стары годы самъ милостиню подавалъ!

А отъ чего Демьяну вся бѣда приключилась?—Кажись отъ бездѣлицы — отъ вина. Посмѣкни-ка объ этомъ.

КАКЪ НАДОБНО ОБРАЩАТЬСЯ СЪ ДОМАШНЕЮ СКОТИНОЮ.

—

Кто хорошо ходитъ за скотомъ у того и скотина ведется; у кого скотина хороша, у того навоза много; а отъ того что навоза много, поля хорошо удобрены; а отъ того что поля хорошо удобрены, хлѣбъ хорошо родится и скотину есть чѣмъ кормить. Такъ все одно другому помогаетъ.

А еще и то надобно сказать, что основа всякому хозяйству мѣра, да счетъ. И много добра достанется, да не будешь знать ему мѣры и счета, сплыветъ со двора, словно вода.

Вотъ примѣромъ сказать и о скотѣ: всякъ хлопочетъ, чтобы побольше было и лошадей и коровъ и овецъ, а не всякъ расчитываетъ, будетъ ли чѣмъ кормить ихъ зимою. А есть много и такихъ изъ нашей братьи, что съ осени продаютъ сѣно и солому, и не думаютъ, будетъ ли что для своей скоти-

ны; а тамъ, смотришь, зимою станетъ голодать своя скотина, и ну таскать гнилую солому съ крышъ. А есть и такіе, у которыхъ и соломы много, да безъ расчета валятъ ее съ осени въ подстилку подъ ноги скотинѣ, а, глядишь, къ веснѣ и ѣсть нечего.

А ты помни пословицу, что *запасливый лучше богатаго*, да запасай къ зимѣ и сѣно и солому, и запасай съ расчетомъ. А расчетъ вотъ какой: чтобъ была скотина сыта и здорова, и чтобъ не надобно было къ веснѣ подымать ее за хвостъ, да палкой, надобно давать каждой рабочей лошади 20 фунтовъ хорошаго сѣна, да и хлѣбца сколько нибудь, потому что «безхлѣбная лошадь на кнутѣ ѣдетъ». На крестьянскую корову надобно считать въ день 12 фунтовъ сѣна; а для овцы 3 фунта. Однако и тутъ не думай отъ такого корма получить много добра. Такой расчетъ годится только на то, чтобы скотинка была жива да здорова. А коли хочешь покорыстоваться молочкомъ да шерстью, то къ сказанному надобно еще прибавить хорошаго корма, и чѣмъ больше прибавишь корма, тѣмъ сытнѣе и доходнѣе будетъ твоя скотина.

Знай же, что когда дашь солому въ перемежку съ сѣномъ, то соломы надобно давать больше; толковые хозяева знаютъ, что 1 фунтъ хорошаго сѣна, все тоже, что 3 фунта яровой или 4 фунта ржаной соломы. А 1 фунтъ овса или ячменя, все тоже, что 2 фунта сѣна, или 6 фунтовъ яровой соломы, или 8 фунтовъ ржаной. Но тутъ опять же не думай, что одною соломою хорошо пробавлять скотину. Самъ ты знаешь, что въ голодный годъ, когда въ хлѣбъ мѣшаютъ лебеду, и много хлѣба съѣшь, а едва ноги таскаешь; а это отъ того, что въ такомъ кормѣ мало силы. Тожъ разумѣй и о скотинѣ. Конь дороже корма.

Вотъ этого-то расчета держись, да и смѣкай, на сколько головъ и на сколько времени хватитъ корма. Ту скотину, которая слаба, лучше продать съ осени, чтобъ попусту не тратить для нея корма. Есть такіе хозяева, которые думаютъ, что чѣмъ больше скота во дворѣ, тѣмъ больше будетъ навоза. А на дѣлѣ выходитъ, что вся сила въ кормѣ: и меньше скота, да лучше будешь кормить и холить его, добудешь больше навоза; а и много будетъ у тебя животовъ, да плохо будешь кормить — получишь навоза меньше; не даромъ говорится: «кормятъ быка, чтобъ кожа была гладка». Мало у тебя соломы, насбирай съ осени для подстилки листа въ лѣсахъ, бурьяна всякаго, осоки, боровишника, а не то хвои: все пойдетъ въ прокъ, перемѣшается съ навозомъ, и весною вывезешь на поля; не надобно только лѣниться.

Да надобно знать и то, что скотъ любитъ холю и защиту зимою отъ холода и невзгоды; а для того надобно, чтобъ скотный дворъ былъ у тебя въ порядкѣ, чтобъ скотину вѣтромъ не продувало, чтобъ морозомъ не охватыва-

ло, чтобъ вода не текла сквозь крышу, да и чтобъ скотина не стояла по колѣна въ грязи. И потому стѣны скотнаго двора дѣлай плотныя, на мху; а коли есть гдѣ камень, то еще лучше сдѣлай стѣны каменныя. Не хорошо, когда скотный дворъ будетъ въ ямѣ; иные толкуютъ, что когда скотный дворъ въ ямѣ, то не теряется скотская моча и вся навозная жижа; а того имъ не въ домекъ, что скотъ будетъ стоять по колѣна въ грязи и въ мокротѣ, и отъ того дѣлаются у него всякія болѣзни. А ты сдѣлай скотный дворъ повыше, да прокапай въ удобныхъ мѣстахъ канавки, да въ концѣ канавъ, за стѣною двора, сдѣлай яму, да накрой яму бревнами, или досками, чтобъ въ нее не свалился, случаемъ, человѣкъ или скотина. Канавой будетъ стекать вся жижа изъ навоза въ яму; а изъ ямы эту жижу можешь вывозить въ бочкѣ, да разливать на поля или на луга. Объ томъ ужъ толковать не надобно, что навозная жижа для хлѣба или для травы тожъ, что и навозъ. Но не торопись слишкомъ вывозить навозную жижу на поле или на лугъ; дай ей хорошенько въ ямѣ прокиснуть, перебродить. А если на полосу вывезешь свѣжую жижу, то она вызжетъ траву: ты, чай, видѣлъ это зачастую на тѣхъ мѣстахъ, куда попала свѣжая скотская моча.

Знай также, что изъ одного сухаго корма въ навозѣ жижи не будетъ. Не будетъ навозъ сочепъ и тогда, когда въ подстилкѣ ты мѣры не знаешь. А настоящая мѣра подстилки та, чтобы сколько есть скотскаго помета, столько было бы и подстилки. Такой навозъ есть самый лучшій для удобренія.

Провести и заслать канавы на скотномъ дворѣ, да вырыть яму—дѣло вовсе не хитрое; всякъ то можетъ сдѣлать, было бы только хотѣнье. Вотъ, когда ты такъ сдѣлаешь скотный дворъ, такъ у тебя и скотинѣ будетъ стоять сухо и здорово, и удобреніе не пропадетъ. У многихъ крестьянъ дворы построены на косогорахъ, и навозная жижа течетъ изъ нихъ и пропадаетъ задаромъ, а отъ чего? просто отъ того, что лѣнь вокругъ двора вырыть канаву, и въ концѣ канавы яму.

Знай также, что никакой скотинѣ мокрота не дѣлаетъ столько вреда, какъ овцамъ.

У плохаго хозяина всѣ животы стоятъ вмѣстѣ; а ты старайся, чтобы у тебя лошади стояли особо, коровы особо, и овцы сами по себѣ.

Да мало того: рабочихъ лошадей поставь особо; а кобылъ, которыхъ держишь на племя, а также жеребятъ и отнятыхъ сосуновъ, однолѣтковъ и двулѣтковъ, поставь въ особые просторные денники.

Корма зимою надобно задавать столько, чтобъ лошади не худѣли и не жирѣли, стало быть надобно задавать поровну каждый день. какъ съ осени, такъ зимою и къ веснѣ.

Жеребятамъ, которые растутъ и слагаются, надобно давать самый лучшій и отборный кормъ. Коли есть у тебя приплод-

ный жеребецъ, то его надобно кормить овсомъ и сѣномъ, а проминать его надобно каждодневно. Гулевымъ лошадямъ можно, въ подспорье сѣну, давать мѣшанину изъ яровой соломы съ посыпкою размолотаго хлѣба.

Наша братья, крестьяне, не держатъ зимою на привязи рогатаго скота, а пускаютъ его шататься по всему двору; солому кидаютъ ему подъ ноги, или въ низкія корыта; молодой скотъ и дойныхъ коровъ пускаютъ въ жилыя избы и кормятъ теплымъ кормомъ. Все это не совсѣмъ ладно.

Пускать скотъ въ жилую избу, больше вреда, чѣмъ пользы: и самому хозяину не чисто и нездорово, да и скотинѣ рѣдко въ прокъ; потому, что когда скотину изъ теплой избы выгонишь на холодный дворъ, или въ дырявый сарай, такъ она пуще зябнетъ, словно человѣкъ, что изъ бани бросается въ снѣгъ: два раза пройдетъ, а въ третій такъ скорчитъ, что и поминай какъ звали. Такъ и скотина, выходя изъ душной избы на морозъ, простужается; у ней дѣлается боль въ легкихъ и въ печенкѣ, она чахнетъ и издыхаетъ.

А иной тутъ и скажетъ: какъ же корову или теленка кормить на дворѣ, когда вода мерзнетъ?—На дворѣ или въ такомъ хлѣву, что хуже порядочнаго двора, вода мерзнетъ; а когда у тебя выстроенъ хорошо скотный дворъ и хлѣвы, то тепло будетъ въ нихъ держаться отъ скотины; а для телятъ отгороди особый телятникъ, чтобъ былъ теплѣе еще чѣмъ хлѣвъ.

А что скоту не хорошо бродить по двору, и лучше держать его на привязи, такъ это вотъ почему: когда скотъ бродитъ по двору, то коровы бодаютъ одна другую, и отнимаютъ кормъ: сильныя и бойкія наѣдятся, а слабыя и смирныя терпятъ обиду и голодъ; да и корма сходитъ много по напрасну, потому что скотина больше его топчетъ, чѣмъ ѣстъ.

Когда же скотъ стоитъ на привязи у кормовыхъ корытъ, то кормъ изводится безъ утраты, и каждая скотина бываетъ сыта.

Овцы не любятъ корма мокраго и пареннаго; ихъ надобно кормить сѣномъ и класть его въ ясли; а ясли надобно дѣлать съ узкими рѣшетинами, такъ чтобы онѣ пропускали однѣ морды овецъ, и чтобы овцы могли щипать сѣно, и не рылись бы въ немъ. А внизу рѣшетинъ, надобно чтобъ были досчатыя ясли, чтобы въ нихъ валилась труха и мелкое сѣно: ихъ послѣ можно отдавать рогатому скоту.

Овцамъ можно давать хлѣбъ въ зернѣ съ соломенною рѣзкою. У кого много картофеля, тотъ можетъ давать его овцамъ. Но напередъ надобно его мелко искрошить и примѣшать побольше мелкой соломенной рѣзки; примѣрно на одинъ кузовъ мелкой соломенной рѣзки полчетверика искрошеннаго картофеля.

Не хорошо дѣлаютъ тѣ хозяева, которые задаютъ сѣно

скоту разомъ охапками; скотъ обфыркиваетъ его, роется въ немъ, растаскиваетъ, топчетъ его, и отъ того и хорошее сѣно скоту противѣетъ. Надобно задавать кормъ по немногу и почаще. Еще и то надобно помнить, что скотъ любитъ, чтобъ его кормили въ одно и тоже время каждый день.

Лѣнивые и нерасчетливые хозяева думаютъ, что когда заложилъ кормъ разъ въ день, то и все дѣло сдѣлалъ. А на повѣрку выходитъ плохо: скотъ вытаскиваетъ сѣно изъ яслей, топчетъ его; и большая часть корма попадаетъ не въ брюхо, а подъ ноги животнымъ, прямо въ навозъ. У такихъ-то неразумныхъ хозяевъ, сбывается пословица: «сказываютъ холопы, что овса полны ясли, а кони всѣ изгасли.»

Извѣстно, что человѣку нужна ѣда, а питье еще болѣе. Мы пьемъ, когда намъ пить хочется; коли мучитъ тебя жажда, коли гортань у тебя суха и горитъ, то ѣда нейдетъ на умъ. Тожъ разумѣй и о скотинѣ.

Лучшее питье для скота, есть чистая холодная вода. Гулевой скотъ надобно поить почаще, и въ одно и тоже время каждый день.

Въ деревняхъ, гдѣ есть пруды или рѣчки, дѣлаютъ на льду водопои, гоняютъ туда скотину; но этого нельзя похвалить: разъ потому, что дорога къ такимъ водопоямъ бываетъ ледяная, скотъ по ней скользитъ, падаетъ и ушибается; не хорошо и потому, что стадо кидается къ колодамъ съ жадностію, тѣснится, пугается и въ непогодь хорошо не напивается; тѣ животы, которыя побойчѣе, напиваются первыя, и тотчасъ бросаются опрометью на дворъ, а за ними поворачиваютъ туда и другія, не напившись вовсе.

Вотъ для того-то лучше поить скотъ въ хлѣвахъ или на скотныхъ дворахъ. Скотъ надобно поить почаще, и къ тому-жъ каждый день въ одно и тоже время. У животовъ, которыя ѣдятъ сухой кормъ, у рабочихъ лошадей и овецъ, можно держать воду завсегда, чтобы онѣ могли пить когда хотятъ. Лошадямъ, когда онѣ выстоятся, привѣшиваютъ у яслей большія ведра; въ овчарняхъ же дѣлаются долгія, не глубокія поильныя колоды. Воду надобно перемѣнять почаще, чтобы она не застаивалась.

Лучше всего, когда у тебя на дворѣ сдѣланъ колодезь съ насосомъ, да проведенъ жолобъ въ хлѣва. Только надобно колодезь держать чисто, чтобъ въ него не стекала навозная жижа, и не валилась всякая нечистота.

«Да это, скажешь, стоитъ дорого, и такія затѣи не нашему брату затѣвать!»—На это скажу тебѣ въ отвѣтъ: разочти хорошенько пользу—и выдетъ недорого: «хозяину въ дому и стѣны помогаютъ.» Да и то возьми въ толкъ, что по сказанному стѣнъ надобно меньше, и онѣ будутъ прочнѣе, и скотъ твой будетъ лучше,— вздумаешь продать его и тебѣ дадутъ дороже. Старики-же говорятъ не даромъ: «скотинку водить, не розиня ротъ ходить.»

Да и то еще я тебѣ скажу, что, обращаясь съ скотиною, надобно помнить слова Священнаго Писанія: «блаженъ кто и скоты милуетъ.» Скоты также твари Господни; и хоть Господь не далъ имъ души безсмертной,—но они также чувствуютъ и голодъ и холодъ и боль, стало быть чувствуютъ, что для нихъ хорошо, и что худо.—Глупо и грѣшно дѣлаютъ тѣ люди, которые бьютъ жестоко лошадь или вола, по чемъ ни попало кнутомъ, а часто коломъ или полѣномъ. Скотина тварь безсловесная, пожаловаться не можетъ; — отъ побоевъ дѣлается норовиста и зла, такъ что послѣ и подступиться нельзя.

Бываютъ такіе изъ вашей братьи крестьянъ, что лошадь кормятъ плохо, кости да кожа, — навалитъ на нее возъ, вотъ она бѣдная потянетъ версту, другую да и станетъ, — а тамъ мужикъ и ну ее хлестать по чемъ ни попало, сначала кнутомъ, а тамъ вырветъ колъ изъ плетня, да коломъ бѣдную животину! Ну, а ты самъ разсуди, виновата ли лошадь? Другой есть такой, что навалитъ возъ на хромую лошадь, лошадь бѣдная спотыкается, а онъ и стегаетъ по чемъ ни попало, да въ частую застегаетъ до смерти, да смотришь и воетъ въ кулакъ надъ нею: «послѣдняя была!» Тутъ глядишь соберутся съ двора и бабы и ребятишки да туда же давай голосить. А ктожъ виноватъ? коли у тебя всего и есть одна лошадь, такъ и надобно еще болѣе холить и беречь ее.

Бываетъ еще и хуже. Слушайте-ка я вамъ разскажу, что случилось въ Петербургѣ. Былъ крестьянинъ Пахомъ, промышлялъ онъ извозомъ и держалъ ломовыхъ лошадей. Зимою купилъ знатнаго коня,—навалитъ сажень дровъ или полдесятка кулей муки – и коню ни почемъ, коли дорога хороша. Вотъ разъ подрядился Пахомъ перевезти дрова; дѣло было уже въ концѣ великаго поста, къ веснѣ, пошла ростополь, снѣгъ начало просасывать, мѣстами голый камень; чѣмъ бы пожалѣть животъ, да наложить полсажени, нашъ Пахомъ пожадничалъ, да и лѣнь два раза съѣздить; навалилъ на бѣднаго коня цѣлую сажень. Вотъ какъ взъѣхалъ онъ на Сѣнную площадь, а тамъ ужъ одна грязь, гнѣдко сталъ. Ну, ну, ну.... лошадь бѣдная рвется, а все ни съ мѣста. Пахомъ ее кнутомъ, а все ни съ мѣста. Осерчалъ Пахомъ, озлился словно звѣрь, давай бѣднаго коня стегать по головѣ: кнутъ оборвался, онъ давай кулаками садить его по мордѣ. Вдругъ конь рванулся, поднялся

на дыбы и прямо на Пахома, давай его лягать передними ногами, схватилъ зубами за руку, у Пахома рук пополамъ!

Народъ тотчасъ сбѣжался на такую бѣду—неуймутъ разъяреннаго коня. Только вдругъ изъ толпы голосъ: «гнѣдко мой, гнѣдко!—что съ тобою сталось!» Гнѣдко вдругъ присмирѣлъ, сталъ какъ вкопаный, узналъ онъ голосъ стараго своего хозяина Ивана, который продалъ коня Пахому. Иванъ былъ добрый хозяинъ, холилъ и кормилъ гнѣдка на славу, не билъ и неувѣчилъ его, и гнѣдко вспомнилъ его.

Пахома стащили съ мѣста безъ памяти, въ крови. Пришелъ лекарь: посмотрѣлъ у Пахома рука переломлена и грудь пробита. Нечего и лечить.

Вотъ вамъ, братцы, на память какое страшное дѣло!

Добро помнитъ не только человѣкъ, но и животина. А злость тебѣ же на пагубу.

ПЛОХО ТОМУ КТО НЕ УМѢЕТЪ ЖИТЬ ВЪ СВОЕМЪ ДОМУ.

—

Въ одномъ селѣ жилъ крестьянинъ по имени Ѳедоръ; Ѳедоръ былъ человѣкъ работящій, трезвый и богобоязливый; домъ у него былъ въ порядкѣ, всего вдоволь. У Ѳедора были два сына: Иванъ и Сидоръ. Самъ Ѳедоръ грамотѣ не зналъ, а сынкамъ велѣлъ учиться у приходскаго дьячка, потому что тогда еще не было школъ въ селеніяхъ. Дѣти выучились грамотѣ, вышли ребята смышленые. Оба сына помогали отцу по хозяйству, но главный помощникъ былъ Иванъ; Сидоръ же хоть и неослушался отца, а все какъ-то неохотно работалъ въ полѣ, и во дворѣ.

И вотъ, Ѳедоръ захворалъ и больше невставалъ. Призвали священника: Ѳедоръ исповѣдался, причастился Святыхъ Таинъ, благословилъ дѣтей, и отдалъ Богу душу. Когда дѣти схоронили отца, и прошло первое горе, Сидоръ началъ говорить Ивану: «ну братъ, теперь пора подумать, какъ намъ жить да поживать?»

Какъ жить! говоритъ Иванъ, о чемъ же тутъ толковать? будемъ жить, какъ жили при отцѣ; будемъ трудиться, работать, и Богъ неоставитъ насъ; будемъ орать пашню и растворять квашню.

— «Нѣтъ братъ, говоритъ Сидоръ, мнѣ пашня надоѣла еще при отцѣ; не на то я выучился грамотѣ, чтобъ возиться съ навозомъ, ходить въ лаптяхъ, да носить сѣрмягу?»

— Не хочешь носить лаптей,—кто жъ тебѣ мѣшаетъ? носи сапоги; Господь неоставилъ насъ достаткомъ: есть на что купить и праздничный кафтанъ.

— Все такъ, да неприходится тѣми руками, что держали книжку да перо, браться за соху, да за борону?

— А чтожъ? развѣ въ книжкахъ пишутъ, что соха да борона дѣло дурное? Да за чѣмъ Начальство заводитъ, почитай во всѣхъ селеніяхъ, школы для нашей братьи, крестьянъ? вѣдь не за тѣмъ же, чтобы мы плевали на сохи и бороны? а за тѣмъ, что грамотный человѣкъ и въ крестьянствѣ не въ примѣръ пригоднѣе неграмотнаго: и молитвъ Господнихъ знаетъ больше, а коли которой не знаетъ, такъ прочитаетъ. И то, что пишется отъ Начальства грамотный лучше разумѣетъ: самъ прочтетъ и не станетъ слушать всякаго міроѣда. Да и по хозяйству грамота не помѣха. а помога; грамотный лучше и расчитаетъ, что выгоднѣе и что нѣтъ; прочитаетъ въ книжкѣ какъ что лучше сдѣлать,—да умѣетъ записать все

для памяти. Ты, чай, слышалъ, неподалеку отъ насъ завели такую школу и называютъ ее, кажись *фермою*, для нашихъ крестьянскихъ дѣтей, въ которой учатъ ихъ грамотѣ да и хозяйству; читать, писать и считать они знаютъ, а съ сохою, съ бороною, да и съ скотиною возятся отъ зари до зари, и навозомъ не брезгаютъ; тѣжъ крестьяне что и мы. Стало ихъ не на то учатъ, чтобъ они плевали на свое крестьянское житье бытье. А вотъ намедни въ нашей же волости нашему крестьянину Трифону Тимофеичу прислали медаль; а за что? за то что больше всѣхъ посѣялъ картофеля, да лучше всѣхъ хозяйничаетъ. Стало Самъ Государь Батюшка жалуетъ наше крестьянское состояніе; будь только честенъ да разуменъ, да трудолюбивъ.

Нечего было говорить Сидору на такія умныя слова Ивана. Замолчалъ онъ, и, кажись выгналъ дурь изъ головы.

На бѣду, изъ того же села парень Тимошка жилъ у цѣловальника, — въ сосѣднемъ городѣ, и приходилъ въ частую повидатся къ роднымъ. Вотъ онъ и сталъ подбивать Сидора. «То ли, молъ, дѣло купеческое, совсѣмъ иной почетъ; никто тебя съ мужикомъ не сравнаетъ.»

Послушался его нашъ Сидорка, пришелъ къ Ивану да и говоритъ: «прощай, братъ; я иду къ цѣловальнику въ городъ; что ты ни толкуй, не хочу я въ навозѣ рукъ марать, не на то я грамотѣ учился; плюю я на мужицкую работу.»

«Неплюй въ лужу, пригодится напиться,» сказалъ Иванъ. «Не хочешь слушаться, какъ хочешь; у тебя свой царь-разумъ въ головѣ. Дай Богъ тебѣ счастье и долю.»

Съ тѣмъ Сидорка ушелъ въ городъ. И приняли его въ откупъ и повезло ему скорехонько; малый былъ непромахъ; кажись на то и родился чтобъ деньгу нажить. До всего доходилъ, все примѣчалъ. Хоть другіе не то что уходили, а выползали отъ него изъ кабака на четверенькахъ, а самъ Сидорка чарки не держался; стоитъ себѣ за стойкой, да подаетъ косушки другимъ; приводилъ къ себѣ народъ, такъ что и *подлокотника* не держалъ, а мужики сами отливали изъ косушекъ въ поставецъ на разживу Сидоркѣ. Такъ шло нѣсколько лѣтъ, и Сидоръ берегъ копѣйку; а какъ поскопилъ денжечокъ, отъ хозяина отошелъ и самъ въ откупъ пробрался. Сталъ ворочать не рублями, а тысячами; счастье ему везло, богатство валило. О Сидорѣ на селѣ только и есть, что добрыя вѣсти: что и богатъ то Сидоръ Ѳедоровичъ, и въ почетѣ Сидоръ Ѳедоровичъ, живетъ въ каменныхъ хоромахъ, что твой баринъ!

Тѣмъ временемъ Иванъ все тотъ же мужичекъ; правда ужъ онъ былъ не одинъ, женился и Богъ благословилъ его дѣтками. Трудился во дворѣ и въ полѣ по прежнему, держалъ двухъ работниковъ, и любилъ свой домъ по прежнему, и что ни толковали ему пріѣзжіе изъ города о его братѣ, не тянуло нашего Ивана въ городъ.

Разъ въ лѣтній вечеръ пріѣхалъ Иванъ съ поля, сталъ отпрягать лошадь, смотритъ передъ нимъ стоитъ нищій такой хворой, лица нѣтъ, оперся о костыль да уставился на Ивана, а у самаго слезы въ три ручья. Вглядѣлся въ него Иванъ да и руки опустилъ; забилось ретивое: узналъ онъ роднаго брата Сидорку!

Что за причина? За чѣмъ купецъ воротился въ деревню? Мало ему въ городѣ почета? мало у него всякаго добра въ городскомъ дому? мало у него въ кладовыхъ мѣшковъ съ деньгами?

А вотъ какъ мало: домъ у него за долги отобрали, деньги самъ спустилъ; а какъ не стало ни дома ни денегъ, то и почетъ пропалъ. Все жадность сгубила; все было мало нашему Сидору,—потянулся за богачами, погорячился на торгахъ, да усадилъ все нажитое, и разомъ изъ купцовъ съѣхалъ въ мѣщане. Но и мѣщанское званье никому не въ безчестье. Да нашъ-то Сидоръ, вишь, привыкъ наживать скоро, пошелъ опять въ цѣловальники. Но ужъ счастье ему больше не везло. На Сидора доказали, что въ вино мѣшаетъ водицу, да отворяетъ кабакъ не въ законные часы. И вотъ судъ да дѣло, и взяли Сидора изъ кабака, и посадили Сидора въ острогъ. Такъ да сякъ Сидоръ отсидѣлся, и какъ выпустили изъ острога никто его ужъ и въ цѣловальники не беретъ; и сдѣлался нашъ Сидорка нищимъ, и такъ пришелъ къ брату Ивану. А тотъ добрякъ принялъ его Христа ради.

Сталъ было Сидоръ за работу приниматься; да нѣтъ, куда тебѣ безъ привычки; только дѣло портилъ, да муки натерпѣлся; а со скуки сталъ и въ кабакъ завертывать, чаще да чаще, да и извелся отъ водки. И сбылась надъ нимъ пословица: «чему послужилъ тому и поработаешь.»

Вотъ чѣмъ кончилъ нашъ Сидоръ. А Иванъ? Иванъ что больше живетъ, то больше ему почета. На трудовую копѣйку купилъ себѣ двадцать десятинъ земли у сосѣдняго помѣщика, да и мірской земли не кидаетъ. Ходилъ три года старшиною, а недавно выбрали его волостнымъ головою, и ходитъ онъ въ зеленомъ кафтанѣ съ золотыми голунами, а все тотъ же крестьянинъ что и былъ. «Эхъ Иванъ Ѳедоровичъ,» толкуютъ ему вчастую заѣзжіе изъ города купцы, «чтобы тебѣ выписаться изъ крестьянства да переѣхать къ намъ въ городъ?» А у Ивана одинъ отвѣтъ:

Гдѣ выросла сосна,
Тамъ она и красна!

ЗАМѢТКИ ДЛЯ ПАМЯТИ.

—

Молись и трудись; — трудись и молись; въ томъ вся жизнь человѣка.

—

Вино веселитъ, да кровь жидитъ; думаешь, что получилъ отъ него крѣпость, анъ получилъ слабость; думаешь согрѣться, анъ только трясавица пройметъ. — Щей горшокъ, или мяса кусокъ, больше грѣютъ чѣмъ вина крючокъ.

—

Пьяному море по колѣно и безумному тоже. Безумный пакость всякую дѣлаетъ и пьяный тоже; безумный — готовъ хоть душу загубить и пьяный тоже. Кто виноватѣе? безуміе бываетъ отъ болѣзни, а ты за чѣмъ болѣзнь на себя накликаешь?

—

Первый шагъ къ добру — не дѣлай зла.

—

Забывай зло, никогда не забывай добра. За зло не плати зломъ, а плати добромъ. Лишь звѣри да скоты зломъ за зло платятъ; но даже и скотина добро помнитъ.

—

Не говори о своемъ счастьи несчастному, а его слушай; выслушавъ помоги чѣмъ можешь тогда же, въ даль не откладывая; дорога милостыика въ скудный день.

—

Ложь да обманъ — большіе грѣхи да и въ прокъ нейдутъ. Лживый человѣкъ словно фальшивые рубли дѣлаетъ; можетъ

быть разъ и удастся грошъ за рубль спустить, тутъ смотришь и попался да и на вѣкъ погибъ.

—

Не все думай, да толкуй о деньгѣ, да о карманѣ; вѣдь карманъ-то на платьѣ, — подумай и о платьѣ; платье на рубашкѣ, — подумай и о рубашкѣ; рубашка на тѣлѣ, — подумай и о тѣлѣ; а въ тѣлѣ — душа, подумай и о душѣ.

—

Чѣмъ богатѣе платье,—тѣмъ больше цѣны ему; чѣмъ здоровѣе тѣло,—тѣмъ лучше человѣку; чѣмъ богатѣе и здоровѣе душа,—тѣмъ больше и цѣны ей и предъ людьми и предъ Господомъ Богомъ.

—

У инаго и тѣло здорово, да душа больная; и тѣло дородно, да душа скаредная; а у другаго тѣло скудно, да душа такая богатая, что ни на какія деньги ее не купишь.

—

Кормишь тѣло—корми и душу, а души прокормленье: молитва да ученье.

—

Трудно тому на свѣтѣ проживать, кто не знаетъ ни читать ни писать. Неграмотный при грамотномъ словно слѣпой при зрячемъ; зрячій на версту кругомъ видитъ, а слѣпой и въ руки возьметъ такъ не разберетъ.

—

Ѣхали съ возами два мужика: Иванъ да Кирила въ чужую деревню въ Никольскую, и по незнакомой дорогѣ. У Ивана была лошадь добрая, а у Кирила изъ плохихъ; Иванъ версты на двѣ обогналъ Кирилу; ѣдетъ себѣ Иванъ потряхивается, да надъ Кирилой посмѣивается; вотъ пріѣхалъ Иванъ къ такому мѣсту, гдѣ дорога на двое разошлась, а на томъ углу и столбъ стоитъ съ надписью. Ивана раздумье взяло: въ которую сторону ѣхать? Посмотрѣлъ онъ на столбъ. «Эвось! говоритъ, и столбъ поставили. Да что мнѣ въ немъ толка? Кабы грамотѣ зналъ, прочелъ бы, что на немъ такое, а не знаю грамотѣ такъ на что онъ мнѣ! А спросить не у кого.»

Подумалъ Иванъ, да погадалъ, да и поворотилъ на авось, на лѣво. Черезъ часъ почти дотащился на тоже мѣсто къ тому-же столбу и Кирила на своей кляченкѣ; также призадумался, а спросить некого, да глядь на столбъ, а на столбѣ и выписано: «на право въ Никольское.» Кирила прочелъ да примолвилъ: «спасибо отцу, что грамотѣ меня училъ, ужъ куда мнѣ она теперь пригодилась.» Кирила своротилъ на право, и прямехонько пріѣхалъ въ Никольское,—всего-то было версты двѣ отъ столба. Пріѣхалъ Кирила, коня отпрегъ, сѣнца ему подбросилъ, самъ пообѣдалъ, да и сидитъ съ мужиками, о своемъ дѣлѣ толкуетъ; смотритъ не ѣдетъ-ли Иванъ,—ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать. Вотъ Кирила всѣ дѣла покончилъ, что было на возу продалъ, что нужно купилъ, пополдничалъ, поужиналъ, да ужъ ложася спать, вышелъ еще посмотрѣть куда землякъ запропастился. Видитъ: тащится Иванъ изъ далека, да лошадь у него захрамѣла, заѣхалъ онъ не вѣсть куда, гдѣ и про Никольское плохо знали; спрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго; одинъ скажетъ сюда, другой — туда; проколесилъ Иванъ день деньской по песку да по буеркамъ; самъ изтомился, проголодался да и коня замучилъ. Какъ разузналъ онъ отъ Кирилы кто его на путь навелъ, такъ призадумался и примолвилъ: «ужъ нечего грѣха таить— плохо неграмотному; ужъ ты Кирилушка поучи меня, а я за то и самъ тебѣ сослужу, случится лишній куль съ твоего воза на своемъ конѣ повезу.»

—

Шли также дорогою: хромой да слѣпой.

«Охъ! плохо мнѣ идти, говорилъ хромой, на деревяшкѣ-то не далеко уйдешь по рвамъ да по каменямъ, — весь истомился; ахъ кабы мнѣ да твои ноги!»

«Охъ! охъ! сказалъ слѣпой, а мнѣ еще плоше! хоть и ноги здоровы, да то и дѣло спотыкаюсь; ахъ кабы мнѣ да твои глаза».

«То-то и бѣда, отвѣчалъ хромой, что мнѣ тебѣ своихъ глазъ, а тебѣ мнѣ твоихъ ногъ не приставить.

«Отъ чего не приставить? молвилъ слѣпой, ты человѣкъ-то щедушной, а я здоровенной, садись ко мнѣ на плечи; я тебя понесу, а ты мнѣ дорогу будешь указывать, мои ноги за твои пойдутъ, а твои глаза за мои посмотрятъ».

Вотъ и взлезъ хромой на плечи къ слѣпому и пошло у нихъ какъ по маслу: «Правѣй, лѣвѣй», покрикивалъ хромой, — держись только крѣпче? отвѣчалъ слѣпой. Такъ прошли они вдвоемъ по узкой тропинкѣ между каменей и овраговъ и по добру по здорову добралися до ночлега.

Такъ и во всемъ бываетъ: чего нѣтъ у одного, то есть у другаго; каждому особнякомъ мало, а вмѣстѣ довольно; такъ

уже Богъ сотворилъ, чтобы была между нами братская любовь и мы бы другъ другу тяготы носили. — Грамотный неграмотнаго учи; здоровый слабаго поддержи, богатый бѣдному помоги.

А такое дѣло хорошо не только что за любовь, но и для пользы; вотъ въ Ивановкѣ были двѣ семьи и жили онѣ розно; у одного мужика — жена была здоровенная такая, что и дрова рубитъ и воду носитъ, — да лиха бѣда, ни щей, ни каши не умѣла сварить, такъ ужъ ей Богъ дарованья такого не далъ; щи сваритъ — словно помои, кашу сваритъ — вся пригорѣла, хоть въ стѣну швыряй; а у другаго брата жена была такая щедушная, что едва полведра поднимала; дрова начнетъ рубить — только себя ранитъ; но за то была мастерица не только щи варить; но и пироги печь, и блины, и оладьи, — такъ бывало, что кто ѣстъ такъ чуть языка не проглотитъ. Плачутся оба брата: одинъ на то, что баба у него слабая такая, что печи сама не истопитъ; а другой на то, что баба неумѣетъ щей сварить. Подумали они погадали, да и вздумали изъ двухъ бабъ одну сдѣлать; посадили ихъ въ одну и ту же избу, одна пошла дрова носить, а другая пироги печь; и пошло у нихъ какъ по писаному; и дрова наколоты, и вода принесена и кушанье изготовлено, да и за дѣтьми лучше присмотрѣно; а какъ стали счетъ сводить, то и вышло, что имъ вмѣстѣ на цѣлую треть выходитъ всего меньше, чѣмъ прежде на каждую семью розно.

ЧТО ТАКОЕ ВЫСТАВКА СЕЛЬСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ, НА ЧТО ОНА, КАКАЯ ОТЪ НЕЯ ПОЛЬЗА, И ЧТО БЫЛО НА ВЫСТАВКѢ?

—

Въ 1844 году, какъ заговорили о томъ, что въ Ярославской губерніи будетъ какая-то выставка сельскихъ произведеній, то пошли спросы и распросы, что это за выставка такая будетъ? зачѣмъ она, и кому какая отъ нея польза?

Разныя мысли были; человѣкъ на человѣка не приходится; что одному кажется легко и сподручно, то другому за диво идетъ; что одинъ съ разу смекнетъ, въ томъ другой въ полгода толка не доберется.

«Вотъ», говорили иные, «зачѣмъ я мое доброе на показъ повезу? зачѣмъ скотъ погоню? еще украдутъ, а чего добраго и такъ отнимутъ? а что мнѣ отъ того пользы будетъ?»

Другіе толковали: «Эка невидаль какая, что мой же братъ крестьянинъ, какую нибудь косулю на смотръ вывезетъ, или бабьяго полотна кусокъ, или пряжи? Ужъ будто мы ни косуль, ни холста, ни мотковъ не видывали?»

Были еще и такіе, что отъ выставки пятились, сами не зная почему; вишь имъ казалось больно ново, и то имъ въ досаду было, зачѣмъ новость заводятъ; «старики де наши и безъ выставокъ жили, да хлѣбъ ѣли?»

Но однакожъ не всѣ были такіе; иные пограмотнѣе, прочли правила о выставкѣ, и скоро выразумѣли, что дѣло весьма не дурное, что отъ него не только всѣмъ, да и каждому польза.

А иные, хотя не совсѣмъ поняли, что такое выставка и зачѣмъ она, да то смѣкали, что если Батюшка Царь приказалъ, то стало быть къ добру, хотя на первыхъ порахъ оно въ глаза и не кидается.

Какъ началась выставка въ Великомъ селѣ, то все дѣло и стало, какъ на ладони; лишь слѣпые не видали, какъ оно и зачѣмъ оно, — да и тѣмъ зрячіе послѣ истолковали.

Ну кажется, что за важность полотно ткать? какая баба холстины не тчетъ? да еще ходило повѣрье: зачѣмъ пряжу разбирать? зачѣмъ тонкую прясть? бери какую попало да тки поуже, чтобъ больше аршинъ намѣрять, да выбирай пряжу потолще, чтобы спористѣе работа была, а на повѣрку вышло другое. Кто о пряжѣ не порадѣлъ, или въ тканьѣ вздумалъ схитрить, да людей обмануть, тотъ назади и остался; а тотъ, кто работалъ честно, да старался свою работу улучшить, у того полотны не только куплены, да еще куда куплены, къ Высочайшему Двору и пошли къ самому Батюшкѣ Государю на сорочки. Вотъ честному труду какой почетъ! На двѣ тысячи триста рублей серебромъ куплено, да за какія цѣны? Вотъ у Екатерины Маковкиной, въ Великомъ селѣ, аршинъ по семи рублей съ полтиной пошелъ, да опричь того она денежную первую награду получила. У Елизаветы Засовиной, того же села, полотно за шесть рублей аршинъ пошло, да опричь того, вторую денежную награду получила. А вотъ у Ивана Андреева, что изъ деревни Афонасьева, хоть полотно у него было и не самое тонкое, да чѣмъ онъ взялъ? тѣмъ, что пряжу употреблялъ не такую какую попало, а выбиралъ хорошую, нитка къ ниткѣ, да и ткалъ рачительно; и за то также награду получилъ.

Вотъ тоже и о льнѣ и о самой пряжѣ можно сказать. Что за невидаль, ленъ сѣять? Кто льна не сѣетъ? А выставка показала, что тотъ уменъ, у кого ленъ въ хорошій годъ собранъ, да хорошо отлежался, да съ умѣньемъ выдержанъ, лѣтъ по восьми и больше. Такіе льны были всѣ разхватаны на выставкѣ, да по какой цѣнѣ? отъ двадцати четырехъ рублей за пудъ, когда въ старые годы, кажись, по виду, за тотъ же ленъ, и по десяти рублей недавали. Да и вотъ что еще выставка показала, что большое дѣло навычка къ работѣ, и что не все равно, коли гдѣ въ семьѣ и ленъ сѣютъ, и пряжу прядутъ, и полотно ткутъ, и бѣлятъ. Не даромъ русская пословица говорится: «за двумя зайцами погонишся, ни одного не поймаешь». Ужъ кто ленъ сѣетъ, тотъ обо льнѣ только старанье и прилагай, какъ бы его лучше посѣять, да лучше его приготовить, да умѣть его на сорты разбирать; если пряха, такъ и знай свое дѣло пряди, да учись тому, чтобы знать какой ленъ на какую пряжу способенъ; а ткачь, ни въ ленъ ни въ пряжу несуйся, а учись, какъ бы лучше холстину ткать, какъ для нея лучше пряжу выбирать, да какъ бердами и челнокомъ управлять, да тки суровьемъ; а бѣлильщикъ тканьемъ не занимайся, а учись, да примѣчай, да наметывайся, какъ лучше холстину бѣлить, чтобы она побѣлѣла, а сгнить не сгнила.

Во всякомъ дѣлѣ главное навыкъ. Вотъ Гагаринская пряжа была лучшая на выставкѣ, а самыя тонкія полотна Великосельскія. А отъ чего? отъ того, что Гагаринскія пряхи одну пряжу и знаютъ, а Великосельскія хорошія ткачихи, только и знаютъ, что ткутъ.

Когда однимъ дѣломъ по пристальнѣе займешься, то хоть сначала и трудно, а тамъ, смотришь, года черезъ два, какъ по маслу пойдетъ, и такое сподручье въ своемъ дѣлѣ найдешь, какова другому, хоть вѣкъ думай, не выдумать. А пуще всего работай честно, такъ и Богъ благословитъ честную работу; да и Батюшка Царь про честную работу провѣдаетъ; да и добрые люди оцѣнятъ. Нынѣ уже вѣкъ такой; люди умны стали, ни кого не перехитришь; хоть иной кривдой и достанетъ какой прибытокъ, да не надолго станетъ: разъ удалось, а ужъ другіе разы не тутъ-то было.

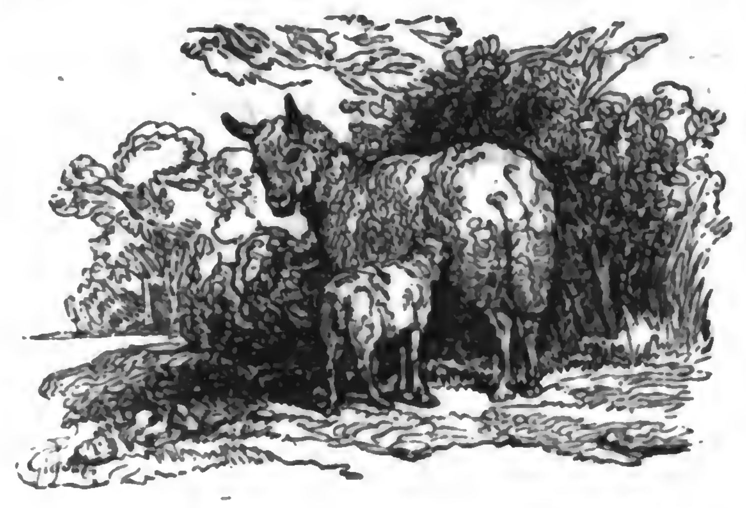
Что здѣсь о пряжѣ да о холстѣ говорится то и о другомъ разумѣй. Вотъ, кажется, на какую потребу плужокъ краской красить? а вотъ Ѳедоръ Малышевъ, изъ деревни Реньевки, не только за то награду получилъ, что хорошіе двукрылые плужки дѣлаетъ, да еще и за то, что и окрашиваетъ ихъ масляной краской, чтобы ихъ сырость не брала. Да и то на выставкѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Ѳедоръ Малышевъ не мало своего издѣлья продаетъ, такъ что его мастерство, теперь, по всей матушкѣ Руси узнали. Также узнали объ самолетѣ крестьянъ деревни Чюрилова и объ вѣялкахъ Никона Дмитріева изъ де-

ревни Яксаева, и о грохотахъ Вячеслава Иванова, и о томъ, что Николай Андреевъ изъ деревни Мясникова славные ткацкіе станы съ самолетомъ дѣлаетъ; а Василій Ивановъ Дворниковъ изъ села Бурмакина желѣзныя щетки для чесанія льна дѣлаетъ; не только квадрантъ мѣщанина Ивана Михайлова Сорокина для сортировки льняной пряжи, да и мотовило глухонѣмаго крестьянина Ивана Харитонова для счета нитокъ въ талькѣ, въ почетъ вошли; а мотовило-то славное, и къ дѣлу весьма пригодное, такъ что добрый работникъ безъ него и обходиться не долженъ.

Кто бы обо всемъ этомъ узналъ, кабы выставки не было?

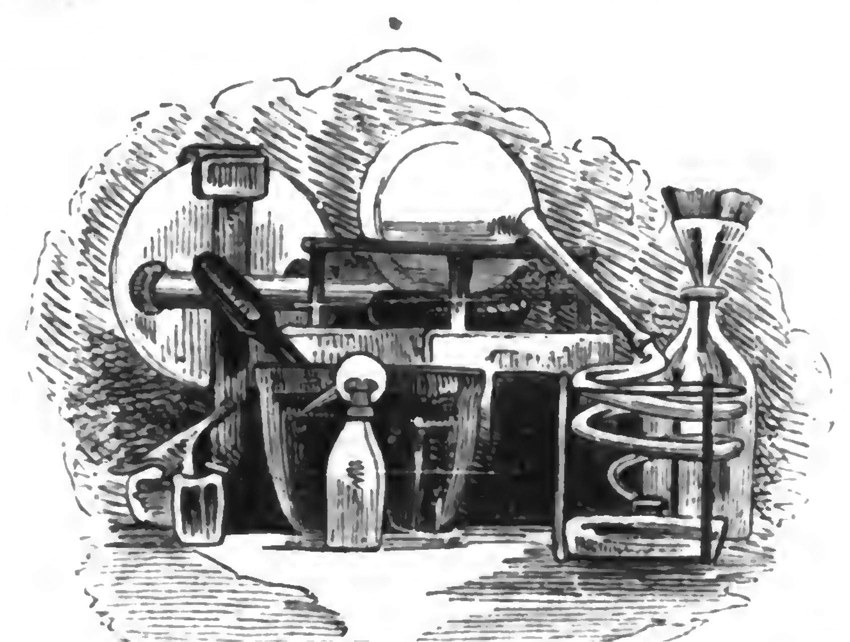
По выставкѣ же узнали во всей Руси, что въ Бурмакинѣ, да въ Новомъ, да въ Ростовскомъ уѣздѣ въ селѣ Гари, всякую конскую збрую и всякій приборъ къ экипажамъ дѣлаютъ, и особенно крестьянинъ Петръ Дементьевъ; а въ деревняхъ Смоленскомъ, Толгоболѣ и другихъ, заслонки, дверцы печныя, утюги, скобы и прочее подобное снадобье изготовляютъ; а въ Семеновскомъ съ окружными деревнями мѣдной работой занимаются.

Да то ли одно? Въ иныхъ губерніяхъ до сихъ поръ не знаютъ, что такое дубленыя овчины; все носятъ по старинѣ простыя не дубленыя; какъ помочетъ ихъ дождемъ, онѣ и скоробятся, а тамъ смотришь дыра на дырѣ. А вотъ Иванъ Карлушинъ, деревни Потаповой, да Иванъ Филафеновъ деревни Асташевой, такія дубленыя овчины и полушубки дѣлаютъ, что чѣмъ больше ихъ мочетъ дождемъ, тѣмъ онѣ мягче и добротнѣе становятся, это всѣ знаютъ. Хоть немножко подо-

роже, да за то дублевая овчина за три недубленныхъ постоитъ. Кто купилъ тотъ носитъ да похваливаетъ; а спроси-ка что прежде было, какъ въ первый разъ объ дубленыхъ овчинахъ рѣчь пошла; тоже толковали: «эка новости все заводятъ! и зачѣмъ ово? наши старики дубленыхъ овчинъ не носили, да въ теплѣ ходили». А на повѣрку выходитъ, что Иванъ Карлушинъ дубленыя овчины по 50 рублей ассигнаціями за десятокъ продастъ, и смышленые люди покупаютъ, да еще спасибо говорятъ. Вотъ погоди маленько, десятка лѣтъ не пройдетъ, какъ дубленыхъ овчинъ на Руси будетъ столько же, какъ теперь недубленыхъ.

И всякое дѣло такъ. Вотъ примѣромъ сказать, картофель; вѣдь чего добраго, и теперь еще есть на Руси глупые люди, которыхъ «старовѣрами» называютъ, и отъ которыхъ какъ отъ козла, ни шерсти ни молока. Ты съ ними вотъ что хочешь, а картофеля знать нехотятъ, да еще на Господа Бога ропщутъ, зачѣмъ Онъ картофель сотворилъ? какъ будто Господь Богъ не лучше ихъ знаетъ, что человѣку на пользу потребно. А такихъ болтуновъ слушая, и другіе толкуютъ: «а зачѣмъ намъ картофель, вѣдь онъ не рожь, изъ него хлѣба не испечешь»; и забываютъ то, что Господь Богъ не одну рожь, но сотворилъ и овесъ, и пшеницу, и гречиху, и просо, и картофель, и морковь, и рѣпу, и свеклу и рѣдьку, и лукъ, и огурцы, и что все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ дѣло идетъ. Вотъ кто былъ на выставкѣ, да сидѣлъ за столомъ, тотъ знаетъ, что не токмо что другое, но что и хлѣбъ изъ картофеля можно печь; а какова была картофельная патока, такъ и говорить нечего, что твой медъ! Кто въ нее калачь помочилъ, тотъ индо пальчики облизалъ — и поблагодарили за нее Семена Никошина, села Скнитинова; да не дуренъ былъ и пряникъ — полтора пуда вѣсомъ, тоже изъ картофельной муки да изъ картофельной патоки, вотъ что испекъ Ефремъ Григорьевъ, села Никульскаго. Да и одно ли то было на выставкѣ? каковъ напримѣръ Осипъ Ѳедоровъ, изъ деревни Григорьева, который изъ разныхъ травъ душистыя маслы дѣлаетъ?

А кто видѣлъ рапсовое масло, вотъ что дѣлаютъ у господина Карновича? иные объ немъ и слыхомъ не слыхали, и не знаютъ того, что яровой рапсъ въ Ярославской губерніи родится, какъ нельзя лучше; вотъ какъ станутъ по тому же примѣру и другіе рапсъ сѣять, да изъ него масло выжимать, то знаете, что случится? что у добраго крестьянина ужъ не лучина будетъ въ свѣтцѣ горѣть, отъ которой и свѣта мало, да и пожары бываютъ частые, а будутъ ночники съ рапсовымъ масломъ, отъ котораго и свѣтъ ровнѣе и въ зимніе вечера для работы пригоднѣе, да и опасности нѣтъ.

Да тѣмъ еще выставка хороша, что въ ней всякое дѣло на чистую воду выходитъ; вотъ на Великосельскую ярмарку приводили лошадей, что «выкормками» зовутъ. Были люди, которые только въ свою мошну наровили, и хотѣли честной міръ обмануть; выкармливали жеребенка наскоро испеченымъ хлѣбомъ да кашею, а отъ того жеребенокъ вытягивался, а въ силу не входилъ; трехлѣтнихъ въ случку пускали; на видъ лошадь какъ лошадь, а на работу дрянь дрянью, да и порода выходитъ все хуже, да хуже. Вотъ во время выставки были и другіе коннозаводчики, у которыхъ лошади выдержаны по четыре и по пяти лѣтъ и статьями хорошія и крѣпкія и смирныя; только такіе коннозаводчики своихъ лошадей на выставку не вывели; а жаль; вотъ въ нынѣшнемъ году смѣкнули, что такое выставка и вѣрно будетъ на выворотъ; хорошихъ лошадей приведутъ, а выкормки на стойлѣ у хозяевъ останутся. Лиха бѣда коней вмѣстѣ свести, да сравнить людямъ бывалымъ, да честнымъ; тутъ ужъ никакая кривда не устоитъ, а правда свое возьметъ. Вотъ припомните какъ отличались кони Сергѣя Герасимова, что изъ Слинькова, а особенно кони О. А. Ельчанинова! А каковъ рогатый скотъ у того же Г.

Ельчанинова, да у Г. Карновича? Вотъ что значитъ за скотомъ съ умѣньемъ ходить!

Вотъ и еще выставка сельская будетъ въ Великомъ селѣ и также для добрыхъ хозяевъ много наградъ припасено, а тароватые покупщики ужъ, говорятъ, и мошны развязали, наготовѣ держатъ. Теперь ужъ никто выставки не дичится; а еще, по милости ея, новыя знакомства свели, всякій узналъ про мастерство, да про художество другаго, всякій другъ отъ дружки кое-чего понабрался, и отъ того всѣмъ польза. Купцы про товаръ узнали, а товаръ купцамъ въ очи бросился.

Мужички ходили съ поклономъ къ добрымъ помѣщикамъ, да получили отъ нихъ и поживу, и ласку, и доброе слово, и совѣтъ на предки. Многіе изъ мужичковъ смѣкнули, что иное хоть и ново и неслыхано да лучше стараго; посмотрѣли на крупный голый ячмень Николая Петровича Полозова, и на ячмень англійскій; на пшеницу яровую краснотолоску, на овесъ и на красный картофель господъ Александра Ивановича Чернева, Петра Акимовича Протопопова и Ефима Степановича Карновича; на тимофѣевку господина Василья Ивановича Тихменева; полюбовались на снопы, что у Петра Акимовича Протопопова вяжутъ, не такъ какъ старыя бабы вязали, а такъ что втрое скорѣе, да и покрѣпче будетъ; узнали и про косы толбузинскія, и про нѣмецкія самопрялки, что у Г. Карновича, и щетки для кудельнаго пряденья у господина Варенцова и самолеты паравонные и одноконные для паханья, и разныя другія заморскія хитрости, да сподручья, о которыхъ прежде и слыхомъ неслыхано, а нынѣ въ очью проявляются, умныхъ людей не пугаютъ, а всякому въ потребу идутъ. А дѣлаютъ такія сподручья тѣ же Русскіе люди; стоитъ только добраго не дичиться, да чего не знаешь тому учиться.

Батюшка Царь приказалъ, чтобы такія сельскія выставки были во всѣхъ губерніяхъ, изъ года въ годъ; хочется Отцу-Государю провѣдать, честно ли дѣтки его свой промыселъ отправляютъ, да много ли они доброму научились, чтобы каждаго за честный трудъ, да за ученье наградить.

Только вотъ о чемъ я слово молвлю. Иной подумаетъ, что ему къ выставкѣ надобно какое нибудь диво дивное выдумать, а дѣло не въ томъ; на выдумки не всякій горазд, это ужъ кому Богъ дастъ дарованье такое; вотъ Егоръ Рѣпкинъ да Өедоръ Акимовъ часы стѣнные самоучкою дѣлаютъ, да не всякому это дается; а вотъ честная работа, да совѣстный трудъ всякому Господь Богъ далъ. Въ Одессѣ Херсонскій мѣщанинъ Гукъ два серебряныхъ кубка въ награду получилъ, а за что? не за диво какое, а за то, что хорошую пшеницу вывелъ, и вывелъ какъ? хорошія сѣмена выбралъ, да не жалѣя пота, землю обработалъ, вотъ и вся недолга. Въ Одессѣ же земледѣлецъ Романъ Курганенко похвальный листъ получилъ за то, что своихъ же собственныхъ пару хорошихъ воловъ выкормилъ, да еще и налобникъ имъ для почета надѣли, чтобы всякій видѣлъ досужество хозяина и зналъ, что волы при всемъ стеченіи народа на выставкѣ хорошими признаны.

Крестьянинъ Никита Буряченко выкормилъ чернопѣгаго быка; ну кажется, что за невидаль, выкормить быка и для своей же пользы? но за то, что Никита Буряченко своимъ

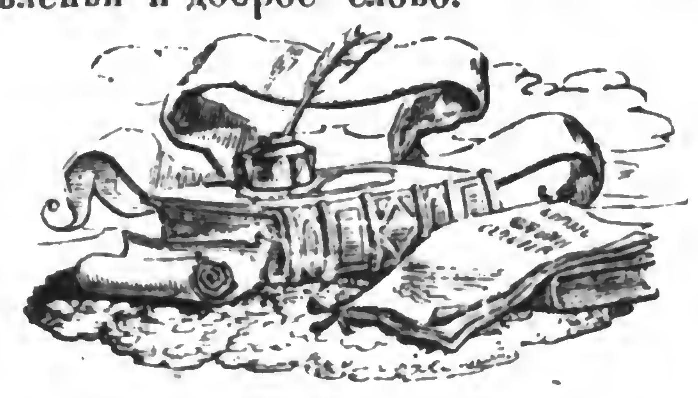
скотомъ рачительно занимался, ему на Одесской выставкѣ сто рублей серебромъ награды дали; да и не одинъ онъ — Одесскій купецъ Андрей Посоховъ за темнобурую корову съ теленкомъ серебряную медаль получилъ; крестьянину Егору Шишкину дали 50 рублей серебромъ за то, что хорошую черную корову съ теленкомъ выкормилъ; мѣщанинъ Павелъ Иващенко, да Степанъ Фесенко, да Одесскій купецъ Данило Коденко за то были награждены, что хорошихъ барановъ выкормили; также награды были въ Одессѣ отъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства за хорошій хлѣбъ. Сверхъ мѣщанина Гука, о которомъ выше упомянуто, крестьянинъ Ефимъ Деденко получилъ награду за то, что хорошую арнаутку вывелъ; мѣщанинъ Гурій Рыжиковъ за озимую пшеницу.

А все дѣло, какъ видите, не мудреное: кто скота не выкармливаетъ? кто хлѣба не сѣетъ? тутъ нѣтъ никакого дива, а диво свое собственное хозяйство въ такомъ порядкѣ вести, чтобы и почетъ получить, и награду, да и себѣ пользу нажить.

Всякій старайся свое дѣло хоть и простое, да рачительно сдѣлать, а не какъ нибудь, не на овось—и будетъ благословеніе Божіе, награда отъ Государя, да нажива отъ покупателей.

А за этимъ словомъ другое молвлю. Прежде выставки дичились, а теперь раскусили; прежде толковали: зачѣмъ она, да какъ она, да зачѣмъ новости вводить, а теперь хоть каждый мѣсяцъ дѣлай выставку — охотники найдутся. Такъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ; добрые люди, ино-мѣсто вы въ домекъ не возьмете, зачѣмъ Начальство того и сего требуетъ, чего прежде не бывало; на первыхъ порахъ все жутко кажется, пока не раскусишь; а какъ раскусишь, такъ и увидишь, что Начальство на пользу добрымъ людямъ распоряжается, и что рано ли, поздно, а выдетъ добро.

Такъ помолимся Господу Богу, добрые люди, чтобы Онъ нашъ умъ просвѣтилъ и на доброе дѣло наставилъ; поблагодаримъ отъ души Батюшку - Царя, что Онъ въ наши нужды входитъ, и даже за то награждаетъ, что человѣкъ для своей же пользы, да съ толкомъ дѣлаетъ; отвѣсимъ поклонъ Начальству за то, что оно все какъ слѣдуетъ устроило, да скажемъ спасибо и добрымъ людямъ, которые Начальству въ полезномъ дѣлѣ помогали, особенно же: Ефиму Степановичу Карповичу, Павлу Алексѣевичу Блинникову и С. Петербургскому 2-й гильдіи купцу Ивану Козьмичу Урлову, за ихъ попеченья, труды, наставленья и доброе слово.

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ РАСТЕНІЕ, КАКЪ ОНО ЖИВЕТЪ, И ЧѢМЪ ПИТАЕТСЯ.

—

Ты легко отличишь камень отъ дерева; — ты скажешь, что дерево горитъ, а камень не горитъ. Правда; но это еще не все: замѣчай ближе, увидишь, что дерево ростетъ, а камень не ростетъ, — на деревѣ лѣтомъ бываютъ листья и цвѣты, къ зимѣ они опадаютъ, а весною опять распускаются листья и цвѣты, — такъ бываетъ каждый годъ; и ничего этого не бываетъ съ камнемъ; камень все тотъ же: и весною, и лѣтомъ и зимою онъ неизмѣняется ни въ чемъ.

Погляди дальше, да подумай, узнаешь еще вотъ что: на деревѣ есть кора, подъ корою — мезга, подъ мезгою древесина; и кора совсѣмъ непохожа на мезгу, а мезга непохожа на древесину; да сверхъ того на деревѣ есть листья, есть и корни, которые опять же непохожи ни на кору ни на древесину. Въ камнѣ ничего этого нѣтъ: отломи или отбей кусокъ отъ камня, все будетъ тотъ же камень. Надруби лѣтомъ дерево — потечетъ сокъ или смола, — надруби — камень ничего не потечетъ изъ него. Сруби дерево, или вырви его съ корнемъ — дерево сначала станетъ вянуть, а потомъ засохнетъ; оставь его такъ оно сгніетъ. А сухое или гнилое дерево, что ни дѣлай съ нимъ, не будетъ уже рости, нестанетъ пускать ни листьевъ ни вѣтвей; это отъ того, что дерево перестало *жить*. Сдвинь камень съ мѣста, онъ все-таки будетъ тотъ же камень; мало того, разбей камень на нѣсколько частей, все будутъ тѣ же камни. Это отъ того, что камень *не живетъ*, а что не живетъ, то не можетъ и умирать. Стало быть дерево *живетъ* и *умираетъ*, а камни не живутъ.

Что сказано о деревѣ, то разумѣй о всякой травѣ, всякой овощи, о грибахъ, о мхахъ, и всякомъ *растеніи*.

Ты знаешь, что растеніе, хоть примѣромъ сказать рожь,- или пшеница, въ сухое лѣто, да на тощей почвѣ, на пескѣ, ростетъ плохо, а коли продолжится сухмень, то совсѣмъ засыхаетъ, умираетъ. А отъ чего оно умираетъ? Отъ того, что ему питаться нечѣмъ.

Растеніе живетъ, а все что живетъ, требуетъ пищи. Чѣмъ же и какъ питается растеніе? когда станешь хорошенько замѣчать, да думать, такъ и это узнаешь. У всякаго растенія есть корни и листья; подрѣжь корни, примѣрно хоть у ржи, она хоть и будетъ сидѣть въ землѣ, а станетъ вянуть, — и

засохнетъ; — оборви листья на деревѣ лѣтомъ, дерево станетъ рости плохо, а не то и совсѣмъ завянетъ. Стало быть растеніе не можетъ жить ни безъ корней ни безъ листьевъ; потому что корнями и листьями растеніе достаетъ себѣ пищу. Корни сидятъ въ низу въ землѣ, а листья на верху, въ воздухѣ, и потому корнями растеніе достаетъ пищу изъ земли, а листьями изъ воздуха. Какая же пища въ землѣ и воздухѣ? Ты уже знаешь, что на сухой землѣ и въ засуху растенія жить не могутъ; попробуй пересадить кустъ ржи, или овса въ горшокъ съ сухимъ пескомъ, — растеніе умретъ. Знаешь также, что коли послѣ жаровъ выпадаетъ дождь, то и хлѣбъ на поляхъ и всякое растеніе дѣлается веселѣе, ростетъ, кустится и зеленѣетъ быстрѣе. Отъ чего это? Отъ того, что дождь смочилъ землю, и прошелъ до корней, а корнями и въ самое растеніе. Ты, чай, видѣлъ, что коли нѣтъ дождя, то огородники поливаютъ гряды водою, и на грядахъ всякая овощь ростетъ. Стало быть водою, будетъ ли она дождевая, или рѣчная, питается растеніе, и пищу эту достаетъ оно корнями.

Я сказалъ, что огородники въ засуху поливаютъ гряды рѣчною водою, и овощи ростутъ да все же не такъ хорошо, какъ когда землю мочитъ дождикомъ въ пору.

Отъ чего это? Опять подумай и догадаешься; ты знаешь, что послѣ дождя въ воздухѣ бываетъ сырость, влажность; вотъ эту-то сырость и втягиваютъ въ себя листья; и чѣмъ больше у какого растенія листьевъ, и чѣмъ шире они, тѣмъ болѣе они втягиваютъ въ себя сырости изъ воздуха.

Теперь ты знаешь, что растеніе безъ воды жить не можетъ, что оно втягиваетъ въ себя сырость корнями изъ земли, а листьями изъ воздуха.

Ты знаешь также, что въ водѣ распускается соль, а не распускается масло или смола. Да и не одна соль распускается, а распускается въ водѣ и множество другихъ матерій, хоть примѣромъ сказать навозъ. Вотъ если есть у тебя на дворѣ куча навоза, — да пойдетъ дождь, смотришь изъ кучи и потечетъ бурая жижа. Дождевая вода, самъ ты знаешь, свѣтла и чиста; отъ чего же навозная жижа бурая или темная? Отъ того, что въ дождевой водѣ распустился навозъ. А и то также не трудно замѣтить, что навозъ не весь вдругъ распускается въ водѣ; когда въ навозѣ много подстилочной соломы, да она не перепрѣла, не перегнила хорошенько, то такая солома не распускается въ водѣ; дождемъ такую солому только обмоетъ.

Что сказано о навозѣ, то разумѣй и о другой гнили: всякая гниль распускается въ водѣ, — вотъ хоть примѣромъ сказать гнилые листья, даже гнилое дерево, всякая гнилая падаль.

Теперь догадаешься, что когда есть въ землѣ вода, сырость, такъ въ ней и распускается навозъ, если онъ есть въ землѣ, или другая гнилость, примѣромъ сказать чернозема, тина.

Ты знаешь уже, что корни растенія втягиваютъ въ себя сырость изъ земли, а вмѣстѣ съ сыростью и то, что въ ней распустилось. Чѣмъ больше въ такой водѣ распустилось навоза, или какой гнилости, тѣмъ такая сырость пригоднѣе для растенія. Вотъ отъ того-то и надобно хлопотать о навозѣ, копить его да вывозить на поля.

Ты скажешь, что ростутъ же въ лѣсахъ деревья и травы безъ навоза, чѣмъ же они питаются? Но ты знаешь, что каждый годъ съ деревьевъ падаютъ листья, каждый годъ засыхаетъ подъ ними трава. Вотъ эти-то листья и трава, перегниваютъ на той же землѣ, гдѣ ростутъ деревья, и стало быть отвѣчаютъ за навозъ. Отъ того что растеніе изъ земли беретъ въ себя пищу, земля тощаетъ; ты знаешь, что когда на одномъ мѣстѣ станешь сѣять два или три года сряду, примѣрно пшеницу, урожаи станутъ дѣлаться съ каждымъ годомъ хуже и хуже, и потомъ земля совсѣмъ перестанетъ родить. Отъ того и сѣютъ хлѣбъ два года, а на третій годъ даютъ землѣ отдохнуть, оставляютъ въ пару; — паръ съ весны заростетъ травою, по травѣ спустишь скотъ, а къ осени запашешь; стало быть запашешь и траву и то, что скотъ ронялъ. Но такой паръ плохая все-таки пашня, когда подложешь навоза. Я сказалъ, что растеніе втягиваетъ въ себя пищу корнями изъ земли, а листьями изъ воздуха; чѣмъ шире у растенія листья, тѣмъ больше оно втягиваетъ пищи изъ воздуха, а меньше изъ земли. Вотъ отъ того не всѣ растенія одинаково истощаютъ землю. Больше всѣхъ истощаютъ такія, у которыхъ высокій стебель, да маленькіе листья, — вотъ хоть бы рожь, пшеница, ячмень, овесъ, ленъ. У всѣхъ этихъ растеній мало листьевъ, да и тѣ засыхаютъ, когда станетъ наливаться зерно, — а тутъ-то и надобно болѣе всего пищи. Стало быть эти хлѣба больше всего истощаютъ поле; да и то замѣть, что корни у нихъ маленькіе, а собираютъ эти хлѣба съ поля вмѣстѣ съ соломою, — стало быть въ землѣ послѣ нихъ почти ничего не остается. Отъ того-то, когда ты сѣешь только озимое да яровое, то надобно много навоза, чтобы хлѣбъ каждый годъ родился хорошо.

Ты знаешь, что у гречихи напр. листья широкіе; она можетъ родиться хорошо и на тощихъ, на песчаныхъ поляхъ, потому что много пищи листьямъ беретъ изъ воздуха. А посмотри на красную дятловину, или что зовутъ *клеверомъ*, какіе у нея широкіе листья, и какъ много? Отъ того-то она беретъ пищи изъ воздуха еще больше, чѣмъ гречиха. Да замѣть также, какой у дятловины мясистой стебель, и какіе большіе корни; когда ты ее скосишь, да запашешь пашню, то въ землѣ останется столько, что ненадобно и навоза. Вотъ отъ того-то умные хозяева и начали въ поляхъ сѣять дятловину: она даетъ славное сѣно, и не въ примѣръ больше чѣмъ сколько скосишь съ суходольнаго луга, да и землю не только не тощитъ, но еще оставляетъ послѣ себя отавы и кореньа столько, что за на-

возъ отвѣчаетъ. Однако надобно и то сказать, что когда посѣешь дятловину на тощей, худо обработанной землѣ, она уродится плохо.

Теперь, когда знаешь отъ чего одно растеніе истощаетъ землю больше, а другое меньше, такъ и съумѣешь дать отвѣтъ, когда тебя спросятъ напримѣръ про картофель. Ты знаешь, что у картофеля большая ботва, много листьевъ и всѣ они широкіе, стало онъ много беретъ пищи изъ воздуха, а отъ того землю мало истощаетъ. Стало быть и отъ картофеля двѣ пользы: разъ та, что онъ даетъ много хорошаго корма и для человѣка и для скотины, а въ другой та, что онъ мало землю тощитъ; тамъ, гдѣ сѣютъ въ поляхъ картофель, послѣ него всякой хлѣбъ родится хорошо и безъ навоза.

Знаешь также ты и то, что зимою въ морозы не ростетъ никакое растеніе; есть такія что отъ мороза тотчасъ умираютъ, примѣромъ сказать картофель или огурцы, а есть и такія, что не умираютъ отъ мороза, напримѣръ рожь, озимая пшеница; но все же хоть они и не умираютъ зимою, но не ростутъ. Стало быть растеніе безъ тепла не можетъ *рости*. Одно растеніе любитъ тепло больще, а другое меньше, а все же ни одно не ростетъ въ морозы, Ты знаешь, что не во всякомъ мѣстѣ бываетъ одинакое тепло; тамъ, гдѣ лѣто длиннѣе, и тепла больше, а гдѣ оно короче, тепла меньше. Вотъ хоть бы въ Екатеринославской губерніи или на Украйнѣ лѣто длиннѣе, чѣмъ въ Московской губерніи; и отъ того на Украйнѣ ростутъ дыни и арбузы, а въ Москвѣ они рости не могутъ. Въ Крыму, гдѣ еще теплѣе, ростетъ виноградъ и множество всякихъ садовыхъ деревъ, которыя не ростутъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ холоднѣе.

Тепло дается солнцемъ; оно нагрѣваетъ и воздухъ и землю. Но земля нагрѣвается еще и отъ того, когда въ ней что нибудь гніетъ. Ты чай знаешь, что когда сложить навозъ въ кучу, да дать ему полежать, то внутри кучи дѣлается тепло, что руки нельзя удержать; а это тепло дѣлается отъ того, что навозъ прѣетъ, гніетъ. Тоже самое бываетъ когда сложишь въ копну сырое сѣно. Стало быть всегда, когда что нибудь гніетъ, то тутъ дѣлается тепло. Вотъ, отъ того-то огородники и кладутъ въ парниковыя гряды множество навоза. Въ парникахъ бываетъ много тепла, отъ того что много гніетъ навоза, огородныя растенія любятъ сильное тепло. Но и на поляхъ, когда вывезутъ навозъ, да запашутъ его, онъ въ землѣ гніетъ и дѣлаетъ землю теплѣе, хоть и не такъ сильно какъ въ парникахъ. Теперь тебѣ не трудно понять, что навозъ на поляхъ дѣлаетъ пользу разъ тѣмъ, что доставляетъ пищу растеніямъ, а въ другой тѣмъ, что согрѣваетъ землю. Отъ того и говорятъ, что хорошо унавоживать всякую землю, а еще лучше холодную, примѣрно глинистую. Это потому что глинистая почва нагрѣвается отъ солнца меньше, чѣмъ примѣромъ сказать песчаная или черноземная.

Ты знаешь также, что не всякой навозъ одинаково согрѣвается. Лошадиный, напримѣръ, сгораетъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ коровій. Отъ того-то лошадиный навозъ лучше вывозить на глинистыя, холодныя почвы, а коровій на песчаныя.

Возьми ячменя или овса лѣтомъ или весною, посыпь на сырую землю, да и покрой его рогожкою; недѣли чрезъ двѣ или чрезъ три подними рогожку, увидишь, что твой овесъ взошелъ и проросъ, только стебельки и листики не зеленые, а блѣдные, желтоватые. А тотъ овесъ, который взошелъ на полосѣ, дѣло извѣстное, бываетъ завсегда зелёнъ. Тоже бываетъ когда въ темномъ погребѣ останется весною картофель или кочанъ капусты, они проростутъ, но стебли и листья будутъ блѣдные, а не зеленые, а когда картофель или капуста ростутъ на грядѣ, то бываютъ зелены. Да еще и то замѣть, что когда погребъ у тебя не совсѣмъ плотно закрывается, а проходитъ куда нибудь въ щель свѣтъ, такъ стебель картофеля или капусты непремѣнно тянется въ ту сторону откуда свѣтъ. Когда ты любишь зимою держать цвѣты, или какія нибудь растенія въ избѣ, на окошкѣ, — то стоитъ поглядѣть пристально, и тотчасъ замѣтишъ, что всѣ листья оборочены къ окошку, наружу, а не внутрь избы. Стало быть всякое растеніе любитъ *свѣтъ.* И безъ свѣта, въ темнотѣ никакое растеніе не можетъ хорошо рости. Однако замѣть и то, что одно растеніе любитъ больше свѣтъ, а другое меньше, — также какъ одно растеніе любитъ тепло больше, а другое меньше. Всякое хлѣбное растеніе любитъ чтобы на него свѣтило солнце какъ можно больше. Ты, чай, не разъ видѣлъ, что если которая полоса лежитъ подъ самымъ лѣсомъ, да этотъ лѣсъ заслоняетъ отъ полосы солнце съ полдня, то на такой полосѣ всегда хлѣбъ родится плохо, и ростомъ бываетъ малъ и рѣдокъ, да и колоски бываютъ маленькіе и почти пустые.

Луговая трава можетъ рости хорошо и въ тѣни; отъ того такія полосы, которыя заслоняются лѣсомъ отъ солнца, лучше оставлять подъ сѣнокосы, а еще лучше сдѣлаешь, когда засѣешь на нихъ траву, хоть примѣрно тимофѣевку, или палочникъ.

Ты знаешь уже, что растенію для того чтобы оно жило, необходима сырость или вода. Но опять же замѣчаи: одно растеніе любитъ много воды, а другое меньше. Вотъ примѣромъ осока растетъ въ болотахъ или въ канавахъ, гдѣ вода стоитъ всегда; а попробуй спустить воду — осока засохнетъ. Посѣй въ канаву съ водою или въ болото рожь или хлѣбъ какой, они не взойдутъ. Да мало того, ты, чай, не разъ видѣлъ на поляхъ вымочки; а гдѣ бываютъ вымочки? въ такихъ низ-

кихъ мѣстахъ, въ котловинахъ, на которыхъ останавливается весенняя или дождевая вода. Стало быть, хлѣбныя растенія нелюбятъ большаго мокра. Вотъ потому-то, коли хочешь чтобъ у тебя на поляхъ не было вымочки, то старайся отъ всякаго низкаго мѣста дѣлать канавки, чтобы вода съ нихъ стекала. Да мало того: въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ лѣтомъ частые дожди, надобно дѣлать водосточныя борозды и на всѣхъ загонахъ. По загоннымъ бороздамъ вода также стекаетъ; но загонныя борозды не всегда идутъ такъ, чтобы по нимъ могла стекать вся вода; къ томужъ иногда загонъ бываетъ очень широкъ. По этому-то лучше проводить особыя водосточныя борозды. Ихъ лучше дѣлать по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вода останавливается; да надобно разсчитывать такъ, чтобы водосточная борозда имѣла небольшую покатость, чтобы вода скатывалась не быстро.

Луговыя травы любятъ сырость больше чѣмъ хлѣбныя; однако большое мокро непригодно и для луговыхъ травъ. Ты, чай, замѣчалъ, что на болотахъ ростетъ больше жесткая трава, осока, да мохъ, — сѣна на такихъ мѣстахъ бываетъ мало да и то жесткое. Да и то не разъ приходилось замѣчать, что на лугу, гдѣ прежде родилась хорошая, мягкая трава, чрезъ нѣсколько лѣтъ она пропадаетъ, а вмѣсто ея, глядишь, стали кочки, осока да мохъ. Отъ чего бы, кажись хорошему лугу сдѣлаться дурнымъ? «Такъ-де, Богу угодно!» скажешь ты. Анъ подумай хорошенько, такъ и выдетъ, что виноватъ не Богъ. Вглядись пристальнѣе, и увидишь, что на лугу, гдѣ нибудь, было ключевое мѣсто; ключа ты не расчищалъ, не сдѣлалъ прохода водѣ; вотъ ключь и заноситъ землею, некуда ему дѣваться, онъ и выбиваетъ землю кучками, а кучки ну обростать травою, вотъ и пошли кочки. Въ другомъ мѣстѣ, посмотришь, была на лугу котловина, и изъ нея вода стекала лощиною; лощинку ты не прочищалъ, — ее и занесло мало по малу землею; вода и осталась въ котловинѣ, — а тутъ дѣло извѣстное — сдѣлалась болотина, сначала небольшая, такъ на копну мѣста, а тамъ, глядишь, чрезъ два, три года, болотина ростетъ да ростетъ, да и застлала весь твой лугъ. Вотъ потому-то и надобно хорошо смотрѣть за лугами, недавать застаиваться водѣ. А это дѣло простое, и вовсе не хитрое, канаву всякой вырыть умѣетъ. Только надобно смотрѣть и того, чтобы канавой въ одномъ мѣстѣ воды неспустить, а въ другомъ не напустить. Когда ты будешь рыть канаву, да выкидывать землю на право и на лѣво, то и сдѣлаешь по обѣ стороны словно двѣ стѣны, чрезъ которыя водѣ нельзя стекать въ канаву, она и будетъ оставаться на лугу. А когда хочешь, чтобъ канава твоя была въ пользу, то вырытую землю разбросай по лугу, заровняй ею ямины, тогда и лугъ будетъ ровенъ, да и въ канаву будетъ стекать вся вода. Ты скажешь, что на это надобно много рукъ и работы. Правда и то. Но когда у тебя мало

рукъ, я тебѣ скажу, какъ сдѣлать хорошую канаву, не разбрасывая земли. Дѣло очень простое: какъ начнешь рыть канаву, ты и выбрасывай землю все на одну сторону, примѣрно на правую. Какъ пройдешь на сажень, много на двѣ, начни бросать землю на лѣвую сторону, тамъ опять пройдя сажень или двѣ, начинай бросать землю на правую сторону, а тамъ снова на лѣвую, да такъ и дѣлай по перемѣнкамъ, пока дойдешь до конца канавы.

земля земля

. . . .

К а н а в а

. . . .

земля земля

Вотъ у тебя и будетъ канава, что ни слѣва ни справа не будетъ сплошнаго вала, а будутъ только кучки земли, промежъ которыми вода и станетъ стекать свободно.

Приключается еще и другая бѣда лугамъ, особенно поемнымъ; ихъ часто пескомъ заноситъ; а ты знаешь, что на пескѣ трава плохо растетъ. Какъ тутъ пособить горю? Опять таки скажу: до всего можно дойти, только не лѣнись. Что, кажись, хуже песка, а Господь устроилъ такъ, что есть такія растенія, которыя только и растутъ на пескѣ. Вотъ, примѣромъ сказать, *красная лоза* или *шелюга* выростетъ на какомъ хочешь, на самомъ сыпучемъ пескѣ. Да и разводить ее не трудно, стоитъ только осенью взять прутьевъ, нарубить ихъ четверти въ полторы длиною, провести по песку борозды плугомъ или сохою, набросать туда рубленныхъ прутьевъ, да и засыпать ихъ пескомъ, на весну шелюга взойдетъ, и года въ три или четыре разростется такъ, что закроетъ весь песокъ. А польза отъ шелюги еще и та, что какъ выростетъ, ты ее руби на дрова или на плетень, а она вновь ростетъ; не трогай только корней. А мало ли такихъ мѣстъ, гдѣ по сыпучему песку нельзя проѣхать? вѣтромъ его переноситъ съ мѣста на мѣсто, засыпаетъ добрыя земли, поля, огороды, такъ что цѣлыя селенія надобно переносить на другія мѣста. И все это отъ того, что люди не хотятъ примѣчать хорошаго, а что и замѣтятъ, такъ лѣнь поработать, и сдѣлать такъ, чтобы было хорошо тебѣ и дѣтямъ. Вотъ заговорили мы о томъ, что луга заноситъ пескомъ — пособить можно и этому; стоитъ только развести лозу съ той стороны, откуда песокъ несетъ; лоза выростетъ скоро и остановитъ песокъ.

Всякой бѣдѣ надобно помогать, а еще лучше беречься, чтобы не приключилась бѣда; тожъ разумѣй и о пескѣ. Ты знаешь уже какъ укрѣплять шелюгой сыпучій песокъ. А теперь я тебѣ скажу какъ отъ несмотрѣнья, да отъ неразумья людей

дѣлается сыпучій песокъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде росъ лѣсъ. Ты, чай, знаешь, что сосна ростетъ на песчаныхъ мѣстахъ; вотъ, пока стоитъ сосновый лѣсъ — земля и держится. Но вчастую бываетъ, что такой лѣсъ вырубятъ съ корнемъ, да пустятъ еще пожаръ, и истребятъ до тла все что росло. Неразумные люди думаютъ получить корысть; вырубивши сосновый лѣсъ, или хоть, пожалуй, сдѣлавши пашню; корысть-то они и получили на одинъ, много на два года, да землю-то, оголивши отъ лѣса, сдѣлали никуда годною, потому что тамъ, гдѣ росли сосновыя деревья, станетъ одинъ сыпучій песокъ. Вотъ потому-то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ на пескѣ ростетъ одна сосна, не надобно вырубать лѣсъ до тла и расчищать подъ поля.

Берегись также въ лѣсахъ оставлять огонь; ты, чай, не разъ видалъ страшные лѣсные пожары, а отъ чего они бываютъ? Пастухи или проѣзжіе вздумаютъ варить кашу, или печь грибы; да и не зальютъ огня. «Лѣсъ-де, не нашъ», толкуютъ глупые ребята, «что намъ его беречь?» А такъ толковать глупо, а что глупо, то и грѣшно. Коли отъ твоего неразумія или отъ лѣности причинилась бѣда лѣсу или иному добру другаго, — то это все равно, что ты обокралъ его; а ты знаешь какой великой грѣхъ кража! А еще и то долженъ ты взять въ толкъ, что пожаръ въ чужомъ лѣсу въ убытокъ хозяину лѣса, да и тебѣ во вредъ. Ты знаешь, что въ неурожай хлѣбъ дѣлается дорогъ, а отъ чего? отъ того что хлѣба мало. Тожъ и съ лѣсомъ: когда лѣсовъ вокругъ тебя много, то и дровъ и бревенъ и лыкъ и лучины достать можно по сходной цѣнѣ; а выгоритъ лѣсъ по сосѣдству, то за бревно, которое прежде стоило рубль, глядишь, просятъ вдвое или втрое; на избу достанешь бывало дровъ рублей за десять на цѣлую зиму, а тутъ, глядишь, и бѣлой бумажки мало. Да и то еще замѣть, что дороговизна на хлѣбъ проходитъ скоро, потому что хлѣбъ можетъ уродиться на другой годъ, — а лѣсъ стоитъ разъ выжечь, то ужъ онъ не отродится въ одинъ или въ два года, и пойдетъ дороговизна лѣса на цѣлой вѣкъ.

Когда ты все это возьмешь въ толкъ, такъ и будешь беречь лѣсъ чужой словно какъ бы онъ былъ твой собственный; не будешь въ засуху разводить огня въ лѣсу, да и другихъ будешь отъ того оберегать. А когда, по нуждѣ, безъ огня нельзя обойтись, то сваривши что тебѣ надобно, зальешь огонь, или засыпешь его землею такъ, чтобы и искорки не оставалось.

Есть также не добрый обычай у молодыхъ ребятъ, а не то и у большихъ, что глупѣе малыхъ, портить деревья, которыми обсажены дороги или улицы: глядишь, ни съ того ни съ сего, обдеретъ на деревѣ кору, или подрубитъ его. А ты никогда этого не дѣлай, да и другимъ не совѣтуй; а замѣтишь, что мальчишки балуютъ около дерева, отведи ихъ, а

не слушаются — скажи отцу, а не то Начальству; неразумныхъ надобно учить, строптивыхъ исправлять.

Кто неумѣетъ беречь чужаго добра, тотъ неубережетъ и своего.

Нельзя похвалить тѣхъ людей, которые не держатъ вокругъ своего двора ни деревца, ни кусточка. Зимою деревья защищаютъ избу отъ холодныхъ вѣтровъ, а лѣтомъ есть гдѣ укрыться отъ жары. Къ томужъ, когда между дворовъ садятъ деревья, то меньше опасности и отъ пожара, — зеленое дерево словно щитъ отъ огня. Вотъ потому-то и старайся обсаживать свой дворъ деревьями, а если есть у тебя низкое мѣсто или прудъ, или берегъ рѣчки, сажай и тамъ деревья; отъ этого и красота мѣсту и польза большая.

Форма № 12

Заказ № 17378/19 Дата 6/XII 94

Микросъемка 1 экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

Наименование или шифр издания 18.117.4.60-4

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ,

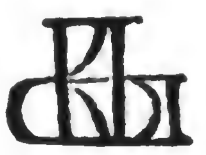
ИЗДАННАЯ

княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ

(Изданіе третье.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 іюня 1861 года.

Исправляющій должность цензора С. Загибенинъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ЦЕРКОВЬ.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза?

Церковь!

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; колокольню ты еще версты за двѣ завидѣлъ. Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ домовъ; ни на одинъ домъ она не похожа и больше всѣхъ домовъ. Ни въ одинъ домъ не войдутъ міряне со всего села, а въ церквѣ мѣсто для всѣхъ есть: и старому и малому, и богатому и бѣдному, и здоровому и больному. Всѣ ровно предстоятъ предъ Господомъ.

Въ этой церквѣ тебя крестили.

Въ церквѣ ты сочетался законнымъ бракомъ.

Въ церковь ты принесъ окрестить своего младенца.

Въ церковь тебя принесутъ, когда отдашь душу Богу.

Близко церкви тебя похоронятъ.

Словомъ, чтобы важнаго въ твоей жизни ни случилось, во всемъ тебѣ помогаетъ церковь.

И не тебѣ одному; посмотри—вокругъ церкви лежатъ отцы твои, дѣды и прадѣды. Всѣ они въ церквѣ крестились, женились, приносили крестить своихъ дѣтей, всѣ они тамъ молились, гдѣ ты молишься.

И такъ было и споконъ вѣка. Многое перемѣнилось на селѣ: гдѣ былъ лѣсъ, тамъ стала пашня; гдѣ было поле, тамъ лѣсомъ заросло; ручей высохъ, а въ другомъ мѣстѣ ключъ пробилъ, самыя избы мірянъ стали то лучше, то хуже, платье на людяхъ даже перемѣнилось. Роды прешли; одинъ міръ народился и отжилъ; другой народился и также отжилъ, и много много ихъ было, въ теченіи тысячи лѣтъ, и больше; одна церковь стоитъ какъ прежде была, безъ перемѣны, и все въ ней тѣже молитвы творятъ, и по тѣмъ же книгамъ читаютъ, какъ читали за тысячу лѣтъ. И не только такъ на твоемъ селѣ, но и во всѣхъ селахъ и городахъ всего Русскаго царства.

Всюду войди, тотъ же олтарь, тотъ же иконостасъ, тѣже мѣстные образа, и тѣже книги читаютъ и тѣже молитвы творятъ, и тѣхъ же святыхъ чествуютъ.

Стало быть церковь не то, что всякой другой домъ. Въ иной домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ. Но въ церковь Божію всѣ входятъ, и знакомые и незнакомые, и родня и неродня, и други и недруги; и часто враги, предстоя въ одно время предъ Престоломъ Божіимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ обидахъ; ибо что пользы тебѣ, если ты вошелъ въ церковь Божію, а зло на сердцѣ держишь и ропщешь и укоряешь? Если ты къ Богу пришелъ, то пусть и судитъ Богъ а не ты.

Подумай, хорошо ли дѣлаетъ иной, что въ церковь идетъ, а за пазухой жалобу или другую бумагу несетъ, да еще иной наровитъ, чтобы тутъ же ту бумагу начальству подать, благо встрѣтилъ? а ты слышалъ, что въ церкви поютъ: *всякое житейское отложимъ попеченіе.*—А подъ житейскимъ, все житейское разумѣется: и жалобы, и дѣла и праздныя мысли, и праздныя рѣчи и ссоры, и тяжбы, и уныніе и отчаяніе, все это на порогѣ у церкви оставь, а въ церковь Божію не вноси; Богъ знаетъ все, что тебѣ нужно, и подастъ тебѣ въ свое время, если кто заслужитъ добрыми дѣлами, а если и не подастъ тебѣ чего просишь, то и тогда благодари Бога, Онъ лучше тебя знаетъ, что тебѣ дать или недать.

КРЕСТЬЯНИНЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ СВИНОЛОБОВЪ.

—

Велика земля Русская,—городовъ въ ней не оберешься, а селъ и деревень не перечтешь; а потому-то и раздѣлена она на губерніи, губерніи на уѣзды, а уѣзды на волости.

Въ одной изъ губерній, по названію Тульской, гдѣ, чай слыхали вы, дѣлаютъ ружья чудныя,—есть уѣздъ Новосильскій, а въ уѣздѣ лежитъ волость Березовская, а въ волости сельское общество государственныхъ крестьянъ, по имени Слободское-Задушинское. Въ этомъ обществѣ, недалеко отъ уѣзднаго города и по близости монастыря Святаго Духа, есть слобода Ямская, въ которой проживали въ старину ямщики государевы и промышляли хлѣбомъ, а больше ямскою гоньбою. Между ними жилъ крестьянинъ Иванъ Савичъ Свинолобовъ, у котораго былъ сынъ Андрей. Вотъ объ этомъ-то Андреѣ, которому отъ роду теперь семьдесятъ три года, хочу я поразсказать вамъ. Благословилъ его Господь Богъ долголѣтіемъ на землѣ и семьею многолюдною, достаткомъ и добрымъ именемъ; а за что думаете вы?—за то, что исполнялъ онъ всегда заповѣди Божіи: почиталъ своего отца-родителя.

Отецъ женилъ Андрея на молодой женѣ, а Богъ благословилъ дѣтками, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Подъ старость захилѣлъ отецъ и однажды, передъ смертью, такъ проговорилъ сыну своему: «слушай Андрюша, нашъ родъ всегда «былъ честный, боялся Бога, не подымался на хитрости, а «жилъ мирно. Такъ живали дѣды наши еще ямщиками, такъ

«послѣ меня и ты живи: будь честенъ. Оставляю тебя съ четырьмя сыновьями, потрудись самъ и подрастутъ они, а какъ «подрастутъ, то недѣлись домами, но въ одной семьѣ къ тру«ду пріучай; съ трудомъ пошлетъ Господь Богъ и достатокъ, «а подъ старость изъ за дѣтей и самъ отдохнешь.» Мудрая рѣчь отца запала глубоко Андрею въ сердце. Помолился онъ слезно за душу отца, когда его нестало, опустилъ въ могилу по обряду христіанскому, поставилъ крестъ надъ нимъ съ молитвою и поминалъ по обычаю церковному; даже и понынѣ ежегодно поминаетъ онъ и молится за душу отца своего не одинъ разъ въ каждое лѣто.

Послѣ смерти отца, лѣтъ 45 тому назадъ, Андрей остался 28 лѣтъ, одинъ въ домѣ съ женою и четырьмя сыновьями еще малолѣтними. Трудно было одному работать на такую семью; къ тому же еще въ послѣдніе изъ жизни отца дни, случился пожаръ и весь хлѣбъ на гумнѣ сгорѣлъ. Но Андрей, помня совѣтъ родителя, принялся за дѣло съ молитвою и надеждою на Бога; трудился до поту лица, берегъ копѣйку, незналъ ни кабака, ни другаго какого безчестнаго дѣла. Межъ тѣмъ, лѣтъ черезъ 10 послѣ смерти старика Ивана, по распоряженію начальства, назначено было выселить нѣсколько семействъ изъ Ямской слободы на новый поселокъ, названный послѣ деревней Орловской. Собралась сходка и положила: выселить Андрея съ его семьею. Взвылъ нашъ Андрей, но дѣлать было нечего, противъ міра не спорить—и потащился на новое мѣсто. Вспоминая это время и теперь еще разсказываетъ онъ: «плакалъ я горько и помолясь Богу, смазалъ избушку на кочкѣ, сталъ трудиться и Господь благословилъ дѣла рукъ моихъ.» Заводиться хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ — куда трудно, особенно съ малолѣтними дѣтьми, а у Андрея родилось еще три сына; но Андрей не унывалъ, трудился и молился. Какъ начали подростать мальчики, начала прибывать и помощь Андрею. Скоро ему стало мало казенной земли, онъ нанялъ на сторонѣ, Богъ благословилъ его добрымъ урожаемъ;—Андрей продалъ часть хлѣба и на добытыя деньги нанялъ еще земли, сталъ сѣять пшеницу, разводить пчелъ.

Такъ, мало по малу, съ Божьею помощью, стало приходить довольство къ нашему Андрею. Гумно его полно хлѣба не молоченнаго, амбары—всякаго домашняго запаса,—а въ сундукѣ и деньги есть. Съ тѣхъ поръ какъ Андрей остался хозяиномъ, въ 45 лѣтъ поставилъ за свое семейство въ рекрутскіе наборы трехъ охотниковъ, да и теперь, ожидая очереди, имѣетъ въ запасѣ еще квитанцію къ зачету. У Андрея общественной земли на 13 душъ, 19½ десятинъ, да принанимаетъ каждый годъ до 30 десятинъ; а въ запасѣ у него хлѣба было въ 1845 году 1,300 копенъ, лошадей у него 25. Рогатаго скота свой заводикъ, то есть 1 быкъ, при которомъ 15 коровъ и 5 телятъ. Овецъ болѣе 150, свиней до полусотни, птицы разной домашней много, такъ что съ разу и не перечтешь. Кромѣ того 60 улей пчелъ; при домѣ своя кузница, маслобойня, овчарникъ и два овина, да еще запасено 4 сруба избъ новыхъ. Сохъ, боронъ, телегъ, саней, сбруй всякаго рода, всего много и все своего издѣлія, словомъ: изобиліе во всемъ, домъ какъ полная чаша.

А слушая все это, пожалуй иной скажетъ: «счастье Андрею Иванову, такой ужъ его чередъ!» Конечно счастье, да счастье приходитъ къ тому, кто стоитъ его. Глупому сыну и богатство не впрокъ. Счастье Андрею Иванову пришло оттого, что его благословилъ Господь, а Господь благословляетъ тѣхъ, кто трудолюбивъ, трезвъ, честенъ и умѣетъ въ семьѣ своей держать любовь и порядокъ. Въ семьѣ Андрея Ивановича всего 41 душа и всѣ сыновья съ женами и дѣтьми живутъ въ одной семьѣ, однимъ домомъ; у него 5 жилыхъ избъ — а дворъ все одинъ и одинъ всему хозяинъ самъ Андрей Ивановичъ. Онъ самъ каждому назначаетъ работу утромъ, а вечеромъ и сыновья и внуки даютъ отвѣтъ, что сдѣлали. Вся семья ѣстъ вмѣстѣ за однимъ столомъ, — а застольныя молитвы читаетъ каждый разъ самъ Андрей Ивановичъ, или тотъ изъ семьи, кому онъ прикажетъ. Такъ вотъ за что Богъ благословилъ счастьемъ Андрея Ивановича!

Были ему и искушенія въ жизни: рано умерла его жена, — Андрею Ивановичу въ тяжкомъ горѣ была утѣшеньемъ вѣра

въ Бога и покорность Его святой волѣ: «Господь далъ, Господь и взялъ, буди имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка.» Но много утѣшеній даровалъ Господь Андрею Ивановичу и въ семьѣ его и межъ людей: четвертый сынъ его Алексѣй поступилъ на службу Царскую и служитъ въ Государевой гвардіи, въ Семеновскомъ полку, и не солдатомъ рядовымъ а унтеръ-офицеромъ; старшій сынъ Василій избранъ въ добросовѣстные Сельской Расправы; кругомъ въ околоткѣ Андрея Ивановича ставятъ въ примѣръ, какъ человѣка богобоязливаго, хозяина рачительнаго и старца разумнаго. Всѣ его любятъ, почитаютъ, ходятъ къ нему за совѣтами и слушаются, особливо въ дѣлахъ общественныхъ-мірскихъ. Такъ случилось и въ концѣ 1845 года,—когда пришло время сельскихъ выборовъ на трехлѣтіе, сельское общество пожелало имѣть старшиною одного изъ сыновей Андрея Ивановича и просило его выбрать самому: онъ указалъ имъ на сына Гаврила, и общество избрало его единогласно въ старшины Задушенскаго сельскаго общества. Этого мало: Государь Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о житьѣ-бытьѣ Андрея Ивановича, о его домашнемъ порядкѣ и хозяйствѣ, повелѣль наградить его въ примѣръ другимъ—кафтаномъ, а за милосердіе къ бѣднымъ въ голодные годы — выдать ему похвальный листъ. Когда надѣли на него кафтанъ, да дали листъ похвальный, то радости его и всѣхъ семейныхъ словами не высказать, перомъ описать трудно. Со слезами повалился Андрей Ивановичъ предъ иконой Спасителя и тепло помолился за Государя Императора и все Царское Семейство.

Вотъ вамъ разсказъ истинный объ Андреѣ Ивановичѣ Свинолобовѣ, который здравствуетъ и молится Богу доселѣ за Царя и всѣхъ православныхъ, въ губерніи Тульской, въ уѣздѣ Новосильскомъ, въ волости Березовской, въ обществѣ Слободскомъ-Задушенскомъ въ деревнѣ Орловкѣ. Андрей Ивановичъ, тому, кто эту книжку прочтетъ, кланяется и проситъ каждаго: бояться Бога, любить Царя-Батюшку и нашу родину

святую, Русь православную, проситъ почитать отца и мать, жить похристіански, мирно, честно; не жить врозь домами, но въ одной семьѣ; трудиться каждому въ своемъ дѣлѣ усердно, ибо безъ труда и согласія нѣтъ и благословенія Божія, нѣтъ и счастья.

РОДСТВО И СЛУЖБА.

Въ одномъ изъ Удѣльныхъ имѣній Симбирской губерніи жило семейство Ворошилиныхъ. Они были крестьяне зажиточные и порядочные; у отца пятеро сыновей на возрастѣ, все погодки, да еще двѣ либо три дочери. Жили они мирно, спокойно; Богъ благословилъ труды работящихъ сыновей и заботы старика отца; не знали они ни горя ни печали, какъ вдругъ сказанъ былъ рекрутскій наборъ. Ворошилинымъ какъ пятерикамъ, не миновать очереди; молодые ребята стали призадумываться, а дѣвки да бабы принялись за свое ремесло, за слезы.

Глядя на это, старикъ созвалъ, въ воскресенье, послѣ обѣдни, всѣхъ сыновей, а бабъ и дѣвокъ выслалъ вонъ, чтобъ можно было говорить дѣло.

«Вотъ дѣти, сказалъ онъ, Государь требуетъ съ насъ солдата; дѣлать нечего, не идти же одинокому, не идти и двойникамъ либо тройникамъ, не обижать изъ за насъ другихъ, а идти видно кому нибудь изъ васъ. Не тужите; свѣтъ не клиномъ передъ вами сошелся, не только свѣту, что въ окнѣ; доброму человѣку вездѣ житье будетъ, что тутъ, что тамъ; тутъ работали на себя да на царское подушное, не на боку же лежали; а тамъ послужите на Государя, за то кормить станетъ. Если солдатъ мой живъ будетъ, такъ дастъ Богъ милость царскую заслужитъ,—вы всѣ ребята добрые; а если кости его тамъ закопаютъ—и на это власть Господня; онъ же и смилуется надъ нимъ. А кто пойдетъ, ужъ тому

меня старика не видать больше, надо проститься; я и то чужой вѣкъ заѣдаю, пора и честь знать. Живите жъ вы дружно, мирно; чтобъ ни попреку ни поклепу у васъ не было; чтобъ помощь была отъ брата брату; чтобъ другъ за друга Богу молились, хоть врозь, хоть вмѣстѣ жить будете; уважайте начальство, какое у кого будетъ, и повинуйтесь ему; уважайте старшаго по мнѣ, чтите братъ брата. Ну, кто жъ изъ васъ идетъ»?

Младшій сынъ Степанъ за-словомъ повалился въ ноги отцу и просилъ благословенія. «Два старшихъ брата у меня женатые, сказалъ онъ, третій уже засваталъ невѣсту, а четвертый, Григорій, слабъ, на службу не годится. Я иду».

Прошло времени годовъ двадцат слишкомъ; старикъ Ворошилинъ давно въ землѣ, сыновья его посѣдѣли, наплодили каждый полонъ домъ дѣтей; благословилъ Богъ и ихъ достаткомъ, нужды не знаютъ и хозяекъ побрали хорошихъ и живутъ безъ горя, а о Степанѣ и слуху нѣтъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ проходящій отставной солдатъ, одного съ нимъ полка, сказывалъ, что живъ-де онъ и здоровъ и начальство его любитъ. Вѣсть эта пришла еще за жизнь отца, и онъ ей порадовался; а съ тѣхъ поръ ничего о Степанѣ не слышно.

Около Покрова, когда старшій Ворошилинъ уже собирался отдавать замужъ дочь и зазвалъ на вечеръ въ избу свою сватьевъ и сватей съ женихомъ, постучался кто-то въ шатровыя ворота; а какъ не скоро пошли отпирать, не до того было, то онъ стукнулъ посохомъ своимъ и въ окошко. Побѣжала дѣвочка хозяйская, отперла калитку, и прибѣжавъ опять, сказала отцу, что-де служивый пришелъ, просится на ночлегъ. «Зови его на радость, сказалъ Ворошилинъ; если Богъ посылаетъ гостя на праздникъ мой, такъ не отказывать ему стать. У меня же и братъ Степанъ былъ когда-то служивымъ, помяни его Господи во царствіи Своемъ, чай померъ давно»; и перекрестился.

Входитъ служивый, изъ себя еще молодецъ, болѣе сорока годовъ не будетъ, и видный такой, что хоть куда. Помолился,

поздоровался, поблагодарилъ что пустили, свалилъ съ плечъ котомку, да и сталъ среди избы и глядитъ на людей: который-де изъ нихъ кто, кого узнаю? Смотрѣлъ долго, и они на него—да и спросилъ: «а что, братья мои любезные, помните ли вы завѣтъ отцовскій, молитесь ли за меня Богу? А я за васъ молился»!

Тутъ крикъ такой пошелъ на всю избу, что никто слова чужаго не разберетъ, да и самъ своего не дослышитъ. Всѣ узнали Степана—кто обнимаетъ его, кто въ ноги ему, кто спереди, кто съ тыла, съ боку—ну, словомъ, приняли Степана какъ выходца съ того свѣта, распрашивали обо всемъ до самой полуночи, тамъ запили невѣсту, и пошли по домамъ.

Не прошло мѣсяца какъ Степанъ говоритъ старшему брату Андрею: «братъ Андрей Онисимовичъ, найди ты мнѣ невѣсту—хоть вдову пожалуй, что ли, да чтобъ была хозяйка. Деньженокъ я маленько принесъ со службы, отцы-командиры сберегли спасибо; авось и вы неоткажетесь пособить, если нужда будетъ; а я еще, благодаря Бога, не старъ, и здоровъ; на боку лежать нечего; обзаведусь хозяйствомъ, да стану жить не хуже вашего. Ты у насъ за мѣсто отца теперь: благослови, да и дѣло въ шапкѣ».

Такъ и сталось. Срубилъ Степанъ избу, обзавелся хозяйствомъ, женился и жилъ себѣ не хуже братьевъ. Парень онъ умный, этимъ Богъ не обидѣлъ; душа въ немъ добрая, распорядокъ дать умѣетъ вездѣ, потому что наглядѣлся на всякую всячину, перебывалъ во всѣхъ концахъ матушки Россіи, видѣлъ и замѣчалъ, что къ чему и какъ гдѣ дѣлается. Народъ видитъ, что Степанъ Ворошилинъ худаго изъ службы не вынесъ; всякій совѣтъ его, всякое слово къ добру, а не къ худу. Пожилъ Степанъ съ годъ—міръ и выбралъ его въ приказные головы, а начальство утвердило. «Давай, говоритъ Степанъ, опять служить; нечего дѣлать, еще я дѣтей на свое мѣсто не поставилъ—не до того было, что Богъ дастъ впередъ!»

Выбравъ Степана Ворошилина въ головы, міръ не ошиб-

ся; что добраго можно было сдѣлать въ быту крестьянскомъ, все это по совѣсти и новой присягѣ своей исполнилъ. На конокрадовъ, да на передатчиковъ, которые раззоряютъ бѣднаго мужика въ одну ночь, укравъ послѣднюю лошаденку изъ подъ сохи, Степанъ наложилъ руку, и не было имъ отъ него пощады; если знаетъ достовѣрно, что такой-то воръ, да концы хоронить умѣетъ, что въ судѣ его не уличишь, то голова тотчасъ сходку соберетъ, да мірскимъ приговоромъ и спровадитъ его туда, гдѣ козамъ рога правятъ; гдѣ кабакъ въ деревнѣ стоитъ, да мужичишки сопьются, хозяйство запустятъ, то голова раза по два и по три въ недѣлю побываетъ у нихъ, кто что дѣлаетъ, что сработаетъ, все знаетъ, за всѣмъ приглядитъ, и ужъ покою не дастъ, покуда неуправится съ ними, да не заставитъ жить по людски: одного за недоимки въ заработки отдастъ, другаго подъ надзоръ сотскаго; третьяго добрымъ словомъ пройметъ да заставитъ опомниться; извѣстно — громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, а послѣ и самъ спасибо скажетъ за науку. Голова нашъ завелъ огороды у крестьянъ, проложилъ гдѣ нужно дороги; засыпалъ опасные овраги; подѣлалъ гати, покрылъ крыши—словомъ, сдѣлалъ добра много, и всѣ его благословляли.

Въ той самой деревнѣ, гдѣ жилъ четвертый братъ Степана, Григорій, отъ дождевой промоины сдѣлался овражекъ, а изъ овражка вышелъ черезъ годъ со днемъ оврагъ, да ужъ такой, что стало подмывать избы. Вотъ мужики мои по веснѣ сойдутся, поглядятъ на оврагъ этотъ, почешутъ затылки, потолкуютъ, что надо бы перегатить и завалить—да и разойдутся. Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ; всякій порознь и видитъ, что надо сдѣлать, да всѣ вмѣстѣ умовъ не сведутъ въ одинъ, и махнутъ рукой.

Пріѣхалъ нашъ голова, поглядѣлъ, да и распорядился: «вы братцы мои, сказалъ онъ крестьянамъ, видно молоды еще, хоть и состарѣлись: борода съ ворота, а ума съ накопыльникъ не вынесла. Развѣ не видите, что на весну оврагъ подъ избы подойдетъ? Тогда что станете дѣлать? Васъ тутъ 76 тяглъ; по пяти возовъ земли на 70 тяглъ, всего 350 возовъ,

этого довольно; а шесть тягъ нарубите да привезите хворосту подъ гать—и дѣло готово. Тогда вода пойдетъ у васъ нижнимъ овражкомъ и село будетъ цѣло. Смотрите, чтобъ къ Спасу было сдѣлано»!

Прошолъ срокъ, какой голова назначилъ, а овражекъ еще не засыпанъ. Никому неохота первому приниматься за дѣло, все одинъ глядитъ на другаго; а какъ четвертый братъ Степана, Григорій, который былъ однимъ только годомъ постарѣе его, не разсудилъ послушаться головы, такъ и прочіе на него глядя, махнули рукой.

Голова потребовалъ хозяевъ въ приказъ на раздѣлку. Туда, сюда — а одинъ и вышелъ, да и говоритъ: «что же ты Степанъ Онисимовичъ, на насъ однихъ взъѣлся? Отчего же ты брата своего не спросишь, для чего онъ отъ насъ не отсталъ»?

— А гдѣ братъ Григорій Онисимовичъ, спросилъ голова, позвать его.

Да не идетъ, говорятъ.

Степанъ послалъ за нимъ и велѣлъ его привести, привели.

— А что братъ, спросилъ Степанъ, ты для чего не идешь, когда голова за тобой шлетъ? Это для міра примѣръ не хорошъ: я не домой тебя къ себѣ звалъ, я бы и самъ потрудился къ тебѣ придти; я звалъ тебя на расправу, въ приказъ. Что же, скажи, ты свои пять возовъ привезъ на оврагъ.

«Нѣтъ не привезъ, отвѣчалъ братъ; да что я буду возить, да за чѣмъ я буду возить, нешто безъ меня народа мало? что̂ я тебѣ, работникъ, что ли? Ты мнѣ что за указчикъ, я старшій твой братъ; тебѣ меня слушаться, а не мнѣ тебя».

Тогда Степанъ сказалъ: ну, братъ любезный, не взыщи; а видно надо тебя поучить, чтобы ты зналъ, какъ съ головой говорить и какъ его слушаться. Степанъ тотчасъ же положилъ своего брата и отсчиталъ ему, при всѣхъ, сколько слѣдовало розогъ- а покончивъ это дѣло, при всѣхъ же поклонился ему въ ноги и сказалъ:

— Прости, братъ Григорій Онисимовичъ, не взыщи; я люблю всѣхъ васъ, самъ ты знаешь; я, не въ упрекъ ска-

зать, за насъ и въ солдаты ушелъ; да ты одну только половину отцовскаго завѣщанія помнишь, а другую видно позабылъ: прими жъ братъ науку, не сердись; я чту въ тебѣ старшаго брата, какъ отецъ велѣлъ; чти же и ты во мнѣ начальство, какъ онъ же, царство ему небесное, наказывалъ».

Братъ Григорій взялся за умъ, помирился съ братомъ Степаномъ, самъ просилъ у него прощенія и исполнилъ, что голова приказывалъ; а на него глядя и міръ не смѣлъ ослушаться своего головы и впередъ уважалъ каждое слово его и исполнялъ всякое приказаніе.

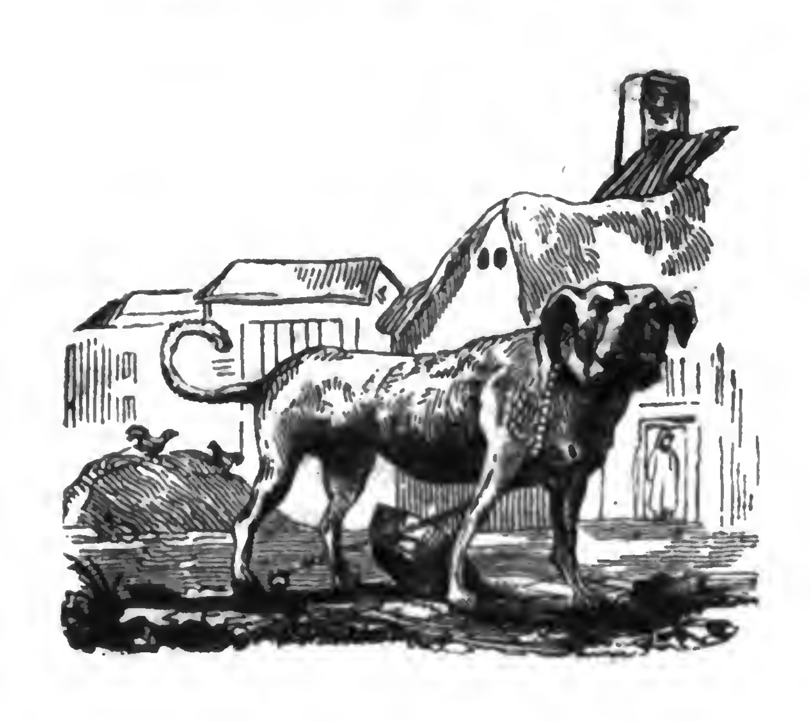

ДВОРОВАЯ СОБАКА

Жила у барина собака на дворѣ,
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ бывало жилъ чернецъ въ монастырѣ.
Всего же болѣ,
Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ;
Собаку полюбилъ,
Да какъ достать ее—не знаетъ:
Просить у барина объ ней онъ не хотѣлъ;
Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.
Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ,
Честнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ собаку ту сманить.
Бездѣльство тонкое—бездѣльствомъ не считаетъ,
И всякій разъ, когда бывало ни прійдетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ.
При ней самой ее какъ можно похваляетъ,
А барину пенять начнетъ,
Что содержанье ей худое:
«Нѣтъ, у меня житье ей было бъ не такое,
«Инова я куска и самъ бы ѣсть не сталъ
«Да этой бы собакѣ далъ;
«Всегда бы спать съ собою клалъ,
«А у тебя—она лишь кости подбираетъ,

«И какъ случится спитъ.
Все, что ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ,
И думаетъ: а что вѣдь можетъ быть и впрямь
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ;
Хоть хорошо и здѣсь..... отвѣдать бы—пуститься;
А худо, и назадъ вѣдь можно воротиться!
Подумала, да и съ двора долой.
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ, и другой,
Не только что куска того не получала,
Котораго, сосѣдъ сказалъ,
Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ;
И костью съ нуждою случится
Собакѣ въ праздникъ поживиться!
Спать, хуже прежняго спала;
А сверхъ того еще привязана была.

И подѣломъ: за чѣмъ сбѣжала?
Впередъ собака знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать.
Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,
И отъ добра добра не ищутъ.

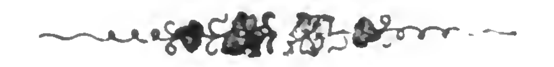
ВЕРХОВОЙ КОНЬ.

Верховой гордой конь, увидя клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ и не въ холѣ,
Какую гордой конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на клячу посмотрѣлъ;
Предъ клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и сѣмъ хвалился.
Что, говоритъ онъ клячѣ той:
Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой
Какъ мой?
И знаешь ли меня какъ всякій почитаетъ?
Всякъ кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твѣрдитъ и всякой похваляетъ;
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?
Несносна клячѣ спѣсь коня;
«Пошелъ, хвастунъ!» ему на это отвѣчаетъ;
«Оставь въ покоѣ ты меня.
«Тебѣ ль со мной считаться
«И мною насмѣхаться?
«Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ?»

МУРАВЕЙ И ЗЕРНО.

Готовя муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мелкими оно
Весьма большое.
Не муравью бы имъ, казалось, и владѣть;
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое,
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать.
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была.
Ну, около зерна мой муравей трудиться,
Тащить, корабкаться, лѣпиться.
Но тяжесть трудъ перемогла,
И муравья стремъ- главъ съ утеса сорвала;
Грузъ въ сторону летитъ, а муравей въ другую.
Не трогая струну людскую,
Мнѣ только муравью хотѣлось бы сказать:
Чтобъ свыше силъ не подымать.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖЪ.

Былъ домъ.
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли.
И пѣли.
Лишь только соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькой отцу прохода не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.
Отецъ обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
«Ну,» говоритъ, «узнай, мой свѣтъ!
«Которая тебя такъ много забавляетъ?»—
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ.
«Вотъ, батюшка, она,» сказалъ;
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищенье;
«Какія перушки! Куда какъ онъ пригожъ!
За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ.»
Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно, и въ житействѣ тожъ:
О людяхъ многіе по виду заключаютъ;
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

ХМѢЛЬ, СОНЪ И ЯВЬ.

—

Во Владимірской губерніи на большой дорогѣ есть село, извѣстное по мастерству и прилежанію своихъ крестьянъ, плотниковъ и столяровъ, въ числѣ коихъ наберется и десятокъ-другой красно-деревцевъ. Село это извѣстно подъ названіемъ Глухаго Озера и почти поголовно уходитъ въ Заволжскій край на работу. Тутъ жила большая семья Воропаевыхъ; дѣдъ сидѣлъ уже дома на печи, а отецъ и четверо сыновей ходили постоянно, по вызову подрядчиковъ, куда только путь-дорога лежитъ, и кормили и оплачивали всего не менѣе 17 душъ. Въ числѣ подрядчиковъ былъ и родной братъ отца Воропаева, а дядя четырехъ сыновей; ему посчастливилось въ работѣ, хозяинъ былъ онъ хорошій, мужикъ смышленый, сшилъ себѣ синюю сибирку, взялъ сажень въ руки и сталъ держать артель.

На этотъ разъ плотникамъ нашимъ случилось проработать лѣто всѣмъ вмѣстѣ, или по близости одному отъ другаго; отецъ собралъ ихъ къ зимѣ и велѣлъ собираться также, какъ обыкновенно хаживали они и поочередно, на общій счетъ, чтобы не больно издержаться. Разсудивъ, что степную лошадку можно продать безъ убытка на какомъ нибудь яму, Воропаевы купили пару коней и около Рождества старикъ нашъ съ сыновьями прибылъ домой. Онъ не былъ на родинѣ уже два года, и подкатилъ на саняхъ подъ ворота съ рѣзною стрѣхою — какъ снѣгъ на голову: никто его не видалъ. Вошедъ не торопясь въ избу, онъ отсунулъ отъ себя лѣвой

рукой старуху свою, которая закричавъ отъ радости: охъ ты родимой мой! бросила было веретело свое и кинулась обнимать мужа. Онъ помолился преспокойно иконамъ, между тѣмъ какъ жена заливалась слезами, потомъ уже вымолвилъ: здравствуйте, поцѣловалъ старуху свою, дочерей, малыхъ сыновей и внуковъ. Вошли и пріѣзжіе четыре сына; семья жила нераздѣльно, въ большой, просторной избѣ, на двѣ половины съ комнатками. Вскорѣ сбѣжались и замужнія дочери и кто былъ на селѣ изъ зятьевъ; тутъ пошли шурья, свояки свояченицы, тещи, невѣстки, кумы, кумовья — русскій человѣкъ безъ сродниковъ не живетъ, и набралась полна изба. Отцу своему Воропаевъ-отецъ поклонился въ ноги; жена ему поклонъ въ ноги; словомъ, все пошло своимъ порядкомъ и сродники кланялись низко отцу, дюжему плотнику, цѣловались съ сыновьями его, говорили приличныя рѣчи, какъ слѣдуетъ по закону, на примѣръ: какъ васъ Богъ миловалъ? по добру ли по здорову? соскучились мы по васъ совсѣмъ—и прочее, а за тѣмъ пріѣзжіе раздѣлись, то есть распоясались, скинули тулупы и кафтаны, усѣлись вокругъ стола, занявъ красный уголъ избы, а бабы подавали ѣсть и пить, толпились около печи, за загородкой, шарили въ рѣзномъ поставцѣ, выгоняли изъ подъ лавокъ куръ, которыя думали воспользоваться праздникомъ и суматохой и втерлись, подъ ногами у посѣтителей, въ избу. Между тѣмъ ребятишки, растянувшись на краю палатей ничкомъ и потряхивая головами, глядѣли на все это, мигая и толкая другъ друга. Кромѣ корчаги щей и горшка каши, плотники наши опорожнили вскорѣ два огромные кувшина квасу и отрѣзали себѣ, на закуску, по сукрою хлѣбца, четверти въ три, посыпавъ его крупною, какъ горохъ, солью.

«Добрались таки опять до своего хлѣбушка» сказалъ отецъ, «а было ѣсть его разучились.»

— Нешто—отвѣчалъ сынъ низовымъ нарѣчіемъ, къ которому привыкъ на работахъ своихъ — нешто, добрались; а и бѣлые калачи ихъ ладно подъ зубъ ложатся, батюшка, что у насъ вотъ пирогами зовутъ. Тамъ хлѣба вѣкъ не знаютъ —

прибавилъ онъ оборотившись къ свояку, человѣку небывалому, который сидѣлъ дома на хозяйствѣ,—все калачъ, что по нашему пирогъ.

«То-то вѣдь мы и ходимъ къ нимъ калачи-тѣ ѣсть»—замѣтилъ отецъ,посоливъ еще разъ изъ солоницы ломоть свой, и стряхивая надъ нимъ пальцы, «что у нихъ калачей-то много, что сами они съ ними не управятся.»

— А рыбы-то у нихъ рыбы—началъ другой сынъ — хоть круглый годъ постись; и свиней рыбой кормятъ, и собакъ рыбой, да и коровы, братъ, тамъ рыбу ѣдятъ; ей Богу ѣдятъ! вотъ земля!

«Разумѣется такъ» сказалъ одинъ изъ сродниковъ, «что городъ, то норовъ.»

— Какъ такъ коровы? —спросилъ своякъ, которому понятливость или сговорчивость сродника непояснила дѣла.

«Да такъ братъ, ѣдятъ, да и только; пожалуй хоть отца, батюшку спроси и братьевъ, чай не дадутъ соврать; вотъ хоть и въ самой Астрахани: за мѣсто того, что у насъ дадутъ коровѣ мѣсиво какое, что ли, а тамъ вяленой рыбки соленой подкинутъ ей, она и жуетъ ее ровно хлѣбъ.»

— А народу что тамъ некрещенаго—началъ другой—такъ Господи воля твоя? ровно въ собачье царство какое забредешь; такъ вотъ вокругъ тебя невѣсть покаковски и лаютъ.

«Вишь ты, братъ!»

— Калмыкъ про маханъ толкуетъ, Карсакъ (Кайсакъ) про свое тамъ что нибудь, Татаринъ кильмунда, Кизылбашъ молчитъ, сидитъ себѣ, таки вотъ хоть не води ушами, не при тебѣ писано.

Гости, и въ особенности бабы, дивились всѣмъ чудесамъ этимъ: вскорѣ однакожъ посторонніе всѣ разошлись съ поклонами и остались одни хозяева. Смерклось, подали свѣтецъ и лучинъ; отецъ позвалъ дѣда на совѣтъ; заперли двери на крючекъ, выславъ напередъ бабъ—достали и сосчитали принесенныя съ собой деньги, рублей по двѣсти на брата, кромѣ того, что переслали уже домой на оброкъ; расчитали сколько и куда изъ нихъ пойдетъ; потомъ убрали деньги,

позвали бабъ и отецъ роздалъ женѣ, дочерямъ и невѣсткамъ по платку; и мужья вытащили гостинцы свои; отецъ съ дѣдомъ потолковали о томъ, гдѣ кто работалъ, почему бралъ, что прохарчилъ и зароботалъ и сколько принесъ. Наконецъ старикъ Воропаевъ подозвавъ къ дѣду третьяго сына своего, Степана, принесъ на него горькую жалобу, что онъ-де сталъ, ни съ того ни съ сего, погуливать и немало денегъ пропилъ.

Гнѣвно вскинулся дѣдъ на робкаго Степана, который кланялся ему въ ноги, божился и заклинался, что впередъ не станетъ никогда, даже въ ротъ ничего не возметъ — но у дѣда глаза горѣли, сѣдой волосъ придавалъ суровому, красному лицу его грозный видъ, бѣлая борода, пожелтѣвшая уже мѣстами, какъ поблеклый листъ, дрожала. Степанъ горько плакалъ и самъ отецъ, отступившійся отъ него въ началѣ жалобы своей и предавшій его гнѣву дѣдовскому, началъ по маленьку задобривать дѣда, ручаясь за сына на будущее время. Степану объявили, что онъ съ будущей весны пойдетъ работать на свое хозяйство, что пора его женить. «Да гляди ты у меня,» прибавилъ дѣдъ, постукивая костылемъ своимъ въ половицу и потряхивая выразительно, по поясъ разостлавшеюся бородою, «гляди, Степанъ, если ты у меня пить не бросишь съ сегодняшняго дня, то Господь попутаетъ тебя, покараетъ и наживешь ты себѣ неизбѣжное горе.»

Насталъ Мартъ, и Степанъ, положивши на прощанье еще разъ большое заклятіе, что хмѣльнаго въ ротъ не возметъ, сталъ собираться въ путь. Хоть онъ и зарекался искренно и не пилъ дома во всю зиму, — но ему какъ-то боязно было идти въ одно мѣсто съ отцомъ и братьями, и онъ пошелъ въ Саратовскую губернію, подъ предлогомъ, что тамъ-де слышно лучше платятъ. Какъ хорошему плотнику, ему и точно дали 380 руб., на хозяйскихъ харчахъ, за лѣто, т. е. отъ Пасхи до Покрова, либо до Кузминокъ, до Козьмы и Демьяна, или ссыпчины, также дѣвичій праздникъ, потому что дѣвки сходятся въ одну избу, приносятъ каждая что ни-

будь съѣстное, готовятъ вмѣстѣ ужинъ и празднуютъ свой праздникъ.

Степану пришлось работать съ небольшою артелью, сперва въ одной барской усадьбѣ, а тамъ въ удѣльномъ имѣніи, гдѣ рубили избу для приказа. На барскомъ селѣ жилъ, такъ называемый въ тѣхъ мѣстахъ дворникъ, или содержатель постоялаго двора. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда господскимъ, взялъ себѣ въ голову, что не хочетъ служить у господина, хочетъ на волю—а ужъ какъ русскій человѣкъ заберетъ себѣ въ голову, что нибудь, то справиться съ нимъ мудрено. Тутъ ни опасности, ни очевидная безсмыслица предпріятія и здравыя, благоразумныя убѣжденія ваши не пойдутъ въ прокъ; оно все такъ, подумаетъ онъ, а иной разъ и скажетъ, да ужъ власть Господня, что будетъ, то будетъ, а я ужъ хочу того, либо другаго, ужъ пусть такъ и будетъ. Такимъ образомъ молодецъ нашъ, забравъ себѣ въ голову, что ему надо быть мѣщаниномъ, и собравъ Богъ вѣсть изъ какихъ источниковъ безтолковое свѣдѣніе, что на Черномъ морѣ можно приписаться, собрался и ушелъ. Съ этого перваго похода на Черное море привели моего молодца, перехвативъ его гдѣ-то на перепутьѣ, съ выбритой на половину головой; но какъ онъ твердо вознамѣрился достигнуть, во чтобы ни стало, обѣтованной земли своей, то онъ вслѣдъ за тѣмъ попытался въ другой и третій и десятый разъ, каждый разъ возвращался по пересылкѣ съ бритой головой и до того надоѣлъ наконецъ помѣщику, что этотъ отпустилъ его на волю за 300 руб., которые неизвѣстно какимъ образомъ очутились у Черноморца—прозваніе, приданное ему единогласно цѣлымъ селомъ.

Черноморецъ поселился въ Саратовской губерніи въ помѣщичьемъ имѣніи, и у него достало Богъ вѣсть какихъ денегъ купить избу, и выплатить помѣщику за годъ впередъ оброкъ за постоялый дворъ. Степанъ случайно познакомился съ нимъ, когда еще въ прежніе годы тутъ работалъ, свелъ даже какую-то хмѣльную дружбу и не разъ въ прежніе годы вмѣстѣ съ нимъ бывалъ пьянъ. Въ этотъ разъ Степанъ крѣ-

пился и держался; вскорѣ артель перешла на работу въ удѣльное село и можетъ быть вся дружба ихъ тѣмъ бы и кончилась; но Степанъ остался работать и на зиму, потому что работа нашлась, и ему хотѣлось принести болѣе домой, утѣшить отца и дѣда, и жениться. Тутъ подрядчикъ послалъ его на саняхъ, въ одну лошадку, забрать въ господскомъ селѣ какой-то оставленный тамъ плотничій приборъ.

Степанъ заѣхалъ переночевать къ своему Черноморцу и тутъ-то на досугѣ и на привольѣ, какъ гость противу потчиванія не устоялъ. А хозяинъ поилъ его вечеркомъ съ особеннымъ усердіемъ и заставилъ признаться въ дружеской бесѣдѣ, что у него въ натѣльномъ бумажникѣ есть сотни двѣ заработанныхъ денегъ. Легли спать, гость на лавкѣ подъ образомъ; а хозяинъ съ хозяйкой за перегородкой. Степанъ заснулъ, какъ легъ, но ему привидѣлся страшный сонъ: родной дѣдъ его, въ красной рубахѣ, съ сѣдыми какъ лунь волосами, пожелтѣвшею бородою, со страшными глазами и загорѣлою клѣтчатою какъ юфть шеей, стоялъ передъ нимъ и хотѣлъ его зарѣзать, за то, что внукъ напился пьянъ. Степанъ проснулся и перекрестился; холодный потъ проступилъ у него по всему тѣлу. Хмѣль прошла; сонъ прошелъ, сердце стучало вслухъ и Степанъ лежалъ цѣлый часъ, едва переводя духъ, едва смѣя вздохнуть.

Въ это время ему послышался легкій стукъ и шопотъ за перегородкой. Степанъ уставилъ въ потьмахъ глаза въ потолокъ и сталъ чутко вслушиваться: хозяйка упрашиваетъ и умаливаетъ хозяина о чемъ-то; а онъ ее сурово отталкиваетъ и приказываетъ вздуть огня. Она все свое; онъ сердится, грозитъ — но шопотомъ; наконецъ Степанъ слышитъ ясно, что рѣчь идетъ о душѣ его; хозяйка говоритъ: «родной ты мой, полно, покинь, не тронь его, Господь съ нимъ, мало-ль ты ужъ на душу свою грѣха принялъ! ну за что ты его погубишь? побойся Бога хоть разъ, не тронь его.....»

Степана дрожь проняла до мозговъ, однако онъ нащупалъ напередъ всего топоръ свой, сѣлъ, кашлянулъ громко, и

спросилъ: «хозяинъ, никакъ и ты не спишь. Вели пожалуста огонька вздуть, да разочтемся за сѣнцо, мнѣ чай ужъ ѣхать пора?» Хозяинъ далъ хозяйкѣ своей тихомолкомъ зуботычину, велѣлъ вздуть огня—и она на этотъ разъ послушалась—вышелъ къ Степану, сказалъ: «что такъ рано, еще никакъ первые пѣтухи только что замолкли?» Да такъ, — отвѣчалъ Степанъ—лошадь видно ужъ отдохнула, такъ пора собираться; хозяинъ наказывалъ пораньше поспѣть на мѣсто.

Степанъ расчитался, съ оглядкой, одѣлся, заткнулъ топоръ за поясъ, пошелъ закладывать своего мерина, сказавъ, что зайдетъ еще, но вмѣсто того, самъ растворилъ ворота, перекрестился, сѣлъ и поѣхалъ: хмѣль, говоритъ, всю изъ головы выбило и слѣду не осталось.

Выѣхавъ за село, Степанъ пустилъ лошадь свою шагомъ и сталъ думать о томъ, что съ нимъ случилось. Невѣрилось ему какъ-то, чтобы Черноморецъ посягнулъ на такое дѣло и Степанъ уже почти готовъ былъ подумать, что все-де это ему во снѣ привидѣлось, либо съ похмѣлья померещилось. Въ это время другія мужицкія сани догоняли рысью Степана и кто-то кричалъ: «сворачивай, не видишь, что ли?» Степанъ оглянулся въ потьмахъ, голосъ показался ему, что-то знакомый. «Сворачивай, тебѣ говорятъ!»—Тѣсно, что ли тебѣ по дорогѣ,—отвѣчалъ Степанъ,—объѣзжай стороной.—Наѣхавшій сзади своротилъ въ это время въ сторону и въ ту же минуту вдругъ ударилъ изо всей силы Степана цѣпомъ. Къ счастію Степанъ, напуганный уже впередъ знакомымъ голосомъ и подозрѣвавшій что-то недоброе, не спускалъ глазъ съ своего попутчика и успѣлъ уклониться нѣсколько отъ взмаха цѣпа, такъ что ударъ пришелся только въ грядку саней и частію по ляшкѣ. Въ одинъ мигъ Степанъ выхватилъ цѣпъ изъ рукъ убійцы, взмахнулъ и ударилъ его самого изо всей силы въ самое темя; тотъ свалился въ сани и уже не вставалъ. Лошади сбили между тѣмъ одна другую къ краю дороги и остановились, упершись головами въ сосну.

Степанъ перекрестился, слѣзъ съ саней, оглянулся кругомъ — все тихо и пусто; подошелъ къ недругу своему, по-

смотрѣлъ ему въ лицо—онъ, онъ и есть, Черноморецъ, хозяинъ постоялаго двора! И такъ отпустивъ плотника изъ дома и опасаясь можетъ быть, что онъ слышалъ ночной разговоръ и донесетъ теперь о зломъ умыслѣ хозяина, этотъ рѣшился нагнать его дорогой, хотѣлъ заставить своротить, чтобы отвлечь вниманіе его отъ себя и наѣздомъ думалъ сбить его ударомъ цѣпа и обобрать. Судьба посудила иначе; хозяинъ лежалъ убитый предъ плотникомъ, а этотъ, радуясь своему спасенію, не зналъ однакожъ куда со страху дѣваться; онъ убилъ человѣка, будетъ сидѣть въ острогѣ, судиться, словомъ, пропадетъ.

Подумавъ немного, Степанъ, опасаясь всѣхъ страшныхъ послѣдствій, рѣшился скрыть и утаить этотъ случай. Онъ нашелъ въ сторонѣ отъ дороги порядочный оврагъ, заваленный снѣгомъ и хворостомъ. Очистивъ одно мѣсто, онъ свалилъ туда убитаго, прикрылъ его опять хворостомъ и снѣгомъ, а лошадь оборотилъ назадъ и пустилъ по дорогѣ домой. Затѣмъ, Степанъ самъ сѣлъ и поѣхалъ.

Ночь, темно, холодно, пусто и глухо. Задумался Степанъ нашъ и разсудилъ наконецъ, что все-де этому виновата проклятая чарка. Она меня было замертво спать уложила и еслибы не сонъ, какъ бы не приснился мнѣ грозный дѣдъ, такъ видно и не вставать бы мнѣ съ лавки. Охъ, чуть ли не правду онъ говорилъ мнѣ, что наживу я горе неизбѣжное—чуть ли это не оно и приспѣло. Не стану пить, вотъ ей Богу, Господь видитъ не стану; снялъ шапку, перекрестился на небо глядя и заплакалъ.

Пріѣхалъ Степанъ въ господскую деревню, куда его посылали, принялъ что слѣдовало, переночевалъ, накормилъ лошадь и пустился опять назадъ. Страшно тамъ было ему подъѣзжать къ селу, гдѣ свершилось надъ нимъ прошлую ночь столько недобраго: сердце стучало и Степанъ нашъ робко оглядывался. Время было подъ вечеръ; улицы на селѣ тихи, почти пусты, кой-гдѣ баба съ ведрами, мальчишка въ братнемъ тулупишкѣ, въ отцовской шапкѣ; огонекъ кой-гдѣ уже свѣтится въ окна, словомъ, все мирно, тихо, привѣтливо.

Стали мучить Степана и страхъ и любопытство, дай-де узнаю, что теперь дѣлается въ домѣ моего Черноморца. Подъѣзжаетъ—и тутъ все тихо, огонекъ видѣнъ въ окно, вороты заперты. Степанъ подумалъ — да и стукнулъ кнутовищемъ въ ставень. «Что надо?»—Покормить лошаденку, пустите. Хозяйка отворила волоковое окно и высунула голову. «Нѣтъ, Господь съ вами, проситесь къ другимъ, нельзя.» Что такъ? вѣдь вы жъ бывало пускаете?—«Пускаемъ, да теперь нельзя, хозяина нѣтъ дома, безъ себя пускать не велитъ: да это ты Степанъ! я было тебя и не узнала! Нѣтъ, кормилецъ, безъ хозяина пустить не смѣю, собачиться будетъ, ей Богу; ступай вонъ наискосокъ, къ Федулову, тамъ пустятъ и сѣнцо у нихъ свое, хорошее.»—Да гдѣ жъ у тебя хозяинъ? вѣдь вчера дома былъ, какъ я ночью уѣхалъ? — «А кто его знаетъ, куда его занесло; вслѣдъ таки за тобою, Господь знаетъ за чѣмъ, заложилъ сани, сѣлъ да и поѣхалъ,—а еще и деньги при немъ были въ бумажникѣ, рублей со сто никакъ; видно запилъ что ли гдѣ нибудь; диво только, что лошадь сама домой пришла—аль онъ хмѣльной упустилъ ее—пришла одна и мѣсто знать на соломѣ на саняхъ, гдѣ сидѣлъ, а его вишь нѣтъ.»

Степанъ простился, сѣлъ и поѣхалъ, а хозяйка затворила окно. «Стало быть, подумалъ онъ, никто ничего незнаетъ. Да и что жъ мнѣ, вправду, чего бояться? я выѣхалъ себѣ напередъ, пріѣхалъ, хоть розыскивай, сколько хочешь, — въ Родимиловку, никуда не заѣзжалъ, никого не видалъ, — онъ выѣхалъ послѣ меня,—съ чего-жъ тутъ кто на меня скажетъ? никто и не подумаетъ, и подумать нельзя никакъ. Однако сто рублевъ, говоритъ хозяйка, при немъ были, а кому они достанутся? никому; тутъ и пропадутъ, сгніютъ, какъ весна придетъ, только и будетъ проку. А нашъ братъ, рабочій человѣкъ, бьется цѣлое лѣто изо ста рублевъ... эко диво, подумаешь, сто рублевъ! и никто за нихъ спасибо не скажетъ, никому въ прокъ не пойдутъ, такъ себѣ изведутся. Ну да не до нихъ теперь; благо только самаго Господь отъ бѣды помиловать.»

Поровнявшись дорогой со знакомымъ ему мѣстомъ, Степанъ сталъ однакоже думать и размышлять объ этихъ деньгахъ посмѣлѣе: какъ такъ проѣхать не взявъ денегъ, не поднять ихъ съ земли, когда тутъ валяются? никого я этимъ не обижу, ни у кого добра не отымаю — просто само навернулось. Степанъ остановился, прислушался на всѣ стороны — все тихо, глухо, никого нѣтъ. Онъ спустился въ оврагъ, отыскалъ покойника, нашелъ при немъ тѣльной бумажникъ, вынулъ изъ него деньги и торопился опять въ путь. «Завтра сосчитаю» подумалъ онъ, «не уйдутъ они теперь.» Я этого не искалъ, за этимъ дѣломъ не ходилъ, онъ самъ навязался. Это мнѣ стало быть Богъ послалъ. Недругъ посягалъ на мою голову — Господь ему судилъ самому подвернуться мнѣ подъ руку; не перелобань я его, ужъ онъ бы меня доѣхалъ. Грѣхъ на его душѣ, не на моей; онъ самъ себя извелъ своею рукою. Прости Господи согрѣшенія наши!» Перекрестился и поѣхалъ.

Степанъ до этого времени помнилъ страшный зарокъ дѣда, соблазнившись одинъ разъ на ночлегѣ у покойнаго Черноморца, зарекся и закаялся послѣ того вдвое и въ ротъ не бралъ хмѣльнаго, но пріѣхавъ къ хозяину, въ Родимиловку, съ деньгами, которымъ никто не зналъ счета, онъ обождалъ еще съ недѣльку, увѣрился, что никто его ни въ чемъ не подозрѣваетъ, что о Черноморцѣ и слуху нѣтъ другаго, какъ поѣхалъ-де да и пропалъ безъ вѣсти, а лошадь одна воротилась—и сталъ опять—съ горя ли, съ радости-ль, погуливать. Куда правдиво слово это, что не добрыя деньги въ прокъ неидутъ, и что легко добытую копѣйку вѣтромъ изъ мошны выноситъ.

Пошелъ да пошелъ гулять Степанъ, подъ конецъ и удержи не стало, хозяинъ его прогналъ и вычелъ еще съ него за прогулъ, по цѣлковому на день; пошелъ онъ къ другому, пропивъ все, до нитки, а домой еще и гроша не услалъ. Пришелъ Покровъ, пришли и Кузминки, насталъ и послѣдній срокъ — Воздвиженіе — и новый хозяинъ, расчитавшись съ Степаномъ, отпустилъ его, сказавъ: «Не ходи ко мнѣ братъ

на тотъ годъ — руки у тебя золотыя, да рыло поганое. Такихъ мнѣ не надо. Господь съ тобой!»

Степанъ нашелъ себѣ у новаго хозяина новаго товарища, съ которымъ нерѣдко вмѣстѣ гулялъ; а какъ имъ домой были сотни полторы верстъ по пути, такъ они согласились идти вмѣстѣ. Люди съ людьми ушли, а эти двое, какъ поплоше, такъ остались вмѣстѣ — имъ совѣстно было къ людямъ приставать.

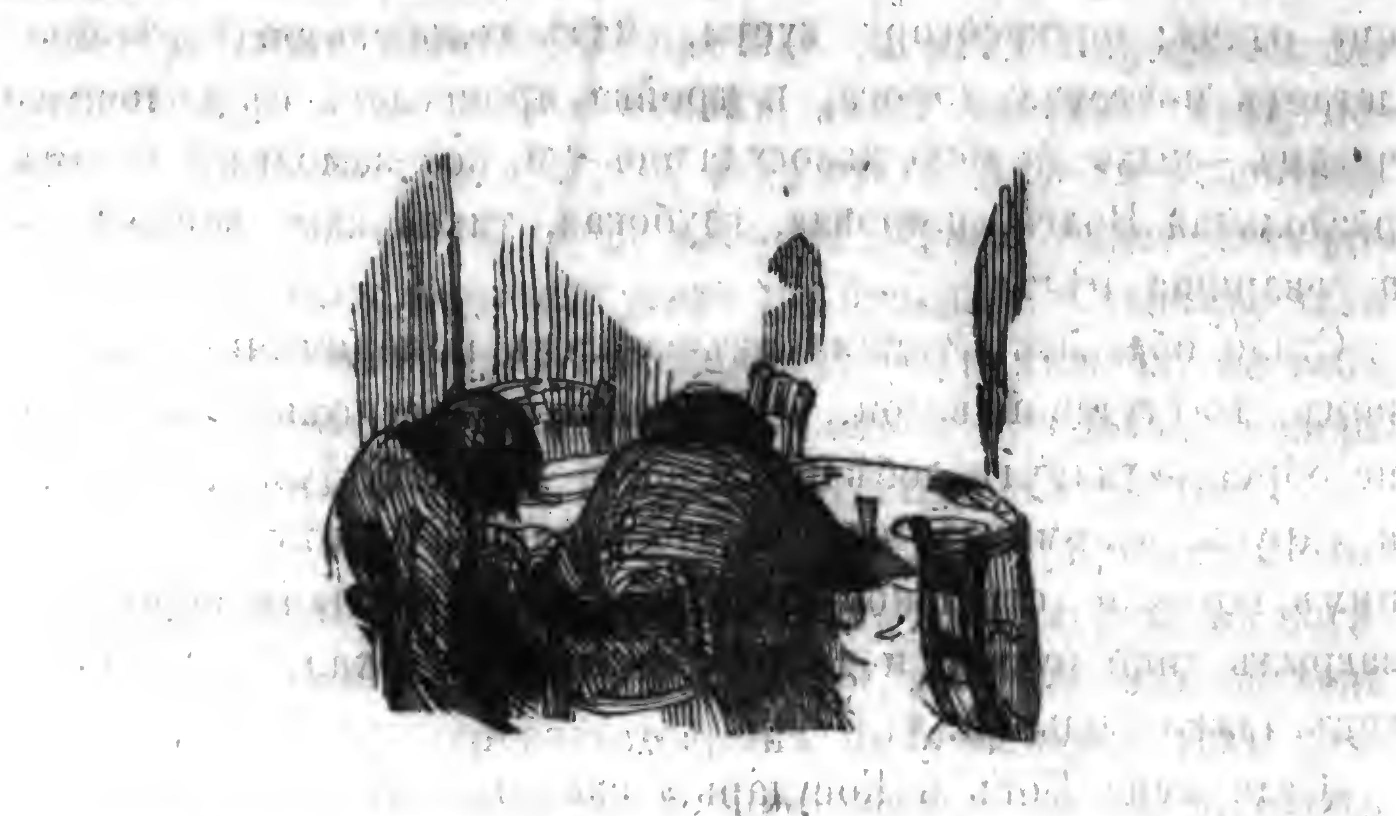
Теперь стала Степана и совѣсть мучить, сталъ грѣхъ отъ сна, отъ ѣды отбивать, и страхъ, что дѣдъ скажетъ, что отецъ? Степану стало жарко. Взяло его раздумье — какъ я покажусь имъ безъ денегъ? что принесу домой? А еще и Черноморца ободралъ, какъ разбойникъ какой, — все не впрокъ пошло! Въ это время подошелъ товарищъ его Гришка, да и присталъ къ нему, что-де носъ повѣсилъ, какое горе мыкаешь? Степанъ признался, что страшно безъ денегъ дома показаться. «Эко горе!» сказалъ Гришка, да вѣдь у меня, парень, таже бѣда: заварилъ пива, да сталась нетека; рублевъ осьмнадцать всего домой принесу, а надо бы, говорятъ люди, сотни полторы, либо двѣ. Но слушай Степанъ, не пойдемъ мы съ тобой по домамъ; что тамъ дѣлать? не слыхали мы побранки что ли?»—И радъ бы неидти, — отвѣчалъ Степанъ, — такъ у меня паспортъ годовой; о Пасху срокъ.

«Такъ гдѣ же у тебя еще Пасха, перекрестись! Вотъ тутъ подрядчикъ не за горой набираетъ народу въ Казань; отпиши домой, что ушелъ въ Казань на зимнюю работу, тебѣ паспортъ выправятъ, вышлютъ, а ты зимой заработаешь сотенку: лѣто само по себѣ пойдетъ — вотъ на осень опять будешь съ деньгами; тогда съ Богомъ домой.»

Степанъ нашъ словно свѣтъ увидѣлъ; съ радости позвалъ Гришку въ питейный, чтобы почествовать его за доброе слово, да кстати ужъ запить и радость и горе.

Такимъ-образомъ они, порядившись съ подрядчикомъ, отправились въ Казань артелью, но не доходя до города отстали отъ своихъ; надо было вѣдь опять приготовиться къ

работѣ; тамъ ужъ пить не дадутъ, разсудили они вдвоемъ; такъ дай тутъ въ волю на прощанье погуляемъ, да и закаемся.

Подгуляли товарищи вмѣстѣ, да подгулявши, какъ водится, сперва обнимались, цѣловались, а послѣ — невѣдомо какъ и съ чего — поссорились, побранились да немного было и подрались. Народъ радъ такому случаю; гдѣ два дурака дерутся, тамъ ужъ навѣрное третій смотритъ. На эту пору однакожъ нашлись видно люди поумнѣе, развели дракуновъ, и они снова помирились, поцѣловались и пошли вмѣстѣ рука въ руку въ городъ. Кто видѣлъ ихъ, сказывали, что они шли мирно и толковали только одинъ другому, какъ найти и доспроситься въ Казани своей артели и подрядчика: каждый изъ нихъ поочередно недоумѣвалъ, какъ это сдѣлать, и каждый опять толковалъ и объяснялъ, что языкъ до Кіева доведетъ, не только до подрядчика.

Видно долго перекачивались они съ одного края дороги на другой, сумерки, а наконецъ и ночь захватила ихъ еще на пути. Сѣли товарищи наши вмѣстѣ отдыхать подъ кустами надъ Волгой — снова стали считаться, видно хмѣль еще не прошла—снова побранились и подрались, можетъ статься, кто ихъ знаетъ, что у нихъ тутъ было — да только конецъ

вышелъ изъ плохихъ плохой, что крещеному человѣку и вымолвить страшно.

Степанъ просыпается на зарѣ — оглядывается кругомъ — онъ одинъ; по косогору кусты, надъ головою по горѣ пролегаетъ почтовая дорога, и тройка пронеслась съ колокольчикомъ—пыль за нею разостлалась—и все замолкло; у ногъ раздольная Волга, широкая, глубокая, тихая какъ зеркало,— а товарища нѣтъ.

Стало обдавать Степана изъ-за-плечь попеременно, то варомъ, то студеной водой, — началъ онъ вспоминать что-то недоброе,—глянулъ себѣ подъ ноги, на траву, увидѣлъ кровь и вдругъ вспомнилъ все, будто молніею освѣтило передъ нимъ потемки страшной прошлой ночи. Степанъ зарыдалъ, закрылъ лице руками и долго сидѣлъ такъ, охалъ и стоналъ, какъ тяжко больной.

«Суди меня Богъ и Государь,» сказалъ онъ наконецъ, «видно по грѣхамъ моимъ и земля меня не снесетъ больше; за что я сгубилъ Гришку сердечнаго? Черноморецъ — ну, тому туда и дорога, прости Господи; онъ на мою голову посягалъ; а этотъ чѣмъ виноватъ? Хмѣль ошибла его, какъ и меня, вотъ и все; а сколько разъ подносилъ онъ мнѣ, какъ товарищу, за послѣднюю гривну свою? охъ тяжело, не снесу я этого грѣха! не слушалъ я дѣдовскаго заклятія; знать разсудилъ меня съ нимъ Господь; вотъ оно какъ пришло, неизбывное горе — не роди мать сыра земля, пропащій я человѣкъ!»

Степанъ всталъ, положилъ на прощанье еще земной поклонъ и поцѣловалъ подъ собою мать сыру землю, перекрестился и взмолился въ слезахъ: «Гриша, не попомни ты мнѣ хоть на томъ свѣтѣ грѣха моего,» и пошелъ въ городъ.

На тощакъ, какъ былъ — не до ѣды ему теперь стало — явился Степанъ въ Земскій Судъ. Рано, говорятъ, еще никого нѣтъ. Степанъ сѣлъ у воротъ, гдѣ было человѣкъ съ десятокъ разныхъ просителей, и сталъ дожидаться. «Мое не уйдетъ отъ меня,» подумалъ онъ, вотъ эти бѣдняки стоятъ всякій за своей нуждой, всякій добивается чего нибудь, ищетъ

за неправду, за обиду, а я ищу на себя. Суди Богъ и Государь; а ужъ прощай свѣтъ бѣлый, родимая сторонушка, невидать меня тебѣ!»

«Вотъ, отецъ сердечный, прочилъ за меня Марью, Машку Сошникову — вотъ тебѣ и женихъ! дѣвка она хоть куда, нечего сказать, да ужъ я ей не подъ стать. Ахъ ты головушка моя бѣдная, въ омутъ какой усадила! Правду видно дѣдъ родимый сказывалъ, что если пить не бросишь, Степанъ, такъ Господь попутаетъ тебя, покараетъ, и наживешь ты себѣ горе неизбывное! охъ, оно и есть, оно и привалило теперь неизбывное, вѣковѣчное, даже до представленія свѣта!»

Засѣдатель пришелъ—а въ тѣ поры этихъ становыхъ и слыхомъ еще не слыхать было—и Степанъ къ нему, да въ ноги. Засѣдателю надоѣли видно просители, и много ихъ за день у него въ ногахъ переваляется, онъ было и мимо; такъ Степанъ слово и дѣло вымолвилъ «прикажите,» говоритъ, «взять меня, я ночью человѣка убилъ;» такъ всѣ и ахнули и самъ засѣдатель оборотился, поглядѣлъ на него, позвалъ въ присутствіе, поставилъ караулъ, и сталъ допрашивать; какъ зовутъ, кто таковъ, чей, откуда, за чѣмъ, гдѣ паспортъ, который годъ, какой вѣры, былъ ли у Св. Причастія, а тамъ ужъ дошелъ до дѣла.

«Степанъ я, Воропаевъ, по отцѣ Артемьевъ, годовъ видно будетъ мнѣ чуть ли не 24, Владимірской губерніи и уѣзда, села Большаго Озера. Православный, у Причастья бывалъ каждогодно. Пошелъ я съ товарищемъ Григоріемъ изъ такого-то села, за такимъ-то дѣломъ, въ городъ; на дорогу выпили мы, оба? шумѣло въ головѣ у меня, шумѣло видно и у него; пошли мы считаться, что вишь онъ взялъ у меня полтинникъ да отдавалъ по гривнѣ и по двѣ, а я считалъ еще за нимъ пятнадцать копѣекъ—раза два бранились и чуть до драки не доходило — все батюшка хмѣль виновата, ничего не помню хоть убей. Тутъ сѣли мы отдыхать, да полудновали; опять я его попрекнулъ, опять сталъ считаться, онъ обидѣлъ меня, маркитантомъ обругалъ, я его—охъ, и вымолвить страшно, я его обухомъ въ голову и ударилъ; на грѣхъ и топоръ этотъ

случился подъ рукою. Гришка мой покатился, кровь носомъ полилась ручьемъ, я испугался — а мы сидѣли подъ кустами, недалечко отъ берега — испугавшись я его стащилъ на берегъ, сунулъ въ воду, да и спустилъ его по водѣ; такъ и сгубилъ я душеньку за-напрасно. Видитъ Богъ, батюшка, все одна хмѣль виновата, ничего знать незнаю, вѣдать невѣдаю. Что было, все сказалъ, теперь что Господу Богу угодно, то и станется надо мной; что слѣдуетъ по закону, то и дѣлать прикажите—и прикажите заковать.»

Все это записали, приправили какъ надо было по закону и земскому обычаю и Воропаева, связавъ, повели заковывать въ кандалы. Самъ подавалъ и держалъ Степанъ руки и ноги; «не жаль, говоритъ, ихъ было—туда дорога; лишь бы скорѣе конецъ, лишь бы не дали сгнить въ острогѣ.»

Отвели и туда его; тамъ караульные осмотрѣли, да ощупали кандалы, все ли исправно, обыскали кругомъ арестанта, приняли бумагу и расписались; разсыльный взялъ опять книгу свою подъ мышку и не взглянувъ больше на Степана, ушелъ. Дѣло привычное.

Въ первый разъ попалъ Степанъ въ такое мѣсто—въ первый разъ можетъ статься и заслужилъ это. И темно, и сыро, и душно, и грязно. Товарищи такіе, что страшно на нихъ и взглянуть; кто въ лохмотьяхъ, заросъ волосами, космы мотаются; кто исхудалъ подъ замкомъ, лица незнать, голоса нѣтъ человѣческаго; а кто еще свѣжъ и дюжъ, да глядитъ такимъ головорѣзомъ, что и въ острогѣ страшно рядомъ съ нимъ лечь. Было тутъ, какъ и всюду въ такихъ мѣстахъ, человѣка три Ивана—непомнящихъ, мужики здоровые, бороды чуть не по поясъ, а говорятъ: Иваномъ зовутъ меня, а опричь того ничего не знаю и не помню: ни гдѣ родился, ни гдѣ выросъ, ни отца, ни матери, ни родины — ничего не знаю, — Иванъ да Иванъ—такъ весь вѣкъ и шатался. Одинъ сидѣлъ съ женой, съ дѣтьми, и тотъ тоже говоритъ, и жена ничего не помнитъ, не знаетъ, только знаетъ, что зовутъ ее Марьей. «Господи Боже мой, подумалъ Степанъ, когда обжился немного въ тюрьмѣ, «что за диво, что за Иванъ да Марья, и выросли и со-

старѣлись, а знать не знаютъ, и вѣдать невѣдаютъ, кто они и чьи они?»

Разговаривая какъ-то Иванъ — непомнящій со Степаномъ, сталъ уговаривать вмѣстѣ бѣжать. Степанъ отказался: «я,» говоритъ, «своей волей попалъ» — какъ такъ? да вотъ такъ и такъ. — Дуракъ же ты видно былъ, дуракъ и есть; да ты отопрись и теперь; улики нѣтъ и ничего тебѣ не сдѣлаютъ. Но Степанъ, сколько ни скучалъ, сколько ни томился въ заключеніи, остался при своемъ показаніи и ожидалъ спокойно участи своей.

Между тѣмъ дѣло все шло своимъ чередомъ; водили Степана раза по два въ недѣлю въ Судъ, все снова доспрашивались, добирались — нѣтъ концовъ больше никакихъ, все одно и тоже. Дознались какой такой былъ товарищъ его Гришка, разослали повсюду объявленія, не найдется ли гдѣ — выждали отъ всюду отвѣты, что нигдѣ такой человѣкъ на жительствѣ не оказался, и покончивъ наконецъ всѣ розыски, какъ уже съ того свѣта справокъ навести было нельзя, присудили учинить надъ Степаномъ, по собственному сознанію его, по закону, и сослать его въ каторгу.

Пошло однакожъ дѣло это своимъ порядкомъ, еще изъ уѣзднаго Суда въ Уголовную Палату—и тамъ его въ одни сутки не поѣршили; однакоже добрались наконецъ и до него, нашли, что все исправно — утвердили рѣшеніе Суда, только осталось Прокурору отмѣтить: «читалъ,» да Губернатору утвердить приговоръ, скрѣпивъ его по листамъ, какъ приказано закономъ.

Прокуроръ былъ человѣкъ добрый, а пуще всего смирный, противъ правды не хаживалъ, однакоже и за дѣло гораздъ нестаивалъ, не надрывался ни надъ чѣмъ. Много за годъ разныхъ приговоровъ черезъ его руки проходило, тысячи двѣ, да кромѣ того тысячъ подъ тридцать рѣшеній и постановленій изъ Губернскаго Правленія и Палатъ. Все шло у него гладко и ровно.

Однако приговоры Уголовной Палаты старикъ читывалъ; прочелъ и дѣло нашего Степана, да и положилъ его — не

Степана, то есть, который все еще сидитъ въ острогѣ, а дѣло положилъ на столъ, покрытый цвѣтной салфеткой. На столъ этотъ попадали у него всѣ дѣла съ обстоятельствами сомнительными, по которымъ собирался онъ на досугѣ подумать.

Долго Прокуроръ нашъ, расхаживая по комнатѣ, или лежа на диванѣ съ трубкою, косился на сомнительный столъ свой и въ особенности на приговоръ, по которому приходилось наказать человѣка, за то только, что онъ самъ сознался въ своемъ преступленіи, на которое не было никакихъ уликъ. «Оно конечно такъ,» думалъ про себя Прокуроръ, «тѣло унесено по Волгѣ. Волга широка и глубока и длинна—если его и примыло гдѣ нибудь къ берегу, такъ мужики такую бѣду отъ себя ночью шестами спроваживали; и ничего нѣтъ мудренаго, что тѣла нигдѣ неотыскали. Да не знаю почему, а дѣло кажется мнѣ сомнительнымъ; приговоръ не законный; кажется будто на этомъ нельзя основать приговора. Надо справиться хорошенько въ законѣ.» Подумавъ такъ Прокуроръ покосится бывало опять на столикъ свой, да и задремлетъ, либо, смотря по времени, надѣнетъ сюртукъ, да отправится въ гости.

Между тѣмъ время шло: напоминаетъ Секретарь одинъ разъ Прокурору объ этомъ дѣлѣ, напоминаетъ и въ другой и въ третій—завтра, да завтра, и вмѣсто трехъ дней, давно прошли три недѣли; а приговоръ не просмотрѣнъ. Наконецъ пристали къ Прокурору плотнѣе, заторопили его не на шутку и говорятъ, что мы-де, въ вѣдомостяхъ о нерѣшенныхъ арестантскихъ дѣлахъ, покажемъ это дѣло за вами.

Только что собрался было Прокуроръ нашъ, скрѣпивъ сердце, подмахнуть приговоръ, чтобы кончить дѣло мирно, безъ шума, какъ самъ Предсѣдатель Уголовной Палаты прикатилъ подъ прокурорское крыльцо — и вошелъ, и сталъ, поздоровавшись, разсказывать такія чудеса, что Прокуроръ отъ удивленія подъ конецъ сложилъ руки молча, запустивъ накрѣпко пальцы въ пальцы и только пожималъ плечами.

«Въ памяти ли у васъ дѣло,» такъ началъ Предсѣдатель,

«дѣло Степана Воропаева, который, по собственному сознанію своему, убилъ товарища своего на Сухомъ-Оврагѣ? ну, такъ вообразите же, покойникъ-то живъ! Да живъ, либо самъ нечистый влѣзъ въ шкуру его, да въ ней и ходитъ! Вчера бурлаки, или плотники что-ли какіе-то, взбунтовались у привольнаго кабака, подняли такой шумъ, что весь городъ сбѣжался. Что же? Да, признали они, сударь, того самаго плотника, котораго Воропаевъ прошлою осенью убилъ. Пристали къ нему кто-де ты таковъ, откуда взялся? я говоритъ, вотъ такой-то, Григорій, ходилъ въ это лѣто за Волгу, а теперь пробираюсь домой, да зашелъ по пути выпить; въ этомъ говоритъ, я виноватъ.— «Да вѣдь тебя прошлаго лѣта убили?» Нѣтъ, Господь миловалъ, покуда терпитъ еще грѣхамъ нашимъ—живемъ. — «Да ты со Степаномъ Воропаевымъ знался?»—Какъ же, знался; лѣтось мы съ нимъ работали вмѣстѣ вотъ тамъ-то, и за нимъ еще моихъ 15 копѣекъ осталось.— «Ну, а вмѣстѣ съ нимъ вы лѣтось въ Казани были?» Нѣтъ, маленько не дошли, разстались. — «Такъ вѣдь тутъ-то онъ тебя и уходилъ; онъ и въ острогѣ сидитъ, и скоро его ужъ на кобылу поведутъ!» Оборони Господь; нѣтъ, этого не было; мы признаться оба хмѣльны были, такъ и повздорили, выпито было у насъ на полтинникъ—я вишь съ него еще правилъ пятнадцать копѣекъ, а онъ ихъ на мнѣ считаетъ; извѣстное дѣло—хмѣльной разумъ. Такъ мы сѣли было отдохнуть, ночь насъ захватила, тутъ я опять приступилъ къ нему да по шеѣ его и ударилъ: онъ меня и самъ хватилъ, и рыло разбилъ мнѣ, я и бросилъ его, умылся на берегу, да и пошелъ самъ по себѣ, а его покинулъ. Онъ видно отяжелѣлъ больно, да тутъ же и уснулъ. Больше я его не видалъ и слыхомъ объ немъ не слыхалъ.

Предсѣдатель съ Прокуроромъ подивились такому дивному случаю; Прокуроръ радовался, что не помѣтилъ еще приговора и стали толковать о другихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ Гришку съ такимъ показаніемъ отправили въ Земской Судъ, оттуда въ Уѣздный, тамъ къ дѣлу, въ Уголовную Палату, а оттуда ужъ вмѣстѣ съ дѣломъ и со Степа-

номъ опять назадъ, для пополненія слѣдствія. Сколько не допытывались, ни отъ Гришки, ни отъ Степана другаго не узнали; а на очной ставкѣ, Степанъ крестился, вздыхалъ отъ страха, глядя на Григорія, считалъ его выходцемъ съ того свѣта и говорилъ: «власть ваша, что хотите, то и дѣлайте надо мною, а я его убилъ.» А Гришка уличалъ его, что онъ вретъ; пересказывалъ ему, припоминалъ, по приказанію Суда, все, какъ что у нихъ было, а Степанъ, нѣмѣя и цѣпенѣя отъ страха, не понималъ ничего, ровно одурѣлъ; хлопалъ глазами, вздыхалъ и оставался при своемъ показаніи; больше, говорилъ, ничего не знаю.

Дѣло разумѣется, кончилось тѣмъ, что освидѣтельствовали Степана, не сумасшедшій ли онъ, а послѣ сказали ему дурака, за то, что онъ надѣлалъ только пустой тревоги, да и велѣли убираться на всѣ четыре стороны.

Хоть я и не совсѣмъ знаю, какъ все это объяснить, но кажется, что Степанъ, поссорившись и подравшись хмѣльной и на яву, видѣлъ во снѣ будто убилъ товарища и видѣлъ такъ живо, что греза показалась ему правдой. Можетъ быть тутъ подѣйствовало и воспоминаніе о невольномъ убійствѣ Степана, въ собственную защиту свою, которое осталось навсегда не раскрытымъ. Не нашедши спросонья подлѣ себя товарища, который ушелъ ночью, ничего ему не сказавши, да увидавъ еще на травѣ или на песку у берега слѣды крови — Степанъ и вовсе смутился, увѣрялъ себя, что это не сонъ, а явь, пошелъ, да самъ на себя и донесъ. Страхъ довершилъ эту несчастную увѣренность и ложное убѣжденіе заступило мѣсто истины. Но когда объявили Степану положительно, что онъ свободенъ и притомъ не убійца, то бѣднякъ залился слезами и сказалъ: «Нѣтъ, ужъ видно мнѣ такъ на роду написано: судьбы не минуешь! Вяжитежъ меня опять, я еще другаго человѣка убилъ»... но ему не дали договорить, а зажали ротъ и выпроводили вонъ, приказавъ убираться. Никто ему не вѣрилъ, а всѣ считали помѣшаннымъ, хоть доктора и дали свидѣтельство, что онъ въ полномъ и здравомъ умѣ.

Долго не могъ онъ опамятоваться послѣ такой продѣлки; долго ходилъ ровно безъ ума, покуда наконецъ Гришка, приставая къ нему безъ всякаго успѣха цѣлыя сутки, чтобы имъ вмѣстѣ запить горе—успѣлъ наконецъ кое-какъ убѣдить его, что онъ несетъ дичь. Тогда только Степанъ вздохнулъ свободно, перекрестился вольной рукой, вспомнилъ все прошлое—и подумалъ о будущемъ. Зелено вино, это продажное горе, опротивѣло ему до того, что онъ въ жизнь свою не могъ вынести и духу его.

Переставъ пить, Степанъ Воропаевъ вышелъ человѣкомъ, и не только заработывалъ, что слѣдовало на себя и на своихъ, но лѣтъ черезъ восемь завелъ свою артель, ходилъ въ синей сибиркѣ съ саженью въ рукахъ; отецъ и дѣдъ его благословили и Машка Сошникова, нынѣ Воропаева, готовила ему, между тѣмъ какъ онъ былъ на работѣ, щи да кашу, а въ постъ калинники.

ПОСЛОВИЦЫ.

—

Все минется, одна правда остается.

Неправдой полсвѣта пройдешь, да назадъ не воротишься.

Правда кусъ заработанный, ложь—краденый.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись; ученье — свѣтъ, а неученье — тьма.

Ученье—красота, неученье—сухота.

Береги честь съ молода,—здоровье подъ старость.

Авось да не бось, такая подмога хоть брось.

Авось не веревку вьетъ, но больно петлю закидываетъ.

Не давъ слова, крѣпись, а давъ слово держись.

Чѣмъ молодой похваляется, тѣмъ старый остужается.

Чѣмъ поиграешь, тѣмъ и зашибешься.

Тому тяжело, кто помнитъ зло.

Завистливый сохнетъ о томъ, когда счастье въ комъ.

Кто завистливъ, тотъ и обидливъ.

Всѣмъ добро, никому зло, то законное житье.

Другу дружи, недругу не вреди.

Ищи себѣ прибыли, да другому не желай гибели.

Не все для себя, иномѣсто и для другихъ.

Держись сохи плотнѣе—будетъ прибыльнѣе: работа черна, да денежка бѣла.

Добра голова сто рукъ кормитъ.

Ремесло за спиной не носишь, а съ нимъ добро.

Знанье да наука на вороту не виснетъ.

Наука хлѣба не проситъ, а хлѣбъ даетъ.

Богъ видитъ, кто кого обидитъ.

Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.

Не обижай голяка, у голяка таже душа.

Не бойся богатыхъ грозъ, а бойся убогихъ слезъ.

Убогаго слеза жидка да ѣдка.

Въ лихости и зависти, нѣтъ ни проку ни радости.

Слово не стрѣла да пуще стрѣлы.

Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь.

Наушника никто не почтитъ, а лукаваго всякъ бранитъ.

Рѣзва ложь, да отъ правды не уйдетъ.

Вѣсть перенесешь, чести не принесешь.

Грѣхъ, что дуга вязовая: концы въ водѣ, середка наружу.

Шутки шути, а людьми не мути.

Шути да оглядывайся.

Спасибо тому, кто поитъ да кормитъ; а вдвое тому, кто хлѣбъ-соль помнитъ.

За неблагодарныхъ Богъ благодаритъ.

Сдѣлавши добро не кайся; кто добро творитъ, тому Богъ отплатитъ.

Злой плачетъ отъ зависти, а добрый отъ радости.

Гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать.

Не бей въ чужія ворота плетью, не ударили-бъ въ твои дубиной.

Всякая неправда грѣхъ; кто неправдою живетъ, того Богъ убьетъ.

Въ правдѣ Богъ помогаетъ, въ неправдѣ Онъ же запинаетъ.

Злой человѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ, Богъ попутаетъ.

Корми дѣда на печи, самъ будешь тамъ.

Материнская молитва со дна моря вынимаетъ.

Умѣлъ дитя родить, умѣй и научить.

Неучили пока поперегъ лавочки лежалъ, а во всю вытянулъ—не научишь.

И молодъ, да стадо водитъ, и старъ да въ чужѣ пасетъ.

Въ комъ правды нѣтъ, въ томъ и добра мало.

Не ищи въ другихъ правды, если въ тебѣ ея нѣтъ.

Гдѣ путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой.

Со лжи люди не мрутъ, да впередъ имъ вѣры неймутъ.

Лгать, такъ людей обѣгать.

Молодому лгать вредно, а старому непотребно.

Кто собою неуправитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ.

Въ томъ и Богъ, въ комъ есть стыдъ.

Въ комъ есть стыдъ, въ томъ и совѣсть.

Трудовая праведная денежка до вѣку живетъ; неправая прахомъ идетъ.

Иной продастъ съ барышемъ, да ходитъ нагишомъ.

Кто не бережетъ копѣйки, тотъ самъ нестоитъ рубля.

Денежка рубля бережетъ, а рубль голову стережетъ.

Ласковое слово лучше мягкаго пирога.

Ласковое слово не трудно, да споро.

Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели.

Честь лучше богатства.

Честное убожество легче стыда.

Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ.

Кто малымъ доволенъ, тотъ у Бога не забытъ.

Кто живетъ просто, тотъ проживетъ лѣтъ со сто.

То не спасенье, кто пьянъ въ Воскресенье.

Для чашниковъ и бражниковъ живетъ много праздниковъ.

Высока у хмѣля голова, да ноги жиденьки.

Кто родителей почитаетъ, тотъ на вѣки не погибаетъ.

Родительское благословенье на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ.

Не надобенъ и кладъ, если у мужа съ женою ладъ.

Когда пойдетъ вкось, да врозь, такъ дѣло и брось.

Горе тому, кто не порядкомъ живетъ въ дому.

Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая рукавомъ разнесетъ.

За Богомъ пойдешь, добрый путь найдешь.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай.

Молись, а злыхъ дѣлъ берегись.

Береженаго и Богъ бережетъ.

Дѣтей наказывай стыдомъ, а не кнутомъ.

Кто рюмки допиваетъ, тотъ вѣка недоживаетъ.

Пить до дна—не видать добра.

Мужикъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и все пропьетъ.

Голова всему начало; добрая голова сто головъ кормитъ.

Ѣшь, пока животъ свѣжъ.

Доброму сухарь на пользу, а злому и мясное не впрокъ.

На кнутѣ далеко не уѣдешь.

Авось да живетъ, добромъ не живетъ.

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ ЖИВОТНОЕ, КАКЪ ОНО ЖИВЕТЪ, ЧТО ЕМУ ЗДОРОВО И ЧТО НЕЗДОРОВО.

Если ты уже прочиталъ третью книжку Сельскаго Чтенія, то знаешь, *что такое растеніе, какъ оно живетъ и чѣмъ оно питается*. Ты знаешь, что дерево, трава, грибы, мохъ, словомъ всякое растеніе питается, живетъ и умираетъ. Но не одно растеніе живетъ и растетъ; живетъ и растетъ лошадь, и курица, и муха; какая же разница между тѣмъ какъ живутъ эти твари, и тѣмъ, какъ живутъ растенія?

Кому не случалось быть весною, раннимъ утромъ, на лугу или по опушкѣ лѣса. Солнце свѣтитъ, въ воздухѣ тепло и тихо; куда ни посмотришь конца нѣтъ зелени, а по зелени ярко пестрѣютъ цвѣтки разукрашенные.

Все тихо, на деревѣ листъ не шелохнется; вотъ поднялся жаворонокъ и вьется въ воздухѣ, и щебечетъ свою веселую пѣсню; вотъ—въ кустахъ порхаетъ малиновка, тамъ жужжитъ пчела, или пестрая бабочка перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; здѣсь—по стебелькамъ ползетъ золотокрылый жукъ, тамъ внизу пробирается муравей и тащитъ соломинку. Все ликуетъ, все радуется Божіей благодати.

Посмотри же хорошенько: и рожь на полѣ, и трава на лугу, и деревья въ лѣсу, словомъ, всѣ растенія стоятъ себѣ смирно *не движутся* сами собою; развѣ вѣтеръ ихъ поколышетъ; а жаворонокъ, малиновка, пчелы, жуки, бабочки летаютъ, муравьи ползаютъ, словомъ движутся и, замѣть, *движутся сами собою*. Всѣ эти твари, которыя движутся сами собою, называются *животными*: будь ли то лошадь, или быкъ, или жаворонокъ, или муравей, или червякъ. А напротивъ, все что растетъ на землѣ: будь ли то дубъ, или береза, или рожь, или пшеница, или тимофеевка, все то называется *растеніемъ*. Вотъ стало, ты и нашелъ чѣмъ отличаются эти твари, т. е. животныя, отъ растеній.

Растеніе живетъ тамъ, гдѣ выросло, и само по себѣ не можетъ перейти съ мѣста, развѣ ты его пересадишь. Животное перемѣняетъ мѣсто само по себѣ; ты знаешь, что лошади или коровы ходятъ, звѣри бѣгаютъ, птицы, бабочки и жуки летаютъ, рыбы плаваютъ, черви ползаютъ. Ни дерево, ни трава не ходятъ, не летаютъ, не ползаютъ.

Лошадь двигаетъ свои ноги или уши, или хвостъ, или другіе члены — когда хочетъ, точно также и всякое другое животное можетъ само собою двигать своими членами. На растеніи движутся вѣтви или листья только тогда, когда на нихъ дуетъ вѣтеръ, или когда кто либо нагибаетъ или трясетъ ихъ. Но само по себѣ растеніе не можетъ двигать ни вѣтвей своихъ, ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни корней. Стало быть животнымъ дано *движеніе произвольное*; у растеній нѣтъ произвольнаго движенія.

Лошадь, или звѣрь, или птица слышитъ голосъ твой; дерево, трава ничего не слышитъ. Животное видитъ, растеніе ничего не видитъ. У собаки, у лошади, у птицы, есть чутье;

словомъ всякое животное имѣетъ чувства. У растеній нѣтъ ни слуха, ни зрѣнія, *нѣтъ чувствъ*.

Ты также знаешь, что растеніе не можетъ жить безъ пищи, и что пищу оно достаетъ корнями и листьями. Животное также не можетъ жить безъ пищи; только у животнаго нѣтъ ни корней, ни листьевъ; а пищу оно принимаетъ внутрь себя ртомъ,—въ желудокъ; ни рта, ни желудка, у растеній нѣтъ.

Растенія питаются воздухомъ, сыростью или водою, и всякою гнилью, которая распускается въ водѣ.

Животныя также не могутъ жить безъ воздуха. Возьми какую нибудь птичку, хоть напримѣръ воробья, посади его въ стеклянную банку, насыпь ему туда какого нибудь зерна, напримѣръ конопли, да завяжи банку плотно пузыремъ и оставь такъ. И ты увидишь, что чрезъ нѣсколько дней воробей умретъ. Ты спросишь, отчего? Оттого, что воробей дышетъ, т. е. вдыхаетъ въ себя воздухъ; часть этого воздуха остается внутри воробья—въ легкихъ, а выдыхаетъ онъ воздухъ испорченный, который уже не годится для дыханія. Если же ты, въ пузырѣ, которымъ завязалъ банку, сдѣлаешь дырку и будешь впускать свѣжій, вольный воздухъ, то воробей будетъ жить.

Что сказано о воробьѣ, то разумѣй о всякомъ животномъ; ни одно изъ нихъ не можетъ жить безъ свѣжаго, чистаго воздуха. Правда, что одни животныя безъ чистаго воздуха умираютъ скорѣе, другіе медленнѣе. Жуки, черви, лягушки могутъ жить безъ чистаго вольнаго воздуха очень долго. Птицы, звѣри, домашній скотъ, безъ чистаго воздуха не могутъ жить долго.

Ты, я чаю, слыхалъ, что зимою въ прудахъ, гдѣ водится рыба, надобно дѣлать проруби, а безъ того рыба задохнется. Отчего такъ? оттого, что и рыбѣ въ водѣ нуженъ воздухъ, и она безъ воздуха дышать не можетъ.

Ты знаешь, что и человѣкъ дышетъ, стало и ему нуженъ воздухъ чистый; совсѣмъ безъ воздуха человѣкъ жить не можетъ; въ нечистомъ воздухѣ онъ хоть и живетъ, да нездорово.

Ты видѣлъ, можетъ быть, бѣдныхъ людей, которые живутъ въ тѣсныхъ, сырыхъ, душныхъ землянкахъ; посмотри на нихъ пристальнѣе, ты увидишь, что они блѣдны, желты, кашляютъ; словомъ, они нездоровы. Посмотри же ты на людей, которые живутъ въ просторныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ избахъ,—румянецъ у нихъ во всю щеку; они веселы и здоровы.

Ты уже знаешь, что животное, стало быть и человѣкъ, выдыхаетъ изъ себя воздухъ нечистый; стало быть чѣмъ больше въ одномъ запертомъ мѣстѣ дышетъ людей, или животныхъ, тѣмъ скорѣе портится воздухъ.

Но не однимъ дыханіемъ портится воздухъ.

Налей въ горшокъ воды до половины и поставь его къ огню; ты увидишь, что когда горшокъ станетъ нагрѣваться, изъ него пойдетъ паръ; подержавши часа два или три горшокъ у огня, отставь его, дай ему простыть, и посмотри, ты увидишь, что воды стало меньше половины. Куда же вода дѣвалась? Поднялась *паромъ* въ воздухъ. А вода поднимается паромъ, или *испаряется* и безъ огня. Ты не разъ видѣлъ какъ туманъ поднимается съ рѣки, или съ озера, или съ болота, или съ луга, или съ другаго сыраго мѣста. Съ сухаго мѣста, каменистыхъ или съ песчаныхъ бугровъ туманъ не поднимается. А что такое туманъ? тотъ же водяной паръ, который ты видѣлъ надъ горшкомъ у огня.

Но вода испаряется часто такъ, что ты не видишь и пара. Налей, примѣромъ сказать, воды на столъ; часа чрезъ три или четыре столъ высохнетъ. Обмокни въ воду полотенцо и повѣсь въ теплой комнатѣ; часа чрезъ два оно сдѣлается сухимъ. Куда же дѣвалась вода? Испарилась, поднялась паромъ только невидимымъ, въ воздухъ.

Такъ вотъ ты теперь знаешь, что вода *испаряется всегда*, когда она незакрыта плотно въ какой либо посудинѣ.

Ты знаешь, что усыхаетъ молоко въ незакрытыхъ кувшинахъ, усыхаетъ вино въ открытыхъ бочкахъ, усыхаетъ масло;

стало быть испаряется всякая жидкость, хоть ты этого и не видишь.

Ты знаешь, что вода бываетъ чистая, бываетъ и нечистая, гнилая, т. е. такая, въ которой распустилась разная гнилость. Вотъ, когда такая вода испаряется, то съ нею вмѣстѣ испаряется и гнилость, которая въ ней есть;—и всякой паръ остается въ воздухѣ. Когда вода чистая, то и паръ отъ нея чистый; и въ воздухѣ ты только замѣчаешь сырость, какъ бываетъ послѣ дождя; а когда вода гнилая, то и паръ отъ нея гнилой, и въ воздухѣ, кромѣ сырости, ты примѣчаешь гнилость, какъ напримѣръ въ хлѣвѣ, или въ навозной ямѣ.

Только чистый, вольный воздухъ здоровъ человѣку, а всякой гнилой, затхлый нездоровъ. Гнилой воздухъ бываетъ тамъ, гдѣ много всякой нечистоты.

Ты уже знаешь, что воздухъ портится отъ дыханія людей и животныхъ. Стало быть, когда въ одной тѣсной избѣ живетъ много народа, то воздухъ скоро, чрезъ нѣсколько часовъ, портится. Если же къ этому у тебя въ избѣ теленокъ или свинья съ поросятами, то воздухъ еще скорѣе портится. Какъ же пособить бѣдѣ? Разумѣется лучше всего жить просторнѣе; не спать въ одной избѣ по 10 или 15 человѣкъ. Не пускать въ избу на ночь телятъ и свиней, а держать ихъ въ особомъ тепломъ хлѣвѣ.

Чистотѣ воздуха помогаетъ топка печи; ты знаешь, что когда печка топится, то изъ нея тянетъ въ трубу воздухъ изъ избы, а другой, свѣжій, вольный воздухъ входитъ снаружи, въ двери, въ окна. Но печка топится одинъ или два раза въ день; а этого мало для перемѣны воздуха, а потому и надобно въ день раза два или три отворять немного окно и впускать свѣжій воздухъ.

Случалось вѣрно съ тобою, что дымъ отъ лучины, или отъ головѣшки попадалъ въ горло; что съ тобою дѣлалось? Кашель, перхота. Да кромѣ того дымъ ѣстъ глаза. Стало быть дымъ нездоровъ для человѣка, нездоровъ и для всякаго животнаго; ни человѣкъ, ни животное въ дыму жить не можетъ.

У крестьянъ есть обычай, по бѣдности, а больше по лѣни и нерадѣнью, жить въ курныхъ избахъ. Ты знаешь самъ, что въ курной избѣ, въ то время, какъ топится печка, дымъ стелется почти до пола, и вся семья поневолѣ выбирается въ сѣни, или клѣть.

Крестьяне толкуютъ, что курная изба теплѣе; а вѣдь ты самъ знаешь, что когда топится курная изба, то отворяютъ дверь настежь и зимою въ избѣ оттого дѣлается просто морозъ; откуда жъ быть лишнему теплу въ курной избѣ?

Есть и такіе люди, которые думаютъ, будто дымомъ поправляется, очищается воздухъ, и оттого будто курная изба здоровѣе; но ты уже знаешь, что дымъ не годится для дыханія человѣка, какъ же можетъ быть, чтобы дымомъ исправлялся воздухъ? Стало быть тѣ люди, которые хвалятъ курныя избы, толкуютъ пустое. Свѣтелка, въ которой печь съ трубою, да гдѣ въ окошкѣ отдушина отворяется, гораздо чище, здоровѣе и теплѣе курной избы. И ты знай, что начальство, которое велитъ строить новыя избы съ трубами, дѣлаетъ это для вашего добра.

—

Ты уже знаешь, что отъ гнилой воды, и паръ бываетъ гнилой, нездоровый; знаешь также, что текучая вода, напримѣръ въ рѣкахъ или ручьяхъ, никогда не загниваетъ; а загниваетъ вода стоячая. Въ болотахъ вода стоячая, и въ нихъ много гніетъ травы, и не только травы, но и животныхъ. Въ болотахъ живетъ много лягушекъ, жуковъ, червей, всѣ они тутъ же умираютъ и согниваютъ. Стало быть паръ отъ болотной воды нездоровъ.

Отъ этого-то и люди, живущіе близъ болотъ, нездоровы; у нихъ часто бываютъ лихорадки, и другія болѣзни. Вотъ потому-то и надобно стараться осушать болота канавами; поль-

за оттого и для луговъ и для здоровья людей. А о томъ, какъ рыть канавы было уже сказано въ третьей книжкѣ Сельскаго Чтенія (*).

Вода загниваетъ не въ однихъ болотахъ; она загниваетъ въ ямахъ, лужахъ и канавахъ, когда изъ нихъ нѣтъ истока. Въ деревняхъ же часто отъ нерадѣнія крестьянскаго, бываетъ много лужъ и ямъ съ гнилою водою; оттого не только много грязи, да и нездоровье для людей приключается. Потому-то и старайся выполнять приказанія начальства, которое велитъ въ деревняхъ по сторонамъ улицъ копать канавы для стока воды и всякой нечистоты; засыпай ямы, чтобы въ нихъ не заводилось гнили. Да мало того, старайся, чтобы у тебя на дворѣ и вокругъ двора не заводилось лужъ и грязи; хлопочи о томъ, чтобы вездѣ было сухо и чисто; отъ сухости и чистоты прибудетъ здоровья и тебѣ, и скоту.

Больше всего грязи и мокроты у крестьянъ бываетъ на скотномъ дворѣ; а ты уже знаешь, что оттого, что скотъ ходитъ по колѣна въ грязи, и скоту нездорово, да и тебѣ пользы никакой. И для того-то старайся держать свои скотники въ сухости. А дѣло это не хитрое; была бы охота да радѣнье. Обо всемъ этомъ ты уже читалъ въ третьей книжкѣ Сельскаго Чтенія.

Въ той же книжкѣ было сказано, что безъ тепла ни одно растеніе жить не можетъ. Зимою въ морозы не растетъ никакое растеніе. Животнымъ также нужно тепло. Только есть такія животныя, которыя живутъ и на морозѣ. Ты знаешь, что зимою не бываетъ ни мухъ, ни бабочекъ, ни жуковъ, ни червей; всѣ эти твари отъ мороза гибнутъ, умираютъ, и безъ тепла жить не могутъ. Человѣкъ, домашній скотъ, звѣри и птицы могутъ жить и на морозѣ; это оттого что у нихъ есть своя внутренняя теплота, которая всего лучше распознается по теплотѣ крови.

(*) Если забылъ, то прочти въ третьей книжкѣ Сельскаго Чтенія «о томъ, что такое, растеніе какъ оно живетъ и чѣмъ оно питается.»

У всѣхъ животныхъ есть *кровь*, только у однихъ она красная; у другихъ бѣлая или желтоватая. Ты знаешь, что у человѣка, у скотовъ, у птицъ и у рыбъ кровь красная. Но надрѣжъ жука, или бабочку, или червяка какого, потечетъ сокъ бѣловатый, или желтоватый; этотъ сокъ и есть ихъ кровь.

Красная кровь у однихъ животныхъ бываетъ теплая, у другихъ холодная.

У человѣка, у домашняго скота, у звѣрей и у птицъ *кровь теплая*. У лягушекъ, у рыбъ кровь хоть и красная, но *холодная*.

Бѣлая кровь всегда бываетъ *холодная*.

Животныя, у которыхъ кровь теплая, могутъ жить и на морозѣ, только одни живутъ долѣе, а другіе не долго могутъ сносить холодъ. Ты знаешь, что зимою у насъ не бываетъ ни ласточекъ, ни соловьевъ, ни журавлей, ни цаплей; всѣ эти птицы не любятъ холода, и потому онѣ на зиму улетаютъ отъ насъ въ теплыя мѣста, гдѣ не бываетъ сильныхъ морозовъ. А есть и такія птицы, для которыхъ и наши морозы ни почемъ: вотъ напримѣръ вороны, галки, воробьи, рябчики, тетерева, глухари.

Тѣ животныя, у которыхъ хоть и красная, но холодная кровь, не могутъ жить на морозѣ; примѣрно: змѣи, лягушки. Эти животныя на зиму ложатся въ землю, куда нибудь подъ камень, или въ нору, и окоченѣваютъ. А когда наступитъ весеннее тепло, они снова оживаютъ.

Рыба хоть и живетъ зимою, но въ водѣ: а въ водѣ подъ льдомъ, всегда есть тепло, хоть и немного. Вынь рыбу изъ воды на морозѣ, она тотчасъ замерзнетъ и умретъ.

Животныя съ бѣлою кровью, къ зимѣ почти всѣ умираютъ. Пчелы конечно переносятъ зиму, но только тогда, когда ихъ ставятъ въ омшанникъ, или закутываютъ хорошо ульи, чтобы въ нихъ держалось тепло. Если же въ улій войдетъ холодъ, то всѣ пчелы замерзаютъ. Но большая часть всѣхъ другихъ животныхъ съ бѣлою и холодною кровью: мухи, комары, оводы, бабочки, къ зимѣ умираютъ.

Откуда же они берутся на другой годъ?

А вотъ откуда: многія изъ этихъ маленькихъ тварей передъ смертью кладутъ яйца въ уютныя мѣста, подъ каменья, подъ корою дерева, или зарываютъ ихъ въ землю; а весною изъ этихъ яицъ и выходятъ.

О томъ какъ родятся, живутъ и умираютъ мухи, комары и другія твари, разскажемъ въ другой разъ. А теперь поговоримъ сперва о большихъ животныхъ, которыя живутъ при человѣкѣ, и приносятъ ему много пользы, и которыя называютя *домашними животными*.

ДОМАШНІЯ ЖИВОТНЫЯ.

Ты умѣешь назвать всѣхъ домашнихъ животныхъ: лошадь, быкъ, корова, овца, свинья, собака, куры, индѣйки, гуси, утки. Всѣ эти животныя живутъ при человѣкѣ, слушаютъ его голоса, повинуются ему.

Но всѣ эти животныя были дикими; человѣкъ сдѣлалъ ихъ ручными, и сдѣлалъ онъ это не силою, а *разумомъ* своимъ. Лошадь или быкъ сильнѣе человѣка, а ихъ не слушаетъ ни одно животное, потому что они неимѣютъ разума. И ты памятуя это, благодари Создателя, что Онъ тебѣ далъ съ разумомъ и душу безсмертную.

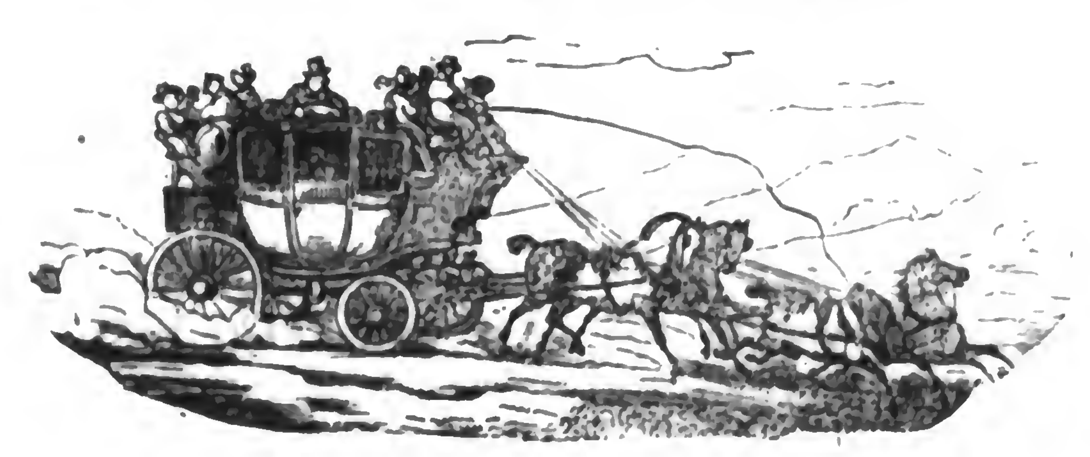
1. ЛОШАДЬ.

Лошади и теперь есть дикія въ мѣстахъ безлюдныхъ, какъ напримѣръ въ Киргизскихъ степяхъ, близъ Каспійскаго моря. Лѣтъ 50 тому назадъ видѣли дикихъ лошадей въ Херсонской губерніи; но теперь ихъ тамъ уже нѣтъ. Стало быть и лошадь домашнимъ животнымъ сдѣлалъ человѣкъ. И конечно ни одно животное не служитъ такъ человѣку, какъ лошадь.

Лошадь служитъ человѣку на войнѣ: вмѣстѣ съ воиномъ несется на непріятеля, не боится ни ядра, ни пули, ни штыка.

Лошадь служитъ человѣку на охотѣ, и догоняетъ по волѣ его дикаго звѣря.

Но больше всего лошадь приноситъ пользы человѣку въ хозяйствѣ. Она главная помощница его во всѣхъ дѣлахъ. Она пашетъ землю, вывозитъ навозъ въ поле, перевозитъ снопы въ гумно, и хлѣбъ на рынокъ. Она же быстро перевозитъ сѣдоковъ изъ одного мѣста въ другое.

И за все это ничего не проситъ у человѣка; былъ бы ей добрый кормъ, да хорошій уходъ за нею. Она любитъ человѣка, и еще ни одна лошадь не уходила со двора въ лѣсъ и неделалась дикою.

Вотъ потому-то *дурно дѣлаютъ себѣ, и грѣшатъ передъ Богомъ, тѣ злые люди, которые бьютъ немилосердно лошадь.*

Нѣтъ красивѣе животнаго какъ лошадь. Посмотри на коня, который у добраго хозяина держится въ холѣ на сытномъ кормѣ. Посмотри какая славная стать у него; какая поступь, какъ онъ высоко держитъ голову, какой огонь въ глазахъ!

Есть простая примѣта, что лошадь держана хорошо. Примѣта эта — уши. Хорошая лошадь на походкѣ держитъ уши впередъ. У лошади, которая устала, уши повисли назадъ; лошадь злая — держитъ попеременно одно ухо назадъ, другое впередъ. Когда лошадь слышитъ что нибудь вдали, то она наклоняетъ въ ту сторону уши.

Лошадь вырастаетъ и совсѣмъ слагается, только въ четыре года; живетъ же она въ 6 или 7 разъ долѣе, то есть до 25 или до 30 лѣтъ.

Лошади бываютъ разныхъ породъ.

Лучшими лошадьми для верховой ѣзды считаются арабскія, а потомъ англійскія. У Нѣмцевъ есть также добрыя лошади, только онѣ пригоднѣе для ѣзды въ запряжкѣ.

У насъ въ Россіи есть также разныя лошади. Лучшія для работы по хозяйству битюцкія, что идутъ изъ Воронежской губерніи, также казанки и вятки. Обыкновенныя крестьянскія лошади, нечего грѣха таить, у насъ очень плохи,—и *плохи отъ дурнаго ухода, да отъ плохаго корма.*

Можетъ ли быть хорошая лошадь, когда зимою кормятъ ее соломою, или дурнымъ сѣномъ, да и то не вдоволь?

Да и посмотри еще и на то, гдѣ лошадь стоитъ? Въ дырявомъ хлѣву, на которомъ подъ-часъ и крыши нѣтъ.

Господь вложилъ въ лошадь добрую натуру; *она любитъ хозяина, когда онъ ее кормитъ хорошо, не бьетъ ее напрасно, не наваливаетъ на нее груза, котораго она свезти не можетъ.*

Но много бываетъ лошадей норовистыхъ, кто же этому виноватъ? *не лошадь, а человѣкъ.* Вотъ примѣромъ сказать у Нѣмцевъ, или Англичанъ и Французовъ — норовистая лошадь за рѣдкость. А отчего? Оттого, что тамъ *каждый хозяинъ кормитъ свою лошадь на славу, держитъ ее въ хорошемъ хлѣвѣ, не бьетъ и не увѣчитъ ее.*

Когда нужно подогнать лошадь хоть возовую, хоть почтовую, то Нѣмецъ только хлопнетъ бичемъ и то не по лошади а по воздуху,—этого для лошади довольно, она одного хлопа слушается; бить ее совсѣмъ не нужно; битьемъ только ее разозлишь. Посмотри-ка ты на нашихъ ямщиковъ или извощиковъ: только что взялъ возжи въ руки, ну дергать, точно лихорадка его бьетъ, ну хлестать, что есть мочи поочередно всѣхъ лошадей.

А остановилась лошадь въ возу, вотъ тутъ бѣдной животинѣ настоящая мука; ей не въ мочь, а извощикъ стегаетъ ее, и по спинѣ, и по животу и по головѣ. А тутъ ужъ какъ разъ явятся услужливые пріятели, и ну съ совѣтами: «дядя, не такъ, стегни-ка ее подъ никитки; стегни-ка ее хорошенько; вотъ такъ, чтобъ ей издохнуть»! Какъ будто лошадь виновата, что не можетъ груза стянуть; виноватъ тотъ, кто грузъ не подъ силу навалилъ!

Ты знаешь, что у насъ часто бываетъ гололедица; тутъ надобно бы всякую лошадь перековать на шипы, чтобы она не скользила, а всѣ ли извощики это дѣлаютъ? Куда тебѣ: развѣ двадцатый: тому не досугъ, другому жаль полтины, третій думаетъ: авось еще денекъ другой проѣзжу и такъ, а тамъ распуститъ. А ужъ гдѣ *авось*, тамъ добра не жди. Вотъ онъ и выѣхалъ на неперекованной лошади, да и гонитъ, словно на пожаръ,—лошадь со всего маха и растянулась на мостовой.

Но ужъ когда бѣда случилась — надобно помогать, а какъ же помогаетъ нашъ извощикъ? Вѣдь кажись всего проще: надобно было бы поскорѣе отпречь лошадь, всего одна минута! Не тутъ-то было: у него помощь одна — кнутъ въ рукахъ, и давай имъ стегать что есть мочи бѣдную лошадь:

вставай-де проклятая тварь, чтобъ тебя волки съѣли.» Тутъ иногда и найдется жалостливый человѣкъ, и станетъ говорить извощику: «зачѣмъ де ты бьешь понапрасну, увѣчишь свою лошадь?» А онъ ему въ отвѣтъ: — «тебѣ что за дѣло, тебя не спрашиваютъ, ступай своей дорогой.» Да и ну хлестать снова бѣдную лошадь. А тамъ смотришь, лошадь надорвалась, или ногу защибла, или копыто своротила, или что вывихнула,—дуракъ-то и плачется и жалуется, что вишь лошади ему не ко двору пришлись, или кто ихъ испортилъ,— а испортилъ-то онъ самъ окаянный, своимъ неразумьемъ. А иной еще ропщетъ, говоритъ за что его Богъ наказываетъ, что лошади у него не ведутся. Извѣстно за что Богъ наказываетъ, — за то, что свою скотину не бережешь и не жалѣешь, грузъ не подъ силу наваливаешь, порядкомъ не подкуешь, кнутомъ безъ пощады бьешь, кнутовищемъ по головѣ, ногой подъ животъ, — то есть самъ глупѣе и злѣе скотины бываешь; за то Богъ и наказываетъ.

Слышалъ, что въ Писаніи говорится: «Блаженъ, милуяй скоты.» Не даромъ оно сказано, а для нашего наставленья.

Диво ли послѣ этого, что у насъ такъ много пропадаетъ лошадей? а которыя и остаются, то и тѣ плохи. Иная прослужила бы 10 или 15 лѣтъ, а смотришь ты ее загналъ, засѣкъ и изувѣчилъ; она не прослужитъ и 3 лѣтъ; а хоть и не издохнетъ, такъ останется кожа да кости, и еле, еле можетъ тащить зимою санки съ однимъ сѣдокомъ.

Грѣхъ обращаться дурно съ животнымъ, мучить его понапрасну. Да и то еще замѣть, что *человѣкъ безжалостливый къ животнымъ, никогда не бываетъ жалостливъ и къ людямъ.* Если онъ бьетъ безъ милосердія лошадь или вола, то онъ готовъ бить также точно и людей,—дай только волю; некого бить чужаго, онъ станетъ бить жену и дѣтей.

А ты знай, что *человѣкъ, который дерется, хуже скота безсмысленнаго; и берегись во всю твою жизнь поднять руку на кого бы то ни было.*

Отзовутся тебѣ людскіе побои и на этомъ свѣтѣ, а на томъ будетъ и еще хуже.

Случается конечно, что лошадь держана и въ хорошемъ тѣлѣ, да норовиста; а норовиста она оттого, что ее испортили дурнымъ уходомъ.

А добрый уходъ за лошадью надобно начинать съ молоду. Не спѣши рано жеребятъ употреблять въ работу, — но не опаздывай учить ихъ. Жеребята любятъ играть, и играя съ жеребенкомъ можно пріучить его ко многому. Жеребенокъ напр. боится сѣдла или уздечки; но ты, лаская его одною рукою, другою тихонько положи на него сѣдло, или надѣнь уздечку; сдѣлаешь это раза два или три, и жеребенокъ твой перестанетъ бояться и уздечки и сѣдла. Также ты пріучишь его небояться хомута; давать въ руки тебѣ свои ноги и поднимать ихъ; пріучишь къ этому—лошадь твоя не будетъ бояться ковки.

Не давай однако жеребятъ мальчикамъ, они шаловливы и рѣзвы, и могутъ испортить молодую лошадь навѣки.

Непонятливость въ лошади не должно исправлять палкою или кнутомъ, а умѣньемъ и терпѣньемъ.

Съ умѣньемъ и терпѣньемъ изъ жеребенка сдѣлаешь добрую лошадь, а часто и норовистаго коня можно исправить. Къ слову пришлось, я разскажу тебѣ о томъ:

КАКЪ МОЖНО ИСПРАВИТЬ НОРОВИСТУЮ ЛОШАДЬ.

Одинъ баринъ пріѣхалъ къ себѣ въ деревню; управляющій и разсказываетъ, что «все де, слава Богу, хорошо, только вотъ, не можемъ сладить съ гнѣдою лошадью, никакъ нейдетъ въ возу. Запряжешь въ телѣгу—стоитъ какъ вкопаная; тронешь возжами, она на дыбы; стегнешь кнутомъ, она начнетъ лягать задними ногами, а потомъ ляжетъ, и тутъ ужъ ее ничѣмъ не поднимешь, пока не распряжешь».

Баринъ приказалъ привести лошадь; видитъ конь статный, добрый. Пораспросилъ какъ ее учили, и догадался, что не умѣли взяться; запрягли въ первый разъ, въ грузный возъ, лошадь почувствовала сильную боль въ плечахъ, не стала

везти; а дерганье возжами и стеганье кнутомъ совсѣмъ ее испортили.

«Хорошо, говоритъ баринъ, я берусь выучить гнѣдка безъ кнута и безъ побоевъ, — увидишь, что будетъ добрый конь. Отведите-на его въ конюшню, поставьте въ пустое стойло, и не давайте ничего ѣсть.»—Сказано—сдѣлано. Гнѣдко простоялъ предъ пустыми яслями цѣлый день, ночь и слѣдующее утро до полдня. Конюхи качали головою, и толковали, напрасно-де баринъ моритъ лошадь голодомъ!

Между тѣмъ баринъ велѣлъ вывезти легкую телѣжку на небольшой лужокъ, засѣянный клеверомъ, или дятлевиною. Вокругъ телѣжки траву плотно скосили, оставивъ мѣстами рѣдкіе кусточки. За тѣмъ баринъ приказалъ привести гнѣдка, надѣть на него нѐ хомутъ, а шлейку, и запречь въ телѣжку. Одному конюху велѣно держать корду, сажени въ три длиною, привязанную къ надѣтому на лошадь капцуну. Конюху приказано было дать лошади полную свободу, стоять или ходить, и не понуждать ее, хоть бы она простояла до ночи. Часа четыре лошадь стояла какъ вкопаная. Но голодъ и лакомый видъ дятлевины заставилъ ее наконецъ попытаться наклонить голову. Она съ трудомъ достала травы и съ жадностію ощипала все, что только могла, не двигаясь съ мѣста. Потомъ она протянула шею дальше, но почувствовавъ, что натянулись постромки, быстро подалась назадъ. Чрезъ нѣсколько времени она рѣшилась сдѣлать небольшой шагъ впередъ, другой, третій и наконецъ стала ходить свободно. Ей однако не дали наѣсться до сыта, отпрягли и поставили въ конюшню опять предъ пустыми яслями на всю ночь.

На слѣдующее утро гнѣдка опять запрягли также какъ и вчера, и онъ обошелъ самъ весь лужокъ таская за собою телѣжку. Тутъ положили на телѣжку полкуля, потомъ куль, наконецъ два куля овса. Лошадь продолжала ходить и не останавливалась. Но этого было еще мало: надобно было заставить гнѣдка возить телѣжку безъ приманки травы; это сдѣлали, велѣвъ конюху идти предъ лошадью съ клокомъ сѣна

въ рукахъ. Потомъ пристегнули возжи и чрезъ недѣлю гнѣдко уже не лягалъ и возилъ спокойно телѣжку.

Такъ вотъ что значитъ умѣнье и терпѣнье. И видишь ли ты, что терпѣнье было у барина, для котораго лошадь не Богъ знаетъ что. Такъ какъ же не быть терпѣнью у крестьянина, у котораго въ лошади все его доброе?

Всего труднѣе исправить злую лошадь, которая кусается, а и это можно сдѣлать съ умѣньемъ,—да и опять безъ хлестанья и безъ побоевъ. У другаго барина была кобыла, которая не позволяла себя чистить, кусала конюховъ, и когда надѣвали ей на морду мѣшокъ, то она била головою куда ни попало. Конюхъ съ жалобою къ барину; тотъ думалъ, думалъ, да и придумалъ вотъ что: велѣлъ поискать въ лѣсу ежа. На другой день застрѣлили ежа, баринъ велѣлъ содрать съ него кожу, положить въ мѣшокъ и навязать его на голову кобылѣ такъ, чтобы ежевая кожа была пальца на два отъ губъ. Только-что конюхъ подошелъ чистить лошадь, она кинулась на него, но разумѣется обожглась: ежевыя иглы впились ей въ губы. Кобыла не унялась, попробовала кусать въ другой и третій разъ, тажъ бѣда и еще болѣе. Лошадь понятлива; она увидѣла, что боль дѣлаетъ сама себѣ, стала остерегаться и перестала кусаться вовсе.

ОТЧЕГО У КРЕСТЬЯНЪ ИНОГДА НЕ ВЕДУТСЯ ЛОШАДИ, И ЧѢМЪ ТОМУ ПОМОГАЮТЪ.

Въ деревняхъ часто крестьяне толкуютъ, что де у такогото, да у сякаго, у Сидора или у Карпа не ведутся лошади. И въ самомъ дѣлѣ, какую ни купитъ лошадь, Карпъ, — лошадь захирѣетъ и издохнетъ. Совершенное раззореніе! Вотъ и толкуютъ, что де такое нечистое мѣсто; а не то, думаетъ Карпъ и его сосѣди, — это неспроста, вѣдьма или колдунъ морочитъ; и пошелъ Карпъ отыскивать лекарку или ворожею; та и думаетъ себѣ: «если самъ напрашиваешься въ дураки, «такъ мнѣ не жалѣть стать тебя; давай сюда мѣшокъ крупъ,

«давай курицу, давай сѣна возъ, а не то цѣлковый рубль.» Вотъ знахарька плюнетъ, дунетъ, да наговорною водицею поворожитъ, а взятку возметъ, да накажетъ, чтобы Карпъ въ молодой мѣсяцъ опять шелъ на поклонъ, да не съ порожними руками, а то, говоритъ, пропадетъ и заговоръ. Карпъ и несетъ и проситъ и кланяется; а того не разсудитъ, что мѣсяцъ молодой ли, старой ли, тутъ ни въ чемъ не виноватъ, ни чему не поможетъ. Глядитъ Карпъ все лошади не держатся,—онъ опять къ знахаркѣ, а у нея за отговоркой дѣло не станетъ; это, говоритъ оттого, что ты вышелъ отъ меня, да не въ ту сторону повернулся, либо пожалѣлъ того, что принесъ мнѣ за труды. И дѣло съ концомъ, Карпъ же и виноватъ.

А и врямъ виноватъ Карпъ, потому что ищетъ рукавицъ, а онѣ у него за поясомъ. Лошади-то падаютъ, не водятся оттого, что первая павшая у него лошадь была или сапатая, или съ другою какою либо заразительною болѣзнію, а хозяинъ не взялъ предосторожностей; не очистилъ мѣста, гдѣ стояла больная лошадь, не вывезъ навоза, не сжегъ подстилочной соломы, не вымылъ и не выскоблилъ посуду, изъ которой она ѣла и пила, не вычистилъ и не вымылъ сбруи, которую она носила на себѣ въ поту, не оттеръ и не оскоблилъ стѣнъ и плетней, объ которыя она терлась, или которыя обрызгала возгрями. Отъ всего этого, и другая лошадь, которую Карпъ купилъ здоровою, заразилась и пала; купилъ третью и та туда же.

Бываетъ, что падаютъ лошади сильныя, которыхъ крестьяне называютъ двужильными, оттого, что будто у нихъ двойныя жилы; а двойныхъ жилъ не бываетъ, все это вздоръ. Еще хуже такого вздора повѣрье, что такихъ двужильныхъ лошадей надобно зарывать на дворахъ, а не то разломавъ стѣну, протаскивать вонъ павшую лошадь, для того де, чтобы не выпало 12 лошадей къ ряду. А все это суевѣріе, бабьи пустые толки, которые ни чему не помогаютъ. Помогаютъ же дѣлу чистый и теплый сарай, хорошій кормъ, холя, и добрый уходъ за лошадью.

—

КАКЪ БАРЫШНИКИ ПРОДАЮТЪ ЛОШАДЕЙ И ЧТО НАДОБНО СМОТРѢТЬ ПРИ ПОКУПКѢ ЛОШАДИ.

Крестьянину часто приходится покупать лошадей на ярмаркѣ; а тамъ большею частію продаютъ ихъ барышники и цыгане, народъ, у котораго мало совѣсти, и которые «товаръ лицомъ продаютъ». Если ты пооплошалъ, онъ тебѣ всунетъ клячу никуда негодную, заправленную на время, да съ тебя же еще и магарычи сопьетъ. Ты заплатилъ свои трудовыя деньги, привелъ домой лошадь,—глядишь—чрезъ день, чрезъ два, она либо храмлетъ, либо сапъ въ ноздряхъ, либо другая какая фальшъ. Вотъ ты и плачешься на безсовѣстнаго цыгана или барышника,—а онъ тебѣ въ отвѣтъ: «вѣдь ты былъ «не слѣпъ, видѣлъ, что покупалъ; моя была лошадь, твои «деньги; я тебѣ насильно не навязывалъ.» Ты говоришь барышнику:—ты продалъ мнѣ лошадь съ фальшью. А онъ тебѣ: — «какая тутъ фальшъ»? — Ты ему: да лошадь де слѣпа на одинъглазъ! А онъ тебѣ въ отвѣтъ: «это не фальшъ, а несчастіе!» Вотъ ты тутъ и толкуй съ нимъ!

Вотъ, чтобъ тебѣ не попадаться впросакъ, ты при покупкѣ лошади не спѣши, а хорошенько посмотри на нее, попробуй; не горячись покупать съ разу оттого, что лошадь показалась тебѣ статною, что бѣжитъ подъ цыганомъ и рысью и вскачь. А смотрѣть лошадь надобно отъ копыта до ушей. Тогда ты увидишь, есть ли у лошади какая болѣзнь или изъянъ.

А болѣзни и изъяны бываютъ у лошади излечимыя и неизлечимыя. Вотъ и начинай такъ: осмотри сначала подошвы и копыта; потомъ ноги, отъ копыта до колѣнъ, и отъ колѣнъ до лопатокъ; осмотри составы при лопаткахъ и окорокахъ, и самыя лопатки и окорока; осмотри станъ, т. е. животъ, спину и бока, и задъ; потомъ осмотри грудь, шею и голову.

А когда будешь смотрѣть, то и замѣчай вотъ что:

1. *Подошвы.*

Осматривая подошвы, должно замѣчать не гніютъ ли онѣ? Гнилость въ подошвахъ есть *болѣзнь неизлечимая*. Цѣлы ли стрѣлки, нѣтъ ли красныхъ пятенъ, выступившей крови: если есть, то это знакъ, что лошадь сильно опоена или разбита; а это также *болѣзни неизлечимыя*.

2. *Копыта.*

Не высушены ли копыта ковкою горячими подковами, до того, что стали ломки и хрупки, это *болѣзнь неизлечимая*. Крѣпко ли держится копыто на мясѣ, не подалось ли вверхъ и нога въ него какъ бы провалилась,—такая лошадь *никуда не годится*. Каково копыто? не торцевое ли или не выпятилось ли впередъ башмакомъ, — это *болѣзнь неизлечимая*. Не покрыто ли рубцами круговыми или кольцеобразными оттого, что лошадь была опоена — это *болѣзнь неизлечимая*. Не имѣетъ ли копыто засѣчекъ, разщепинъ—это болѣзнь *излечимая*. Хорошо, когда копыта оба равно глядятъ нѣсколько въ средину; не хорошо, когда они глядятъ врозь (косолапость); лошадь косолапая *мало годна*.

3. *Отъ копытъ до колѣна.*

Здорова ли надкопытная часть, т. е. нѣтъ ли мокрецовъ, подсѣдовъ, — это *болѣзнь излечимая*. Нѣтъ ли разшибовъ и сильныхъ вывиховъ, это *болѣзнь неизлечимая*. Не очень ли сѣла лошадь на бабки, — такая лошадь *мало годна*. Въ суставѣ, въ щиколоткѣ и выше, по берцовымъ костямъ, нѣтъ ли растянутости, жилъ и бугровъ,—это *болѣзнь неизлечимая*. Нѣтъ ли грыжи, это *болѣзнь неизлечимая*. Нѣтъ ли перелома, что однако, будучи хорошо залечено, мало вредитъ лошади.

4. *Отъ колѣна до лопатокъ.*

Собственно колѣна должно осматривать съ большимъ вниманіемъ; по колѣнамъ лучше всего узнаешь прочна ли, сильна ли лошадь. Надобно смотрѣть: сухо ли и широко ли оно? крѣпко ли въ связяхъ? нѣтъ ли на немъ наростовъ или шишекъ, — это *болѣзнь неизлечимая.* Нѣтъ ли грыжи, это *болѣзнь неизлечимая.* На своемъ ли мѣстѣ колѣно, не низко ли оно, особенно въ заднихъ ногахъ, какъ у коровъ, не погнулось ли оно впередъ, это *болѣзнь неизлечимая.* Свободно ли оно въ движеніи и нѣтъ ли растянутія жилъ и другихъ подобныхъ поврежденій, это *болѣзнь излечимая.*

5. *Суставы при лопаткахъ и окорокахъ, и сами лопатки и окорока.*

Часто въ этихъ мѣстахъ скрывается хромота, или волоченіе ногъ, безъ видимой къ тому причины; по этому слѣдуетъ смотрѣть, нѣтъ ли сухаго сплека, отъ котораго лопатка сохнетъ и заваливается,—это *болѣзнь излечимая.* Не поврежденъ ли крестецъ, отчего одинъ изъ нихъ кажется ниже другаго, это *болѣзнь излечимая.* Не разбита ли или не сломана ли ключица передней ноги, что узнается если подавить это мѣсто, это *болѣзнь излечимая.* Нѣтъ ли наплечныхъ накостниковъ, отъ которыхъ лошадь будетъ всегда набиваться хомутомъ, это *болѣзнь неизлечимая.* Полна ли мышка; если полна, то это признакъ доброй силы лошади.

Еще должно въ ногахъ замѣчать, нѣтъ ли въ заднихъ ногахъ «пѣтушьей походки», т. е. шпата (сильнаго вздергиванія ногами), не вихляетъ ли или не заплетаетъ ли ногами,—это *болѣзнь неизлечимая.*

6. *Животъ, спина и бока.*

Не широки ли чрезъ мѣру паха; если паха широки,—знакъ что лошадь слаба и слабо держитъ тѣло, хотя и рысиста по боль-

шей части. Нѣтъ ли *подрыва*; подрывъ замѣчается па съежившейся тетивѣ и по чрезмѣрной поджарости; заднія ноги подались какъ бы не естественно подъ брюхо, что бываетъ также и отъ плохой подрѣзки, — это *болѣзнь неизлечимая*. Кобылы рѣже имѣютъ подрывъ и запалъ; запалъ узнается по неестественному дыханію, лошадь послѣ нѣкотораго движенія, какъ бы втягиваетъ ребра и движетъ животомъ при пахахъ порывисто; для узнанія этой и другихъ подобныхъ легочныхъ болѣзней, перехватываютъ у пробуемой лошади рукою, какъ можно ближе къ головѣ, дыхательное горло и вдругъ, позадержавъ дыханіе, его пускаютъ и смотрятъ какъ уравниваетъ лошадь свое дыханіе съ кашлемъ, съ хрипомъ или свободно.

Очевидныя поврежденія на животѣ бываютъ: грыжа, кила, желваки, побойки; всѣ эти болѣзни бываютъ иногда излечимыя, а иногда неизлечимыя. Сѣдлина, горбатость, высокопередость и низкопередость, причиняютъ безобразіе, а иногда и малосиліе лошади.

Если у старыхъ и худыхъ лошадей кожа не отдѣляется отъ ребръ (сухотка), то такую лошадь откормить пельзя, и она *никуда негодна*.

7. Задъ вообще.

Хорошо устроенные и широкіе окорока означаютъ сильную лошадь. Если у лошади глубоко завалился задній проходъ, то это значитъ, что лошадь очень стара. Барышники пробуютъ доброту лошади, отворачивая хвостъ отъ зада и смотрятъ его упругость при отвороченіи, иначе заключаютъ, что лошадь неспособна, лѣнива и скоро устаетъ. При корнѣ хвоста ощупываютъ позвонки; у молодой лошади одинъ родовой позвонокъ плотно находится при задѣ; у 10-ти-лѣтней онъ стоитъ уже на разстояніи двухъ пальцевъ отъ зада; у 15-ти-лѣтней выходитъ уже и второй позвонокъ. Знатоки по этимъ признакамъ лучше всего узнаютъ лѣта лошади. Нѣтъ ли въ хвостѣ *возцы*, это *болѣзнь излечимая*. Хорошъ ли хвостъ и не вертитъ ли имъ безпрестанно лошадь?

8. Грудь и шея.

Грудь широкая, соколомъ, показываетъ внутреннее здоровье лошади; напротивъ того, завалившаяся, обрѣзавшаяся, узкая и запалая грудь показываетъ нездоровье и непрочность лошади; барышники иногда надуваютъ грудь и направляютъ заволокою, которой слѣды должно отыскивать, чтобы не быть жестоко обманутымъ. Шея у рабочей лошади хотя не составляетъ важности, однако лучше выбирать не тонкую и длинную, а кряжистую и способную къ хомуту. Надобно замѣчать не крива ли шея отъ паралича? Это *болѣзнь неизлечимая*. Съ боковъ нѣтъ ли сборокъ и сухихъ струпьевъ (коросты), это *болѣзнь излечимая*.

9. Голова вообще.

Неговорю о складѣ головы, составляющей только красоту лошади, но должно смотрѣть не скошена ли у нея челюсть (параличь), это *болѣзнь неизлечимая*. Не отвисла ли нижняя губа — это знакъ дряхлости. Подъ салазками нѣтъ ли неподвижныхъ или приросшихъ къ кости железъ, не течетъ ли изъ ноздрей матерія,—если течетъ, то это знакъ, что у лошади сапъ или покрайней мѣрѣ затяжной мытъ; такая лошадь *никуда не годится*. Барышники, чтобы скрыть сапъ у лошади, затыкаютъ ноздри губкою. Для узнанія надобно зажать лошади ноздри и заставить ее фыркнуть. Но при этомъ надобно беречься, чтобы матерія не попала въ глаза или на тѣло человѣка; эта матерія ядовита, и можетъ самому человѣку причинить страшную болѣзнь.

Должно осматривать знаки на зубахъ и смотрѣть какъ эти знаки приходятся къ другимъ знакамъ, къ верхнимъ зубамъ, колу, бабкамъ и виду самихъ переднихъ зубовъ, которые къ старости удлинняются и десны отдѣляются отъ верхнихъ зубовъ; по этому можно заключить, что знаки въ зубахъ не поддѣланы; знаки поддѣльные горячимъ желѣзомъ, узнать можно—дунувъ на зубы, отчего лошадь сильно уклоняется. Еще

должно глядѣть во рту: нѣтъ ли ящера (ракъ на языкѣ), заѣдней, насоса или другихъ какихъ либо поврежденій, это *болѣзнь излечимая.* Здоровы ли глаза, нѣтъ ли темной воды, это *болѣзнь неизлечимая.* Или нѣтъ ли бѣльмъ, это *болѣзнь излечимая.* Если глазъ насупленъ, если внутри зерка очень много наростовъ, похожихъ на бахраму, то это признакъ лошади норовистой или съ колеромъ. Хотя небольшую важность составляетъ чолка и уши, однако безобразные (вислоухіе, лапоухіе) бываютъ больше у худыхъ лошадей.

—

Вотъ теперь ты знаешь: какая болѣзнь излечимая и какая неизлечимая; такъ знай же еще и то, что съ заразительною болѣзнію лошадь никуда не годится, и ее ненадобно брать и даромъ; лошадь мало годная, напр. такая, которая очень садится на бабки, стоитъ полцѣны; лошадь съ болѣзнію неизлечимою,—стоитъ четверть цѣны,—если же болѣзнь излечимая, то можно дать за лошадь три четверти цѣны.

—

КАКЪ НАДОБНО ОБРАЩАТЬСЯ СЪ МОЛОДОЮ КУПЛЕННОЮ ЛОШАДЬЮ.

Пуще всего ненадобно торопиться при покупкѣ лошади; ненадобно слушать похвалъ и подторжекъ кумовьевъ и подбиваль, а надобно смотрѣть *«въ оба»* самому.

Когда станешь пробовать лошадь, какова она на ходу, то надобно поворачивать ее круто во всѣ стороны и смотрѣть въ особенности на заднія ноги; надобно проѣзжать лошадь тихо, сначала по ровному мѣсту, а потомъ по крутому, и замѣчать, какія ухватки у лошади.

Если ты купилъ лошадь неѣзжалую, то надобно объѣзжать ее съ терпѣніемъ и смотрѣть съ разсудкомъ, отчего у нея

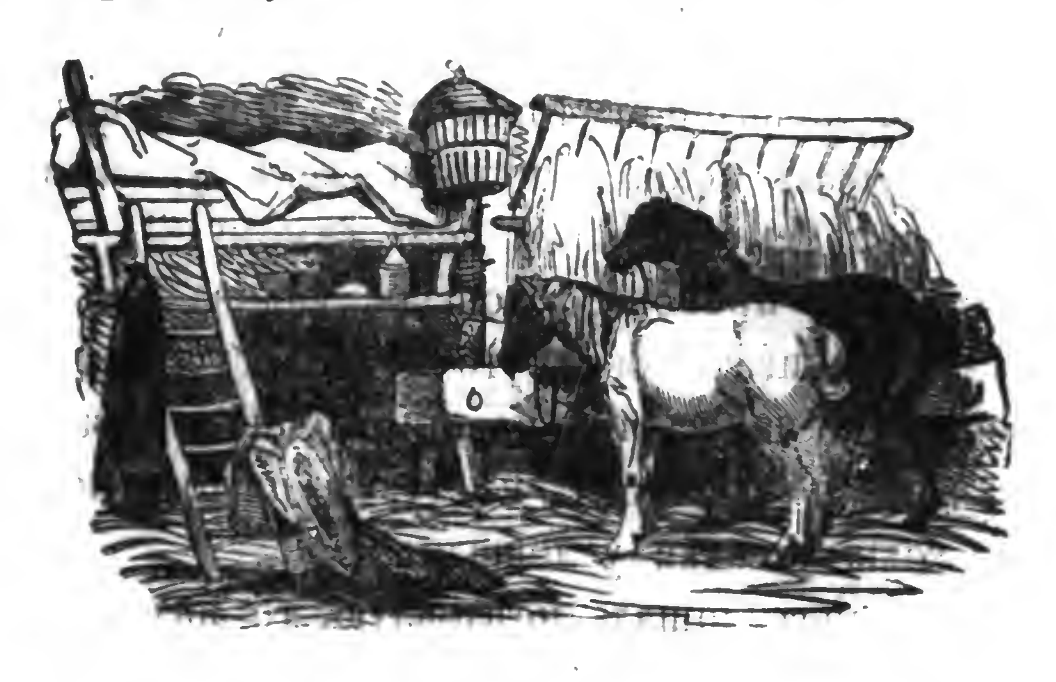
та или другая ухватка, тотъ или другой норовъ. Если лошадь взвивается на дыбы, то значитъ, что она не терпитъ подпруги и щекоту. Если лошадь пятится назадъ, — это знакъ, что лошадь слабоузда, не терпитъ удилъ; и для того ненадобно бить лошади, а обмотать мягко удила, и она пріучится къ нимъ.

Если лошадь мечется въ сторону и брыкаетъ на задъ, то опять таки ненадобно бить ее, а остановившись тихо поласкать лошадь, поправить сбрую — и она по немногу привыкнетъ къ ней. Часто лошади бываютъ пугливы отъ длинныхъ волосъ около глазъ и подъ глазами — такіе волосы надобно обрывать.

Если лошадь носитъ въ запряжкѣ, то знакъ, что она боится стука колесъ; и потому чтобы объѣздить такую лошадь, выбери мягкое ровное мѣсто ступай съ ней на пашню,—и опять таки не бей; а будешь бить—испортишь молодую лошадь навѣки.

Если лошадь стала, нейдетъ, и упорно стоитъ, ты ее слегка понукай и дождись пока она сама пойдетъ; лучше всего сдѣлай, то, что сдѣлалъ съ гнѣдкомъ баринъ, о которомъ я разсказалъ.

Словомъ, съ умѣньемъ купишь добрую лошадь, а съ терпѣньемъ, безъ побоевъ, передѣлаешь всякую норовистую лошадь, и будетъ у тебя смирной, доброѣзжій конь — доброму хозяину, добрый слуга.

РОГАТЫЙ СКОТЪ.

Рогатый скотъ столько же приноситъ пользы человѣку, сколько и лошадь, если еще небольше. Быкъ конечно негодится для верховой ѣзды, негодится для перевозки вьюковъ, и непригоденъ для скорой ѣзды; онъ не пойдетъ ни рысью, ни вскачь; но за то, тамъ, гдѣ нужно много силы, быкъ потянетъ больше лошади. Походка у него тихая и спокойная; и потому для работы въ полѣ, для пахаты на землѣ тяжелой— быкъ пригоднѣе лошади.

Свѣжее коровье молоко есть самая здоровая пища для человѣка, въ особенности для дѣтей. Изъ молока же дѣлають масло, которое есть самая здоровая приправа къ разной пищѣ. Изъ кислаго молока дѣлають творогъ и сыръ, которыми питаются сельскіе жители, не брезгаютъ ими и богатые горожане.

Мало того, что рогатый скотъ живой приноситъ столько пользы человѣку,—мясо его есть лучшая пища для человѣка.

Для обуви и для разныхъ надобностей, нѣтъ лучше кожи воловьей. Сало идетъ на мыло, на свѣчи, и на разныя другія надобности. Изъ костей вывариваютъ жиръ, для смазки колесъ въ машинахъ на фабрикахъ; самыя кости идутъ на черенки,—а не то ихъ толкутъ и разсыпаютъ на поля. Тол-

ченыя кости для удобренія лучше навоза. У насъ объ этомъ мало еще кто знаетъ; а вотъ Нѣмцы и Англичане скупаютъ у насъ же кости, возятъ къ себѣ за море, толкутъ ихъ и удобряютъ ими свои нивы.

Такъ вотъ сколько пользы отъ рогатаго скота, а оттого и надобно стараться объ уходѣ за нимъ; а для этого надобно знать какъ быкъ или корова живутъ. Это кажется всякой знаетъ, да не совсѣмъ. Надобно знать отчего быку привольнѣе жить, отчего труднѣе; отчего родится скотъ большой или мелкой; что ему здорово и что вредно; какой лучше кормъ и какое пойло; и отчего ему болѣзнь приключается. Кто это все знаетъ, тотъ знаетъ натуру быка или коровы.

Быкъ, хотя большею частію и смирное животное, однако онъ скорѣе отвыкаетъ отъ человѣка, нежели лошадь. И теперь есть еще дикіе быки, хотя и не у насъ въ Россіи, а далеко за-моремъ, въ Америкѣ.

Лошадь можетъ ѣсть день и ночь, медленно, но почти безпрестанно; рогатый скотъ напротивъ ѣстъ скоро; въ короткое время съѣдаетъ сколько ему нужно, ложится и жуетъ жвачку.

А это дѣлаетъ потому, что у него въ животѣ, кромѣ желудка, есть еще особый мѣшокъ; вотъ когда волъ ѣстъ траву или сѣно, то они идутъ сначала въ этотъ мѣшокъ; а какъ наѣстся волъ, тогда изъ мѣшка отрыгаетъ пищу, жуетъ ее, и когда пережуетъ, то она уже идетъ въ настоящій желудокъ.

Когда рогатый скотъ жуетъ жвачку, тогда оставь его въ покоѣ; у многихъ неразумныхъ людей оттого рогатый скотъ не живетъ, что не даютъ ему спокойно пережевать жвачку: скотъ еще жуетъ жвачку, а онъ его гонитъ на другое мѣсто, а ино мѣсто и въ работу пуститъ; скотъ оттого непремѣнно заболѣетъ, а глупый хозяинъ ропщетъ на Бога, что вишь ты скотъ у него неведется, или не ко двору пришелся, что вишь такъ на роду написано,—а глупыя бабы поддакиваютъ. Рогатый скотъ спитъ, но не долго и чутко; при малѣйшемъ шумѣ онъ просыпается.

Рогатый скотъ выростаетъ со всѣмъ, или складывается, на

третьемъ или четвертомъ году; живетъ же обыкновенно отъ 15 до 18 лѣтъ. Самая же большая сила у него бываетъ отъ 5 до 9 лѣтъ. Этотъ возрастъ есть самый лучшій для рабочаго скота; послѣ 9 лѣтъ, скотина старѣется и дѣлается слабѣе.

У насъ въ Россіи коровъ держатъ больше для телятъ и для молока; а въ работу почти не употребляютъ. Но можно и на коровахъ, также какъ и на быкахъ, возить и пахать; это дѣлаютъ почти всѣ Нѣмцы; только разумѣется корова слабѣе быка, и потому непадобно ее запрягать въ тяжелый возъ.

Когда хочешь, чтобъ у тебя водился хорошій рогатый скотъ, то первое дѣло надобно давать ему хорошій кормъ, и держать зимою въ тепломъ хлѣву. Объ этомъ мы говорили въ третьей книжкѣ Сельскаго Чтенія.

На племя надобно выбирать лучшихъ быковъ и коровъ; въ крестьянскомъ быту важное дѣло молоко,—а потому оставляй на племя лучшихъ бычковъ и коровъ, рожденныхъ отъ хорошей молочной коровы.

КАКЪ НАДОБНО СОДЕРЖАТЬ ПЛЕМЕННЫХЪ БЫКОВЪ.

Для полученія наибольшей пользы отъ племеннаго быка, надобно ему давать хорошій кормъ. Поэтому лѣтомъ, быку надобно давать на ночь травы или зерноваго корма; а зимою надобно кормить его хорошимъ сѣномъ.

Племенныхъ быковъ надобно пускать въ стадо въ концѣ весны и лѣтомъ, т. е. въ Маѣ, Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ. Зимою же лучше держать ихъ въ особыхъ хлѣвахъ.

Хорошій приплодный быкъ можетъ быть допускаемъ къ случкѣ, начиная съ 4-хъ до 9 лѣтъ его возраста; послѣ 9 года онъ становится слишкомъ не поворотливымъ и тяжелымъ для случки.

КАКЪ НАДОБНО ОБРАЩАТЬСЯ СЪ СТЕЛЬНЫМИ КОРОВАМИ.

Если коровы держатся на сытномъ корму, то можно пускать ихъ на случку на 2-мъ году; если же кормъ скуденъ, то лучше всего случать на третьемъ году; и ненадобно пропускать этого срока, — а то корова не будетъ давать молока.

Къ случкѣ надобно допускать коровъ до 10-го или много до 12-го года; послѣ этого возраста коровы даютъ слишкомъ мало молока; и тогда выгоднѣе ихъ продать на убой.

Для крестьянина лучше всего случать своихъ коровъ въ Маѣ, Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ, тогда онѣ будутъ телиться въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ; отъ этого телята выходятъ крѣпче, да и молока будетъ больше въ лѣтніе мѣсяцы.

Деревенскій пастухъ долженъ замѣчать день случки каждой коровы, и давать знать о томъ хозяину. Пастухъ долженъ также знать, когда корова отелится, и также долженъ давать знать о томъ хозяину за нѣсколько дней.

Стельную корову ненадобно употреблять въ работу, особливо въ послѣднее время стельности. Ненадобно также стельную корову бить, или безпокоить ее чѣмъ бы то ни было.

Стельной коровѣ надобно давать здоровый кормъ; поэтому берегись давать испортившуюся гнилую солому, или гнилое сѣно и попортившееся зерно. Надобно также беречься выгонять стельныхъ коровъ на болотистыя пастбища.

Не задолго предъ теленіемъ, надобно приготовить для коровы просторное помѣщеніе, и паслать мягко соломы для подстилки.

Если нѣтъ особаго уютнаго хлѣва, то надобно отдѣлить стельную корову загородкою отъ прочаго скота. Если скотъ держится на привязи, то стельную корову надобно отвязать.

При теленіи лучше всего не дотрогиваться до коровы.

Вскорѣ послѣ теленія, надобно дать отелившейся коровѣ

теплаго пойла изъ сѣннаго отвара съ примѣсью двухъ горстей муки и горсти соли. А чтобъ сдѣлать сѣнной отваръ, то на два фунта хорошаго сѣна налей ведро кипятка, дай постоять немного, и потомъ слей, и примѣшай, какъ сказано, двѣ горсти муки и горсть соли.

Такое пойло давать надобно недѣли четыре сряду послѣ теленія. Потомъ уже можно не примѣшивать муки, но сѣнной отваръ нужно давать коровѣ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ выгнать ее въ поле.

ЧТО НАДОБНО ДѢЛАТЬ СЪ ТЕЛЯТАМИ.

Теленку надобно давать сосать молоко матери, и для этого надобно пускать его въ коровѣ раза 4 или 5-ть въ день; но ненадобно оставлять его съ маткою цѣлый день, а то корова привыкнетъ къ теленку и будетъ послѣ давать мало молока. Поэтому надобно держать теленка особо; пускать же его къ матери надобно въ одни и тѣже часы каждый день.

Послѣ четырехъ недѣль, теленка надобно пускать къ коровѣ однимъ разомъ въ день меньше, чрезъ двѣ недѣли еще убавить одинъ разъ. Словомъ, когда сначала ты пускалъ теленка 4 раза въ день, то на пятую и шестую недѣлю пуска только 3 раза, на 7-ю и 8-ю — два раза, а на 9-ю недѣлю небольше одного раза. Послѣ 9-ти или 10-ти недѣль теленка надобно совсѣмъ отнять отъ матери.

Но четырехнедѣльному теленку надобно начать подкладывать сѣно, и давать теплое пойло изъ сѣннаго отвара, муки и молока. А для этого на полфунта сѣна налей четверть ведра кипятка, дай постоять, слей отваръ, прибавь въ него немного свѣжаго, не кислаго молока и горсть просѣянной овсяной муки.

Сначала теленокъ будетъ выпивать такого пойла немного—полторы или двѣ кварты въ день; а потомъ съ каждымъ днемъ будетъ пить больше; послѣ 9 или 10 недѣль, онъ ста-

нетъ выпивать отъ 6-ти до 8-ми квартъ; въ это время не нужно уже прибавлять въ сѣнной отваръ молока, а прибавляй непросѣянной овсяной муки и немного соли. Такое пойло надобно давать теленку до годоваго возраста.

Телятъ надобно выгонять на пастбу только тогда, когда трава уже выростетъ довольно высоко; въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ ненадобно выгонять ранѣе конца Мая или начала Іюня. Въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, можно начать выгонять и раньше.

Молодой скотъ боится мокроты; отъ нея онъ заболѣваетъ; а потому телятъ до двухлѣтняго возраста ненадобно пускать на болота или на мокрые луга; ихъ надобно пасти на сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ.

Осенью, когда начнутся дожди, телятъ можно пускать днемъ на жниво; утромъ же и вечеромъ надобно давать имъ сухой кормъ. А когда начнутся порядочные морозы, то телятъ ненадобно выпускать вовсе, а надобно держать ихъ до весны въ телятникѣ.

Зимою надобно давать кормъ телятамъ: хорошее сѣно и немного яровой соломы. Дачу сѣна надобно расчитывать на каждаго теленка до 8 фунтовъ въ день, къ этому со втораго года надобно прибавлять отъ 6 до 8 фунтовъ яровой соломы. Пойло изъ сѣннаго отвара надобно давать и на второмъ году.

КАКЪ НАДОБНО ДЕРЖАТЬ ВЗРОСЛЫЙ СКОТЪ ЗИМОЮ.

Хорошій хозяинъ съ осени долженъ расчитать сколько у него къ зимѣ запасено какого корма; если по расчету корма не хватитъ на зиму, то лучше слабую скотину продать съ осени.

Расчетъ же для корма вотъ какой: на средственную крестьянскую корову надобно считать въ день не меньше 12-ти фунтовъ сѣна. Знай также, что 1 фунтъ сѣна все равно, что 3 фунта яровой соломы, или 4 фунта ржаной. А 1 фунтъ

овса или ячменя, все тоже, что 2 фунта сѣна или 6 фунтовъ яровой соломы.

Поэтому при средственномъ содержаніи скота, можно давать каждой коровѣ 8 фунт. сѣна или 12 фунтовъ яровой соломы; но скотъ будетъ сытнѣе, если будешь давать по 10 фунт. сѣна и по 10 фунт. соломы. Если же у тебя довольно и сѣна и соломы, то давай на каждую скотину отъ 12 до 14 фунтовъ соломы.

Если есть въ хозяйствѣ картофель, то имъ можно замѣнить часть сѣна, по тому расчету, что гарнецъ или осьмушка картофеля все тоже, что 3 фунта хорошаго сѣна; но ненадобно давать скотинѣ болѣе 2-хъ гарнцевъ картофеля, которые замѣнятъ собою 6 фунт. сѣна.

А картофель проще всего давать сырой; только надобно сначала хорошо обмыть его, чтобъ не было на немъ земли или гнили какой. Да ненадобно давать также скотинѣ цѣлый картофель; потому что цѣлымъ картофелемъ скотина можетъ подавиться и отъ этого околѣть. Надобно картофель рѣзать на мелкіе куски, а это можно дѣлать или ножемъ, или еще лучше капустною сѣчкою.

Кормъ надобно задавать, и взрослому и молодому скоту, три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ, и непремѣнно въ одни и тѣже часы. Поить скотъ надобно между каждыми двумя кормами, то есть два раза въ день.

Солому надобно давать такъ, чтобы ее стало на всю зиму. Для этого лучше всего давать утромъ яровую солому, въ полдень сѣно, а вечеромъ озимую солому.

Сѣно и солому надобно класть въ ясли, а не подъ ноги, какъ это дѣлаютъ нерадивые и лѣнивые хозяева.

Ясли, корыта и всякую посудину, въ которой дается кормъ скоту, надобно держать въ чистотѣ; и для того почаще вытирать ясли и споласкивать каждый разъ посудину чистою водою, а еще лучше кипяткомъ.

Кормъ, сѣно и солому, надобно держать подъ крышею, чтобы они не портились отъ мокроты. Для этого надобно устроивать навѣсы предъ хлѣвами или возлѣ нихъ.

Зимою надобно давать скоту соль, по крайней мѣрѣ одинъ или два раза въ недѣлю. На каждую скотину надобно брать небольшую пригоршню соли, распустить ее въ водѣ, и оприскивать ею сухой кормъ.

КАКЪ НАДОБНО ВЗРОСЛЫЙ СКОТЪ ВЫПУСКАТЬ НА ПАСТБИЩЕ.

Надобно стараться весною выпускать скотъ на пастбище только тогда, когда молодая трава уже подрастетъ. Если скотину съ сухаго корма выпустить прямо на зеленый, то отъ этого часто бываетъ поносъ, или раздуваетъ брюхо. Чтобъ этого не случалось, то въ первые восемь дней, когда начнутъ выгонять скотъ въ поле, надобно давать утромъ и вечеромъ по немногу сухаго корма, сѣна или соломы.

Мокрыя пастбища, особенно болота, нездоровы скоту; вотъ по этому-то и надобно стараться осушать болота канавами. Въ полуденной жаръ скоту нездорово оставаться на солнцѣ; а для этого и надобно пригонять его къ лѣсу, или перелѣскамъ, гдѣ есть тѣнь. Тамъ же, гдѣ нѣтъ лѣса надобно стараться засаживать деревьями, вербою, тополемъ, отлогости подлѣ деревень, или подлѣ воды.

Всякій знаетъ, что скотъ не столько ѣстъ травы, сколько вытаптываетъ ее ногами; вотъ по этому-то, если можно, надобно стараться не пускать стадо разомъ на все пастбище; лучше всего пастбище раздѣлить на нѣсколько участковъ, и пасти скотъ сначала на одномъ; когда вытравишь на первомъ участкѣ, пускай на другой, потомъ на третій. Тѣмъ временемъ, когда скотъ будетъ пастись на второмъ и третьемъ участкѣ, новая трава подрастетъ на первомъ, и на немъ опять можно пасти. Въ двѣ недѣли обыкновенно трава подрастетъ на вытравленномъ мѣстѣ; и потому, если пастбище раздѣлено на три участка, то на каждомъ можно пасти скотъ одну недѣлю!

Пока скотъ ходитъ въ полѣ, въ жаркое время надобно стараться купать его, если можно каждый день. Если же нѣтъ близко воды, то хоть одинъ или два раза въ недѣлю. Лучшее время для купанья скота есть утро. Но можно купать скотъ и послѣ полудня, когда онъ порядочно отдохнетъ.

Поить скотъ надобно два раза въ день: утромъ и потомъ вечеромъ или послѣ полудня.

Отъ дурнаго водопоя у скота бываетъ много болѣзней. Лучшая вода есть проточная, рѣчная. Если нѣтъ близко рѣки, или ручья, то можно поить колодезною водою, или изъ большихъ прудовъ и озеръ, въ которыхъ вода не загниваетъ. Отъ болотной воды, или застоявшейся снѣговой и дождевой воды—скотъ болѣетъ, и потому надобно беречься давать пить такую воду скоту.

Когда къ осени наступитъ дождливая погода, надобно давать скоту на ночь немного сухаго корма, хоть соломы; и выгонять скотъ только на сухія пастбища, или на жниво. Когда же начнутся первые ночные морозы, то надобно давать сухой кормъ и утромъ.

Скотъ можно выгонять на день на пастбище до тѣхъ поръ, пока не наступятъ сильные морозы, или пока не выпадетъ снѣгъ.

КАКЪ НАДОБНО ДОИТЬ КОРОВЪ.

Доить коровъ надобно два раза въ день: рано утромъ предъ выгономъ въ поле, и послѣ полудня, когда скотъ отдохнетъ. Для этого надобно устроивать мѣста близь деревень для отдохновенія скота въ полдень; тогда хозяйки могутъ приходить въ стадо и доить коровъ въ одно и тоже время. Иныя доятъ коровъ утромъ и вечеромъ, когда корова придетъ изъ стада; но дни бываютъ неровны, — оттого, съ весны и въ началѣ лѣта отъ утренняго до вечерняго доенія проходитъ больше часовъ, а съ половины лѣта и осенью, чѣмъ дальше тѣмъ дни короче, и отъ утренняго до вечерняго доенія остается

меньше времени; а отъ этого молоко не хорошо отдѣляется у коровъ.

Надобно выдаивать коровъ до чиста; даже въ то время, когда теленокъ еще сосетъ матку, надобно выдаивать ее послѣ теленка; не выдоенное оставшееся молоко портится, сгораетъ, — отъ чего бываетъ вредъ и коровѣ и теленку. Да и то знай, что самое жирное молоко есть то, которое подъ конецъ выдоишь, то есть послѣднее.

Посуду, которую употребляютъ для доенія и для сохраненія молока, надобно держать въ великой чистотѣ, надобно беречься, чтобъ не оставалось въ ней никакой нечистоты, не заводилось бы никакой кислоты; для этого каждый разъ, дойники, крынки и кувшины надобно тотчасъ, какъ опорожнишь молоко, вымывать до-чиста водою и высушивать. Когда лѣтомъ бываетъ много комаровъ и другихъ мошекъ и скотина оттого лягается и не даетъ доиться, то выведи доить на поле, а возлѣ коровы зажги кусокъ дерева, особенно гнилаго, или что называютъ курку, вотъ съ чѣмъ въ пчельники ходятъ. Такую курку положи по вѣтру возлѣ коровы, — дымъ отъ курки всѣхъ комаровъ и мошекъ прогонитъ.

КАКЪ НАДОБНО ОБРАЩАТЬСЯ СЪ РАБОЧИМЪ СКОТОМЪ.

Въ работу ненадобно употреблять рогатый скотъ моложе 4-го года. Работать же можно на немъ до 10-го или 12 года, а потомъ надобно его продавать на убой.

Знай также, что надобно пріучать молодыхъ воловъ къ работѣ съ терпѣніемъ, безъ побоевъ; для этого лучше всего сдѣлай такъ: привяжи молодаго вола на длинномъ поводу къ яслямъ; надѣнь на него ярмо съ постромками, и къ нимъ привяжи какую нибудь тяжесть, хоть мѣшокъ съ пескомъ, на особой веревкѣ; перекинь эту веревку чрезъ какую нибудь перекладину, такъ чтобы тяжесть лежала на землѣ. Задай въ

ясли сѣна, и оставь вола. Вотъ онъ сначала будетъ стоять спокойно, а потомъ ему захочется отвѣдать сѣна, онъ подастся впередъ, и почувствуетъ тяжесть сзади. Онъ подастся опять назадъ; но охота отвѣдать сѣна заставитъ его двинуться впередъ и потянуть тяжесть. Такъ онъ и привыкнетъ тянуть тяжесть, освоится съ упряжью и сдѣлается смирною работящею скотиною.

Рабочему скоту около полудня надобно давать отдыхъ часа на четыре. Если достаточно рабочаго скота, то лучше всего на одной половинѣ скота работать утромъ, а на другой послѣ обѣда.

НЕ ВСЯКАЯ ПОСЛОВИЦА НЕ МИМО МОЛВИТСЯ.

—

Кто читалъ сказку про Ваньку Ротозѣя, которую разсказывалъ вамъ во второй книжкѣ Сельскаго Чтенія дядяИриней, тотъ знаетъ отъ чего Ванькѣ такое прозвище пошло,— и отъ чего онъ вышелъ дурень дурнемъ. А кто не читалъ, тому мы, со словъ дяди Иринея скажемъ, что Ванька Ротозѣй выросъ большимъ парнемъ, а былъ ни родителямъ не въ угоду, ни себѣ на спасенье, оттого что отецъ его, Агафонъ Спиридоновичъ, безтолку съ измала тузилъ его, ино мѣсто за виски, а ино мѣсто и полѣномъ. Вишь далась ему пословица: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ.» А не разсудилъ онъ того, что пословицы, какъ и всякая рѣчь, бываютъ умныя, бываютъ и глупыя.

Иной пожалуй станетъ толковать, что пьянымъ быть не только что не бѣда, да еще и польза, потому, что де пословица говоритъ: «пьянъ да уменъ два угодья въ немъ».—А того не возьметъ въ толкъ, что такую пословицу выдумали пьяницы, и родилась-то она въ кабакѣ, за стойкой у цѣловальника.

Иной сдѣлаетъ пакость какую, его обругаютъ, а онъ и усомъ не ведетъ, да и вдругоредь за ту же пакость: «брань де, на вороту не виснетъ».

Такъ-то не о всякой пословицѣ надобно разумѣть что она умная. Вотъ такъ-то и та пословица что «за битаго двухъ небитыхъ даютъ» что говаривалъ отецъ Ваньки, тузивши его

безтолку, выдумана злыми людьми, которые будто и не знаютъ того, что драться большой грѣхъ.

Господь далъ человѣку руки на то, чтобы работать, трудиться и для себя и другимъ на пользу, а не для того, чтобы драться и дѣлать зло.

Да къ тому же Господь отличилъ человѣка отъ всѣхъ тварей, давши ему душу и рѣчь.

Тебя понимаетъ всякой, когда ты говоришь. Стало быть не нужны побои, чтобы тебя слушали; все повинуется разумной рѣчи. Только дикіе, безсловесные звѣри дерутся; но у нихъ нѣтъ разума, нѣтъ рѣчи, слова.

Стало быть человѣкъ, который дерется, забываетъ, что онъ человѣкъ; забываетъ, что въ немъ образъ Божій; онъ потерялъ разумъ, сдѣлался хуже скота безсмысленнаго.

Только съ такими людьми нужна сила, которые не знаютъ добра, не слушаются разума. Тутъ виноватый накликаетъ уже самъ на себя бѣду.

А дѣло ли дѣлаютъ тѣ безумные люди, которые колотятъ жену, бьютъ дѣтей чѣмъ ни попало? А это бываетъ вчастую, да вчастую же Господь караетъ такихъ злыхъ людей. Вотъ что случилось въ прошломъ году въ Тверской губерніи.

Одинъ крестьянинъ разсердился на жену, и не думая долго, хотѣлъ ударить ее кулакомъ, только кулакъ пришелся не по женѣ, а по ребенку, который былъ у нея на рукахъ; дитя тутъ же и душу Богу отдало. Другой такой же злой человѣкъ, въ Полтавской губерніи, озлился на своего старшаго сына, и бросилъ въ него полѣномъ; сынъ отвернулся, а полѣно попало въ маленькую дочь, которая играла на полу, и убило ее тутъ же.

Вотъ до чего доводитъ безумный гнѣвъ: люди дѣлаются дѣтоубійцами.

Помни же это, и держись лучше умной пословицы, которая говоритъ: *дѣтей наказывай стыдомъ, а не кнутомъ.* Да не мѣшаетъ также читать почаще во второй книжкѣ Сельскаго Чтенія статью: *что значитъ вскормить дитя.*

ПИТЬ ДО ДНА НЕ ВИДАТЬ ДОБРА.

Не разъ уже мы толковали, вамъ добрые люди, сколько бѣдъ дѣлаетъ вино; невелика кажется бѣда выпить чарку вина, а глядишь крестьянинъ Демьянъ ноги себѣ отзнобилъ, на вѣкъ калекой пошелъ, оттого, что выпилъ чарку вина,—выпилъ другую, захотѣлось третью, — а тамъ пошелъ заливать безъ счету.

Но крестьянинъ Демьянъ сдѣлалъ зло себѣ, погубилъ свое здоровье, и это плохо, а бываетъ и еще хуже.

Человѣкъ, который держится чарки, кончаетъ всегда тѣмъ, что губитъ свое хозяйство, губитъ свое здоровье, и губитъ свою душу.

Вотъ послушайте-ка, что случилось въ прошломъ году въ Витебской губерніи. Въ Гутовскомъ сельскомъ обществѣ, въ деревнѣ Бочкаровѣ жилъ крестьянинъ Иванъ Никифоровъ; была у него жена, были и дѣти, было и свое хозяйство, — человѣкъ былъ онъ и смирный въ трезвомъ видѣ,—но когда бывало запьетъ горькую—тутъ ему море по колѣно, все ни по чемъ, дѣлается звѣрь звѣремъ. Не разъ сосѣди ему говорили: «ей, уймись Иванъ, брось пить вино вовсе; будешь пить — головы не сносить.»

Иванъ бывало и закается, и не пьетъ мѣсяцъ другой. Тамъ глядишь подвернется пріятель — самъ сатана — поднесетъ рюмку—Иванъ и неустоитъ. Вотъ такъ-то разъ и случилось. Невѣдомо какъ Иванъ очутился въ шинкѣ. Сколько онъ вы-

пилъ не знаемъ; знаемъ только вотъ что: въ кабакѣ Иванъ началъ драться; его въ шею, да подъ бока и вытолкали. Идетъ Иванъ пошатываясь домой и ругается всякими скверными словами. Проходитъ мимо сосѣдняго двора, стоятъ у воротъ двѣ лошади; взошло ему на умъ, что сосѣдъ его обидѣлъ; онъ выхватилъ ножъ, который на ту бѣду случился у него при поясѣ, да и перерѣзалъ обѣимъ лошадямъ горло. Но этимъ еще не все кончилось. Человѣкъ въ бреду, проливши кровь, свирѣпѣетъ еще пуще, точно дикой звѣрь; ему хочется еще больше крови. Иванъ прибѣжалъ къ себѣ на дворъ; сидитъ на завалинѣ дочь его полуторыхъ лѣтъ,—онъ схватилъ ее и давай привязывать за ноги къ воротамъ! — Видно, что Иванъ совсѣмъ помѣшался. — На крикъ несчастной малютки выскочила мать, жена Ивана, давай отнимать; а Иванъ схватилъ косу—и хотѣлъ зарѣзать жену: та бѣжать на улицу, Иванъ за нею. Тутъ сбѣжались сосѣди, и посчастью одинъ ловко вышибъ у Ивана косу. Ивана скрутили по рукамъ и по ногамъ. Стали судить, и разумѣется Иванъ попалъ туда, гдѣ уже пить вина недаютъ, хоть бы и хотѣлось.

—

Ужъ къ слову пришлось, разскажу и еще, что случилось въ другой губерніи.

Въ городѣ былъ базарный день; нашло и наѣхало много народу изъ сосѣднихъ деревень; кто продавать, кто покупать; тутъ же случился и крестьянинъ Тимоѳей, который привезъ продать мѣшка два, три хлѣба. Продалъ и ѣдетъ домой.

Только что выѣхалъ за заставу—идутъ пѣшкомъ человѣкъ пять односелцевъ,—и ужъ маленько навеселѣ.

— Эй! Тимоха! куда ѣдешь?

— Вѣстимо куда, домой. —

— И мы домой,—стало по пути.

— Вѣстимо по пути, да конный пѣшему не товарищъ.

— А ты бы насъ подвезъ.

— Эва! стану я мучить животину даромъ.

— Ну, не даромъ, мы тебѣ поднесемъ; — сворачивай-ка вонъ налѣво, къ питейному.

А что, подумалъ Тимоѳей, почемужъ и не такъ, почему не выпить, если подносятъ; лошадь тѣмъ часомъ отдохнетъ, да вмѣстѣ и ѣхать будетъ веселѣе. Подумалъ, да и поверднулъ къ кабаку. — Поднесъ сначала Петръ, тамъ Иванъ, тамъ Сидоръ. Повеселѣли всѣ; вышли, усѣлись на телѣгу и поѣхали домой. Всѣ похваливаютъ коня.

— А что Тимоха, продай бураго, говорилъ Иванъ.

— Пожалуй, изволь.

— Давай торговаться. Стали торговаться, нашелся и еще охотникъ, Сидоръ, купить ту же лошадь. Вотъ торговаться да поторговаться, Тимоѳей и продалъ лошадь сперва Ивану, а потомъ Сидору; такъ что у коня сдѣлалось вдругъ два хозяина.

Все бы еще не бѣда. Но вдругъ стали спорить кому править лошадью. Спорили сначала на словахъ, потомъ давай вырывать другъ у друга вожжи, а тамъ, пошли ходить кулаки кому подъ бокъ, кому въ зубы, кому подъ затылокъ.

Долго ли они возились на телѣгѣ, — не знаемъ, наконецъ всѣ присмирѣли: глядь у Тимохи глаза подъ лобъ закатились, молчитъ сердечный и не дышетъ. У всѣхъ пріятелей разомъ хмѣль вышибло изъ головы.

Что тутъ дѣлать? вѣдь бѣда, уходили человѣка занапрасно, хоть и ненарокомъ! Погадали да и рѣшили: чтобъ спрятать концы, привѣсить бѣдному Тимоѳею на шею камень, да и пустить въ рѣчку, которая тутъ недалеко протекала.—Хмѣль, а потомъ страхъ отшибъ у всѣхъ разумъ; никому не пришло въ голову, что можетъ быть, Тимоѳей еще и не умеръ, а только въ обморокѣ; что все же нельзя было скрыть бѣды; вѣдь люди же видѣли какъ всѣ пили вмѣстѣ, всѣ сѣли на одну телѣгу и поѣхали...

За розыскомъ дѣло не стало: и скоро наши пріятели очутились въ городѣ, въ кандалахъ, да въ колодкахъ.—Дальше разсказывать нѣчего: кто человѣка убилъ, тому хмѣль не отговорка.

ПРИТЧИ НѢМЕЦКАГО МУДРЕЦА.

—

Вы уже знаете, добрые люди, что на свѣтѣ не одинъ народъ Русскій; что не за горами, не за тридевять земель, а у насъ, пососѣдству, есть народъ Нѣмецкій, народъ христіанскій, хоть и говоритъ другимъ языкомъ. Искусства, наука, ремесло всякое у нихъ въ большомъ почетѣ. Самъ Государь нашъ Петръ Великій ѣздилъ къ нимъ учиться; и теперь не грѣхъ никому у нихъ поучиться: они и сами, хоть народъ и ученый, а все же учатся, и у другихъ народовъ перенимаютъ, если что примѣтятъ доброе и для себя пригодное. Вотъ у этого-то народа Нѣмецкаго жилъ былъ человѣкъ мудрый, ученый. Любилъ онъ науку, а еще больше любилъ людей. Любилъ онъ читать книги, а еще больше любилъ думать о Богѣ и Его твореніяхъ; любилъ онъ глядѣть на міръ Божій,—и чѣмъ больше глядѣлъ, тѣмъ больше замѣчалъ премудрость и промыслъ Божій во всемъ: и въ зеленой травкѣ на лугу, и въ облакѣ поднебесномъ, и въ лепетѣ невиннаго младенца, и въ умной рѣчи взрослаго человѣка.

Много благихъ мыслей вспадало на умъ этому мудрому человѣку; что ему вспадало на умъ, то онъ писалъ, или разсказывалъ; а добрые люди читали да слушали. Вотъ нѣкоторые изъ его разсказовъ, которые для всѣхъ не безъ пользы, кто бы онъ ни былъ: молодой, или старой, Нѣмецъ или Русскій. Хорошее всегда хорошо, откуда бы ни пришло.

—

ПРИТЧА О ЯБЛОКѢ.

—

Однажды люди толковали о счастьи: какое кому счастье суждено. Дѣло было не безъ зависти: больные завидовали здоровымъ, младшіе старшимъ, а особливо, бѣдные богатымъ. Бѣдные утверждали, что только и есть счастье — что въ богатствѣ, и что если человѣкъ богатъ, то все ему ни почемъ.

Мудрецъ, выслушавъ всѣ эти неразумные толки, разсказалъ слѣдующую притчу.

Знавалъ я одного богача, жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ; носилъ тонкое, дорогое платье; сладко ѣлъ, сладко пилъ: каждый день у него на дому было словно пиръ какой. Однажды пріѣхалъ къ богачу въ гости старый другъ; давно ужъ они не видались; на радости, богачъ сдѣлалъ пиршество и созвалъ гостей. На столѣ были поставлены золотыя, и серебряныя блюда, а въ блюдахъ были дорогія яства; кубки также были золотые: а въ кубкахъ пѣнились заморскія вина.

Долго сидѣли друзья за столомъ; ѣли и пили, и были веселы; лишь хозяинъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя и велъ потѣшную рѣчь съ своими гостями. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій другъ сказалъ богачу: «ни гдѣ я не видалъ такого богатства и такой роскоши, какъ у тебя; должно сказать, что нѣтъ человѣка счастливѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ».

Богачъ взохнулъ, взялъ съ золотаго блюда яблоко и подалъ его другу; яблоко было румяно и свѣжо на видъ, — но когда его разломили—въ немъ сидѣлъ червякъ и точилъ его сердцевину.

Всѣ гости съ удивленіемъ посмотрѣли на богача, а богачъ промолвилъ: «то что это яблоко, то и я; съ виду я счастливъ; а никому не замѣтно, что червякъ меня точетъ.»

Съ этими словами богачъ развернулъ свое богатое платье и всѣ увидѣли, что на груди его была страшная, неизлечимая язва, которая называется ракомъ.

«Вотъ мое и счастіе, сказалъ богачъ; что мнѣ въ дорогой яствѣ?—не сладка она мнѣ; что мнѣ въ золотомъ блюдѣ — имъ рану не залечишь; что мнѣ въ деньгахъ,—на нихъ здоровья не купишь»!

И съ тѣхъ поръ перестали завидовать богачу.

—

Что здѣсь о богатствѣ говорится, то и обо всякомъ другомъ дѣлѣ смекай. Не завидуй ни старшимъ, ни сильнымъ, ни богатымъ; имъ можетъ быть, подъ часъ, и твоего грустнѣе. Малая лодка по ручейку ходитъ и рѣдко на нее бѣда бываетъ; большой корабль по морю плаваетъ, да зато бурей его въ дребезги разбиваетъ. Посмотри куда гроза бьетъ? не въ низкій кустарникъ, а въ высокое дерево.

Богъ далъ намъ умъ на то, чтобы могли мы и свое доброе пріумножить, и отъ бѣды охраниться; кто уменъ, да ученъ, тому чаще и удача бываетъ, но Богъ намъ далъ умъ и на то, чтобы въ неудачѣ напрасно не роптать, а поближе посмотрѣть: отчего была неудача, чтобы въ другорядь быть смышленѣе; да еще далъ намъ Богъ умъ на то, чтобы никому не завидовать, и помнить, что у каждаго есть свой червякъ на сердцѣ.

—

ЖИТЕЛЬ АѲОНСКОЙ ГОРЫ.

—

На Аѳонской горѣ жилъ ученый, благочестивый мужъ; съ молоду онъ научился разнымъ наукамъ; зналъ цѣлебную силу травъ и кореньевъ; часто онъ ходилъ по хижинамъ бѣдныхъ людей, лечилъ больныхъ, утѣшалъ умирающихъ. И были ему отъ всѣхъ любовь и почетъ.

Однажды ту страну посѣтила страшная зараза, чума моровая. Люди заболѣвали, и многіе умирали; во всѣхъ хижинахъ были больные, и отвсюду посылали за добрымъ и ученымъ лекаремъ, чтобы пришелъ онъ утѣшить и помочь страждущимъ.

Безъ устали ходилъ по больнымъ добрый лекарь, и раздавалъ лекарство; иногда, когда могъ захватить болѣзнь вовремя, онъ вылечивалъ; но чаще безпечные люди присылали за лекарямъ тогда, когда ужъ больной былъ при послѣднемъ издыханіи; когда уже никакія лекарства помочь не могутъ, а неразумные люди упрекали и бранили добраго лекаря, какъ будто онъ былъ виноватъ въ ихъ безпечности.

Эти упреки оскорбили добраго лекаря; изнемогъ онъ и отъ усталости; и пришло ему на мысль: «зачѣмъ тружусь я для людей, да еще для неблагодарныхъ? зачѣмъ я жертвую собою для неразумныхъ, которые не считаютъ, кому я помогъ моимъ лекарствомъ, а только жалуются, что не вылечиваю полумертвыхъ; зачѣмъ я подвергаю себя опасности заразиться отъ больныхъ, мнѣ вовсе чужихъ? Останусь я спокойно на горѣ; чума сюда не заходитъ; а тамъ внизу пусть заболѣваютъ неразумные—мнѣ дѣла нѣтъ; ихъ вина.»

Въ этихъ мысляхъ онъ пошелъ на гору; вдругъ видитъ онъ, невдалекѣ, растетъ прекрасный цвѣтокъ: и такой онъ красивой; и такой отъ него запахъ.

«Вотъ, подумалъ лекарь, и цвѣтокъ меня томуже научаетъ; растетъ онъ здѣсь на горѣ, красуется, и ни до кого ему нѣтъ дѣла; ему здѣсь хорошо, вѣтерокъ повѣваетъ, солнышко грѣетъ, роса обливаетъ; и растетъ онъ здѣсь не кому другому, а только себѣ на радость. Такъ буду и я жить, думать только о себѣ, а о другихъ не заботиться.»

Между тѣмъ онъ наклонился надъ цвѣткомъ, чтобы лучше его разглядѣть. Смотритъ: внутри цвѣтка — мертвая пчела. Собирая медъ и цвѣточную пыль, она ослабѣла, прилипла къ цвѣтку и замерла.

Лекарь посмотрѣлъ, подумалъ,—и краска стыда выступила у него на лицѣ: «Боже!» сказалъ онъ, «прости моему уны-

нію и неразумію! По Твоей волѣ набрелъ я на этотъ цвѣтокъ, чтобы простое насѣкомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала медъ? не для себя, а для другихъ. Также какъ и мнѣ, ей никто не скажетъ спасибо; также какъ и меня, ее всякой гналъ, а межъ тѣмъ она все трудилась и на трудѣ свою жизнь положила. Прости, Господи! моему унынію и неразумію. Умудри и меня, какъ Ты умудрилъ пчелу медоносицу!»

И снова началъ лекарь собирать цѣлебныя травы, и снова до пота лица сталъ ходить по хижинамъ и помогать больнымъ, утѣшать умирающихъ.

ДОБРА НЕ ЗАБЫВАЙ, ОБИДУ ПРОЩАЙ,

ЛЮБИМАЯ ПОСЛОВИЦА ДЯДИ ИРИНЕЯ.

—

Знавалъ я въ Ростовѣ двухъ купцовъ: одного звали Гаврилой,—другаго Ѳедоромъ; хоть и не родня, но такіе были друзья, что со свѣчкой поискать; съ измолоду хлѣбъ-соль водили; гдѣ одинъ, тамъ и другой: въ подряды-ли, въ поставки-ли, все вмѣстѣ, и барыши пополамъ,—люди были зажиточные; у одного была дочь, у другаго сынъ; и смекали Гаврила съ Ѳедоромъ, что когда ихъ дѣтки подрастутъ, то ихъ бы между собою поженить, чтобы породниться. Но вотъ что случилось:

Однажды, на именинахъ, Гаврила съ Ѳедоромъ подгуляли; а тутъ ужъ, извѣстное дѣло, лукавой того и ждетъ, чтобы на грѣхъ натолкнуть. Вотъ ни съ того ни съ сего, пришло Гаврилѣ въ голову, что Ѳедоръ чрезъ него много пользы получилъ по поставкамъ; и сталъ Гаврила подтрунивать надъ Ѳедоромъ, а Ѳедоръ надъ Гаврилой; отъ шутки пошло дѣло на упреки. «Ты мой хлѣбъ ѣлъ» говорилъ Гаврила; «нѣтъ ты мой хлѣбъ ѣлъ» отвѣчалъ Ѳедоръ; и заспорили пуще прежняго. Хмѣльнымъ было не размыслить, что польза была имъ обоимъ, одному отъ другаго, и польза оттого, что были между ними совѣтъ, да любовь, оттого что вели свои дѣла дружно и помогали одинъ другому. Не о томъ шла теперь у нихъ рѣчь,—а только старались они какъ бы другъ дружку

погорше оскорбить. На бѣду, Гаврила сказалъ какое-то задорное слово,—а Ѳедоръ, нестерпѣвъ обиды, хвать Гаврилу за бороду;—у пьяныхъ ужъ такой обычай. Вотъ друзья чуть было не въ потасовку; насилу ихъ гости растащили и по домамъ развели.

Вотъ на другой день у Гаврилы хмѣль прошелъ, а обида на сердцѣ; и сталъ онъ думать, какъ бы Ѳедору отомстить; думать долго было нечего, дѣла были у нихъ общія, разные счеты и разсчеты; сыскалъ Гаврила какого-то сутягу-подьячаго, выгнаннаго изъ службы за пьянство и взятки, и подьячій разомъ, за цѣлковикъ, настрочилъ Гаврилѣ жалобу въ судъ на Ѳедора. Что было въ той жалобѣ самъ Гаврила не выразумѣлъ, а подписалъ онъ ее потому, что для Ѳедора она была обидчива; и радъ Гаврила что друга доканалъ, анъ не тутъ-то было; Ѳедоръ нашелъ также совѣтника, такого же подьячаго, и тотъ, насупротивъ Гавриловой жалобы, настрочилъ жалобу на Гаврилу отъ Ѳедора. Вотъ и пошло дѣло; а сутяги знай ихъ съ толку сбиваютъ: вотъ то напиши, вотъ тѣмъ упрекни, вотъ такое-то словцо вверни; сбиваютъ Гаврилу съ Ѳедоромъ, да съ нихъ же за то деньги берутъ; подьячіе наживаются, а друзья раззоряются. То смотришь подрядъ лопнулъ, поставка не пошла; а тамъ заводъ продали, а вотъ и дома каменные съ молотка порѣшили. Чѣмъ больше друзья раззорялись, тѣмъ больше серчали, и каждый обвинялъ другаго въ своемъ несчастіи: Гаврила Ѳедора, а Ѳедоръ Гаврилу. Дошло до того, что, хоть съ сумой идти по міру. У Ѳедора еще остался въ городѣ деревянный домишко, а Гаврила давно уже жилъ на квартирѣ, да и за квартиру-то не чѣмъ было платить; съ горя принялся онъ попивать сильно; однажды сидитъ онъ ночью хмѣльной и думаетъ: «Вишь-ты, еще Ѳедоръ въ своемъ домѣ важничаетъ, да онъ же меня обидилъ, а вотъ меня горемышнаго хозяинъ съ квартиры гонитъ,—хоть на улицѣ спи. Не дамъ же я врагу надо мною тѣшиться...» И лукавой шепнулъ на ухо Гаврилѣ страшный грѣхъ: поджечь домъ у Ѳедора. «Авось» говоритъ не узнаютъ «а врага-то я славно доканаю.»

И съ такою грѣшною мыслію, вышелъ Гаврила изъ дома; дѣло шло ужъ къ утру; къ заутрени звонили; идетъ Гаврила мимо церкви,—видно Ангелъ Божій сжалился надъ грѣшною душою Гаврилы и вложилъ ему желаніе въ церковь войти; церковь только что отворили, никого еще изъ міранъ не было; Гаврила вошелъ, перекрестился, смотритъ на иконы и обомлѣлъ, какъ будто онъ ихъ въ первый разъ видитъ.

На первомъ образѣ Спаситель, въ раздранной ризѣ предъ Пилатомъ и Иродомъ, и внизу надпись: *Онъ не поносилъ, когда его поносили.* На другомъ образѣ истязаніе Спасителя, и внизу надпись: *Онъ не грозилъ хотя и страдалъ.* На третьемъ образѣ распятіе Спасителя, и внизу надпись: «*Отче, прости имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ.*» Гаврила долго смотрѣлъ на образа: вдругъ слезы брызнули изъ глазъ, онъ упалъ на колѣни, сталъ молиться...

Въ эту минуту вошелъ въ церковь Ѳедоровъ артельщикъ и прямо къ Гаврилѣ. «Я васъ ищу» сказалъ онъ, «Ѳедоръ Яковлевичъ сильно занемогъ и проситъ васъ съ нимъ видѣться.» Гаврила пошелъ за артельщикомъ. При входѣ его въ комнату, гдѣ лежалъ больной, Ѳедоръ сказалъ: «Гаврила! виноватъ я передъ тобою! прости меня!» Мнѣ не въ чемъ прощать тебя, братъ Ѳедоръ! отвѣчалъ Гаврила; они подали другъ другу руки, обнялись, и оба долго плакали.

И какъ будто примиреніе съ другомъ было для больнаго лекарствомъ; оно успокоило его душу, успокоило и тѣло. Мало по малу Ѳедоръ началъ оправляться, а потомъ и совсѣмъ оправился; Гаврила съ Ѳедоромъ, прогнавши сутягъ, снова дружно принялись за дѣло; мудрено было поправить, что они сами, по глупой ссорѣ разстроили, и часто они жалѣли и обвиняли себя въ такомъ неразуміи, — но все-таки, съ горемъ пополамъ, они принялись за прежнюю работу, — и къ утѣшенію замѣтили, что работа вдвоемъ дѣлалась сподручнѣе годъ отъ года. Трудно имъ было, но по крайней мѣрѣ при добромъ мирѣ, по міру не пошли.

ГЛУПАЯ ЗАБАВА.

—

Вотъ какой случай былъ въ одномъ селѣ: два крестьянскіе мальчика Петръ и Егоръ, лѣтъ по 12-ти каждому, гуляли на задворкахъ. Былъ день воскресный; старшіе, по обычаю, пошли въ ближній кабакъ, вишь, будто бы, тѣмъ праздникъ почествовать; ребятишки остались одни; скучно имъ показалось, дай что нибудь затѣять. На задворкахъ паслась лошадь; ребятамъ пришла охота прокатиться на ней верхомъ. Оно бы и ничего, да вотъ бѣда: они вздумали оба взобраться на лошадь: спереди сѣлъ Егоръ, а сзади Петръ. Петру пришло на умъ сѣсть лицомъ къ хвосту,—да этого мало, онъ возьми конецъ хвоста, да и привяжи себѣ къ поясу; вотъ они такъ и усѣлись. Егоръ ну толкать лошадь ногами въ бокъ, она побѣжала, а на лошади не было ни узды, ни повода; Егоръ схватился за гриву, а Петру не зачто было и схватиться; между тѣмъ лошадь понесла шалуновъ; Егоръ отдѣлался тѣмъ, что упалъ съ лошади; за нимъ упалъ и Петръ, но, какъ на бѣду онъ привязалъ себя къ хвосту за поясъ, то, свалившись съ лошади, повисъ на хвостѣ. Лошадь, разумѣется, начала лягать и бить Петра копытами;—за двѣ версты отъ села онъ оторвался отъ хвостà, но уже мертвый.

Вотъ и вся радость отъ глупой забавы, а отчего глупая забава на умъ приходитъ? оттого что человѣку, особливо молодому, бываетъ скучно. А отчего бываетъ ему скучно? оттого

что не умѣетъ ни чѣмъ заняться. А отчего не умѣетъ заняться? оттого что къ тому не пріученъ, добрыхъ совѣтовъ не слыхалъ, грамотѣ не знаетъ. Лучше было бы старшимъ въ воскресенье не въ кабакъ идти, а взять добрую книжку, грамотнаго заставить читать, а самимъ слушать, да и малыхъ дѣтей къ тому пріучать. Тогда бы и Петръ тутъ же бы сидѣлъ; не пришло бы ему въ голову къ хвосту лошадиному привязаться.

ПОЖАЛѢЕШЬ ЛЫЧКО, ЗАПЛАТИШЬ РЕМЕШКО.

—

Всякой думаю, знаетъ какая страшная болѣзнь бываетъ у собакъ,—болѣзнь эта называется бѣшенствомъ. Страшна же она не потому только, что отъ нея умираетъ та собака, которая сама заболѣетъ; но потому что бѣшеная собака бросается на другихъ собакъ, на домашнюю скотину и на людей, и кусаетъ всѣхъ; а у всякаго, кого укуситъ бѣшеная собака, дѣлается такая же болѣзнь, т. е. бѣшенство, если не захватишь и оставишь безъ леченья; когда упустишь время, тогда уже ничто не поможетъ; человѣка сначала одолѣваетъ тоска, потомъ онъ теряетъ разсудокъ, бросается на людей, хочетъ кусаться, волосы у него поднимаются дыбомъ, мучитъ его нестерпимая жажда, а пить не можетъ, кожа сохнетъ, и наконецъ человѣкъ умираетъ въ страшныхъ мукахъ.

Надобно же и то знать, что бѣшенство въ собакѣ или въ другомъ укушенномъ бѣшеною собакою животномъ, не вдругъ показывается. Проходитъ нѣсколько дней, иногда нѣсколько недѣль; кажется, что собака здорова, — а потомъ вдругъ начинаетъ кусаться, и тогда бѣда.

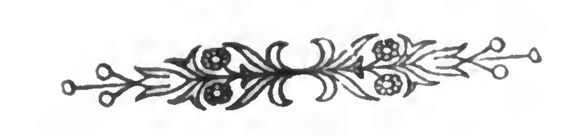
Вотъ что случилось въ прошломъ году въ одномъ селѣ Московской губерніи: принадлежавшая священнику того села, собака взбѣсившись отъ неизвѣстной причины, укусила на дворѣ корову, потомъ бросившись на улицу, укусила поросенка и нѣсколько собакъ, и наконецъ, вбѣжавши на дворъ крестьянина Василья, укусила собаку, да лошадь, и тогда же Василій вбѣжавшую собаку убилъ. Крестьяне узнали обо всемъ

этомъ и міромъ положили: убить какъ укушенную корову и поросенка, такъ и всѣхъ своихъ собакъ,—потому что нельзя было знать, которая была укушена бѣшеною собакою, которая нѣтъ.

Какъ сказано такъ и сдѣлано; только одинъ Василій не совсѣмъ послушался міра — поумничалъ, убилъ только одну свою собаку, лошадь пожалѣлъ, не тронулъ, потому де, что онъ будто заподлинно невидалъ, укусила ли ее бѣшеная собака или нѣтъ, а самъ подумалъ: Богъ милостивъ, авось и такъ пройдетъ. Что же вышло? чрезъ нѣсколько дней лошадь Васильева взбѣсилась, и перекусала лошадей у крестьянина Ермилова.

А лошадь Ермилова въ свою очередь взбѣсилась, бывши въ стадѣ, и перекусала 28 коровъ и овцу. И Богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не вступилось начальство, и не сдѣлало всего, что надобно, чтобы избавить село, а можетъ быть и сосѣднія, отъ бѣды неминучей.

Такъ вотъ какія бываютъ бѣды оттого, что человѣкъ не слушаетъ ни своего разума, ни умныхъ людей, но чтобъ сохранить свою какую нибудь пользишку, забываетъ, что всѣмъ другимъ ближнимъ своимъ можетъ тѣмъ бѣду страшную сдѣлать, и такъ поступаетъ не по разсудку, а полагаясь на глупое *авось*, да *живетъ*.

ХРАБРАЯ ѲЕКЛА.

Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, въ деревню Коняеву ворвался волкъ; но случившіеся на улицѣ крестьяне прогнали его. Звѣрь кинулся бѣжать вдоль рѣки, гдѣ, по несчастію, въ то время ходили въ оврагѣ четыре крестьянскія дѣвочки: Настасья — 13-ти, Ѳекла—11-ти, Степанида—10-ти и Дарья—7-ми лѣтъ.

Разъяренный звѣрь бросился на нихъ, и сначала схватилъ самую меньшую, Дарью; но она успѣла вырваться и убѣжать въ деревню. Тогда волкъ бросился на Степаниду, схватилъ ее пастью, перекинулъ себѣ на спину, и скрылся въ кусты.

Изъ двухъ оставшихся на мѣстѣ дѣвочекъ, одна Ѳекла не потерялась. Старшую Настасью она послала въ деревню людей звать на помощь, а сама схватила палку и побѣжала за волкомъ. Волкъ же былъ недалеко: остановясь за ближними кустами, онъ грызъ несчастную Степаниду, а она бѣдная громко вопила и стонала. Ѳекла не только не оробѣла, но еще съ большею смѣлостію подбѣжала къ волку, крича и махая палкою. Звѣрь не выпускалъ добычи изъ своихъ челюстей. Ѳекла продолжала кричать, подвигаясь ближе и ближе, такъ что наконецъ стала у волка предъ глазами, все махая палкою. Тогда волкъ озлился, бросилъ изгрызенную дѣвочку, поднялся на ноги и оскалилъ кровавые зубы на ея защитницу. Ѳекла и тутъ не испугалась: она заслонила собою израненную подругу, и, продолжая махать палкою, успѣла дать время Сте-

паниде исползти кое-какъ на берегъ оврага; но тутъ оставили ее силы, и она упала на землю въ изнеможеніи; здѣсь нашла ее Настасья, возвращавшаяся изъ деревни и понесла домой.

Между тѣмъ Ѳекла видя, что подруга спасена, стала отступать и сама, отмахиваясь палкою отъ звѣря, который въ свою очередь, свирѣпѣя болѣе и болѣе, не отставалъ отъ дѣвочки,—но къ счастію уже бѣжали изъ деревни на помощь взрослые люди, и волкъ, испугавшись крика, повернулся и пустился бѣжать въ лѣсъ.

Такъ, съ Божіею помощію, одинадцатилѣтняя Ѳекла, отбила у свирѣпаго звѣря свою подругу, а самую ее спасъ Господь за такое доброе дѣло. Спасенную Степаниду принесли въ деревню безъ чувствъ; но раны были не смертельныя; ее стали лечить, и она выздоровѣла.

—

Когда начальство донесло Государю Императору о такомъ похвальномъ дѣлѣ, то Его Императорское Величество приказалъ наградить одинадцатилѣтнюю Ѳеклу серебряною медалью для ношенія на груди, съ надписью «за спасеніе погибавшихъ».

НЕУСТРАШИМЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Въ Ковенской губерніи, въ городѣ Шавляхъ, Казиміръ Глосовскій, по бѣдности жилъ въ сушильнѣ своего сосѣда Александровича. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1845 года Глосовскій отлучился въ городъ Россіены. Дома осталась жена Глосовскаго и трое малолѣтныхъ дѣтей: дочь Ѳекла 6-ти лѣтъ, и сыновья Петръ 4-хъ и Михайла 3-хъ лѣтъ. Мать затопила печку и вышла на время изъ дома, посмотрѣть скотину. Что дѣлали оставленныя безъ присмотра дѣти, неизвѣстно, — а навѣрное, по неразумію, стали шалить съ огнемъ, потому что въ сушильнѣ сдѣлался пожаръ. Первый замѣтилъ это девятилѣтній мальчикъ Калиникъ, сынъ хозяина, игравшій на дворѣ.

Не думая долго, Калиникъ бросился въ сушильню; видитъ, что пламя обхватило дѣтей.—Онъ схватилъ ихъ въ охапку и вытащилъ на дворъ. Межъ тѣмъ прибѣжали и взрослые; пожара потушить уже было невозможно, сушильня сгорѣла, но трое дѣтей были спасены неустрашимостію 9-лѣтняго Калиника.

НЕ ШУТИ СЪ ОГНЕМЪ.

—

Къ слову пришлось завести рѣчь о пожарахъ. ДядяИриней уже не разъ говорилъ вамъ, добрые люди, о томъ какъ надобно бережно обращаться съ огнемъ; можетъ быть слова дяди запали на сердце многимъ изъ васъ, да все-таки видно не всѣмъ; то и дѣло слышно—тамъ сгорѣло два двора, тамъ гумно со всѣмъ хлѣбомъ, тамъ вся деревня выгорѣла дотла,—тамъ въ городѣ фабрика занялась, да пожарные отстояли; тамъ лѣсъ горѣлъ двѣ недѣли и народъ сгоняли изъ сосѣднихъ селъ тушить,—да не въ моготу было совладать съ огнемъ; ужъ смиловался видно Господь Богъ: пошелъ дождь и потушилъ огонь въ лѣсу, а все-таки выгорѣло его видимо не видимо. А загорѣлся-то лѣсъ, сказываютъ, оттого, что ребята сбирали грибы, да насбиравши вздумали ихъ испечь,—разложили огонь, грибы-то испекли и съѣли, а огня не залили, да и ушли домой.

А какъ выгорѣлъ лѣсъ, такъ сосѣднія деревни и стали трубить въ кулакъ: не чѣмъ и избы починить, не чѣмъ и топить, не гдѣ и лучины взять. Да это въ одномъ только мѣстѣ такая бѣда сдѣлалась отъ огня; а знаете ли, братцы, сколько убытка бываетъ отъ пожаровъ по цѣлой Россіи? никому, чай, изъ васъ и въ голову этого не приходило. А вотъ слушайте же: о всякомъ пожарѣ извѣстно начальству, и когда онъ былъ, и отчего приключился, и на сколько сгорѣло всякаго добра. Какъ пройдетъ годъ, то и сосчитываютъ всѣ

пожары вмѣстѣ. Вотъ какъ сосчитали такъ и вышло, что въ 1842 году сгорѣло всякаго имущества, на 9.478,465 руб. сер.

Въ 1843 году		6.808,354 —
— 1844 —		6.868,958 —
— 1845 —		10.684,084 —
— 1846 —		5.818,125 —
А въ 5-ть лѣтъ		на 39.152,986 руб. сер.

Да этого мало; при этихъ пожарахъ, опричь скота и всякаго крестьянскаго добра, сгорѣло людей:

Въ 1842 году		409 человѣкъ.
— 1843 —		422 —
— 1844 —		389 —
— 1845 —		380 —
— 1846 —		419 —
		А всего 2,019 человѣкъ.

Такъ вотъ въ пять лѣтъ сгорѣло домовъ, строеній и всякаго добра на 40 милліоновъ рублей серебромъ! Да сверхъ того и сказать страшно, народа погибло больше 2-хъ тысячь человѣкъ! А отчего—такая бѣда?

— «На то Божій гнѣвъ» скажутъ многіе. Да, только Божій гнѣвъ бываетъ за то, что сами неопасливы и неразумны, и все полагаемся на *авось* да на *живетъ*. Береженаго же и Богъ бережетъ.

Правда, бываютъ пожары и отъ молніи,—да только такихъ пожаровъ не много, и тѣ бываютъ лѣтомъ; а большая часть пожаровъ случается съ осени, когда въ городахъ начинаютъ топить печи, а сажи изъ трубы не вычистятъ, да не посмотрятъ нѣтъ ли гдѣ трещины въ печи или въ боровѣ; иная печка ужъ почти развалилась, а хозяинъ съ года на годъ все сбирается ее починить, да не чинитъ,—думая—авось и такъ Богъ помилуетъ,—а случится бѣда—на Бога ропщетъ, говоря, что ему видно несчастье на роду написано. А на чтоже Богъ далъ и разумъ человѣку, если не на то, чтобы и себя

и своихъ родныхъ отъ бѣды оберегать и видѣть отъ какой причины бѣда бываетъ.

А въ деревняхъ и того хуже: начинаютъ топить овины; да въ ту же пору начинаютъ гулять и праздновать, пробовать новый солодъ и новый хмѣль, при новой лучинѣ; а ужъ гдѣ хмѣль тутъ добра не жди; онъ и топитъ, и морозитъ, и сжетъ людей, словомъ губитъ человѣка вездѣ и всячески.

Да еще случаются страшные пожары отъ нехорошаго обычая пускать по степи палы, да отъ дурной привычки раскладывать огонь въ лѣсахъ и не тушить.

Вотъ, что случилось въ 1845 году, Тобольской губерніи, въ Юдинской волости. Мальчишки пасли въ лѣсу лошадей, разложили огонь, чтобъ погрѣться; погрѣлись и пошли дальше, а огня не залили. Межъ тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ; загорѣлся лѣсъ, изъ лѣса пожаръ пошелъ по степи, по полямъ, и менѣе чѣмъ въ сутки прошелъ въ длину на 200 верстъ и въ ширину на 60. Огонь добрался до деревень; страшное было дѣло: бѣдные жители отъ страха бѣжали куда кто могъ, а огонь настигалъ ихъ; одна деревня, въ которой было больше 40 дворовъ, сгорѣла до тла со всѣмъ крестьянскимъ добромъ; въ другихъ деревняхъ сгорѣло 13 мельницъ, 1850 овиновъ хлѣба, 77,000 копенъ сѣна, 665 лошадей, 915 головъ рогатаго скота, — и, страшно сказать, 25 человѣкъ сгорѣли совсѣмъ, а 27 обгорѣли и скоро умерли!

СОВѢТЫ НА СЛУЧАЙ ПОВАЛЬНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Когда въ народѣ есть повальная болѣзнь, тогда всякій немножко боленъ, или, какъ говорятъ, имѣетъ расположеніе къ болѣзни.

Такъ, когда, на примѣръ, бываютъ повальныя лихорадки, у инаго еще и нѣтъ настоящей лихорадки, а чувствуетъ по временамъ ознобъ, или жаръ, или головную боль; поберегся человѣкъ и такъ пройдетъ; не поберегся, простудился или съѣлъ чего много, или хоть и немного, да что нибудь вредное, вотъ и схватилъ лихорадку.

Такъ и во всѣхъ повальныхъ болѣзняхъ. Но болѣзнь на болѣзнь не всегда похожа; знающіе люди замѣчаютъ за всякою болѣзнію, и Начальство объявляетъ, какъ отъ какой болѣзни повальной себя предостерегать, уповая на помощь Божію. Противъ одной болѣзни надобно иначе себя предостерегать, нежели противъ другой; противъ чумы, на примѣръ, лучшее средство не касаться ни до платья ни до бѣлья зараженныхъ; но въ холерѣ другое; въ холерѣ главное: быть самому осторожнымъ въ пищѣ и питьѣ, и наблюдать чистоту и въ комнатѣ, и на себѣ.

Крестьяне обыкновенно говорятъ: какъ намъ бѣднымъ уберечься? Живешь, и ѣшь, и пьешь какъ попало.» Это вовсе несправедливо: ходить въ баню, хоть разъ въ недѣлю, чистить свое платье и обувь; подметать избу, выносить соръ, отворять окошко, чтобы освѣжить воздухъ, провѣтривать постелю—все это всякій можетъ, и богатый, и бѣдный; но если кто привыкъ входить въ избу, необтерши ногъ, да еще такъ и спать ложится; кто ни платья, ни постелю на дворѣ никогда не провѣтриваетъ, даже ни разу въ мѣсяцъ; кто избы своей не мететъ и пола не моетъ, да еще, какъ бываетъ сплошь да рядомъ, свиней, телятъ держитъ не въ хлѣву, а въ избѣ, — у того въ избѣ вся эта нечистота гніетъ, отъ гнили портится воздухъ, а при испорченномъ воздухѣ всѣ болѣзни приходятъ. Многіе о томъ вовсе и не

думаютъ, а потомъ жалуются, что больны, и что лекарство имъ не помогаетъ.

О пищѣ тоже можно сказать: — толкуютъ что здоровому все здорово, да и ѣдитъ все безъ разбору: сырые огурцы, капусту, лукъ, квасъ, — да еще наровитъ какъ бы побольше съѣсть. А отъ этого и въ здоровое время приключается болѣзнь, а въ нездоровое и подавно. Лучше ѣсть въ полсыта, примѣромъ теплую похлебку да кашу, — какая бы она ни была.

Народъ, который работаетъ и живетъ въ городахъ, покупаетъ себѣ, почитай, каждый день пищу; а вѣдь все равно, что покупать изъ лавочки лукъ, квасъ, капусту и огурцы, или заплатить стряпухѣ, чтобы она сварила что нибудь горячее: похлебку и кашу; деньги все тѣже.

А что сказать о тѣхъ рабочихъ людяхъ, которые вмѣсто того, чтобы на пятиалтынный или двугривенный припасти здоровый обѣдъ, несутъ его въ кабакъ? Богъ имъ судья, и не на кого имъ жаловаться, какъ на самихъ себя.

Есть правило для предостереженья себя отъ болѣзни: разгорячившись не пить холодной воды или квасу; это также для всякаго возможно.

При холерѣ хорошо напримѣръ: носить на животѣ лоскутъ сукна? это также дѣло не мудреное, у всякаго лоскутъ сукна найдется, да и добрые люди въ этомъ помогутъ. Все это не бѣда.

Бѣда настоящая въ томъ, что простые люди ни чему этому не вѣрятъ; они думаютъ, что, если придти болѣзни, такъ придетъ, а не придти такъ не придетъ. Разумѣется, воля Божія; но Богъ же далъ намъ умъ и разумѣнье, чтобы мы могли различить, что намъ въ пользу, и что во вредъ. Во всякомъ домѣ есть окошки—могу я изъ окошка нечаянно упасть, могу и выкинуться; кто не остережется, сидя на окошкѣ, тотъ навѣрное упадетъ; кто не остережется во время повальной болѣзни, тотъ непремѣнно занеможетъ. Вотъ, напримѣръ, заподлинно извѣстны такіе случаи: человѣкъ пилъ, пилъ цѣлый день и разнемогся, — ночью его схватила жажда,—

съ похмѣлья онъ цѣлое ведро квасу выпилъ; рапомъ у него приключилась холера, рвота, понось, судороги, — кого тутъ винить, если не самого себя?

А иной набросится на сырые, зеленые яблоки, послѣ Спаса—и давай ихъ утирать,—а тутъ смотришь рѣзь въ животѣ, а тамъ холера, а тамъ и Богу душу отдалъ.

Другая бѣда, что простые люди больше вѣрятъ глупымъ знахаркамъ, нежели лекарю, который цѣлый вѣкъ съ больными возится, стало быть больше и болѣзнь, и настоящее лекарство отъ нея знаетъ. А простые люди думаютъ, что примутъ они какое либо глупое снадобье, или привѣсятъ на себя какую нибудь наговоренную тряпочку, то это ихъ отъ всѣхъ болѣзней предохранитъ, а настоящаго береженья не знаютъ и знать не хотятъ. Очень не разумно такіе люди поступаютъ.

Есть живой примѣръ, что значитъ порядочная жизнь, опрятная, чистоплотная и благоразумная; однимъ словомъ: жизнь не на *авось* и не на *живетъ*. Въ Саратовской губерніи есть селеніе Сарепта; въ немъ живутъ колонисты, такіе же крестьяне какъ и въ сосѣднихъ селахъ, только каждый изъ нихъ живетъ опрятно, набюдаетъ за чистотой воздуха, за чистотой платья; поросятъ и телятъ въ избѣ не держатъ; исполняетъ въ точности предписаніе Начальства и совѣтъ лекарей;—это селеніе лежитъ на той самой дорогѣ, гдѣ шла холера въ 1830 и 1847 годахъ; не было ни карантина, ни оцѣпленія, всѣ проходили черезъ Сарепту, какъ и черезъ другія селенія, и Сарептскіе колонисты равно ходили въ другіе города и деревни; но холера не коснулась Сарепты—не за кого ей было ухватиться; она не нашла ни однаго пьяницы, ни одного неряхи; не застала никого въ расплохъ за квасомъ съ лукомъ, яицами или съ грибами; не умытаго, нечесанаго, на вонючей постели. Чистый воздухъ, вымытый полъ въ избахъ Сарептскихъ колонистовъ не понравился холерѣ, она пронеслась мимо, не задѣвъ ни кого; а пошла отыскивать тѣхъ, кто живетъ рукава спустя, на пропалую,—въ дряни и въ навозѣ, на голомъ полу съ поросятами.

—

Кто хочетъ нашего совѣта добраго, и отъ души, послушаться, тотъ исполняй слѣдующее:

1. Держи избу чисто; мети каждый день, разъ въ недѣлю мой; скотину держи особо въ хлѣву, а не въ избѣ.

2. Каждый день, хоть пока печка топится, отворяй окно.

3. Постель хоть въ двѣ недѣли разъ на дворѣ выколачивай.

4. Хоть разъ въ недѣлю въ баню ходи.

5. Выходя со двора съѣшь хоть кусокъ хлѣба съ солью; кто пьетъ, можно и рюмку горькой настойки выпить, но не больше, потому что больше, будетъ во вредъ.

6. Сыраго ничего не ѣшь: ни капусты, ни какихъ овощей; грибы также вредны.

7. На брюхѣ носи лоскутъ сукна.

А наконецъ, уповай на Божію помощь и исполняй, что Начальство, которое во всѣ наши нужды входитъ, на такіе случаи предписываетъ, — да спрашивайся лекаря, и что лекарь прикажетъ, то исполняй въ точности, а самъ не мудри, «что оно, вишь, такое приказано, что не въ обычаѣ, и чего дѣды не знали». Мало-ли чего дѣды не знали! они не знали какъ и оспу привить, какъ и картофель садить, и молотиленъ не знали; не знали какъ люди по желѣзной дорогѣ безъ лошадей ѣздятъ, и какъ пароходы по водѣ противъ теченія и противъ вѣтра ходятъ; не знали они какъ и лихорадку и огневицу лечить, и житье ихъ было не въ примѣръ хуже нашего. Нынѣ люди смышлены стали, многое свѣдали, и до многаго дошли грамотою, да наукою, чего дѣдамъ и въ голову не приходило. Теперь дѣло всякаго человѣка смекать, что идетъ на пользу, такъ само по себѣ, а не потому только, что въ старь дѣлывали. Старь у старыхъ бабъ осталась, да съ ними и помретъ; а мы, разумные люди, не на старь смотримъ, а на то, что намъ Начальство для нашей пользы указало.

О ТОМЪ, ЧТО ВЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ЕСТЬ, КѢМЪ РАЗСКАЗАНО, И НА КОТОРОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА ИЛИ СТРАНИЦѢ НАПЕЧАТАНО.

—

